

СТИВ БЕРРИ

ПРОРОЧЕСТВО
РОМАНОВЫХ

КНИЖКАМИКА КИТАЙСКИЙ ЦЕНТР

Россия. Москва. Наши дни. В стране по результатам всенародного референдума решено восстановить монархическое правление. Русская мафия на американские деньги готовит подставного кандидата в монархи. Юрист Майлз Лорд, помощник представителя заокеанских инвесторов, получает задание найти в архивах подтверждение тому, что выдвинутый кандидат действительно ближайший потомок рода Романовых. Но вместо этого он выходит на след детей Николая Второго — Алексея и Анастасии, которых на самом деле не расстреляли, а тайно вывезли в Америку, где они прожили до конца своих дней под вымышленными именами. Мало того, у Алексея остался сын. Он-то и есть единственный законный наследник. И эта тайна может стоить Майлзу жизни

Стив Берри Пророчество Романовых

Посвящается Эми и Элизабет

Россия — страна, в которой небываемое бывает.

Петр Великий

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь.

М. Ю. Лермонтов (1830)

Россия — загадочный черный континент, «загадка, упакованная в тайну, спрятанную в непостижимость», говоря словами Уинстона Черчилля, страна далекая, недоступная для иностранцев, необъяснимая даже для своих жителей. Таков миф, который поддерживают сами русские, предпочитающие, чтобы никто не открыл, кто они такие на самом деле и как они живут.

Роберт Кайзер. Россия: народ и власть (1984)

Несмотря на все испытания, несмотря на все ошибки, историю России конца [двадцатого] столетия следует рассматривать как оживление, как возрождение.

Дэвид Ремник. Возрождение: борьба за новую Россию (1997)

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ ИСТОРИИ РОССИИ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЙСТВИЕМ РОМАНА

11 (21) февраля 1613 года— Михаил Федорович Романов провозглашен царем.

20 октября (1 ноября) 1894 года— Николай II восходит на престол.

5 (17) апреля 1898 года— Николай II дарит своей матери пасхальное яйцо «Ландыши»

работы Карла Фаберже.

3 (16) декабря 1916 года— убийство Распутина Феликсом Юсуповым.

2 (15) марта 1917 года— Николай II отрекается от трона; арест царской семьи.

Октябрь 1917 года— большевистская революция; Ленин захватывает власть.

1918 год— начало Гражданской войны в России; белые сражаются против красных.

17 июля 1918 года— Николай, его жена Александра и пятеро детей зверски убиты в Екатеринбурге.

Апрель 1919 года— Феликс Юсупов бежит из России.

1921 год— окончание Гражданской войны в России; красные под предводительством Ленина торжествуют победу.

27 сентября 1967 года— смерть Феликса Юсупова.

Май 1979 года— под Екатеринбургом обнаружено место захоронения Николая II и его семьи.

Декабрь 1991 года— распад Советского Союза.

Июль 1991 года— эксгумация останков Николая II и его семьи; останки двух детей императора в общей могиле не обнаружены.

1994 год— останки однозначно идентифицированы, однако так и не найдено информации о судьбе двоих пропавших детей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея написать этот роман появилась во время экскурсии по Кремлю. Экскурсовод постоянно упоминала «третий Рим». Мне это понятие было незнакомо, и экскурсовод объяснила, что Иван Великий, правивший Россией в пятнадцатом веке, как-то сказал: «Два Рима пали [имея в виду Рим и Константинополь], а третий стоит [Москва], а четвертому не бывать». Эта интригующая мысль тотчас же захватила мое воображение, и через несколько дней родился сюжет, связанный с Николаем II и убийством его семьи, а также с политической борьбой в современной России.

Первоначально роман назывался «Четвертый Рим» — по очевидным причинам. Но когда издательство купило рукопись, редактор посчитал нужным изменить название. Если писателя зовут Стивен Кинг, он может называть свою книгу, как ему вздумается. Но если писателя зовут Стив Берри, то приходится привлекать читателей названием. Мы сразу же решили, что книга должна называться «Что-то о Романовых». И вот мы перебрали с сотню существительных, мучительно ломая голову над каждым, пока наконец мой агент Пам Эйхерн не предложила «пророчество».

Получилось превосходно.

Меня часто спрашивают, какие исследования я проводил, работая над книгой. Найти первичные и вторичные источники о семье Романовых и Николае II было просто. Проблема заключалась в их противоречивости. Я прочитал воспоминания многих очевидцев, и разногласия между ними были просто вопиющие. Я даже засомневался, действительно ли все эти люди присутствовали при одних и тех же событиях. В этой книге приводится русская поговорка: «Лжет как свидетель», и она, как мне кажется, попадает в самую точку.

Майлз Лорд, главный герой «Пророчества Романовых», остается одним из моих любимых персонажей. Я не хочу его терять, как мир потерял Романовых, поэтому, возможно, он как-нибудь возвратится в новых книгах о его приключениях в России. Меня часто спрашивают, есть ли в Майлзе что-либо от меня. Разумеется, мы оба юристы, и мы оба, бывая в России, посещали одни и те же места. Но на этом сходство заканчивается. Мне бы хотелось быть больше похожим на него.

Работая над этой книгой, я много узнал. Я узнал о судьбе Николая II и его семьи, об императорском дереве (павловнии войлочной), распространенном на западе Северной Каролины, о странной личности Феликса Юсупова, о предсказаниях Распутина, с пасхальных яицх Фаберже и поразительных борзых. И меня удивил успех, который выпал на долю «Пророчества Романовых». Как и первый мой роман, книга стала бестселлером. К настоящему времени она вышла в восемнадцати странах. И каждый раз, когда я вижу ее на полке, я вспоминаю тот день и прогулку по Кремлю.

Надеюсь, книга вам понравится.

Стив Берри
Август 2006 года

ПРОЛОГ

*Александровский дворец
Царское Село, Россия
28 октября 1916 года*

Российская императрица Александра Федоровна услышала стук распахнувшейся настежь двери и отвернулась от кровати, впервые за несколько часов оторвав взгляд от неподвижного ребенка под одеялом.

В спальню ворвался ее друг, и она залилась слезами.

— Наконец, отец Григорий! Хвала всемогущему Господу! Алексей в тебе страшно нуждается.

Подсев к постели, Распутин изобразил крестное знамение. Его синяя шелковая рубаша и бархатные шаровары пропахли водкой. Впрочем, это смягчало обычно исходившую от него вонь, из-за которой фрейлины за глаза называли Распутина козлом. Но Александре Федоровне не было дела до запаха. Если он исходил от отца Григория.

Императрица несколько часов назад послала гвардейских офицеров на поиски Распутина, вспомнив о том, что он любил проводить время с цыганами в пригородах столицы. Сколько раз он кутил ночами напролет в обществе проституток! Докладывали даже, что он маршировал по столу со спущенными шароварами, похваляясь, каким наслаждением одарял придворных дам его здоровенный орган. Александра Федоровна отказалась верить в эти рассказы о своем друге и устроила так, чтобы принесший новость офицер получил назначение подальше от столицы.

— Я искала тебя с самого вечера.

Однако все внимание Распутина было приковано к ребенку. Отец Григорий рухнул на колени перед кроватью. Алексей пребывал без сознания. После обеда цесаревич играл в саду и упал. Через два часа начались приступы боли.

Затаив дыхание Александра Федоровна следила, как Распутин отдернул одеяло и изучает правую ногу, посиневшую и уродливо распухшую. Под тонкой кожей бешено пульсировала кровь, гематома достигла размеров небольшой дыни, ребенок прижимал ногу к груди. На бледном, осунувшемся лице цесаревича резко выделялись черные мешки под глазами.

Императрица нежно погладила сына по светлым волосам.

Слава богу, крики прекратились. Спазмы приходили со зловещей неотвратимостью каждые четверть часа. От высокой температуры у мальчика начался бред, от тихих стонов сына у матери разрывалось сердце.

Алексей пришел в сознание всего на несколько минут и начал умолять:

— Господи, смилуйся надо мной. Mamочка, ты мне поможешь?

Потом он спросил, прекратится ли боль, если он умрет. Александра Федоровна не нашла в себе сил сказать ему правду.

Что она натворила? Во всем виновата она. Хорошо известно, что вероятность заболеть гемофилией передается по женской линии, хотя сами женщины никогда ею не болеют. Дядя, родной брат, племянники императрицы умерли от этой болезни. Но она не считала себя

носителем. Рождение четырех дочерей ничему ее не научило. И лишь когда двенадцать лет назад появился долгожданный сын, всплыла жестокая действительность. До родов ни один врач не предостерег Александру Федоровну о такой возможности. Но спрашивала ли она? А никто из них сам не вызвался. Даже на прямые вопросы нередко следовали пустые, уклончивые ответы. Вот чем отец Григорий отличался от всех остальных. Старец никогда не замалчивал правду.

Закрыв глаза, Распутин застыл рядом с больным мальчиком. Всклокоченная борода усыпана крошками засохшей еды. На шее болтался золотой крест, подарок императрицы. Распутин крепко его стиснул. Комната освещалась одними свечами. Распутин что-то бормотал, но Александра Федоровна не могла разобрать слов. И не смела ничего сказать. Она, царица, никогда не перечила отцу Григорию.

Только он мог остановить кровотечение. Его руками Господь оберегал Алексея. Цесаревича. Единственного наследника престола. Следующего российского царя.

Но чтобы стать царем, Алексей должен выжить.

Мальчик открыл глаза.

— Не бойся, Алеша, все будет хорошо, — прошептал Распутин.

Голос его был хотя спокойный и мелодичный, но твердый в своей убедительности. Отец Григорий погладил истекающего потом цесаревича.

— Я прогнал твои страшные боли. Теперь тебя больше ничто не будет мучить. Завтра ты выздоровеешь, и мы снова будем играть в веселые игры.

Распутин продолжал успокаивать мальчика.

— Вспомни, что я рассказывал тебе про Сибирь. Там много дремучих лесов и бескрайних степей, таких просторных, что никто не проходил их до конца. И все это принадлежит твоим маме и папе, и когда-нибудь, когда ты станешь здоровым, сильным и большим, это будет твоим.

Он стиснул руку мальчика.

— Когда-нибудь я отвезу тебя в Сибирь и покажу ее тебе. Тамошние люди не похожи на тех, что живут здесь. Алеша, ты должен обязательно увидеть своими глазами все это великолепиие.

Его голос оставался ровным и спокойным.

У мальчика прояснился взгляд. Жизнь возвращалась так же быстро, как уходила несколько часов назад. Алексей попробовал приподняться в кровати.

Александра Федоровна забеспокоилась, опасаясь, что рана откроется снова.

— Осторожнее, сынок. Не делай резких движений.

— Мама, оставь меня в покое. Я должен слушать.

Цесаревич повернулся к Распутину.

— Отец, расскажи мне еще что-нибудь.

Улыбнувшись, Распутин рассказал ему про горбатую лошадь, безногого солдата и одноглазого всадника и про коварную царевну, которая превратилась в белую утку. Он рассказал про дикие цветы обширных сибирских степей, где у каждого растения есть душа, они разговаривают друг с другом; рассказал про то, как и звери тоже могут разговаривать, и про то, как он в детстве научился понимать, о чем перешептываются лошади в конюшне.

— Вот видишь, мама, я же говорил, лошади умеют разговаривать.

При виде этого чуда у императрицы на глаза навернулись слезы.

— Ты прав. Совершенно прав.

— А ты расскажешь мне все, что услышал от лошадей? — спросил Алексей.

Распутин одобрительно улыбнулся.

— Завтра. Завтра я снова буду рассказывать. А теперь ты должен отдохнуть.

Он гладил цесаревича по голове до тех пор, пока тот не погрузился в сон.

Распутин встал.

— Малыш будет жить.

— Как ты можешь быть так уверен?

— А ты как можешь сомневаться?

Его голос был полон негодования, и императрица тотчас же устыдилась своих сомнений. Сколько раз она корила себя за то, что именно из-за ее неверия страдает Алексей. Быть может, Господь Бог через проклятие гемофилии проверяет силу ее веры.

Распутин отошел от кровати. Опустившись на колени перед стулом, на котором сидела Александра Федоровна, он стиснул ее руку.

— Матушка, ты не должна отрекаться от Господа. Не сомневайся в Его всемогуществе.

Одному лишь старцу позволялось так запросто обращаться к императрице. Она была для него «матушкой», а ее супруг Николай II — «батюшкой». Именно так смотрело на них крестьянство — как на строгих родителей. В окружении императрицы болтали, что Распутин и сам простой крестьянин. Быть может, и так. Но он один мог облегчить страдания Алексея. Этот сибирский крестьянин, вонючий, со спутанной бородой и длинными сальными волосами, был посланником небес.

— Господь отказался слушать мои молитвы, отец. Он отрекся от меня.

Распутин вскочил на ноги.

— Как ты можешь так говорить? — Он рывком повернул ее голову к кровати. — Только посмотри на малыша! Он жестоко страдает, потому что ты не веришь!

Никто, кроме супруга, не посмел бы прикоснуться к императрице без позволения. Но она не сопротивлялась. Больше того, она была рада. Запрокинув ей голову, Распутин уставился императрице в глаза. Казалось, в бледно-голубых радужках была сосредоточена вся сила его личности. От них нельзя было укрыться, они были подобны пламени, одновременно испепеляющему и ласковому, далекому и такому близкому. Они проникали в самые потаенные глубины души Александры Федоровны, и она никогда не могла перед ними устоять.

— Матушка, ты не должна так говорить о Боге. Малышу нужна твоя вера. Ему нужно, чтобы ты верила в Господа.

— Я верю в тебя.

Распутин отпустил ее.

— Я есть ничто. Лишь орудие в руках Господа. Сам я ничего не делаю.

Он указал вверх.

— Все делает Он.

Александра Федоровна бессильно сползла со стула. Волосы ее растрепались, красивое в прошлом лицо осунулось и покрылось морщинами за несколько лет, прожитых в непрерывной тревоге. Глаза болели от постоянных слез. Она надеялась, что никто не войдет в комнату. Только перед старцем она могла вести себя просто как женщина и как мать. Императрица обхватила Распутина за ноги и расплакалась, прижимаясь к одежде, воняющей лошадьми и грязью.

— Ты единственный, кто может помочь Алешеньке, — простонала она.

Распутин выпрямился во весь рост. У Александры Федоровны мелькнула мысль, что он подобен могучему дереву. Деревья способны выдерживать суровую русскую зиму и снова зацветать весной. И этот святой человек, несомненно посланный Богом, — он ее дерево.

— Матушка, это ничего не решает. Богу нужна твоя преданность, а не слезы. Чувства Его нисколько не трогают. Он требует веры. Веры, свободной от сомнений...

Александра Федоровна почувствовала, что Распутин дрожит. Разжав руки, она подняла взгляд. Отец Григорий закатил глаза, лицо стало непроницаемым. По его телу пробежала дрожь. Ноги подогнулись, и он рухнул на пол.

— Что ты видишь? — встревожилась императрица.

Распутин молчал.

Александра Федоровна схватила его за ворот рубахи и хорошенько встряхнула.

— Говори же, старец!

Распутин медленно открыл глаза.

— Я вижу кучи, горы трупов, погибли несколько великих князей и сотни графов. Воды Невы покраснеют от крови.

— Что ты имеешь в виду, отец?

— Видение, матушка. Оно пришло снова. Сознаешь ли ты, что совсем скоро я умру в страшных мучениях?

О чем он говорит?

Схватив Александру Федоровну за руки, Распутин привлек ее к себе. Его лицо исказилось от страха, но он смотрел не на нее. Его взгляд был устремлен куда-то вдаль.

— Я уйду из жизни еще до того, как наступит новый год. Запомни, матушка, если меня порешат убийцы из простолюдинов, царю бояться нечего. Он останется на престоле. И вашим детям нечего бояться, они будут править многие сотни лет. Но, матушка, если меня убьют бояре, их руки двадцать пять лет останутся запятнаны моей кровью. Они покинут Россию. Брат восстанет на брата, и они убьют друг друга в ненависти. После чего в этой стране больше не останется знати.

Александра Федоровна пришла в ужас.

— Отец, зачем ты все это говоришь?

Взгляд Распутина, вернувшись издалека, сосредоточился на ней.

— Если меня убьет родственник царя, никто из вашей семьи не проживет больше двух лет. Русский народ вам этого не простит. Позаботься о спасении и скажи своим родственникам, что я заплатил за них жизнью.

— Отец, это какая-то бессмыслица!

— Это видение, и оно приходит ко мне не в первый раз. Перед нами черная ночь, наполненная страданиями. Я ее не увижу. Мой час близок, но, хотя меня ждет горький удел, я его не боюсь.

Его снова охватила дрожь.

— Господи! Грех так велик, что земля содрогнется от голода и болезней. Мать-Россия будет потеряна.

Императрица снова его встряхнула.

— Отец, ты не должен так говорить. Ты нужен Алексею.

Распутин успокоился.

— Не бойся, матушка. Есть и другое видение. Избавление. Оно впервые пришло ко мне. О, какое пророчество! Я отчетливо его вижу.

*Москва, наши дни
Вторник, 12 октября
13 часов 24 минуты*

За какие-то пятнадцать секунд жизнь Майлза Лорда изменилась бесповоротно.

Сначала он увидел машину. Темно-синий «вольво»-универсал, окраска настолько сочная, что в ярком свете осеннего солнца машина казалась черной. Лорд обратил внимание, как резко дернулись вправо передние колеса и «вольво» метнулся наискосок к тротуару через оживленную Никольскую улицу. Потом заднее стекло, тонированное словно зеркало, опустилось, и искривленное отражение окружающих зданий сменилось черным прямоугольником, пронзенным стволом автомата.

Из ствола вырвались пули.

Лорд нырнул вниз. Упав на маслянистый асфальт, он услышал пронзительные крики. Тротуар, только что заполненный толпой туристов и служащих, вышедших на обеденный перерыв, мгновенно опустел; люди бросились врассыпную, укрываясь от града смертоносного свинца, который обрушился на источенный временем камень зданий сталинской эпохи.

Майлз откатился в сторону и посмотрел на Артемия Белого. Они только что обедали вместе. Он познакомился с этим дружелюбным молодым сотрудником Министерства юстиции два дня назад. Профессиональные юристы, они быстро сошлись друг с другом, ужинали вчера вечером и завтракали сегодня утром, беседуя о новой России и грядущих больших переменах. Оба радовались, что им суждено стать частью истории. Лорд открыл рот, чтобы крикнуть, предупредить, однако, прежде чем он успел произнести хоть слово, грудь Белого будто взорвалась, и на стекло витрины магазина брызнула кровь.

Непрерывные автоматные очереди напомнили Лорду старые гангстерские фильмы. Витрина разлетелась вдребезги, пролившись острыми осколками. Труп Белого повалился на них. От зияющих ран пахло металлическим смрадом. Лорд отпихнул безжизненное тело русского юриста. Кровь пропитала насквозь костюм Майлза, капала с рук. Он едва знал Белого. А что, если у него СПИД?

«Вольво» с визгом затормозил. Дверцы машины открылись, из нее выпрыгнули двое вооруженных автоматами мужчин в голубовато-серой милицейской форме, но без фуражек с красным околышем. Один имел покатый лоб, косматые волосы и мясистый нос кроманьонца. Тот, что выскочил сзади, был коренастый, лицо изрыто оспой, черные волосы залызаны назад. Лорд обратил внимание на его глаза — один как будто прищурен, а другой широко раскрыт.

Выскочивший сзади бросил Кроманьонцу по-русски:

— Проклятый черномазый остался жив.

Не ослышался ли он?

«Черномазый».

Русский эквивалент слова «ниггер».

За восемь недель, проведенных в Москве, Лорд не видел ни одного чернокожего,

поэтому он сразу же понял, что дела плохи. Он вспомнил замечание из русской туристической брошюры, которую прочитал несколько месяцев назад. «Человек с темным цветом кожи вызывает определенное любопытство». Пожалуй, слишком мягко сказано.

Кроманьонец кивнул в ответ. Оба стояли ярдах в тридцати от Лорда, но тот не собирался ждать и выяснять, что им от него нужно. Вскочив на ноги, он бросился в противоположную сторону. Мельком оглянувшись, Лорд увидел, что они спокойно вскинули автоматы к плечу, готовые открыть огонь. Впереди показался перекресток. Лорд огромными прыжками преодолел последние метры, и тут позади снова раздалась автоматные очереди.

Пули впивались в камень, поднимая в прохладный осенний воздух облачка пыли.

Прохожие спешили укрыться от шквального огня.

Лорд оказался перед толкучкой, уличным рынком, уходящим вдоль тротуара, покуда хватало глаз.

— Стрельба! — крикнул он по-русски. — Бегите!

Какая-то бабулька, торговавшая матрешками, мгновенно его поняла и зашаркала к ближайшей подворотне, закрывая морщинистое лицо платком. Подростки, продававшие газеты и пепси-колу, бросились в продуктовый магазин. Торговцы оставляли свои лотки и разбегались в разные стороны, словно тараканы. Появление мафии никого не удивляло. Лорд знал, что в Москве действует больше сотни организованных преступных групп. Заказные убийства, взрывы, поножовщина стали таким же обычным явлением, как и пробки на дорогах. С этим неизбежным риском приходилось сталкиваться всем, кто занимался уличной торговлей.

Лорд выскочил на запруженную Никольскую. Машины ползли с черепашьей скоростью. Пронзительно загудел клаксон, и прямо перед Лордом резко затормозило такси. Не удержав равновесия, он оперся окровавленными руками на капот. Водитель продолжал давить на сигнал. Обернувшись, Лорд увидел, как двое бандитов выбегают из-за угла. Толпа шарахнулась. Лорд присел, и тотчас же пули изрешетили всю левую сторону машины.

Гудок оборвался.

Поднявшись с земли, Лорд увидел залитое кровью лицо водителя, расплющенное об окно правой двери. Один глаз был широко раскрыт, стекло окрасилось алым. Убийцы всего в пятидесяти ярдах, на противоположной стороне плотно забитой Никольской. В поисках убежища Лорд оглядел витрины ближайших магазинов: салон мужской одежды, детский магазин и несколько дорогих бутиков. Он остановил свой выбор на «Макдоналдсе». Почему-то ему показалось, что позолоченные своды ресторана обещают безопасность.

Лорд пробежал по тротуару и толкнул стеклянные двери. Несколько сот человек толпились вокруг высоких столиков. Другие стояли в длинной очереди. Одно время этот ресторан считался самым посещаемым в мире.

Он жадно глотал воздух, вдыхая запахи жареных гамбургеров, картошки и табачного дыма. Одежда и руки у него по-прежнему были окровавленные. Какая-то женщина закричала, что он ранен. Толпа молодых людей в панике ринулась к дверям. Возникла давка. Лорд старался протолкнуться в толпе, работая плечами, но быстро сообразил, что это ошибка. Он повернул обратно и поспешил через зал к лестнице, ведущей вниз, к туалетам. Выбравшись из толчеи, Лорд сбежал по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, скользя окровавленной ладонью по стальным перилам.

— Назад! Посторонись! Назад! — приказывал где-то наверху зычный голос.

Загремели выстрелы.

Новые крики, топот ног.

Лорд остановился перед тремя дверями. Одна вела в женское отделение, другая в мужское. Он открыл третью. За ней оказался просторный склад, стены, как и во всем ресторане, были выложены белой кафельной плиткой. В углу три человека курили за столом. Лорд обратил внимание на их футболки: профиль Ленина, наложенный на выгнувшуюся золотыми арками букву «М», логотип «Макдоналдса». Мужчины обернулись на вошедшего.

— Там бандиты! — сказал Лорд. — Прячьтесь.

Все трое без слов вскочили и бросились в противоположный угол ярко освещенного помещения. Первый распахнул дверь, и они скрылись. Лорд задержался лишь на мгновение, чтобы захлопнуть дверь, через которую вошел он сам, и запереть ее изнутри, после чего поспешил за ними.

Лорд очутился в осенней прохладе переулка за многоэтажным зданием ресторана. Странно, но здесь не было ни цыган, ни увешанных медалями ветеранов. Он думал, эти социально не защищенные группы ютятся во всех московских щелях и закоулках.

Со всех сторон высились унылые здания. Грубо обработанный камень почернел и растрескался за десятилетия от постоянных автомобильных выхлопов. Лорд частенько задумывался, как эти ядовитые пары сказывались на человеческих легких. Он попытался сориентироваться. Лорд находился приблизительно в сотне ярдов к северу от Красной площади. Где ближайшая станция метро? Это лучший путь к спасению. На станциях всегда дежурит милиция. Но ведь его преследуют милиционеры. Впрочем, так ли это? Лорду доводилось читать, что бандиты сплошь и рядом переодеваются в милицейскую форму. Обычно московские улицы кишели милицией — вооруженной резиновыми дубинками и автоматами. Однако сегодня, как назло, рядом не было никого.

Из здания послышался грохот.

Лорд лихорадочно оглянулся.

Это вылетела дверь, ведущая из туалетов на склад. Лорд помчался в сторону ближайшей улицы, и тут в «Макдоналдсе» гулко загремели выстрелы.

Выскочив на тротуар, Лорд повернул, стараясь бежать так быстро, как только позволял костюм. Он расстегнул воротник рубашки и сорвал галстук. Теперь, по крайней мере, легче дышать. Еще немного — и преследователи завернут за угол. Лорд перепрыгнул через цепь, ограждавшую одну из бесчисленных автомобильных парковок, которыми было усеяно внутреннее кольцо Москвы.

Он перешел на быстрый шаг. Стоянка была заставлена «ладами», «чайками» и «Волгами». Несколько «фордов». Несколько немецких седанов. Почти все машины были грязные и ржавые. Двое преследователей показались из-за угла в сотне ярдов позади.

Лорд бросился через стоянку. Град пуль обрушился на машины. Нырнув за темный «мицубиси», Лорд осторожно высунулся из-за заднего бампера. Бандиты оставались по ту сторону ограды: Кроманьонец целился из автомата, Прищуренный спешил к нему.

Взревел двигатель.

Из выхлопной трубы повалил дым. Вспыхнули стоп-сигналы.

Это завелись кремовые «жигули» с противоположной стороны от центрального прохода. Машина быстро сдала назад, выезжая со своего места. Лорд увидел на лице водителя страх. Скорее всего, тот услышал выстрелы и решил убраться отсюда.

Прищуренный перепрыгнул через ограду. Лорд вскочил на капот «жигулей», судорожно цепляясь за щетки стеклоочистителя. Слава богу, на этой чертовой машине они были. Лорд

знал, что многие водители снимают щетки и хранят их в бардачке, чтобы уберечь от воров. Водитель «жигулей» изумленно посмотрел на незваного пассажира, но продолжил выкручивать к оживленному бульвару. Сквозь заднее стекло Лорд увидел, как в пятидесяти ярдах позади Прищуренный присел, вскидывая оружие, а Кроманьонец перебрался через ограждение. Вспомнив про таксиста, Лорд решил, что не имеет права втягивать в свои неприятности постороннего человека. Как только «жигули» выехали на шестиполосный бульвар, Лорд перекатился по капоту и свалился на тротуар.

В следующее мгновение засвистели пули.

Резко дернувшись влево, «жигули» стремительно набрали скорость.

Лорд катился до тех пор, пока не оказался на мостовой. Он надеялся, что невысокий бордюр заслонит его от выстрелов.

Выбивая фонтанчики, по асфальту застучали пули.

Толпа на остановке бросилась врассыпную.

Автобус как раз подъезжал. Сработали тормоза. Завизжали покрышки. Запах выхлопных газов стал просто удушающим. Лорд откатился дальше от тротуара. Автобус остановился, загораживая его от бандитов. Слава богу, крайний правый ряд свободен.

Поднявшись на ноги, Лорд бросился через бульвар. Все машины двигались в одну сторону, с севера. Лорд пересекал широкую проезжую часть, стараясь оставаться под прикрытием автобуса. На полпути он вынужден был пропустить вереницу машин. Еще мгновение — и бандиты выбегут из-за автобуса. Воспользовавшись просветом в потоке транспорта, Лорд преодолел последние две полосы и выскочил на тротуар.

Он забежал на стройплощадку. На фоне осеннего неба, затянутого тучами, выделялся бетонный каркас здания. Гул башенных кранов и бетономешалок перекрывал шум транспорта. Опасная зона не была огорожена забором — это вам не Атланта. До сих пор Лорд не видел ни одного милиционера, кроме тех, что гнались за ним.

Лорд оглянулся. Бандиты шли через бульвар, уворачиваясь от недовольно гудящих машин. Строители не обратили на Лорда внимания, будто здесь каждый день бегают чернокожие в залитых кровью костюмах. Должно быть, все это — приметы новой Москвы. Самое безопасное — оставаться в стороне.

Бандиты достигли тротуара. Теперь они были меньше чем в пятидесяти ярдах.

Прямо перед Лордом бетономешалка вылиwała серый раствор в стальную бадью. Бадья стояла на большом деревянном поддоне, подвешенном на тросах к стреле крана. Рабочий, обслуживавший бетономешалку, отошел в сторону, и поддон с бадьей начал подниматься.

Решив, что лучше он все равно ничего не придумает, Лорд быстро подбежал к поддону и прыгнул вперед, ухватившись за нижний край. Приставший к дереву засохший раствор не давал зацепиться, но мысль о Кроманьонце и его дружке придавала пальцам Лорда дополнительную силу.

Лорд рывком подтянулся.

Это движение вывело поддон из равновесия. Он качнулся, тросы застонали, протестуя, но Лорду удалось забраться на поддон и прижаться к бадье. Поддон накренился, и на него плеснуло раствором.

Он глянул вниз.

Убийцы видели, что он сделал. Поддон был уже на высоте пятидесяти футов и продолжал подниматься. Убийцы остановились и прицелились. Оценив тонкие деревянные доски под ногами, Лорд с тоской перевел взгляд на бадью.

Выбора нет.

Он быстро перекатился в бадью, разбрызгивая раствор во все стороны. Холодная грязь облепила его, отзываясь дрожью в и без того уже трясущемся теле.

Загремели выстрелы.

Пули расщепляли деревянный поддон и колотили по дну бадьи. Погрузившись по плечи в цемент, Лорд слушал удары свинца по железу.

Внезапно послышался вой сирен.

Выстрелы прекратились.

Лорд увидел три милицейские машины, несущиеся по бульвару. Судя по всему, бандиты тоже слышали сирены и поспешили спастись бегством. Темно-синий «вольво», с которого все и началось, появился на бульваре с противоположной стороны. Бандиты попятнулись к нему, не в силах устоять перед желанием сделать на прощание еще несколько выстрелов.

Лорд проследил, как они забрались в «вольво» и тот с ревом умчался прочь.

Лишь тогда он встал во весь рост и облегченно вздохнул.

Строители опустили на землю бадью и окатили Лорда водой из шланга, смывая раствор и кровь. Костюм Лорда был безнадежно испорчен, как и галстук. Белая рубашка и черные брюки промокли насквозь и покрылись серыми пятнами. На свежем осеннем воздухе они казались холодным компрессом. Рабочий принес отсыревшее шерстяное одеяло, пахнущее лошадьми, и укутал Лорда.

Майлз был совершенно спокоен.

Он вышел из милицейской машины на Никольской улице, там, где все началось. Улица была заполнена каретами «скорой помощи» с включенными мигалками. Вокруг суетились милиционеры в форме. Движение было перекрыто. Милиция перегородила улицу с обеих сторон, до самого «Макдоналдса».

Лорда подвели к невысокому широкоплечему мужчине с толстой шеей и коротко остриженными кустиками бакенбардов на мясистых щеках. Глубокие морщины пересекали его лоб. Нос был свернут на сторону, словно после перелома, так и не зажившего окончательно, лицо бледное до желтизны, как у многих русских. Одет в мешковатый серый костюм и темную рубашку, на плечи накинуто черное пальто. Ботинки облупленные и грязные.

— Следователь Орлегов, милиция.

Мужчина протянул руку, и Лорд обратил внимание на печеночные пятна, густо покрывающие запястье.

— Это вы быть здесь, когда начинаться стрелять?

Следователь говорил по-английски с трудом, и Лорд подумал, не ответить ли по-русски. Определенно, это облегчило бы общение. Большинство русских полагают, что американцы слишком высокомерны или ленивы, чтобы учить их язык, — особенно чернокожие американцы, которых они воспринимали как некую цирковую диковинку. За последние десять лет Лорд двенадцать раз приезжал в Москву; он давно научился хранить свои лингвистические способности в тайне, получая при этом возможность слушать разговоры юристов и бизнесменов, уверенных, что их надежно защищает языковой барьер. Сейчас Лорд относился ко всем крайне подозрительно. До сих пор его общение с милицией ограничивалось парой споров по поводу парковки и одним случаем, когда его вынудили заплатить пятьдесят рублей якобы за нарушение правил дорожного движения. Московские милиционеры частенько «трясли» иностранцев. «А что можно ждать от того, кто зарабатывает сто рублей в месяц?» — спросил как-то один сержант, убирая в карман пятьдесят долларов, полученные от Лорда.

— Стрелявшие были милиционерами, — сказал Лорд по-английски.

Русский покачал головой.

— Они только одеваться как милиционер. Милиция не стрелять в людей.

— Эти стреляли.

Лорд бросил взгляд за спину следователя на окровавленный труп Артемия Белого. Молодой русский адвокат лежал навзничь на тротуаре, с открытыми глазами, из ран на груди сочились красно-бурые струйки.

— Сколько человек пострадало?

— Пять.

— Пять? Убитых много?

— Четыре.

— Похоже, вас это несколько не беспокоит. Четыре человека застрелены насмерть среди бела дня на оживленной улице.

Орлегов пожал плечами.

— А что тут можно поделывать? «Крыша» есть трудно контролировать.

«Крышей» назывались различные бандитские группировки, обосновавшиеся в Москве и других городах европейской части России. Лорд так и не смог выяснить происхождение этого понятия. Быть может, оно отражало процесс передачи денег преступникам — при встречах на крыше; а может быть, это было иносказательное обозначение неестественно оторванной от реальности современной российской жизни. Главари мафии принадлежали самые дорогие машины, самые большие дачи, самая роскошная одежда. Они даже не пытались скрыть богатство. Напротив, воротилы преступного мира словно похвалялись процветанием как перед властью, так и перед простыми людьми. Это был отдельный общественный класс, возникший с потрясающей быстротой. Знакомые Лорда из числа бизнесменов считали отступные, которые им приходилось платить бандитам за «защиту», лишь одной из статей накладных расходов, такой же необходимой составляющей успеха, как подготовка персонала и выделение оборотных средств. Не раз он слышал, что, когда джентльмены в костюмах от Армани наносят визит и говорят: «Бог наказал делиться», к этому нужно относиться очень серьезно.

— Меня интересовать, — продолжал Орлегов, — почему эти люди преследовать вас.

Лорд кивнул на труп Белого.

— Вы не хотите его прикрыть?

— Он ничего не имеет против.

— А я имею. Я был с ним знаком.

— Откуда?

Лорд отыскал бумажник. Запаянное в пластик удостоверение, выданное ему несколько недель назад, пережило купание в цементной ванне. Лорд протянул удостоверение следователю.

— Вы есть из Царская комиссия?

Тон, каким был задан этот вопрос, подразумевал недоумение по поводу того, почему какой-то американец имеет отношение к чему-то такому насквозь русскому. Следователь Орлегов нравился Лорду все меньше и меньше. Пожалуй, лучшим способом выразить свое отношение к нему будет тонкая издевка.

— Я есть из Царская комиссия.

— Ваши обязанности?

— Это есть конфиденциален.

— Можно быть очень важно для это дело.

Лорд понял, что попытка сарказма осталась незамеченной.

— Обратитесь в комиссию.

Орлегов указал на труп.

— А этот?

Лорд рассказал, что Артемий Белый, юрист из Министерства юстиции, участвовал в работе комиссии, помогал получать доступ к советским архивам. В личном плане Лорд знал только, что Белый был холост, жил в коммунальной квартире на севере Москвы и мечтал

когда-нибудь побывать в Атланте.

Шагнув к убитому, Лорд окинул его долгим взглядом.

Ему давно не приходилось видеть человека, погибшего насильственной смертью. Однако он повидал кое-что похуже во время командировки в Афганистан, растянувшейся на целый год. Лорд был там в качестве юриста, а не солдата; его направили в страну как специалиста, знающего язык, в составе группы сотрудников государственного департамента для поддержки переходного правительства после падения режима Талибан. Адвокатская фирма, в которой трудился Лорд, посчитала очень важным послать в Афганистан своего человека. Хорошо для репутации фирмы. Хорошо для карьеры самого Лорда. Но по прибытии в Афганистан он поймал себя на том, что не хочет ограничиваться переключением бумаг. Лорд помогал хоронить убитых. У афганцев были страшные потери. В прессе об этом почти не сообщалось. Лорд до сих пор чувствовал палящий зной и жестокий ветер; в таком климате трупы разлагались быстро, еще больше усложняя зловещую работу. В смерти нет ничего приятного. Где бы то ни было.

— У пуля пустой наконечник, — заговорил у него за спиной Орлегов. — Входить маленький, выходить большой. Забирать с собой по пути очень много.

В голосе следователя не было ни тени сострадания.

Обернувшись, Лорд увидел оловянный взгляд, слезящиеся глаза. От Орлегова исходил слабый запах спиртного и мяты. Лорд с отвращением вспомнил его насмешливый ответ на предложение прикрыть тело. Сняв с себя одеяло, он положил его на труп.

— У нас мертвых накрывают, — сказал он Орлегову.

— Здесь их есть слишком много, всех не накрывать.

Лорда передернуло от такого цинизма. Вероятно, этот милиционер многое повидал. У него на глазах правительство постепенно теряло контроль над ситуацией в стране, в то время как он сам, подобно большинству жителей России, работал лишь за обещание зарплаты, за бартер и за американские доллары, купленные на черном рынке. Семьдесят с лишним лет коммунизма оставили неизгладимый след. По-русски это называлось «беспредел». Анархия. Несмываемое пятно вроде татуировки. Глубокий шрам, который обезобразил всю страну и привел ее к гибели.

— Министерство юстиции есть частая мишень, — сказал Орлегов. — Они участвовать в разные вещи, мало думая о своей безопасности. Их есть предупреждали. Не первый и не последний юрист, кто умирать.

Лорд промолчал.

— Может быть, наш новый царь все это решить? — спросил Орлегов.

Они стояли вплотную, друг напротив друга.

— Хуже просто некуда, — сказал Лорд.

Орлегов сверкнул глазами, и Лорд не смог определить, согласен он с ним или нет.

— Вы мне так и не ответить. Почему люди гнаться за вами?

Лорд вспомнил, что сказал Прищуренный, вылезая из машины. «Проклятый черномазый остался жив». Сообщить ли об этом Орлегову? Почему-то русский следователь не внушал ему доверия. Впрочем, быть может, у него мания преследования после случившегося. Нужно вернуться в гостиницу и обсудить все с Тейлором Хейесом.

— Понятия не имею — разве только потому, что я успел хорошо их рассмотреть. Послушайте, вы видели мои документы и знаете, где меня найти. Я промок насквозь, замерз до смерти, а то, что осталось у меня из одежды, пропитано кровью. Мне бы хотелось

переодеться. Не могли бы ваши люди отвезти меня в гостиницу «Метрополь»?

Следователь ответил не сразу. Он долго смотрел на Лорда, наконец вернул ему удостоверение.

— Разумеется, мистер член комиссии. Как вы сказать. Я вызывать машина.

Лорда подвезли к главному входу «Метрополя» в милицейской машине. Швейцар впустил его без звука. Гостиничная карточка Лорда безнадежно испортилась, но предъявлять ее не было необходимости. Он был единственным чернокожим, остановившимся в гостинице, и швейцар его сразу же узнал, хотя и окинул удивленным взглядом его мокрую, разорванную одежду.

Гостиница «Метрополь» была построена еще до революции, в начале двадцатого века. Она расположена в самом центре Москвы, к северо-западу от Кремля и Красной площади, наискосок от Большого театра. В советские времена из окон боковых номеров открывался вид на монументальную гостиницу «Москва» и памятник Карлу Марксу. Теперь не осталось ни того ни другого. Благодаря участию американских и европейских инвесторов в последнее десятилетие гостиница подверглась реконструкции, вернувшей ей былую славу. От роскошных вестибюлей и фойе с фресками и хрустальными люстрами веяло помпезностью царской эпохи. Но картины русских мастеров выдавали капиталистические времена — на каждой висела табличка «ПРОДАЕТСЯ». А с появлением современного делового центра, фитнес-клуба и закрытого бассейна старая гостиница сделала еще один шаг в новое тысячелетие.

Лорд спросил администратора, у себя ли в номере Тейлор Хейес. Ему ответили, что Хейес в деловом центре. Лорд хотел было сначала переодеться, но решил, что дело не терпит отлагательства. Он быстро прошел по коридору и увидел за стеклянной стеной Хейеса, сидящего за компьютером.

Тейлор Хейес — один из четырех старших партнеров компании «Придген и Вудворт». Эта юридическая фирма насчитывала почти двести профессиональных юристов. Среди ее клиентов числились крупнейшие страховые компании, банки и корпорации. Правление занимало целых два этажа элегантного голубого небоскреба в центре Атланты.

Хейес, обладатель двух дипломов, магистра делового администрирования и магистра юриспруденции, специализировался в международном законодательстве. Природа одарила его атлетическим телосложением, и возраст проявлялся только в седине, тронувшей темно-русые волосы. Хейеса часто приглашали на телеканал Си-эн-эн выступить с комментариями по тому или иному вопросу глобальной экономики. На взгляд Лорда, в его внешности сочеталось что-то от шоумена, ученого мужа и рубахи-парня.

Он редко появлялся в суде и еще реже участвовал в еженедельных заседаниях международного отдела компании, группы из сорока с лишним юристов, в число которых входил и Лорд. Майлзу несколько раз приходилось работать непосредственно с Хейесом, он сопровождал его в поездках в Европу и в Канаду, проводил исследования по его запросам и готовил наброски договоров. Однако лишь последние недели они постоянно были вместе, и в их отношениях произошел переход от «мистера Хейеса» к «Тейлору».

Хейес отсутствовал дома по три недели в месяц, в постоянных разъездах он обслуживал многочисленных зарубежных клиентов фирмы, которые, не моргнув глазом, платили юристу по четыреста пятьдесят долларов в час, лишь бы тот приезжал к ним. Когда Лорд двенадцать лет назад только пришел работать в компанию, Хейес тотчас же проникся к нему симпатией. Лишь много позже Лорд узнал, что Хейес специально попросил определить молодого юриста в международный отдел. Видимо, этому способствовали диплом с

отличием юридического факультета Университета Виргинии, диссертация по истории стран Восточной Европы, защищенная в Университете Эмори,^[1] и владение иностранными языками. Хейес начал посылать Лорда в Европу, в основном в страны бывшего Восточного блока. Клиенты компании «Придген и Вудворт» занимались инвестициями в Чешской Республике, Польше, Венгрии, прибалтийских государствах и России. Успешная работа обеспечила Лорду устойчивый карьерный рост, вплоть до старшего ассоциативного члена, откуда было недалеко до младшего партнера фирмы. Лорд надеялся, что настанет день, когда он возглавит международный отдел.

Если, конечно, он доживет до этого дня.

Распахнув стеклянную дверь, Лорд вошел в деловой центр. Хейес оторвал взгляд от компьютера.

— Черт побери, что с тобой случилось?

— Только не здесь.

Кроме них в центре работали еще несколько человек. Похоже, наставник Лорда мгновенно все понял и, не сказав ни слова, направился в фойе первого этажа гостиницы, украшенное впечатляющими витражами, с фонтаном из розового мрамора. Столики этого фойе стали для двух юристов официальным местом встречи.

Они устроились в дальнем углу.

Поймав взгляд официанта, Лорд щелкнул по горлу, показывая, что хочет водки. И действительно, ему нужна была водка.

— Выкладывай, Майлз, — сказал Хейес.

Лорд рассказал ему все. Абсолютно все. В том числе упомянул замечание, брошенное одним из бандитов, и предположение следователя Орлегова о том, что преступление было направлено против Министерства юстиции и Артемия Белого. В заключение он сказал:

— Тейлор, я считаю, эти ребята охотились за мной.

Хейес покачал головой.

— Нет оснований так считать. Быть может, ты просто хорошо рассмотрел их лица, и они решили убрать свидетеля. И так получилось, что ты там оказался единственным чернокожим.

— На улице были сотни прохожих. Почему выбрали именно меня?

— Потому что ты был вместе с Белым. Следователь прав. Скорее всего, убийцы охотились за Белым. Они следили за ним весь день, дожидаясь подходящего момента. Насколько я могу судить, так оно и было.

— Утверждать это с полной определенностью нельзя.

— Майлз, ты познакомился с Белым всего пару дней назад. Ты о нем ничего не знаешь. Здесь люди сплошь и рядом погибают насильственной смертью по самым разным причинам.

Взгляд Лорда упал на темные пятна на одежде, и он снова подумал о СПИДе. Официант принес водку. Хейес бросил на стол несколько рублей. Выдохнув, Лорд залпом выпил большой глоток, с облегчением чувствуя, как крепкий напиток успокаивает нервы. Он всегда любил русскую водку. В мире ей не было равных.

— Остается только молиться, чтобы у Белого не было ВИЧ-инфекции.

Лорд поставил рюмку на стол.

— Вы предполагаете, мне нужно уехать из страны?

— А ты хочешь?

— Нет, черт побери. Здесь сейчас творится история. Я не хочу все бросать и бежать. Это

то, о чем можно будет рассказать внукам, — я присутствовал при том, когда в России была восстановлена монархия.

— Тогда оставайся.

Еще один глоток водки.

— Но мне хочется дожить до того, чтобы увидеть своих внуков.

— Как тебе удалось уйти?

— Бежал со всех ног. Странно, но я вспоминал своего деда и охоту на енотов, и это мне помогло.

У Хейеса на лице отобразилось любопытство.

— Развлечение деревенщины Юга в сороковых годах девятнадцатого века. Отвести ниггера в лес, велеть собакам хорошенько его обнюхать, а затем дать ему тридцать минут форы.

Снова глоток водки.

— Моего деда эти козлы так и не поймали.

— Хочешь, я позабочусь о твоей защите? — предложил Хейес. — Найму телохранителя.

— По-моему, неплохая мысль.

— Мне бы хотелось, чтобы ты остался в Москве. Дело обещает быть жарким, и ты мне нужен.

Лорд и сам не прочь был остаться. Поэтому он упорно убеждал себя, будто Прищуренный и Кроманьонец охотились за ним лишь потому, что он видел, как они убили Белого. Он свидетель, и только. Иначе быть не могло. Какие еще возможны объяснения?

— Я оставил свои вещи в архиве. Я думал, просто выйду ненадолго перекусить.

— Я позвоню и попрошу, чтобы всё привезли в гостиницу.

— Нет. Лучше я приму душ, переоденусь и сам съезжу туда. Все равно мне нужно кое-что доделать.

— Нашел что-нибудь интересное?

— Не совсем. Просто хочу прояснить до конца несколько моментов. Если что-то появится, я сразу же дам вам знать. Надеюсь, работа отвлечет меня от случившегося.

— Как насчет завтра? Ты сможешь выступить на заседании?

Вернулся официант с новой рюмкой водки.

— А то как же, черт побери.

Хейес улыбнулся.

— Вот такая позиция мне нравится. Я знал, что ты крепкий парень.

14 часов 30 минут

Хейес протискивался сквозь толпу пассажиров, выплеснувшуюся из поезда метро. Платформы, еще мгновение назад пустынные, теперь были запружены тысячами москвичей. Люди сплошным потоком устремились к четырем эскалаторам, ведущим на поверхность с глубины шестьсот футов. Впечатляющее зрелище, однако Хейес, как всегда, обратил внимание на тишину. Ничего, кроме стука каблуков по каменным плитам и шелеста одежды. Изредка доносился одинокий голос, но в целом шествие восьми миллионов человек, каждое утро спускавшихся в самый загруженный метрополитен в мире, а вечером выходящих из него, было молчаливым.

Московское метро создавалось в тридцатые годы двадцатого века как витрина сталинской России. Это была тщетная попытка отпраздновать достижения социализма самой крупной и самой протяженной транспортной системой, которая когда-либо возводилась человечеством. Станции, разбросанные по всему городу, превратились в произведения искусства, украшенные пышной лепниной, мраморными вестибюлями в стиле неоклассицизма, затейливыми люстрами, позолотой, витражами. Никто не задавался вопросом, каких огромных расходов потребовало сооружение этих подземных дворцов и какие средства уходили впоследствии на их обслуживание. И вот сейчас пришло время расплаты за глупость: на содержание метрополитена, этой неотъемлемой составляющей московского транспорта, требовались миллиарды рублей ежегодно, а дохода он приносил лишь по несколько копеек с каждого пассажира.

Ельцин и его преемники пытались поднять плату за проезд, однако общественное негодование было таким яростным, что каждый раз приходилось идти на попятную. «Вот в чем заключалась их главная проблема, — размышлял Хейес. — Слишком много популизма для такой непостоянной страны, как Россия». Будь прав. Ошибайся. Но не оставайся нерешительным. Хейес твердо верил, что русские уважали бы своих правителей гораздо больше, если бы те повысили плату за проезд в метро и расстреляли бы всех, кто открыто выступал против. Вот урок, который так и не смогли усвоить многие российские цари и коммунистические вожди, и в частности Николай II и Михаил Горбачев.

Сойдя с эскалатора, Хейес вышел сквозь узкие двери на улицу, вдохнул бодрящий осенний воздух. Он прибыл на север Москвы, к перегруженной четырехполосной магистрали, опоясывающей город, — она почему-то называлась Садовым кольцом. Станция метро, откуда вышел Хейес, представляла собой убогий овал из стекла и кафеля с плоской крышей — определенно не лучшая из тех, что были построены при Сталине. На самом деле вся эта часть города не смела и мечтать о том, чтобы попасть в путеводители по Москве. У подступов к станции стояли длинными рядами мужчины и женщины жалкого вида, осунувшиеся, со спутанными, грязными волосами, в вонючих лохмотьях. Эти люди торговали всем — от туалетной бумаги и пиратских видеокассет до вяленой воблы — в надежде заработать несколько рублей или, гораздо лучше, американских долларов. Хейесу всегда хотелось узнать, покупает ли кто-нибудь эти сморщенные, просоленные рыбы остовы, на вид еще более мерзкие, чем на запах. Единственным источником рыбы

поблизости была Москва-река, и Хейес боялся даже и думать, какие неожиданные пищевые добавки содержались в этой вобле.

Застегнув пальто, Хейес уверенным шагом двинулся по выщербленному асфальту, стараясь ничем не выделяться в толпе. Он сменил костюм на коричневые вельветовые брюки, темную саржевую рубашку и черные башмаки. В этой части Москвы западная одежда не сулила ничего, кроме неприятностей.

Хейес разыскал клуб, куда его направили. Обшарпанное здание затерялось в ряду магазинчиков: гастроном, булочная, кафе-мороженое, магазин грамзаписи. Вывеска отсутствовала, лишь небольшое объявление по-русски, приглашавшее посетить заведение и обещавшее захватывающие развлечения.

Войдя, он увидел тускло освещенную прямоугольную комнату. Дешевая обивка под орех на стенах, судя по всему, была призвана создать домашнюю атмосферу. В теплом воздухе висела голубоватая дымка. В центре зала господствовал огромный лабиринт из фанеры. Хейесу приходилось видеть такие в центре Москвы, в крикливых заведениях для нуворишей. Те чудовища из мрамора и кафеля подсвечивались неоновыми огнями. Здесь же была представлена версия для нищих, сооруженная из голых досок и освещенная обычными люминесцентными лампами.

Вокруг толпились посетители. Они были не из тех, кто приходит в роскошные клубы, чтобы полакомиться семгой, селедкой и винегретом, под охраной крепьшей с бычьими затылками, дежурящих у дверей, после чего отправляется в соседний зал проиграть несколько тысяч долларов в рулетку или в очко. В таких заведениях нужно выложить рублей двести только за вход. А тем, кто собрался здесь, несомненно простым рабочим с соседних заводов и фабрик, не заработать двести долларов и за шесть месяцев.

— Наконец-то, — сказал по-русски Феликс Орлегов.

Хейес не заметил, как следователь подошел к нему. Он снова повернулся к лабиринту и, указав на толпу зрителей, спросил по-русски:

— В чем тут смысл?

— Сейчас увидите.

Подойдя ближе, Хейес разглядел, что сооружение, казавшееся единым целым, состояло из трех отдельных лабиринтов. Из маленьких дверей в дальнем конце выскочили три крысы. Серые грызуны будто понимали, чего от них ждут; под крики и улюлюканье зрителей они неустрашимо устремились вперед. Какой-то мужчина начал колотить кулаком по стенке лабиринта, но его тотчас же остановил появившийся словно из ниоткуда рослый охранник со здоровенными ручищами профессионального борца.

— Московская версия Кентуккийского дерби, — заметил Орлегов.

— И это продолжается целый день?

Крысы ловко огибали углы и выполняли повороты.

— Круглые сутки, твою мать. Эти уроды спускают здесь до копейки все, что зарабатывают.

Наконец одна крыса добежала до финишной черты, и часть зрителей взорвалась восторженными криками. Хейесу было любопытно, каковы размеры выигрышей, но он решил перейти к делу.

— Я хочу знать, что произошло сегодня.

— Черномазый бегал очень быстро. Носился по улицам как крыса.

— Он вообще не должен был бегать.

Орлегов отхлебнул большой глоток прозрачной жидкости из стакана, который держал в руке.

— Судя по всему, стрелявшие промахнулись.

Толпа понемногу успокоилась, готовясь к следующему забегу. Хейес отвел Орлегова к пустому столику в дальнем углу.

— Орлегов, у меня нет настроения выслушивать твои остроты. Лорда должны были убить. Неужели это настолько трудно?

Снова приложившись к стакану, Орлегов подержал жидкость во рту, смакуя, и проглотил.

— Как я уже сказал, эти болваны промахнулись. А когда они бросились за вашим мистером Лордом в погоню, тому удалось уйти. Как мне доложили, он проявил недюжинную изобретательность. Мне потребовалось приложить столько усилий, чтобы на эти несколько минут очистить район от милицейских патрулей! Ребятам были созданы все условия. А они убили трех ни в чем не повинных российских граждан.

— Я полагал, это профессионалы.

Орлегов рассмеялся.

— Жестокие сволочи — да. Профессионалы? Не думаю. Они бандиты. Чего вы ждали?

Он осушил стакан.

— Хотите, вашего Лорда убьют завтра же?

— Твою мать, ни в коем случае! Больше того, я хочу, чтобы ни один волос не упал у него с головы!

Орлегов промолчал, но по глазам было видно, что ему не по душе выслушивать приказания от иностранца.

— Забудем обо всем. В этой затее с самого начала не было ничего хорошего. Лорд полагает, что покушались на Белого. Хорошо. Пусть он так думает. Нельзя привлекать к этому ненужное внимание.

— По словам наших ребят, ваш адвокат вел себя как настоящий профи.

— Он занимался спортом в университете. Футбол и легкая атлетика. Но два «Калашникова» должны были это компенсировать.

Орлегов откинулся на спинку стула.

— Может быть, вам следовало заняться этим самому.

— Возможно, я так и сделаю. Но пока что проследи, чтобы эти болваны не натворили глупостей. У них уже была прекрасная возможность. Новые покушения не нужны. И предупреди их, что, если они ослушаются, им очень не понравится встреча с теми, кого к ним пришлют их хозяева.

Следователь покачал головой.

— Когда я был мальчишкой, мы охотились за богатеями и пытали их, заставляя отдать деньги. А сейчас нам платят, чтобы мы их охраняли.

Он сплюнул на пол.

— От всего этого меня тошнит.

— Кто тут сказал хоть слово про богатых?

— Думаете, я не догадываюсь, что происходит?

Хейес подался вперед.

— Орлегов, ты ни хрена не знаешь. Окажи самому себе любезность, не задавай слишком много вопросов. Делай то, что тебе приказывают, и так будет гораздо лучше для твоего

здоровья.

— Долбаные американцы! Весь мир перевернулся вверх ногами. Я хорошо помню то время, когда вы переживали, разрешат ли вам покинуть нашу страну. А теперь вы завладели нами с потрохами!

— Успокойся. Времена меняются. Или поспевай за ними, или уходи прочь с дороги. Хочешь быть игроком? Будь им. Но для этого требуется беспрекословное повиновение.

— Адвокат, за меня не беспокойтесь. Но как быть с вашим Лордом?

— А вот это уже не твоя забота. С ним я сам справлюсь.

15 часов 35 минут

Лорд снова работал с российскими архивами в мрачном здании, облицованном серым гранитом, в котором прежде располагался Институт марксизма-ленинизма. Теперь здесь находился Центр хранения и изучения документов новейшей истории — еще одно свидетельство склонности русских к напыщенным наименованиям.

Впервые попав сюда, Лорд удивился, увидев на фронтоне над главным входом изображения Маркса, Энгельса и Ленина вместе с призывом «ВПЕРЕД К ПОБЕДАМ КОММУНИЗМА». Почти все напоминания о советской эпохе исчезли с улиц российских городов, уступив место двуглавному орлу династии Романовых, красовавшемуся на протяжении трехсот лет. Лорду сказали, что памятник Ленину из красного гранита — один из немногих, сохранившихся в России.

После горячего душа и еще одной рюмки водки Лорд немного успокоился. Он надел второй костюм, привезенный из Атланты, темно-серый в едва заметную белую полоску. В ближайшие пару дней надо будет заглянуть в московские магазины и купить обновку, потому что одного костюма не хватит на несколько недель напряженной работы, ждавших впереди.

При коммунистическом режиме архивы считались ересью, опасной для широкой публики, и доступ к ним был открыт только для самых стойких коммунистов. Как это ни странно, подобная дискриминация в какой-то мере сохранялась и сейчас. Почему — Лорд пока не понял. Полки были заставлены в основном бумагами личного характера — книгами, письмами, дневниками, государственными документами и прочими неопубликованными материалами, безобидной писаниной, не имеющей абсолютно никакой исторической ценности. Как нарочно, четкая индексация отсутствовала, лишь случайное распределение по годам, по конкретным людям, по географическим районам. Запутанная система, предназначенная только для того, чтобы запутать еще больше. Казалось, никто не хотел раскрывать загадки прошлого, и, возможно, это действительно было так.

И ждать помощи неоткуда.

Сотрудники архива работали здесь еще с советских времен, когда они входили в партийную иерархию и пользовались благами, недоступными простым москвичам. Хотя коммунистической партии уже давно не было, оставалась когорта этих пожилых женщин, сохранивших ей верность, многие из них, не сомневался Лорд, страстно желали возвращения тоталитарного режима. Они не желали помогать, поэтому он обратился к Артемию Белому, и за последние дни ему удалось добиться гораздо больше, чем за предыдущие недели.

Несколько человек рассеянно прохаживались между рядами металлических полок. Большая часть документов, в особенности все, что имело хоть какое-то отношение к Ленину, прежде находилась за массивными стальными дверями в подземных хранилищах. Ельцин покончил с этой секретностью, приказал переместить архивы в обычное здание и открыл к ним доступ ученым и журналистам.

Но не полностью.

Большой раздел архива по-прежнему оставался секретным — речь шла о так

называемых «закрытых документах». Дома, в Штатах, аналогично ограничивал действие закона о свободе информации штамп «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО». Однако, благодаря работе в Царской комиссии, Лорд получил доступ ко всем бывшим государственным тайнам. Пропуск, о котором позаботился Хейес, давал ему санкционированное на высшем государственном уровне право искать там, где он захочет, в том числе в закрытых документах.

Сев на обычное место, Лорд заставил себя сосредоточиться на разложенных на столе бумагах. Его задача заключалась в том, чтобы поддержать притязания Степана Бакланова на российский престол. Бакланов, член дома Романовых, лидировал среди потенциальных претендентов, отобранных Царской комиссией. К тому же у него были тесные связи с западными бизнесменами, в том числе с клиентами компании «Придген и Вудворт», поэтому Хейес направил Лорда в архивы проверить, нет ли каких-нибудь скрытых обстоятельств, которые могли бы помешать притязаниям Бакланова на царский трон. Меньше всего кому бы то ни было хотелось, чтобы, например, всплыли данные о том, что во время Второй мировой войны родственники Бакланова сочувствовали фашистской Германии, — это заставило бы российский народ усомниться в преданности претендента интересам родины.

Изыскания привели Лорда к последнему Романову, занимавшему российский престол, Николаю II, и тому, что произошло 16 июля 1918 года в Сибири. Он ознакомился с множеством опубликованных документов и некоторыми неизвестными широкой общественности. Все они, мягко говоря, были крайне противоречивыми. Требовалось подробнейшим образом изучать каждое свидетельство, отсеивать очевидную ложь и собирать по крупицам факты, восстанавливая информацию о далеких событиях. И теперь в пухлой папке содержалось подробное повествование о той судьбоносной ночи в истории России.

Николай очнулся от крепкого сна. Над ним стоял солдат. За последние несколько месяцев Николаю нечасто удавалось по-настоящему заснуть, и он был несколько не рад, что его разбудили. Однако он мало что мог с этим поделать. Когда-то он был Николаем II, российским императором, наместником Бога на земле. Но год назад в марте его вынудили совершить нечто неслыханное для монарха милостью Божьей — отречься от престола. Пришедшее на смену Временное правительство представляло собой коалицию либералов из бывшей Государственной думы и радикальных социалистов. Ему предстояло руководить страной в переходный период до созыва Учредительного собрания, которое должно было выработать новую конституцию. Однако немцы позволили Ленину беспрепятственно пересечь территорию Германии и вернуться в Россию, в надежде на то, что он принесет политический хаос.

И их ожидания сбылись.

Десять месяцев назад Ленин сверг слабое Временное правительство. Тюремщики Николая с гордостью называли этот переворот Октябрьской революцией.

Ну почему германский кайзер, его кузен, так с ним поступил? Неужели он настолько его ненавидел? Неужели победа в Мировой войне была для него настолько важна, что он пожертвовал правящей династией?

Судя по всему, да.

Всего через два месяца после прихода к власти Ленин — и это никого не удивило —

подписал перемирие с Германией, и Россия вышла из войны, оставив союзников один на один с врагом. Теперь наступающим германским армиям не нужно было отвлекаться на Восточный фронт. Великобританию, Францию и Соединенные Штаты такой оборот никак не устраивал. Николай понимал, какую опасную игру ведет Ленин. Он обещал людям мир, чтобы заручиться их поддержкой, но вынужден был откладывать выполнение обещаний, чтобы успокоить Антанту и в то же время не испортить отношения со своим истинным союзником — кайзером. Условия Брестского мира, подписанного пять месяцев назад в Брест-Литовске, были просто ужасными. Германии отошла четвертая часть территории России и почти треть ее населения. Николаю сообщали, что этот предательский сговор вызвал всеобщее недовольство. Из разговоров тюремщиков он узнал, что враги большевиков наконец объединились под белым знаменем, выбранным в качестве полной противоположности коммунистическому красному знамени. К белым уже устремились массы добровольцев, и в первую очередь из числа крестьян, которые так и не получили земли.

Разгоралась Гражданская война.

Белые против красных.

А он был лишь гражданином Романовым, пленником красных большевиков.

У него не осталось ничего.

Сначала Николая с семьей содержали в Александровском дворце в Царском Селе, недалеко от Петрограда. Потом их перевели дальше на восток, в Тобольск — маленький городок в глубине России, на берегу реки, застроенный беленькими церквями и бревенчатыми избами. Население там было лояльным к сосланным; все с большим почтением относились к свергнутому самодержцу. Ежедневно перед домом, где содержалась царская семья, собиралась большая толпа, люди снимали шапки и крестились. Не проходило и дня, чтобы ссыльному монарху не приносили пироги, свечи и иконы. Сами сторожа, солдаты гвардейского стрелкового полка, были очень дружелюбны, беседовали с пленниками, играли с ними в карты. Ссыльным приносили книги и газеты, им даже разрешалось писать письма. Кормили их превосходно, они пользовались всеми удобствами.

В целом не такая уж плохая тюрьма.

Затем, семьдесят два дня спустя, — следующий переезд.

На этот раз сюда, в Екатеринбург, расположенный на восточных склонах Уральских гор, в самом сердце матушки-России, в которой теперь хозяйничали большевики. По улицам города разгуливали десять тысяч красноармейцев. Местное население решительно отвергало все, связанное с царем. Реквизированный у богатого купца Ипатьева дом был превращен в тюрьму. Николай слышал, что его именовали «домом особого назначения». Вокруг дома возвели высокий деревянный забор, все стекла замазали известью, окна забрали решетками; открывать их было запрещено под страхом смерти. В спальнях и даже в туалетах сняли все двери. Николаю приходилось выслушивать, как его семью оскорбляли, осыпали насмешками. Стены покрывали скабрзные рисунки, изображающие его жену с Распутиным. Не далее как вчера он едва не подрался с наглым охранником. Мерзавец нацарапал на стене в спальне дочерей: «Николашку-царя стащили за яйца с трона».

Николай решительно одернул себя: хватит об этом думать.

— Сколько сейчас времени? — спросил он склонившегося над ним тюремщика.

— Два часа ночи.

— Что случилось?

— Вашу семью надо перевезти в другое место. К городу подходят белые. Не сегодня завтра будет штурм. Если на улицах начнется стрельба, в комнатах второго этажа будет опасно.

При этих словах Николая охватило радостное возбуждение. Он слышал, о чем перешептывались между собой охранники. Белая армия неудержимой волной разливалась по Сибири, занимая город за городом, освобождая территорию от красных. В последние дни все отчетливее слышалась артиллерийская канонада. Эти звуки вселяли в Николая надежду. Быть может, его генералы наконец придут сюда, и все опять будет хорошо.

— Вставайте и одевайтесь, — сказал солдат.

Он вышел, и Николай разбудил жену. Их сын Алексей спал на отдельной кровати в дальнем конце скромной комнаты.

Николай и Алексей молча надели гимнастерки военного образца, бриджи, сапоги и фуражки, а Александра Федоровна удалилась в комнату дочерей. К несчастью, Алексей не мог самостоятельно ходить. Очередной приступ гемофилии, случившийся два дня назад, снова превратил его в калеку, поэтому Николаю пришлось бережно нести на руках своего худенького тринадцатилетнего сына.

Появились четыре дочери.

Все в простых черных юбках и белых блузках. Мать прихрамывала за ними, опираясь на трость. В последнее время его драгоценное Солнышко ходила с трудом — быстро прогрессировала невралгия седалищного нерва, которой Александра Федоровна страдала с детства. Беспокойство за Алексея подорвало ее здоровье, тронуло сединой когда-то каштановые волосы и погасило ласковый свет в глазах, покоривший Николая с самой первой их встречи. Александра Федоровна дышала порывисто, порой с болезненным хрипом, губы у нее частенько синели. Она постоянно жаловалась на сердце и на спину, но Николай считал, что происходят эти боли от непередаваемого горя, обрушившегося на нее, от непрестанной тревоги за жизнь сына.

— В чем дело, папа? — спросила Ольга.

Ей, старшей дочери, было двадцать два года. Умная и образованная, во многом похожая на мать, она нередко бывала задумчивой и печальной.

— Быть может, пришло наше спасение, — одними губами произнес Николай.

Привлекательное лицо дочери озарилось радостью. К Ольге подошли сестры: Татьяна, младше ее на год, и Мария, младше на два года. Они сжимали в руках подушки. Татьяна, высокая и статная, любимица матери, была среди них признанным вожаком — ее называли Гувернанткой. Мария, с огромными глазами, миловидная и мягкая, была не прочь немного пококетничать. Она мечтала выйти замуж за простого солдата и родить двадцать детей. Обе слышали слова отца.

Николай знаком призвал их хранить молчание.

Семнадцатилетняя Анастасия держала в руках Короля Карла, кокер-спаниеля, который оставался у нее с разрешения тюремщиков. Невысокая и полненькая, она успела снискать себе репутацию бунтарки, но Николай никогда не мог устоять перед очарованием ее ясных голубых глаз.

К царской семье быстро присоединились четверо остальных пленников.

Доктор Евгений Сергеевич Боткин, лечащий врач цесаревича, Алексей Трупп камердинер Николая, Анна Демидова, горничная Александры Федоровны, и Иваг Харитонов, повар. Демидова тоже держала подушку, но Николай знал, что эта подушка

особая. Глубоко среди перьев была спрятана шкатулка с драгоценностями, и задача Демидовой заключалась в том, чтобы не выпускать подушку из вида. Александра Федоровна и девушки носили с собой сокровища постоянно: в корсеты их платьев были зашиты бриллианты, изумруды, рубины и нити жемчуга.

Сильно прихрамывая, Александра Федоровна приблизилась к мужу и спросила:

— Ты знаешь, в чем дело?

— Белые совсем близко.

Ее усталое лицо озарилось надеждой.

— Неужели?

— Сюда, пожалуйста, — послышался со стороны лестницы знакомый голос.

Обернувшись, Николай увидел Юровского.

Этот человек прибыл двенадцать дней назад вместе с группой сотрудников большевистской чрезвычайной комиссии, сменив предыдущего коменданта и его разболтанных охранников из числа бывших заводских рабочих. Сперва Николай обрадовался перемене, но скоро обнаружил, что новые люди — профессионалы своего дела. Среди них было несколько мадьяров, военнопленных австро-венгерской армии, нанятых большевиками для выполнения самой грязной работы, к которой русские испытывали отвращение. Предводителем их был Юровский. Смуглый человек с черными волосами, черной бородкой, неспешными манерами и неторопливой речью. Он отдавал приказы спокойным тоном и требовал беспрекословного их выполнения. Александра Федоровна тотчас же окрестила его «зубром-комендантом». Николай быстро пришел к выводу, что этому демону доставляет наслаждение издеваться над людьми.

— Поторопитесь, — сказал Юровский. — Времени мало.

Николай знаком призвал всех к тишине, и пленники спустились по деревянной лестнице на первый этаж. Алексей крепко спал, положив голову на плечо отца. Анастасия отпустила собаку, та немедленно улизнула.

Их вывели на улицу, через двор к полуподвальному помещению с одним сводчатым окном. Оштукатуренные стены были оклеены унылыми обоями в полоску. Мебели не было.

— Подождите здесь, пока приедут машины, — сказал Юровский.

— Куда мы поедем? — спросил Николай.

— Мы уедем отсюда, — только и ответил главный тюремщик.

— А стульев здесь нет? — спросила Александра Федоровна. — Можно, мы сядем?

Пожав плечами, Юровский что-то сказал своим людям. Появились два стула. Один заняла Александра Федоровна, Мария подложила матери под спину подушку, которая была у нее в руках. На второй Николай усадил Алексея. Татьяна подложила брату под спину свою подушку, помогая ему устроиться поудобнее. Демидова продолжала крепко прижимать подушку к груди обеими руками.

Вдалеке послышался гул канонады.

Юровский сказал:

— Нам нужно вас сфотографировать. Есть те, кто считает, что вам удалось бежать. Так что вы должны встать вот здесь.

Юровский расставил пленников. Когда он закончил, дочери стояли за спиной сидящей матери, Николай — за спиной Алексея, а остальные выстроились позади царской семьи. На протяжении последних шестнадцати месяцев им приказывали делать многие странные вещи. И этот неожиданный подъем среди ночи для фотографирования не был исключением. Когда

Юровский вышел из комнаты и закрыл за собой дверь, никто не сказал ни слова.

Тотчас же дверь снова открылась.

Однако за ней не оказалось фотографа с камерой на штативе. Вместо этого в комнату решительным шагом вошли одиннадцать вооруженных людей. Последним был Юровский. Правую руку он держал в кармане брюк. В другой сжимал листок бумаги.

Юровский начал читать:

— Ввиду того, что ваши сторонники продолжают нападать на Советскую Россию, Уральский совет принял решение вас расстрелять.

Николай плохо расслышал его слова. На улице надрывно заработал автомобильный двигатель, с ревом и грохотом. Странно. Оглянувшись на свою семью, Николай снова повернулся к Юровскому и переспросил:

— Что? Что?

Лицо тюремщика оставалось бесстрастным. Он лишь тем же самым монотонным голосом повторил свое заявление. Затем его правая рука появилась из кармана.

Николай увидел пистолет.

«Маузер».

Дуло приблизилось к его голове.

Каждый раз, когда Лорд читал о той кровавой ночи, у него в груди все переворачивалось. Он старался представить себе, как это было, когда началась стрельба. Какой ужас испытали пленники. Бежать некуда. Надеяться не на что. Им оставалось только умирать чудовищной смертью.

Лорд вернулся к тем событиям из-за одного документа, найденного в закрытых архивах. Десять дней назад он случайно наткнулся на эту записку, нацарапанную на простом листе бумаги. Текст был написан по дореформенным правилам правописания. Бумага стала ломкой от времени, черные чернила выцвели. Записка хранилась в красном кожаном мешочке, который когда-то был наглухо зашит. На сопроводительной бирке имелась надпись: «Получено 10 июля 1925 г. Не вскрывать до 1 января 1950 г.». Определить, было ли выполнено это предупреждение, не представлялось возможным.

Лорд тщательно перевел письмо.

Вверху значилась дата: 10 апреля 1922 года.

«Ситуация с Юровским меня очень беспокоит. Я не верю в аккуратность донесений, поступивших из Екатеринбурга, и информация, связанная с Феликсом Юсуповым, это подтверждает. К сожалению, белогвардейский офицер, которого вы убедили заговорить, мало чем смог помочь. Вероятно, слишком сильная боль оказалась контрпродуктивной. Очень любопытно упоминание о Николае Максимове. Это имя мне уже приходилось слышать. Город Стародуб также упоминался двумя другими белогвардейскими офицерами, которые заговорили в похожей ситуации. Что-то происходит, теперь я уверен в этом, но, боюсь, мой организм не продержится долго и я не успею узнать истину. Меня очень беспокоит судьба всех наших начинаний после моей смерти. Сталин — страшный человек. Есть в нем какая-то жесткость, исключаяющая любые проявления человеческих чувств при принятии решений. Если бразды правления нашим молодым государством попадут ему в руки, боюсь, мечта умрет.

Мне не дает покоя мысль о том, что одному или нескольким членам императорской семьи удалось бежать из Екатеринбурга. А все указывает на это. Судя по всему, товарищ Юсупов также уверен в этом. Возможно, он считает, что может предложить новому поколению передышку. Быть может, императрица была вовсе не такой глупой, как мы все полагали. Возможно, в бредовой болтовне «старца» было больше смысла, чем нам сперва казалось. Последние несколько недель, размышляя о судьбе Романовых, я постоянно вспоминаю слова из одного старого стихотворения: «Кости рыцаря — прах, меч, истлевший в руках. Но душа, верю я, в небесах»». ^[2]

И Лорд, и Артемий Белый не сомневались, что записка была написана рукой Ленина. И такое предположение вполне могло соответствовать действительности. Коммунисты бережно сохранили тысячи подобных документов. Однако эта записка была обнаружена совсем не там, где можно было бы ожидать. Лорд нашел ее среди бумаг, возвращенных из фашистской Германии после Второй мировой войны. Гитлеровские полчища, вторгнувшись в Советский Союз, вывозили не только произведения искусства, но и архивные материалы — тоннами. Хранилища документов в Ленинграде, Сталинграде, Киеве и Москве были разграблены дочиستا. Лишь после окончания войны созданная по приказу Сталина Чрезвычайная комиссия занялась возвращением исторических и культурных ценностей, и

многие архивы вернулись на родину.

В мешочке из красной кожи обнаружилось еще одно письмо. Пергамент с легкомысленным узором из листьев и цветов по краям. Письмо было написано по-английски, несомненно, женским почерком:

«28 октября 1916 года

Дорогой мой, любимый, душа моей души, мой крошка, сладкий ангел, о, я так тебя люблю, мы всегда вместе, ночью и днем, и я чувствую, что происходит в твоём бедном сердце. Боже, смилостивься, дай силы и мудрости! Он тебя не забудет. Он поможет, воздаст за эти безумные страдания и положит конец разлуке в то время, когда так нужно быть вместе.

Наш друг только что ушел. Он снова спас младенца. О, милостивый Иисус, слава Господу, что он у нас есть. Боль была невыносимая, мое сердце разрывалось от этой картины, но сейчас малыш спит спокойно. Мне обещано, что завтра он будет здоров.

Такая солнечная погода, облаков совсем нет. Это означает: верь и надейся, и пусть все вокруг черным-черно, но Господь выше всего; неисповедимы Его пути, нам неизвестно, как Он поможет, но Он внимлет всем молитвам. Наш друг настойчиво твердит это.

Я должна тебе рассказать, что перед самым уходом с нашим другом случились странные конвульсии. Я неслезанно испугалась, что он болен. Что без него будет делать наш малыш? Наш друг упал на пол и начал бормотать про то, что до конца года покинет этот мир, про то, что он видит горы трупов, среди которых несколько великих князей и сотни дворян. Он сказал, что воды Невы станут красными от крови. Его слова повергли меня в ужас.

Устремив взор к небесам, наш друг предупредил меня, что, если его убьют бояре, их руки на протяжении двадцати пяти лет будут обогреты кровью. Они бегут из России. Брат поднимется на брата, они убьют друг друга в ненависти, и в стране больше не останется знати. Что самое страшное, по словам нашего друга, если за его убийством будет стоять кто-то из наших родственников, ни один человек из нашей семьи не проживет больше двух лет. Русский народ нам этого не простит.

Наш друг заставил меня встать и тотчас же записать все это. Он сказал, что не надо впадать в отчаяние. Спасение придет. Тот, на ком лежит самая большая вина, увидит свою ошибку. Он позаботится о том, чтобы наша кровь возродилась вновь. Бессвязные слова нашего друга граничили с полным бредом, и у меня впервые мелькнула мысль, не оказало ли на него действие вино, коим от него сильно разило. Он упрямо повторял, что только ворон и орел смогут преуспеть там, где все остальные потерпят неудачу, и что невинность зверей будет охранять их и указывать им дорогу, став высшим судьей успеха. Он сказал, что Господь укажет способ быть уверенным в своей правоте. Самым пугающим было его заявление о том, что двенадцать человек должны будут умереть, прежде чем возрождение полностью завершится.

Я просила нашего друга объяснить, что все это значит, но он молчал, настаивая на том, что я должна точь-в-точь записать это пророчество и передать

его видение тебе. Он говорил так, словно с нами может что-то произойти, но я заверила его в том, что Папа крепко держит страну в своей руке. Мои слова его несколько не успокоили, и я провела в тревоге всю ночь. О, мой драгоценный, я крепко тебя обнимаю, я никому не позволю прикоснуться к твоей сияющей душе. Я целую, целую и еще раз целую и благословляю тебя, и ты меня всегда понимаешь. Надеюсь, скоро ты приедешь ко мне.

Твоя женеушка».

Это письмо написала Александра Федоровна, последняя российская императрица. Она на протяжении десятилетий вела дневник, как и ее супруг, Николай II. Эти записи впоследствии позволили проникнуть в самые сокровенные тайны императорского двора. После казни царской семьи в Екатеринбурге было обнаружено свыше семисот писем. Лорд читал выдержки из дневников и почти все письма. Недавно появилось несколько книг, в которых они были воспроизведены дословно. Лорд знал, что «нашим другом» Николай и его жена называли Распутина — они опасались, что за перепиской следят. К сожалению, непоколебимую веру царской четы в Распутина не разделял никто.

— Так глубоко погружен в раздумья, — произнес по-русски чей-то голос.

Лорд поднял взгляд.

Перед столом стоял пожилой мужчина. Бледный, со светло-голубыми глазами, впалой грудью и веснушчатыми запястьями. Ото лба уходила огромная залысина, желтоватая шея усыпана пушком седеющей щетины. Лорд вспомнил, что видел этого мужчину изучающим архивы — он был одним из немногих, кто работал здесь так же напряженно, как и сам Лорд.

— На самом деле я на какое-то время вернулся в тысяча девятьсот шестнадцатый год, — ответил Лорд по-русски. — Читать эти документы — все равно что путешествовать во времени.

Пожилой мужчина улыбнулся. Лорд прикинул, что ему под шестьдесят, а то и побольше.

— Полностью с вами согласен. Это одна из причин, почему я люблю сюда приходить.

Напоминание о том, что было когда-то.

Тотчас же почувствовав родственную душу, Лорд встал и приветливо улыбнулся.

— Меня зовут Майлз Лорд.

— Мне известно, кто вы такой.

Лорда захлестнула волна подозрительности, и он непроизвольно осмотрелся по сторонам.

Собеседник, похоже, уловил его страх.

— Уверяю вас, господин Лорд, вам нечего опасаться с моей стороны. Я просто уставший историк, которому захотелось немного поболтать с человеком схожих интересов.

Лорд несколько успокоился.

— Но откуда вы меня знаете?

Мужчина усмехнулся.

— Вы не в особом почете у женщин, работающих в этом хранилище. Им не по душе, что ими командует какой-то американец...

— К тому же чернокожий?

— К сожалению, наша страна не слишком прогрессивна в вопросе равенства рас. Народ у нас светлокожий. Однако к вашим рекомендациям приходится относиться уважительно.

— А вы кто такой?

— Семен Александрович Пашенко из Московского государственного университета.

Мужчина протянул руку, и Лорд крепко ее пожал.

— А где тот господин, что сопровождал вас в предыдущие дни? Кажется, он юрист. Мы с ним обменялись парой фраз, встречаясь между стеллажами.

Лорд хотел солгать, но решил, что лучше сказать правду.

— Сегодня днем он был застрелен на Никольской улице. Заказное убийство.

На лице историка отразилось потрясение.

— Я видел что-то такое по телевизору. Просто ужасно.

Он покачал головой.

— Если ничего не предпринять в самое ближайшее время, эта страна погубит сама себя.

Лорд уселся и предложил Пашенко сесть рядом.

— Вы имели к этому какое-то отношение? — спросил профессор, опускаясь на стул.

— Я там был.

Об остальном Лорд умолчал.

— Этот ужас ни в коей мере не передает, кем и чем является русский народ. Наверное, вы, жители цивилизованного Запада, считаете нас варварами.

— Вовсе нет. Каждое государство переживает подобные периоды. У нас в Штатах было нечто похожее во время освоения Дикого Запада и в двадцатых — тридцатых годах прошлого столетия.

— Но я думаю, нынешняя ситуация в России — это нечто большее, чем просто детская болезнь.

— Последние несколько лет выдались для вас особенно тяжелыми. Плохо было даже тогда, когда правительство в России еще держалось. Ельцин и Путин хоть как-то старались поддержать порядок в стране. Но сейчас, когда сохранилось лишь жалкое подобие власти, остался шаг до полной анархии.

Пашенко кивнул.

— К несчастью, для моей родины в этом нет ничего нового.

— Вы ученый?

— Историк. Всю жизнь я посвятил изучению нашей любимой матушки-Руси.

Лорд усмехнулся, услышав это древнее выражение.

— Смею предположить, какое-то время ученым вашей специальности пришлось сидеть без дела.

— Увы. У коммунистов был собственный взгляд на историю.

Лорд вспомнил фразу, которую где-то когда-то прочитал: «Россия — страна с непредсказуемым прошлым».

— Значит, вы преподавали?

— Да, на протяжении тридцати лет. Я видел их всех. Сталина, Хрущева, Брежнева. Каждый наносил стране какой-то свой, особенный вред. То, что произошло, — великий грех. Но даже сейчас мы никак не хотим расстаться с прошлым. Люди по-прежнему каждый день выстраиваются в длинную очередь, чтобы пройти мимо тела Ленина.

Пашенко понизил голос.

— Кровавый мясник, которого почитают как святого. Вы обратили внимание на цветы у памятника перед входом в это здание? Какая мерзость!

Лорд решил очень осторожно подбирать слова. Пусть сейчас посткоммунистическая

эпоха, которой вскоре суждено стать эпохой возрождения царизма, сам он по-прежнему оставался американцем, и полномочия для работы ему выдало шаткое российское правительство.

— Что-то подсказывает мне, что, если завтра по Красной площади пойдут танки, все, кто работает в этом архиве, встретят их с радостью.

— Эти люди ничем не лучше уличных попрошайек, — угрюмо подтвердил Пашенко. — Они хранили секреты вождей, а взамен получали хорошую квартиру, лишний кусок хлеба, несколько дополнительных дней к летнему отпуску. Нужно работать и зарабатывать все своим трудом, разве не на этом держится Америка?

Лорд не ответил. Вместо этого он сам спросил:

— Что вы думаете о Царской комиссии?

— Лично я голосовал за. Разве с царем может быть хуже?

Лорд давно пришел к выводу, что это самая распространенная точка зрения.

— Нечасто можно встретить американца, который так хорошо владеет русским языком.

Лорд пожал плечами.

— Россия — потрясающая страна.

— Вы давно интересуетесь нашей родиной?

— Я начал читать про Петра Великого и Ивана Грозного с детства.

— И вот теперь вы работаете в составе Царской комиссии. Вам предстоит творить историю.

Пашенко указал на разложенные на столе листы.

— Вижу, это довольно старые документы. Они из закрытого архива?

— Я обнаружил их всего пару недель назад.

— Я узнаю почерк. Вот это письмо написала Александра Федоровна. Все письма и дневники она писала на английском. Русский народ ее ненавидел, потому что она была урожденная германская принцесса. Лично я всегда считал подобную ненависть совершенно безосновательной. Императрице выпала трагическая судьба быть непонятой.

Решив, что знания этого русского ученого могут оказаться полезными, Лорд протянул ему лист бумаги. Пашенко внимательно прочитал письмо, а когда закончил, сказал:

— Александра Федоровна была витиевата в своих писаниях. Здесь еще довольно скромно изложено. Они с Николаем написали друг другу множество романтических писем.

— Мне очень грустно изучать их. Я чувствую себя так, словно вторгаюсь в чужую тайну. Недавно я читал о казни царской семьи. Наверное, этот Юровский был настоящим дьяволом.

— Сын Юровского утверждал, что его отец всегда сожалел о своей роли в этой трагедии. Но кто может сказать правду? Целых двадцать лет после расстрела царской семьи Юровский читал большевикам лекции о той кровавой расправе, гордясь тем, что сделал.

Лорд протянул Пашенко записку, написанную Лениным.

— Взгляните вот на это.

Медленно прочитав документ, он сказал:

— Определенно, это написал Ленин. Я хорошо знаком и с его почерком, и со стилем. Любопытно.

— Вот именно.

У Пашенко зажегся взгляд.

— Конечно же, вы не верите в рассказы о том, что двоим членам царской семьи удалось остаться в живых после расстрела в Екатеринбурге?

Лорд пожал плечами.

— Тела Алексея и Анастасии не найдены и по сей день. А теперь вот это.

Пашенко усмехнулся.

— Воистину, американцы подозрительная нация. Во всем им мерещится заговор.

— Сейчас именно в этом заключается моя работа.

— Насколько я понимаю, вы должны поддержать притязания Степана Бакланова?

Лорд был немало удивлен, как много известно его новому знакомому.

Пашенко повел рукой вокруг.

— Опять же эти женщины, господин Лорд. Они знают все. Ваши запросы на выдачу тех или иных документов заносятся в журнал, и, поверьте мне, здешние хранительницы на все обращают внимание. Вы встречались с наиболее вероятным претендентом?

— Нет. Но тот, на кого я работаю, знаком с ним лично.

— Бакланов подходит для того, чтобы править Россией, не больше, чем подходил для этого Михаил Романов четыреста лет назад. Слишком слабый. Но, в отличие от бедняги Михаила, за которого принимал решения его отец, Бакланов будет предоставлен самому себе, и многие будут упиваться его неудачами.

В этом русский ученый был прав. Из всего, известного Лорду о Бакланове, следовало, что этого человека волновало в первую очередь возрождение института самодержавия, а никак не управление страной.

— Господин Лорд, позвольте дать вам совет.

— Разумеется.

— Вы были в архиве в Санкт-Петербурге?

Лорд покачал головой.

— Знакомство с тамошними документами может оказаться плодотворным. В архиве хранится множество рукописей Ленина. Там же находится большая часть дневников и писем царя и императрицы. Это поможет вам понять смысл ваших находок.

Предложение показалось Лорду дельным.

— Благодарю вас, возможно, я так и поступлю.

Он взглянул на часы.

— А сейчас прошу меня извинить. Мне нужно еще кое-что прочитать до закрытия. Но мне было очень приятно побеседовать с вами. Я пробуду здесь несколько дней. Быть может, мы еще как-нибудь поболтаем.

— Я тоже буду время от времени заглядывать сюда. Если не возражаете, я посижу здесь немного. Можно мне еще раз взглянуть на эти документы?

— Конечно.

Когда десять минут спустя Лорд вернулся, письма Александры Федоровны и Ленина лежали на столе, но Семен Пашенко уже ушел.

17 часов 25 минут

Черный «БМВ» подобрал Хейеса перед входом в «Метрополь». После пятнадцатиминутной поездки по свободным на удивление улицам водитель свернул в огороженный двор. Здание, построенное в начале девятнадцатого века в стиле позднего классицизма, с тех самых пор оставалось одной из достопримечательностей Москвы. При коммунистическом режиме здесь размещался Государственный комитет по литературе и искусству, а потом здание, как и многое другое, ушло с молотка и в конечном счете оказалось в руках новых русских, новоявленных российских богачей.

Выйдя из машины, Хейес попросил водителя подождать.

Как обычно, двор патрулировали двое охранников, вооруженных автоматами Калашникова. Оштукатуренный фасад, выкрашенный голубой краской, в сумерках угасающего дня казался серым. Хейес сделал глубокий вдох — воздух был пропитан горечью автомобильных выхлопов — и решительно направился через прелестный осенний сад по дорожке, вымощенной кирпичом. Открыв незапертую сосновую дверь, он вошел.

В плане дом представлял собой полную мешанину стилей: помпезная прихожая, залы и гостиные, расположенные ближе к фасаду, выходящему на улицу, а в дальнем крыле — жилые помещения. Отделка соответствовала эпохе и, как предполагал Хейес, была подлинной, хотя он и не спрашивал об этом владельца. Пройдя по лабиринту узких коридоров, Хейес отыскал обитый деревом салон, в котором обыкновенно проходили встречи.

Там его уже ждали четверо, с рюмками в руках, попыхивая сигарами.

Хейес познакомился с ними около года назад, они общались между собой, обращаясь друг к другу только по кодовым именам. Хейес был известен как Линкольн, остальные скрывались за ярлыками, которые сами для себя выбрали: Сталин, Ленин, Хрущев и Брежнев. На эту мысль навел плакат из популярного московского сувенирного магазина. На нем были изображены российские цари, императоры и императрицы, а также советские лидеры — все собрались за большим столом, курили и пили водку, обсуждая матушку-Россию. Разумеется, в действительности подобного быть не могло, но художник позволил себе пофантазировать, как вел бы себя каждый из этих персонажей, если бы такое все-таки произошло. И эти четверо тщательно выбирали себе маски, упиваясь мыслью о том, что их встреча чем-то напоминала сюжет картины и что в их руках — судьба Родины.

Все поздоровались с новоприбывшим, и Ленин налил Хейесу водки из графина, который охлаждался в серебряном ведерке со льдом. Гостю предложили блюдо с копченой семгой и маринованными маслятами. Хейес отказался.

— Боюсь, у меня для вас плохие новости, — сказал он по-русски и поведал о том, что Майлзу Лорду удалось остаться в живых.

— Есть еще один момент, — сказал Брежнев. — До сегодняшнего дня мы понятия не имели, что этот ваш адвокат — африканец.

Хейес нашел это замечание забавным.

— Лорд не африканец. Он американец. Но если вы имеете в виду цвет его кожи, то

какое это имеет значение?

Сталин подался вперед. В отличие от своего тезки он, похоже, всегда прислушивался к голосу разума.

— Американцам так трудно уразуметь, насколько чутко русские относятся к понятию «судьба».

— И каким же боком здесь завязана судьба?

— Расскажите нам о господине Лорде, — попросил Брежнев.

Разговор сильно обеспокоил Хейеса. Ему показалось странным, что эти люди так равнодушно приказали устранить Лорда, не зная о нем почти ничего. Ленин дал Хейесу телефон следователя Орлегова и распорядился организовать через него убийство американского юриста. Сперва Хейес расстроился — найти замену такому ценному помощнику будет весьма непросто; однако ставки были слишком высоки, чтобы переживать из-за какого-то адвоката. Он выполнил все в точности так, как и было сказано. И вот теперь новые вопросы. В которых не было никакого смысла.

— Он пришел в нашу фирму прямо после юридического факультета Университета Виргинии. С детства интересовался Россией, защитил диссертацию по истории государств Восточной Европы. Хорошие способности к иностранным языкам. У нас чертовски трудно найти дельного юриста, владеющего русским. Я решил, что такой специалист нам пригодится, и я не ошибся. Многие наши клиенты предпочитают работать исключительно с Майлзом Лордом.

— Информация личного характера? — спросил Хрущев.

— Родился и вырос в Южной Каролине, в относительно преуспевающей семье. Его отец был священником. Из тех, кто стремился возродить идею священников-передвижников, которые путешествуют из города в город, читая проповеди под открытым небом и исцеляя людей. Со слов самого Лорда получается, что они с отцом не слишком-то ладили. Майлзу сейчас тридцать восемь или тридцать девять лет, он никогда не был женат. Насколько я могу заключить, живет без особых излишеств. Работает очень усердно. Один из наших лучших специалистов. Лично у меня с ним не было проблем.

Ленин откинулся на спинку стула.

— Откуда этот интерес к России?

— Хоть убейте — понятия не имею. Если верить его словам, Лорд искренне очарован страной. И это у него с детства. Он очень увлекается историей, у него в кабинете полно книг и журналов. Майлз даже читал лекции в наших местных университетах и на заседаниях юридической коллегии штата. А теперь позвольте мне кое-что спросить. Почему все это так важно?

Сталин расправил плечи.

— Учитывая то, что произошло сегодня, это несущественно. Проблему господина Лорда придется отложить. Сейчас нам следует думать о том, что произойдет завтра.

Но Хейес не собирался так просто закрывать тему.

— Прошу вспомнить, я был против того, чтобы убивать Лорда. Я говорил вам, что смогу сам с ним справиться, какими бы ни были ваши опасения.

— Вот вам и карты в руки, — сказал Брежнев. — Мы решили, что отныне господином Лордом занимаетесь вы.

— Рад, что мы сошлись во мнении. С Майлзом не возникнет никаких проблем. Но мне еще никто не объяснил, в чем с ним уже была проблема.

— Ваш помощник слишком внимательно изучает архивы, — сказал Хрущев.

— Именно для этого я его туда и отправил. По вашему приказу, могу добавить.

Порученная задача была простой. Найти все, что могло повлиять на притязания Степана Бакланова на престол. И Лорд шесть недель рылся в архивах по десять часов в день, докладывая обо всех находках. Хейес предположил, что какой-то из обнаруженных документов возбудил интерес этих людей.

— Вам совсем необязательно знать все, — сказал Сталин. — Да я и не верю, что вы на самом деле этого хотите. Достаточно сказать, что мы видели в устранении господина Лорда самый экономный способ решения вопроса. Эта попытка окончилась неудачей, поэтому мы готовы последовать вашему совету. На какое-то время.

Это заявление сопровождалось усмешкой. Хейесу не слишком-то нравилось снисходительное обращение со стороны этой четверки. Он был не каким-то мальчиком на побегушках. Он был пятым членом того, что сам называл «тайной канцелярией». Хейес решил оставить раздражение при себе и переменял тему.

— Насколько я понимаю, принято решение, что новая монархия будет абсолютной?

— Вопрос о границах царской власти по-прежнему на стадии обсуждения, — ответил Ленин.

Хейес понимал, что определенные аспекты того, чем они занимались, являлись исключительно русскими и принимать по ним решение могли только русские. И пока эти решения не ставили под угрозу огромные финансовые вложения клиентов «Придген и Вудворт» и солидное вознаграждение, на которое рассчитывал он сам, ему не было до них никакого дела.

— Каково наше влияние в комиссии?

— Девять ее членов проголосуют так, как мы скажем, независимо ни от чего, — сказал Ленин. — К остальным восьмерым мы ищем подходы.

— Закон требует единогласного решения, — заметил Брежнев.

— Ума не приложу, как мы могли пропустить такое, — вздохнул Ленин.

Единогласное принятие решения было прописано в резолюции о создании Царской комиссии. Российский народ одобрил и возвращение царя, и создание комиссии, но при условии, что все семнадцать ее членов проголосуют за. Одного голоса достаточно, чтобы предотвратить попытки перетасовать колоду.

— Вопрос с остальными восьмерыми будет решен, когда придет время голосовать, — сказал Сталин.

— Вы работаете над этой проблемой? — спросил Хейес.

— Можете не сомневаться.

Сталин отпил глоток водки.

— Но нам потребуются дополнительные фонды, мистер Хейес. Купить этих людей, оказывается, очень дорого.

Почти вся деятельность «тайной канцелярии» финансировалась иностранными кредиторами, и это весьма беспокоило Хейеса. Он оплачивал все счета, но при этом имел ограниченное право голоса.

— Сколько? — спросил Хейес.

— Двадцать миллионов долларов.

Он сдержал свои чувства. Эта сумма требовалась в дополнение к десяти миллионам, выделенным всего месяц назад. Хейесу захотелось узнать, какая часть этих денег доходит до

членов комиссии, а какая остается у тех, кто сейчас сидел вокруг него, но он не осмелился задать этот вопрос.

Сталин протянул ему два запечатанных в пластик пропуска.

— Вот ваши удостоверения сотрудников аппарата комиссии. Они откроют вам и вашему господину Лорду доступ в Кремль. Кроме того, вам будет разрешен вход в Грановитую палату. Вы получаете такие же права, как и остальные сотрудники.

На Хейеса это произвело впечатление. Он не ожидал, что ему позволят присутствовать на заседаниях.

Хрущев усмехнулся.

— Мы решили, будет лучше, если вы сможете присутствовать лично. Там будет много американских журналистов. Вам не составит труда затеряться в толпе и держать нас в курсе. Члены комиссии не знают ни вас, ни того, насколько обширные у вас связи. Ваши наблюдения будут полезны для дальнейшей работы.

— Мы сошлись во мнении, что нам хотелось бы расширить круг стоящих перед вами задач, — добавил Сталин.

— Каким же образом? — спросил Хейес.

— Очень важно, чтобы никто не мешал комиссии вести обсуждения. Мы позаботимся о том, чтобы заседание получилось кратким, но существует опасность вмешательства посторонних факторов.

Еще во время предыдущей встречи у Хейеса сложилось впечатление, что эти четверо чем-то очень озабочены. И это подозрение подкрепили слова Сталина, сказанные сегодня в ответ на вопрос о Лорде. «Американцам так трудно уразуметь, насколько чутко русские относятся к понятию «судьба»».

— Что я должен сделать?

— Все, в чем возникнет необходимость. Разумеется, любой из нас мог бы попросить тех людей, которых мы представляем, решить любую проблему, однако нам надо хотя бы внешне оставаться в стороне. К сожалению, в отличие от прежнего Советского Союза, новая Россия не может надежно хранить свои тайны. Наши архивы открыты, наша пресса ведет себя агрессивно, зарубежное влияние очень сильно. У вас, напротив, международная репутация. И к тому же кто заподозрит вас в неблаговидной деятельности?

Тонкие губы Сталина скривились в хитрой усмешке.

— И как я должен разруливать непредвиденные ситуации?

Сталин достал из внутреннего кармана пиджака карточку. На ней был написан номер телефона.

— По этому телефону ждут люди. Если вы им прикажете, они бросятся в Москву-реку и не вынырнут, можете не сомневаться. Мы предлагаем распорядиться их преданностью более мудро.

Среда, 13 октября

Лорд не отрываясь смотрел сквозь тонированные стекла «мерседеса» на красные стены Кремля. Часы на Спасской башне громко отбили восемь ударов. Восемь часов утра. Лорда и Тейлора Хейеса везли по Красной площади. За рулем сидел косматый русский. При других обстоятельствах Лорд посчитал бы его страшным, но о транспорте договорился сам Хейес.

Красная площадь была пустынной. Из уважения к коммунистам, которые до сих пор сохраняли представительство в Государственной думе, вымощенное брусчаткой пространство оставалось огороженным до часа дня, когда открывался для посетителей мавзолей Ленина. Лорд находил эту уступку нелепой, однако, судя по всему, ее хватало, чтобы удовлетворить самолюбие тех, кто совсем недавно правил этой страной с населением в сто пятьдесят миллионов человек.

Часовой в форме, увидев ярко-оранжевый пропуск на ветровом стекле машины, махнул в сторону Спасских ворот. Лорд ощутил восторженное возбуждение, въезжая в Кремль через эти ворота. Спасская башня была возведена в 1491 году Иваном III в ходе масштабных работ по перестройке Кремля, и через ее ворота проходили все цари и царицы, восходящие на древний престол. Сегодня ворота служили официальным входом для членов Царской комиссии и сотрудников ее аппарата.

Лорда до сих пор трясло. У него из головы не выходили мысли о смертельной погоне, произошедшей недалеко от этих мест. За завтраком Хейес заверил молодого помощника, что предприняты все необходимые меры для его безопасности, и Лорд полностью полагался на слово босса. Он верил Хейесу. Уважал его. Ему отчаянно хотелось участвовать в происходящих событиях, но он все же спрашивал себя, правильно ли поступает.

Что бы сказал отец, увидев его сейчас?

Преподобный Гровер Лорд не слишком-то любил адвокатов. Ему нравилось называть их «саранчой на поле людском». Однажды отец побывал в Белом доме в составе делегации священников южных штатов, когда президент подписал без обсуждения нелепый закон об обязательном чтении молитв в общественных школах. Меньше чем через год Верховный суд отменил этот закон как противоречащий конституции. «Безбожная саранча!» — бушевал с кафедры отец Лорда.

Когда сын выбрал профессию юриста, Гровер Лорд не одобрил этого и выразил свое отвращение тем, что не выделил ни цента на университет, хотя мог бы без труда оплатить весь счет за обучение. Это вынудило Майлза финансировать свое образование самостоятельно за счет студенческих кредитов и ночной подработки. Учился он хорошо и получил диплом с отличием. Потом устроился работать в замечательное место и быстро поднялся по карьерной лестнице. И вот теперь ему предстояло увидеть, как творится история.

«Так что пошел ты к такой-то матери, Гровер Лорд», — подумал Майлз.

«Мерседес» въехал во внутренний двор Кремля.

Лорд с восхищением смотрел на здание в стиле неоклассицизма, в котором когда-то располагался Президиум Верховного совета СССР. Над его куполом уже не было красного

большевицкого знамени. Утренний ветерок трепал полотнище с изображением императорского двуглавого орла. Не было и памятника Ленину — Лорд вспомнил, какими возмущенными криками сопровождался его снос. В кои-то веки Ельцин проигнорировал общественное недовольство и приказал переплавить чугунный монумент.

Лорд восторгался окружающей его архитектурой. В Кремле как нигде воплотилась любовь русских ко всему помпезному. Они разбивали городские площади настолько просторные, что на них могли бы разместиться пусковые установки, отливали колокола такие огромные, что их так и не удавалось поднять на колокольни, и строили ракеты такие мощные, что те становились неуправляемыми. Больше значило не только лучше; это было восхитительно.

Автомобиль сбросил скорость и свернул.

Слева возвышались Архангельский и Благовещенский соборы, справа — Успенский собор и собор Двенадцати апостолов с Патриаршими палатами. Излишне помпезные сооружения. Все они были построены при Иване III, который своим несдержанным расточительством снискал себе прозвище Великий. Лорд знал, что многие главы русской истории начинались и заканчивались в этих древних зданиях, увенчанных золотыми луковицами куполов с затейливыми византийскими крестами. Он уже бывал в этих соборах, но даже предположить не мог, что его привезут на Соборную площадь в правительственном лимузине, что он будет участвовать в восстановлении российской монархии. Неплохо для сына простого проповедника из Южной Каролины.

— Да, то еще дерьмо, — заметил Хейес.

Лорд улыбнулся.

— Это вы точно подметили.

Лимузин плавно остановился.

Они вышли на морозный воздух. На ярко-голубом небе не было ни облачка — большая редкость для русской осени. Лорд надеялся, что это доброе знамение.

Ему не доводилось бывать в Грановитой палате. Туристов туда не пускали. Это одно из немногих мест в Кремле, сохранивших первоначальный облик. Иван Великий воздвиг этот шедевр в 1491 году и дал ему название по форме плит, которыми была отделана снаружи палата.

Застегнув пальто, Лорд следом за Хейесом поднялся на торжественное Красное крыльцо. Сама лестница была уничтожена при Сталине и восстановлена несколько лет назад по старинным рисункам. Отсюда цари когда-то выходили на коронацию в расположенный по соседству Успенский собор. И именно с этого места Наполеон смотрел на горящую Москву.

Они направились в Большой зал.

Раньше Лорд видел только снимки этого старинного зала и быстро понял, что никакие фотографии не могли передать его истинного величия. Лорд знал, что при размерах в пять тысяч четыреста квадратных футов Большой зал был самым просторным помещением в Москве пятнадцатого века. Главным его предназначением было производить впечатление на иностранных послов. Сегодня яркий свет бронзовых люстр заливал искрящимся золотом массивную центральную колонну и стены, расписанные библейскими сюжетами и сценами, прославляющими мудрость царей.

Лорд постарался представить, что происходило здесь в 1613 году.

Династия Рюриковичей, правившая Россией семьсот лет, — самыми известными ее

представителями были Иван Великий и Иван Грозный — оборвалась. Три человека пытались занять царский престол, но безуспешно. Последовало Смутное время, двенадцать лет страданий, когда многие стремились основать династию. Наконец бояре, уставшие от хаоса, собрались в Москве, в этих самых стенах, и избрали новое правящее семейство. Романовых. Но Михаилу, первому царю из династии Романовых, страна досталась в полной разрухе. Леса кишели разбойниками и грабителями. Повсеместно распространились голод и болезни. Торговля почти замерла. Подати не поступали, казна была пуста.

Лорд заключил, что та ситуация во многом похожа на нынешнюю.

Семьдесят лет коммунизма оставили такие же раны, что и двенадцать лет без царя.

На мгновение Лорд представил себя боярином, участником тех выборов, облаченным в дорогой наряд из парчи и бархата, в высокой горностаевой шапке, восседающим на одной из дубовых скамей, что стояли вдоль покрытых позолотой стен.

Какой, наверное, это был памятный момент.

— Поразительно, — прошептал Хейес. — Эти болваны не научились обрабатывать поля так, чтобы они плодоносили больше двух лет подряд, но сумели построить вот это.

Лорд вынужден был согласиться.

Один конец зала занимали составленные подковой столы, застеленные красным бархатом. Лорд насчитал семнадцать кресел с высокими прямыми спинками. В эти кресла уселись делегаты. Семнадцать мужчин, ни одной женщины. Региональных выборов не было. Лишь избирательная кампания продолжительностью тридцать дней, затем всеобщее голосование, и семнадцать кандидатов, набравших большинство голосов, составили комиссию. По сути дела, общенациональный конкурс личной популярности, но, возможно, это был простейший способ не допустить господства на выборах какой-либо одной группировки.

Лорд прошел следом за Хейесом к ряду стульев и занял место среди других сотрудников аппарата и журналистов. Телевизионные камеры должны были транслировать все заседания комиссии в прямом эфире.

Заседание открыл делегат, которого вчера избрали председателем. Откашлявшись, он зачитал заранее подготовленное заявление.

— Шестнадцатого июля тысяча девятьсот восемнадцатого года наш благороднейший царь Николай Второй и все его наследники ушли из жизни. Наша задача заключается в том, чтобы искупить вину прошедших с тех пор лет и вернуть государству царя. Народ уполномочил эту комиссию выбрать человека, который будет править нашей страной. Подобное решение имеет исторический прецедент. Другие люди уже собирались здесь, в этом самом зале, в тысяча шестьсот тринадцатом году, чтобы избрать первого правителя из династии Романовых, Михаила Федоровича. Его потомки правили страной до второго десятилетия двадцатого века. Мы собрались, чтобы исправить зло, сотворенное тогда. Вчера вечером нас благословил Патриарх всея Руси Адриан. Он обратился с молитвой к Всевышнему, прося Его помочь в нашей нелегкой задаче. Перед лицом всех, кто сейчас меня слушает, я заявляю, что наша комиссия будет работать честно и открыто. Мы будем поощрять любые дебаты, потому что только в споре рождается истина. А теперь приглашаю взять слово тех, кому есть что сказать по данному вопросу.

Лорд терпеливо просидел все утреннее заседание. Время ушло на вводные замечания, процедурные вопросы, определение повестки дня. Делегаты согласились, что

первоначальный список кандидатов будет оглашен на следующий день. Каждую кандидатуру будет представлять доверенное лицо. Три дня отвели на обсуждение. На четвертый состоится предварительное голосование, по результатам которого список будет сокращен до трех кандидатов. Затем последует второй круг дебатов, и два дня спустя будет принято окончательное решение. По условиям национального референдума окончательное решение должно быть принято единогласно. Все остальные решения будут приниматься простым большинством. Если за эти шесть дней ни один из кандидатов так и не будет выбран, вся процедура начнется заново. Однако, судя по всему, члены комиссии сходились в том, что ради сохранения народного доверия необходимо предпринять все усилия, чтобы выбрать достойного кандидата с первой попытки.

Незадолго до перерыва на обед Лорд и Хейес вышли из Большого зала в Святые сени Хейес отвел своего помощника в арку, где ждал косматый водитель, сидевший утром за рулем «мерседеса».

— Майлз, это Илья Звонарев. Он будет твоим телохранителем.

Лорд внимательно оглядел похожего на сфинкса русского. Непроницаемое лицо, ледяной блеск глаз, мощная шея. Звонарев имел богатырское телосложение.

— Илья будет за тобой присматривать. Мне его рекомендовали с самой лучшей стороны. Он бывший военный, прекрасно знает город.

— Я очень вам признателен, Тейлор. Очень.

Улыбнувшись, Хейес взглянул на часы.

— Уже почти двенадцать, надо поспешить на брифинг. Я останусь здесь. Но я вернусь в гостиницу до того, как ты тронешься в путь.

Он повернулся к Звонареву.

— Вы будете присматривать за этим парнем, как мы и говорили.

12 часов 30 минут

Лорд вошел в конференц-зал «Метрополя». В просторном помещении без окон он увидел три десятка мужчин и женщин в строгих деловых костюмах. Официанты как раз закончили разносить напитки. Теплый воздух, как и повсюду в гостинице, отдавал запахом пепельницы. Илья Звонарев остался ждать снаружи, за двустворчатой дверью, ведущей в фойе. Лорду было легче от сознания того, что коренастый русский рядом.

На лицах было написано беспокойство. Лорд понимал, чем оно вызвано. Нетерпеливый Вашингтон подтолкнул их вкладывать деньги в поднимающуюся российскую экономику, и они не смогли устоять перед заманчивым соблазном бескрайнего нового рынка. Но политическая нестабильность, постоянные угрозы мафии и необходимость давать взятки направо и налево, сводящая на нет прибыль, превратили розовые мечты в кошмар. В этом зале собрались ведущие американские игроки в новой России, контролирующие транспорт, строительство, безалкогольные напитки, уголь, нефть, средства связи, компьютеры, сети предприятий быстрого питания, машиностроение и банки. Компанию «Придген и Вудворт» наняли, чтобы представлять их коллективные интересы, благодаря репутации Тейлора Хейеса как опытного специалиста по переговорам, имеющего нужные связи в возрождающейся России. Лорд впервые встречался со всеми вместе, хотя со многими был знаком лично.

Войдя следом, Хейес легонько похлопал его по плечу.

— Итак, Майлз, делай свое дело.

Лорд остановился посреди ярко освещенного помещения.

— Добрый день. Я Майлз Лорд.

В зале тотчас же воцарилась тишина.

— Многие из вас уже знакомы со мной. Остальным говорю: рад видеть вас здесь. Тейлор Хейес решил устроить небольшой брифинг, чтобы ответить на ваши вопросы. Дела начинают двигаться быстро, в ближайшие дни у нас не будет времени поговорить...

— Вы совершенно правы насчет вопросов, черт возьми, — раздраженным голосом с ярко выраженным гнусавым акцентом Новой Англии перебила его полная блондинка, руководитель восточноевропейского отделения корпорации «Пепси». — Я хочу знать, что здесь происходит. Правление моей корпорации просто рвет и мечет от тревоги.

Лорд мысленно отметил, что это неудивительно. Но его лицо осталось непроницаемым.

— Вам не кажется, что вы даже не дали мне возможности начать?

— Нам не нужны речи. Нам нужна информация.

— Я могу привести голые цифры. Объем промышленного производства сократился на сорок процентов. Уровень инфляции приближается к ста пятидесяти процентам. Безработица сохраняется низкой, на уровне двух процентов, но главную проблему составляет скрытая безработица...

— Все это мы уже слышали, — оборвет его незнакомый мужчина. — Химики пекут хлеб, инженеры стоят у конвейера. Московские газеты полны этого дерьма.

— Однако все не настолько плохо, чтобы не могло стать еще хуже, — заметил Лорд. —

Это расхожая шутка. Ельцин и те, кто пришел ему на смену, ухитрились за два десятилетия сделать то, что не удалось коммунистам за семьдесят лет: заставить народ тосковать по коммунизму.

Послышались редкие смешки.

— Позиции коммунистов по-прежнему крепки. Каждый ноябрь очередная годовщина революции отмечается внушительными демонстрациями. Они проповедуют ностальгию. Никакой преступности, никаких нищих, социальные гарантии. И эти слова приходится по сердцу народу, который провалился в бездну отчаяния.

Лорд помолчал.

— Но самым опасным сценарием было бы появление лидера фашистского толка, за которым пойдет зараженная фанатизмом толпа, — не коммуниста и не демократа, а демагога. Это особенно страшно, если учесть значительный ядерный арсенал России.

Кое-кто закивал. По крайней мере, теперь его слушали.

— Как такое могло произойти? — спросил маленький жилистый мужчина — Лорд смутно припомнил, что он занимается компьютерами. — Я так и не понял, как мы до этого докатились.

Лорд отступил на шаг назад.

— Русские всегда придавали большое значение национальной идее. Русский национальный характер во все времена был чужд индивидуализму и рыночной деятельности. Он более глубокий, более духовный.

— Было бы гораздо проще, если бы мы смогли перестроить Россию по западному образцу.

Лорда неизменно выворачивало от этой идеи. Эта страна никогда полностью не соединится с Западом, как не соединится она и с Востоком. Россия была и навсегда останется неповторимым сочетанием того и другого. Лорд считал, что выгодно вложить в Россию деньги сможет только тот, кто поймет характер русского народа. Поделившись своими взглядами, он вернулся к ответу на вопрос.

— Российское правительство наконец поняло, что требуется нечто, стоящее над политикой. Некая вдохновляющая идея для всего народа. Быть может, даже другая концепция государственного устройства. Когда полтора года назад Государственная дума решила искать новую национальную идею, всех удивил ответ, который предложил Центр изучения общественного мнения. «Бог, царь и отечество». Другими словами, верните нам монархию. Радикально? Безусловно. Однако когда вопрос поставили на общенациональный референдум, народ подавляющим большинством высказался «за».

— Почему, как вы думаете? — спросили из зала.

— Я могу только высказать свое мнение. Во-первых, существует реальный страх воскрешения коммунизма. Мы видели это несколько лет назад, когда Зюганов бросил вызов Ельцину и едва не одержал победу. Но большинство русских не желает возврата к тоталитаризму, о чем раз за разом неизменно свидетельствуют результаты опросов общественного мнения. И все же это не помешает популисту, поругивающему трудные времена, прийти к власти на волне несбыточных обещаний. Вторая причина — более глубинная. Народ считает, что нынешняя форма государственного устройства неспособна решить стоящие перед страной проблемы. И если честно, лично я полагаю, что это действительно так. Взгляните на рост преступности. Не сомневаюсь, всем вам приходится платить бандитам. У вас нет выбора. Или это, или вернуться домой в цинковом гробу.

Лорд снова подумал о том, что произошло вчера, но ничего не сказал. Хейес посоветовал ему молчать, предупредив, что у тех, кто собрался здесь, хватает забот и без того, чтобы переживать за своих адвокатов, едва не ставших жертвой бандитских разборок.

— В стране распространено убеждение, что тот, кто не ворует, обманывает самого себя. Меньше двадцати процентов населения утруждают себя уплатой налогов. Страна близка к коллапсу. Нетрудно понять, почему люди считают, что все, что угодно, будет лучше нынешней ситуации. И к тому же не надо сбрасывать со счетов определенную ностальгию в отношении царя.

— Чуть какая-то, — послышался возмущенный голос. — Тоже мне король, черт побери!

Лорд понимал, как американцы относятся к монархии. Но современный русский народ, сплав татар и славян, похоже, тосковал по авторитарному правлению, и именно борьба за верховную власть столетиями поддерживала русское общество на пике формы.

— Эта ностальгия легко объяснима, — продолжал Лорд. — Лишь в последнее десятилетие стала известна истинная судьба Николая Второго и его семьи. По всей России крепнет чувство, что в июле восемнадцатого года свершилась величайшая несправедливость. Русские люди считают себя обманутыми советской идеологией, которая изображала царя воплощением зла.

— Ну хорошо, царь возвращается, — начал кто-то.

— Не совсем, — возразил Лорд. — Это ошибочное представление, навязанное прессой. Вот почему мистер Хейес посчитал, что эта встреча будет полезной.

Он почувствовал, что полностью владеет вниманием собравшихся.

— Возвращается концепция царской власти, но остаются еще два очень важных вопроса. Кто станет царем? И каковы будут границы его власти?

— Или ее, — вставила женщина.

Лорд решительно покачал головой.

— Нет. Речь идет только о царе. В этом мы уверены. Согласно российскому закону о престолонаследии тысяча семьсот девяносто седьмого года, власть переходит только по мужской линии. Мы считаем, что этот закон надо соблюдать.

— Ну хорошо, — сказал мужчина, — ответьте на эти два вопроса.

— Ответ на первый прост. Царем станет тот, кого выберет комиссия из семнадцати представителей. Русские любят комиссии. В недавнем прошлом всевозможные комиссии лишь бездумно утверждали решения Центрального комитета партии, однако эта комиссия будет действовать полностью за рамками государственных структур, что не так уж трудно, поскольку на настоящий момент государственной власти в стране, по сути дела, не осталось. Доверенные лица представят кандидатов, после чего будут оценены их притязания. Самая сильная позиция у нашего кандидата, Степана Бакланова. Он придерживается западных ценностей, но его родословная не вызывает сомнений. Вы платите нам за то, чтобы нашими стараниями комиссия поддержала Бакланова. Тейлор из всех сил работает в этом направлении. Я провел в российских архивах несколько недель и убедился, что ничто не сможет помешать Бакланову взойти на престол.

— Просто поразительно, что русские подпустили вас к своим архивам.

— Ну, в общем-то, здесь нет ничего странного, — ответил Лорд. — На самом деле мы не имеем отношения к Царской комиссии, хотя у нас и есть соответствующие документы. Мы здесь для того, чтобы защищать ваши интересы и обеспечить победу Степана Бакланова.

Как и у нас дома, здесь лоббирование является искусством.

Поднялся с места мужчина в последнем ряду.

— Мистер Лорд, у всех нас на кон поставлена карьера. Вы отдаете себе отчет, насколько серьезна нынешняя ситуация? Речь идет о возможном переходе от частичной демократии к авторитарному режиму. Это обязательно отразится на судьбе наших инвестиций в России.

У Лорда был готов ответ.

— Пока мы не представляем себе, какими полномочиями будет обладать новый царь. Мы не знаем, будет ли он лишь номинальной фигурой или же станет полновластным правителем всей страны.

— Лорд, спуститесь на землю, — насмешливо заметил другой мужчина. — Эти идиоты ни за что не вручат всю полноту политической власти в руки одному человеку.

— Все говорит за то, что именно так и произойдет.

— Но это же невозможно! — воскликнул кто-то.

— На самом деле все не так уж и плохо, — поспешно заявил Лорд. — Россия сломлена. Она отчаянно нуждается в иностранных инвестициях. Не исключено, что иметь дело с абсолютным монархом окажется проще, чем с мафией.

Послышался одобрительный ропот, и прозвучал следующий вопрос:

— А вы уверены, что эта проблема исчезнет?

— Очень хочется на это надеяться.

— Тейлор, а вы что думаете по этому поводу? — спросил кто-то.

Поднявшись со своего места за столиком в углу, Хейес повернулся лицом к собравшимся.

— Я полагаю, Майлз рассказал вам все как есть. Нам предстоит стать свидетелями возвращения русского царя. Свидетелями восстановления абсолютной монархии. Если хотите знать мое мнение, это просто невероятно.

— Это просто ужасно, черт побери, — заметил кто-то.

Хейес усмехнулся.

— Не беспокойтесь. Вы платите нам большие деньги, чтобы мы защищали ваши интересы. Комиссия начала работу. Мы будем заниматься тем, ради чего вы нас наняли. Вам нужно лишь довериться нам.

14 часов 30 минут

Хейес вошел в крошечную комнату для переговоров на седьмом этаже административного здания в центре Москвы, с фасадом из зеркального стекла. Хейес не переставал поражаться выбору места встреч. Похоже, его благодетели купались в роскоши.

За столом в форме гроба сидел Сталин.

Дмитрий Яковлев представлял в «тайной канцелярии» российскую организованную преступность. Лет сорока с небольшим, с копной волос цвета спелой кукурузы, падающих на загорелый лоб, этот человек излучал обаяние и властность. В кои-то веки триста с лишним группировок, действующих в западной части России, согласились выдвинуть одного представителя, чтобы тот защищал их общие интересы. Ставки были слишком большими, чтобы спорить по поводу протокола. Мафия готовилась вести войну на выживание, прекрасно понимая, чем грозит ей полновластный монарх, пользующийся поддержкой всего народа.

Хейес понимал, что Сталин во многом является ключевой фигурой. Преступность глубоко проникла в государственные структуры, в бизнес, в армию. Русские даже придумали для этого особое название, «воры в законе», которое Хейесу очень нравилось. Но угроза насилия была реальной, поскольку услуги наемного убийцы стоили гораздо дешевле, чем разбор дела в суде.

— Ну, как прошло первое заседание? — на безукоризненном английском спросил Сталин.

— Как и ожидалось, все организационные вопросы были решены быстро. Завтра комиссия приступает к работе. Первый этап голосования состоится через шесть дней.

Похоже, на русского это произвело впечатление.

— Вы предсказывали, меньше недели.

— Я говорил вам, что знаю свое дело. Деньги переведены?

Последовал пауза, свидетельствующая о раздражении.

— Я не привык к подобной прямоте.

Сталин не уточнил, однако было очевидно, что он не привык к подобной прямоте со стороны иностранца. Хейес решил сыграть на вежливости, хотя и он разозлился.

— Я не хотел вас обидеть. Просто выплаты были обговорены, а я привык, что все соглашения выполняются.

На столе лежал листок бумаги. Сталин пододвинул его Хейесу.

— Вот номер нового счета, как вы и просили. Тот же самый швейцарский банк в Цюрихе. Пять миллионов американских долларов переведены вчера. Это все выплаты на настоящий момент.

Хейес был удовлетворен. Вот уже целых десять лет он представлял российскую мафию в американской экономике. Миллионы преступных долларов были «отмыты» через североамериканские финансовые институты. Большая часть денег направлялась в законный бизнес, ищущий оборотные средства; на остальное покупались акции, государственные ценные бумаги, золото и произведения искусства. Компания «Придген и Вудворт»

заработала миллионы комиссионных, и все благодаря Хейесу, сыгравшему на благожелательности американских законов и еще большей благожелательности американских чиновников. Никто не знал происхождения этих денег, и до сих пор эта деятельность не привлекала внимания официальных органов. Хейесугодились эти успехи для усиления своего влияния в компании и привлечения огромного количества иностранных клиентов, которые обращались к нему потому, что он знал, как вести дела в новой России — как использовать страх и тревогу, как обращать на пользу неопределенность и как с ней бороться.

— Тейлор, для вас это становится очень прибыльным, — ухмыльнулся Сталин.

— Я же вам говорил, что не собираюсь рисковать собственным здоровьем.

— Вот уж точно.

— Что вы вчера имели в виду? Говоря об увеличении моей роли в этом деле.

— Именно то, что сказал. Возможно, нам понадобится решать кое-какие вопросы, а вы человек посторонний.

— Я хочу знать, о чем вы недоговариваете.

— Сейчас это неважно. Причин для беспокойства нет; мы просто проявляем осторожность.

Сунув руку в карман брюк, Хейес достал карточку, которую ему вчера вручил Сталин.

— Мне придется звонить по этому телефону?

Сталин фыркнул.

— Вам льстит мысль о беспрекословном подчинении — по вашему приказу люди, не раздумывая, бросятся в воду?

— Я хочу знать, зачем они могут мне понадобиться.

— Давайте надеяться, что такая необходимость не возникнет. А теперь расскажите мне о концентрации власти. Этот вопрос упоминался на сегодняшнем заседании?

Хейес решил не настаивать.

— Вся власть будет сосредоточена в руках царя. Однако ему придется считаться с советом министров и Государственной думой.

Сталин обдумал эту информацию.

— Похоже, непостоянство в самой нашей природе. Монархия, республика, демократия, коммунизм... здесь так ничего этого и не получилось.

Помолчав, он добавил с улыбкой:

— Слава богу.

Хейес спросил о том, что его действительно интересовало:

— А что насчет Степана Бакланова? Он готов идти на сотрудничество?

Сталин взглянул на часы.

— Полагаю, в самое ближайшее время вы получите ответ на этот вопрос.

Загородная резиденция «Зеленая поляна»

16 часов 30 минут

Хейес с восхищением осмотрел ружье, двустволку «Фокс» с ложем из турецкого ореха, отполированным вручную до блеска. Пистолетная рукоятка изящная и прямая, расширяющийся бобровым хвостом приклад заканчивался накладкой из твердой резины. Хейес проверил спуск, плавный, с автоматическим выбросом стреляных гильз. Он знал, что цена на подобное ружье варьируется от семи тысяч долларов за базовую модель до двадцати пяти за коллекционную. Воистину, впечатляющее оружие.

— Ваш выстрел, — предложил Ленин.

Уперев приклад в плечо, Хейес прицелился в облачное осеннее небо. Ружье в его руках застыло абсолютно неподвижно.

— Пускайте! — крикнул он.

Автомат выбросил в небо глиняную тарелочку. Хейес проследил за черной точкой в прицел, сделал опережение и выстрелил.

Мишень разлетелась дождем осколков.

— А вы неплохо стреляете, — заметил Хрущев.

Хейес каждый год по меньшей мере девять недель проводил в охотничьих экспедициях. Канадские олени карибу и гуси. Азиатские фазаны и дикие бараны. Европейские благородные олени и лисицы. Африканские буйволы и антилопы. Не считая уток, оленей, тетеревов и диких индеек, на которых Хейес охотился в лесах северной Джорджии и горах на западе Северной Каролины. Его кабинет в Атланте был завален охотничьими трофеями. Однако последние два месяца выдались такими напряженными, что у него не было возможности пострелять, и он был рад этому выезду на природу.

Хейес покинул Москву сразу же после встречи со Сталиным, и машина с шофером доставила его в эту резиденцию, расположенную в тридцати милях к югу от города. Очаровательный особняк из красного кирпича был увит плющом. Он принадлежал другому члену «тайной канцелярии», Георгию Остановичу, больше известному Хейесу как Ленин.

Останович был кадровым военным в звании генерал-полковника, но никогда не носил форму. Тощий как мумия, с серо-стальными глазами, спрятанными за толстыми стеклами очков. В самом начале чеченской войны Останович командовал полком, который брал штурмом Грозный. Тот бой стоил ему одного легкого, и теперь каждый вдох давался с трудом. После войны Останович яростно критиковал Ельцина и его слабую политику в военной области, и только уход Ельцина от власти спас Остановича от увольнения из армии. Высшие офицеры тревожились о том, что их ждет при царе, поэтому участие армии в заговоре считалось обязательным, и Останович был выбран коллективным представителем военных.

Ленин встал на огневой рубеж и приготовился стрелять.

— Пускайте! — крикнул он.

Через мгновение тарелочка разлетелась вдребезги от прямого попадания.

— Превосходно, — одобрительно заметил Хейес. — Солнце заходит, и стрелять

становится все труднее.

Степан Бакланов, наиболее вероятный претендент, стоял чуть в стороне, расчихлив одностволку. Это был невысокий мужчина, лысеющий, с бочкообразной грудной клеткой, светло-зелеными глазами и густой бородой, как у Хемингуэя. Ему было под пятьдесят. Его лицо абсолютно ничего не выражало, и это беспокоило Хейеса. В мире политики часто несущественно, способен ли кандидат управлять. Вопрос в том, производит ли он впечатление человека, умеющего вести за собой. Хотя Хейес не сомневался, что все семнадцать членов Царской комиссии в конце концов будут подкуплены и проголосуют как надо, Бакланов все равно предстанет перед их придирчивым взором, и, что гораздо важнее, впоследствии проклятому болвану придется вести за собой народ — или, по крайней мере, успешно выполнять приказы тех, кто посадил его на престол.

Бакланов занял место на огневом рубеже. Ленин и Хрущев отошли в сторону.

— Мне любопытно, — приятным баритоном произнес Бакланов, — монархия будет абсолютной?

— Только так и можно рассчитывать на какой-то результат, — ответил Ленин.

«Переломив» ружье, Хейес извлек стреляную гильзу. На кирпичной террасе было всего четыре человека. Раскинувшуюся неподалеку березовую рощу уже тронула осенняя медь. Вдалеке на открытой равнине паслось стадо зубров. — Мне доверят командование армией? — спросил Бакланов.

— В определенных рамках, — ответил Ленин. — В конце концов, сейчас уже не эпоха Николая Второго. Нам нужно... руководствоваться более современными соображениями.

— Но армия будет полностью мне подчиняться?

— Какова будет ваша политика в отношении военных?

— А я и не догадывался, что мне позволят самому определять свою политику.

Сарказм был очевиден, и Хейес отметил, что Ленин не оценил его должным образом. Бакланов, похоже, тоже обратил на это внимание.

— Генерал, я понимаю, вы считаете, что армии катастрофически не хватает средств, что политическая нестабильность подорвала обороноспособность страны. Но я не думаю, что создание сильной армии — это наша первостепенная задача. Советы привели страну к банкротству, делая бомбы, в то время как дороги приходили в негодность, а народ голодал. Наша задача заключается в том, чтобы удовлетворить эти основные потребности.

Хейес понимал, что Ленин хотел услышать совсем другое. Месячная зарплата кадровых офицеров российской армии была меньше, чем недельная выручка уличного торговца. Выпускникам военных училищ приходилось ютиться вместе с семьями в бараках. Военная техника не обслуживалась годами, самое совершенное оборудование безнадежно устарело.

— Разумеется, генерал, будут выделены определенные средства, чтобы исправить прошлые упущения. Нам действительно нужна сильная армия... для обороны страны.

Это был четкий сигнал, что Бакланов готов идти на уступки.

— Но мне хочется узнать, будет ли возвращена собственность царской семьи?

Хейес едва сдержал улыбку. Наиболее вероятный кандидат, похоже, получал удовольствие, ставя своих хозяев в тупик. Русское слово «царь» — искаженное латинское «цезарь», и Хейес находил аналогию вполне уместной. Из этого человека, возможно, получился бы превосходный цезарь. Он обладал необузданным высокомерием, граничащим с глупостью. Вероятно, Бакланов забыл, что терпение соратников Цезаря в Древнем Риме в конце концов иссякло.

— Что вы хотите предложить? — спросил Хрущев.

Хрущев — Максим Зубарев — представлял государственные структуры. В нем была какая-то дерзость, щегольское самодовольство. Возможно, частенько думал Хейес, так он компенсировал не особо привлекательную внешность — лошадиное лицо и маленькие глазки, скрытые складками морщинистой кожи. Зубарев защищал интересы московской бюрократии, озабоченной своим положением при реставрированной монархии. Он понимал — и не переставал повторять, — что порядок в стране держится только потому, что народ согласился терпеть государственную власть до окончания работы Царской комиссии. Министрам, которые собираются пережить надвигающиеся перемены, придется приспособливаться, и быстро. Поэтому им необходимо иметь собственный голос в подковерных манипуляциях.

Бакланов повернулся к Хрущеву.

— Я потребую, чтобы мне вернули дворцы, принадлежавшие моей семье до революции. Это собственность Романовых, украденная ворами.

— И как вы намереваетесь их содержать? — вздохнул Ленин.

— Никак. Разумеется, содержать их будет государство. Может быть, мы придем к какому-то соглашению, как в английской монархии. Большинство дворцов будет открыто для посетителей, плата за вход пойдет на содержание. Но вся собственность царской семьи, ее символика будут принадлежать короне, и право использования будет строго лицензироваться. Английский королевский дом на этом ежегодно зарабатывает миллионы.

Ленин пожал плечами.

— Не вижу проблемы. Народ не сможет позволить себе такие чудовищные излишества. — Разумеется, — продолжал Бакланов, — я снова превращу Екатерининский дворец в Царском Селе в летнюю резиденцию. В Москве я хочу получить полный контроль над кремлевскими дворцами, и центром моего двора там станет Грановитая палата.

— Вы отдаете себе отчет, во что обойдется подобная роскошь? — спросил Ленин.

Бакланов недоуменно уставился на него.

— Народ не захочет, чтобы его повелитель жил в сарае. Цена, господа, это уже ваша проблема. Пышность и торжественность — это неотъемлемые признаки царской власти.

Хейес восхищался дерзостью этого человека. Бакланов напомнил ему Джимми Уокера, бросившего вызов боссам Таммани-холла в Нью-Йорке в двадцатых годах. Очень рискованная стратегия. Уокеру в конце концов пришлось уйти в отставку, в глазах общественности он был мошенником, а Таммани-холл отвернулся от него, поскольку он не выполнял приказы.^[3]

Бакланов поставил приклад на начищенный до блеска ботинок. Хейес одобрительно осмотрел его наряд: шерстяной костюм, судя по всему, пошитый на Сэвил-роу,^[4] хлопчатобумажная рубашка от Шарве, галстук от Канали и фетровая шляпа с замшевой ленточкой. Что-что, а этот русский умел себя подать.

— Советы десятилетиями твердили нам, что Романовы — это зло, — продолжал Бакланов. — Ложь, от первого до последнего слова. Народ хочет монархии со всеми ее атрибутами. Такой, чтобы на нее обратил внимание весь мир. И этого можно достичь только великой показухой и помпезностью. Мы начнем с пышной церемонии коронации, затем клятва верности, принесенная народом своему новому царю, — скажем, миллион человек на Красной площади. После этого обязательно потребуются дворцы.

— А где будет царский двор? — поинтересовался Ленин. — Вашей столицей станет

Санкт-Петербург?

— Вне всякого сомнения. Коммунисты выбрали Москву. Возвращение назад будет символизировать перемены.

— И у вас будет своя когорта великих князей и княгинь? — продолжал генерал, не скрывая отвращения.

— Конечно. Родовую аристократию необходимо сохранить.

— Но вы же ненавидите свое семейство, — заметил Ленин.

— Мои сыновья получают права по рождению. Помимо этого, я создам новый правящий класс из патриотов, приложивших все силы к тому, чтобы это стало возможным.

— Среди нас есть те, кто хочет создать класс бояр из «новых русских» и бандитов. Однако народ ждет, что царь покончит с мафией, а не будет осыпать ее почестями.

Хейес задумался, позволил бы себе такие смелые высказывания Хрущев, если бы на встрече присутствовал Сталин. Сталина и Брежнева оставили за бортом сознательно. Мысль разделить «тайную канцелярию» пришла в голову Хейесу — вариация на тему хорошего и плохого следователей.

— Согласен, — сказал Бакланов. — Медленная эволюция наиболее благоприятна для всех заинтересованных сторон. Меня больше интересует, чтобы власть унаследовали мои потомки, продолжая династию Романовых.

У Бакланова было трое сыновей в возрасте от двадцати пяти до тридцати трех лет. Они ненавидели отца, однако перспектива того, что старший сын станет цесаревичем, наследником престола, а двое других — великими князьями, способствовала заключению семейного перемирия. Жена Бакланова была безнадежной алкоголичкой, зато русская, православного вероисповедания, и в жилах у нее даже текло немного царской крови. Последние тридцать дней госпожа Бакланова провела в Австрии на лечебных водах, просыхая от беспробудного пьянства и не переставая повторять всем и вся, что она с радостью отказывается от бутылки ради того, чтобы стать русской царицей.

— Все мы заинтересованы в продолжении династии, — заметил Ленин. — Ваш первенец производит впечатление человека рассудительного. Он обещает не изменять вашей политики.

— А какой будет моя политика?

Хейес давно ждал возможности вставить слово.

— Делать в точности так, как мы скажем.

Он устал ходить на цыпочках вокруг этого негодяя.

Бакланов ощетинился, услышав такое откровенное признание.

«Вот и отлично, — подумал Хейес. — Пусть привыкает».

— Я не подозревал, что в этом процессе будет принимать участие какой-то американец.

Хейес спокойно выдержал его взгляд.

— Этот американец оплачивает все ваши нынешние расходы.

— Это правда? — спросил Бакланов у Ленина.

— Мы не хотим тратить на вас ни копейки. Иностранцы предложили взять все расходы на себя. Мы согласились. Грядущие годы сулят им большую прибыль — или большие убытки.

— Мы позаботимся о том, чтобы вы стали царем, — продолжал Хейес. — Вы получите абсолютную полноту власти. Конечно, останется и Дума, но она будет бессильна, словно кастрированный бык. Все законопроекты будете одобрять вы и государственный совет.

— Философия Столыпина, — одобрительно кивнул Бакланов. — Превратить Думу в придаток, который претворяет в жизнь политику правительства, а не контролирует ее. Верховная власть принадлежит монарху.

Петр Столыпин был премьер-министром Николая II. Он был таким кровавым защитником царского режима, так беспощадно подавлял крестьянские восстания, что петлю виселицы прозвали «стольпинским галстуком», а железнодорожные теплушки, увозившие в Сибирь политических ссыльных, называли «стольпинскими вагонами». Но Столыпин был убит, застрелен в Киевском оперном театре революционером — анархистом на глазах Николая II.

— Быть может, из судьбы Столыпина следует извлечь урок? — спросил Хейес.

Бакланов ничего не ответил, но по его бородатому лицу было видно, что он прекрасно понял угрозу.

— Из кого будет состоять государственный совет?

— Половина членов будет избираться, половина — назначаться вами, — сказал Ленин.

— Это нужно, — объяснил Хейес, — чтобы общественность увидела в происходящем элемент демократии. Но мы позаботимся о том, чтобы государственный совет был управляемым. В вопросах политики вы будете слушать исключительно нас. Потребовалась грандиозная работа, чтобы объединить все силы. И центральным звеном являетесь вы. Мы это понимаем. Никто не заинтересован в том, чтобы о нашем соглашении узнали, поэтому вы можете не опасаться утечек с нашей стороны. Однако вы должны будете беспрекословно повиноваться нам, тут не может быть никаких вопросов.

— А если я, получив царскую корону, откажусь выполнять свои обещания?

— Тогда с вами произойдет то же самое, — сказал Ленин, — что и с вашими предшественниками. Давайте-ка вспомним. Иван Шестой всю жизнь провел в заточении, в одиночной камере. Петр Третий был забит до смерти. Павел Первый — задушен. Александра Второго взорвали. Николая Второго расстреляли. Когда дело доходит до покушений, вам, Романовым, приходится несладко. Не составит труда организовать для вас подходящую смерть. После чего, не сомневаюсь, следующий Романов окажется гораздо более сговорчивым.

Бакланов промолчал. Повернувшись к сереющему лесу, он зарядил ружье и сделал знак человеку, который обслуживал автомат для пуска мишеней.

В воздух взлетела глиняная тарелочка.

Бакланов выстрелил и промахнулся.

— Ну что тут будешь делать! — пробормотал Хрущев. — Вижу, нам придется поработать над вашей меткостью.

Москва

20 часов 30 минут

Лорда встревожил внезапный отъезд Хейеса из города. Гораздо спокойнее, когда босс рядом. Он до сих пор до конца не отошел после вчерашнего, а Илья Звонарев на ночь отправился домой, пообещав быть в фойе «Метрополя» завтра в семь утра. Лорд обещал не выходить из номера, но, не в силах найти себе места, решил спуститься в бар на первом этаже и что-нибудь выпить.

Как обычно, в конце коридора за столом из ДСП сидела пожилая женщина — пройти к лифтам можно было только мимо нее. Это была дежурная по этажу, еще один пережиток советских времен, когда на каждом этаже всех гостиниц постоянно дежурил сотрудник КГБ, наблюдая за постояльцами-иностранцами. Теперь же дежурные лишь присматривали за порядком.

— Уходите, мистер Лорд?

— Да нет, только спущусь в бар.

— Как сегодня прошло заседание комиссии?

Лорд не скрывал, что работает в Царской комиссии, и постоянно носил на лацкане пиджака удостоверение.

Он кивнул.

— И эти люди найдут нам нового царя?

— А вы этого хотите?

— Очень. Страна должна вернуться к своим корням. Вот в чем наша проблема.

Лорду стало любопытно.

— Мы огромная страна, но слишком легко забываем прошлое. И царь, Романов, вернет нас назад к нашим корням.

В голосе женщины прозвучала гордость.

— А если избранник не будет Романовым?

— Тогда ничего не получится, — решительно заявила дежурная. — Так и передайте, чтобы никто даже не думал об этом. Народ хочет Романова. Ближайшего родственника Николая Второго.

Они еще немного поговорили, и Лорд пообещал женщине донести ее пожелание до членов комиссии.

Внизу Лорд направился к тому же фойе, где они с Хейесом укрывались вчера после перестрелки. Проходя мимо ресторана, он увидел знакомое лицо. Это был пожилой профессор из государственного архива, в компании троих мужчин.

— Добрый вечер, профессор Пашенко, — поздоровался по-русски Лорд.

— О, господин Лорд! Какое совпадение! Вы пришли сюда поужинать?

— Я остановился в этой гостинице.

— А я здесь с друзьями. Мы часто тут ужинаем. Ресторан у них неплохой.

Пашенко представил спутников.

Они обменялись парой фраз, и Лорд собрался уходить.

— Было очень приятно еще раз встретиться с вами, профессор. Я хочу что-нибудь выпить перед сном.

— Вы позволите присоединиться к вам? — спросил Пашенко. — Мне так понравилась наша предыдущая беседа.

Поколебавшись мгновение, Лорд сказал:

— Как вам угодно. Мне будет приятно ваше общество.

Попрощавшись со своими друзьями, Пашенко прошел следом за Лордом в фойе. В полумраке звучала приятная легкая фортепьянная музыка. Почти все столики были свободны. Лорд и Пашенко сели, и Лорд попросил официанта принести графин водки.

— Вчера вы исчезли так быстро, — сказал он.

— Я видел, что вы очень заняты. А я и так отнял у вас время.

Официант принес водку и рюмки, и, прежде чем Лорд успел достать деньги, его гость учтиво расплатился. Лорд снова вспомнил слова дежурной по этажу.

— Профессор, вы позволите задать вам один вопрос?

— Конечно.

— Если комиссия выберет человека, не имеющего отношения к дому Романовых, какие это будет иметь последствия?

Пашенко налил водки в рюмки.

— Это будет большой ошибкой. Перед революцией трон принадлежал Романовым.

— Но ведь кое-кто возразит, что Николай отказался от трона, когда отрекся в марте семнадцатого года.

— Под дулом пистолета, — грустно усмехнулся Пашенко. — Вряд ли кто-нибудь станет всерьез утверждать, что царь по своей воле оставил престол.

— У кого, на ваш взгляд, наилучшие шансы?

Русский профессор поднял брови.

— Вопрос непростой. Вы знакомы с российским законом о престолонаследии?

Лорд кивнул.

— Этот закон принял император Павел Первый в тысяча семьсот девяносто седьмом году. В нем были установлены пять требований. Кандидат должен быть мужчиной, если только есть претенденты мужского пола. Он должен быть православным. Его мать и жена должны быть православными. Сочетаться браком он должен только с женщиной равного положения из правящей династии. И жениться он может только с позволения правящего царя. Если не выполняется хотя бы одно из требований, кандидат выбывает из гонки.

— Вижу, вы действительно хорошо знаете нашу историю, — с улыбкой сказал Пашенко. — А что насчет разводов?

— Русские никогда не придавали этому особого значения. Члены царской семьи то и дело женились на разведенных женщинах. Я всегда находил это очень любопытным. Чуть ли не фанатичная приверженность православной доктрине — и в то же время сугубо практичный подход в интересах политики.

— Не факт, что Царская комиссия будет строго следовать закону о престолонаследии.

— А я полагаю, комиссия обязана его соблюдать. Закон никто не отменял, если не считать большевистского декрета, который уже не имеет силы.

Пашенко склонил голову набок.

— Но разве эти пять требований не отсеивают сразу всех кандидатов?

Этот момент Лорд неоднократно обсуждал с Хейесом. Русский профессор был прав —

закон о престолонаследовании создавал определенные проблемы. Те немногие Романовы, кто остался в живых после революции, разделились на пять враждующих кланов, лишь два из которых, Михайловичи и Владимировичи, обладали достаточно прочными генетическими связями, чтобы претендовать на трон.

— Тут возникает дилемма, — продолжал профессор. — Мы имеем дело с необычной ситуацией. Была уничтожена полностью вся правящая семья. Понятно, почему с вопросом о престолонаследии возникают трудности. Комиссии предстоит распутать этот клубок и выбрать царя, которого примет народ.

— Меня очень беспокоит этот процесс. Бакланов утверждает, что среди Владимировичей есть несколько предателей. И он намерен представить доказательства этого, если только кто-то из Владимировичей окажется в числе претендентов.

— И вас это тревожит?

— Очень.

— Вы нашли нечто такое, что может поставить под угрозу притязания Бакланова?

— Ничего такого, что напрямую связано с ним, — покачал головой Лорд. — Бакланов принадлежит к клану Михайловичей, самых близких по крови Николаю Второму. Его бабушкой была Ксения, родная сестра Николая. Она бежала из России в Данию в семнадцатом году, после прихода большевиков к власти. Все семеро ее детей выросли на Западе и впоследствии перестали поддерживать между собой отношения. Родители Бакланова жили в Германии и Франции. Он учился в лучших школах, но не считался прямым наследником до преждевременной смерти своих двоюродных братьев. Теперь Бакланов — старший наследник мужского пола. Пока что я не нашел ничего такого, что могло бы ему повредить.

«Если только не считать того, — подумал он, — что, возможно, где-то живет прямой потомок Николая и Александры».

Однако это предположение было слишком фантастическим, чтобы задерживать на нем внимание.

По крайней мере, так все представлялось до вчерашнего дня.

Пашенко поднял рюмку.

— Я знаком с Баклановым. Единственная загвоздка — это его жена. Она православная, в ее жилах есть капля царской крови. Но разумеется, она не член правящего дома. Хотя чего еще можно было ожидать? Монарших семей осталось так мало. Разумеется, Владимировичи будут настаивать, что это веское основание для отвода Бакланова, но, на мой взгляд, комиссии придется закрыть глаза на это требование. Боюсь, ни один претендент не будет ему удовлетворять. И уж точно никто из живущих ныне потомков не может сказать, что женился с разрешения царя, поскольку никакого царя нет вот уже несколько десятилетий.

Лорд и сам пришел к такому заключению.

— Не думаю, что российский народ придаст значение тому, при каких обстоятельствах женился будущий царь, — продолжал Пашенко. — Гораздо важнее, что царь и царица будут делать, взойдя на престол. Ныне живущие Романовы очень мелочны. Они постоянно грызутся между собой. Вот этого никто не потерпит, особенно если склоки будут прилюдными, перед членами комиссии.

Вспомнив записку Ленина и письмо Александры Федоровны, Лорд решил выяснить, что известно Пашенко.

— Вы не задумывались над тем, что я показал вам вчера в архиве?

Пожилой профессор усмехнулся.

— Понимаю ваше беспокойство. А что, если в живых остался прямой потомок Николая Второго? Это сведет на нет претензии всех остальных Романовых. Господин Лорд, вы верите, что кому-то удалось выжить после екатеринбургской бойни?

— Я сам не знаю, чему верить. Но если отчеты о расстреле царской семьи верны, в живых не осталось никого. Однако Ленин, похоже, сомневался в достоверности этих отчетов. Я хочу сказать, Юровский ни за что бы не признался Москве, что у него пропали два трупа.

— Согласен. Хотя существуют неопровержимые доказательства, что на самом деле все произошло именно так. Останки Алексея и Анастасии бесследно исчезли.

Лорд вспомнил, что в семьдесят девятом году бывший геолог Александр Авдонин и советский кинорежиссер Гелий Рябов обнаружили место, где Юровский и его подручные захоронили трупы убитых членов царской семьи. Они потратили несколько месяцев, беседуя с родственниками охранников и членов Уральского совета, исследуя засекреченные документы. Нашелся даже написанный от руки рапорт самого Юровского — его передал им старший сын главного палача. Так заполнились многие пробелы; в рапорте подробно описывалось, где были спрятаны тела. Но тогдашний политический климат Советского Союза нагнетал страх на тех, кто знал о рапорте Юровского, и о том, чтобы предать этот документ гласности, даже речи не шло, не говоря уж о поисках захоронения. И только в девяносто первом году, после падения коммунистического режима, Авдонин и Рябов эксгумировали тела. Впоследствии они были однозначно идентифицированы с помощью анализа ДНК. Пашенко был прав. В братской могиле обнаружили всего девять тел. Хотя искали очень тщательно, останков двух младших детей Николая II так и не нашли.

— Возможно, они просто были захоронены в другом месте, — заметил Пашенко.

— Но что подразумевал Ленин, когда писал, что отчеты о событиях в Екатеринбурге неточны?

— Трудно сказать. Ленин был очень сложной натурой. Нет сомнений, что он единолично отдал распоряжение расстрелять царскую семью. Документы четко свидетельствуют, что приказ пришел из Москвы и был одобрен Лениным. Меньше всего ему было нужно, чтобы белая армия освободила царя. Белые не были монархистами, однако освобождение царской семьи, вероятно, стало бы началом конца большевистской революции.

— Как вы думаете, что имел в виду Ленин, написав, что информация, связанная с Феликсом Юсуповым, опровергает лживые донесения из Екатеринбурга?

— А вот это уже интересно. Я много думал над этим и над рассказом Александры Федоровны о том, что ей наговорил Распутин. Это свежая информация, господин Лорд. Я считал себя весьма осведомленным в истории царизма, но мне не приходилось встречать документов, связывающих Юсупова и царскую семью после восемнадцатого года.

Русский профессор снова налил себе водки.

— Юсупов убил Распутина. Многие считают, что это убийство ускорило падение монархии. Николай и Александра Федоровна возненавидели Юсупова за то, что он сделал.

— Что только добавляет таинственности. Почему царская семья поддерживала с Юсуповым какие бы то ни было отношения?

— Насколько я помню, большинство великих князей восторженно приветствовали убийство старца.

— Совершенно верно. И в этом заключался самый большой вред, причиненный Распутиным. Он расколол семью Романовых. Николай и его супруга остались вдвоем против всех.

— Распутин до сих пор большая загадка. Сибирский крестьянин, имевший прямое влияние на российского императора. Шарлатан, добившийся наивысшей власти.

— Немало исследователей оспаривают, что Распутин был шарлатаном. Многие его пророчества сбылись. В частности, он предсказал, что цесаревич не умрет от гемофилии, — так это и случилось. Распутин предсказал, что императрица Александра Федоровна побывает на его родине в Сибири, и она там побывала, по пути в Тобольск в качестве пленницы. Распутин сказал, что, если его убьет член царской семьи, Николай и его семья не проживут и двух лет. Юсупов женился на племяннице Николая, убил старца в декабре шестнадцатого года, а через девятнадцать месяцев вся семья Романовых была зверски убита. Неплохо для шарлатана.

Лорда не интересовали так называемые «святые», якобы имеющие прямую связь с Богом. Его отец называл себя таким. Люди тысячами стекались к нему, чтобы услышать, как он выкрикивает «слово Господа», и увидеть, как он исцеляет больных. Разумеется, все это начисто забывалось всего через несколько часов, когда к Гроверу Лорду приходила какая-нибудь хористка. Майлз много читал о Распутине, который тоже именно так соблазнял женщин.

Прогнав мысли об отце, Лорд сказал:

— Так и не доказано, что хотя бы одно пророчество Распутина было зафиксировано при его жизни. Большинство из них представила впоследствии его дочь, которая, похоже, считала, что ей предназначено судьбой обелить образ своего отца. Я читал ее книгу.

— Возможно, так и было. До сегодняшнего дня.

— Что вы хотите сказать?

— В своем письме Александра Федоровна пишет о том, что вся царская семья умрет в течение ближайших двух лет. На листе стоит дата, написанная ее собственной рукой: двадцать восьмого октября тысяча девятьсот шестнадцатого года. То есть это случилось за два месяца до убийства Распутина. По-видимому, он что-то сказал императрице, и это было какое-то пророчество. И она его запомнила. Так что в вашем распоряжении, господин Лорд, документ, имеющий огромную историческую ценность.

Лорд не задумывался об истинных масштабах своего открытия, однако русский профессор был прав.

— Вы собираетесь в Санкт-Петербург? — спросил Пашенко.

— Раньше я об этом не думал. Но теперь, полагаю, надо обязательно туда съездить.

— Правильное решение. У вас хорошие рекомендации, они помогут вам получить доступ к той части архивов, которую не видел никто. Быть может, там вас ждут новые находки, тем более теперь вы знаете, что искать.

— В том-то все и дело, профессор. Я понятия не имею, что именно ищу.

Русского ученого его признание несколько не смутило.

— Не беспокойтесь. У меня такое чувство, что у вас все получится лучше некуда.

*Санкт-Петербург
Четверг, 14 октября
12 часов 30 минут*

Лорд устроился в архиве на четвертом этаже здания послереволюционной постройки. Окна выходили на оживленный Невский проспект. Ему с трудом удалось заказать два места на рейс «Аэрофлота», вылетающий из Москвы в девять часов. Хотя полет прошел гладко, Лорд всю дорогу нервничал: сокращение бюджетного финансирования и нехватка подготовленных кадров плохо сказались на безопасности главного российского авиаперевозчика. Однако Лорд очень торопился, и у него не было времени ехать на машине или трястись восемьсот миль туда и обратно на поезде.

Илья Звонарев ждал в фойе «Метрополя» в семь утра, как и обещал, готовый целый день повсюду сопровождать своего патрона. Русский удивился, когда Лорд велел ехать в аэропорт, и захотел связаться с Тейлором Хейесом, чтобы получить у него инструкции. Но Лорд сказал, что Хейес уехал из города и не оставил телефон. К сожалению, мест на обратный вечерний авиарейс не было, и Лорду пришлось взять два билета на ночной поезд из Санкт-Петербурга в Москву.

В Москве не ощущалось ничего романтического из-за грязи и незамысловатой архитектуры, а Петербург представлял собой сказочный город дворцов в стиле барокко, величественных соборов и каналов. В то время как вся страна спала под покрывалом скучной серой безликости, здесь глаз радовали розовый гранит, ярко-желтые и зеленые оштукатуренные фасады зданий. Лорд вспомнил слова русского писателя Николая Гоголя, сказавшего про город так: «Здесь все дышит обманом». И в прошлом, и сейчас город занимался исключительно самим собой. Возводившийся по генеральному плану преимущественно итальянскими зодчими, Петербург обладал ярко выраженным европейским стилем. Город был столицей до семнадцатого года, когда к власти пришли большевики, и сейчас шли серьезные дебаты о том, чтобы после коронации нового царя снова перенести центр власти сюда.

Дорога из аэропорта, расположенного к югу от города с населением пять миллионов, оказалась на удивление свободной для утра рабочего дня. Документы Лорда сперва вызвали вопросы, но звонок в Москву подтвердил его полномочия, и он получил доступ ко всему архиву, в том числе к закрытым документам.

В петербургском хранилище, хотя и относительно небольшом, содержалась целая сокровищница подлинных бумаг, написанных рукой Николая II, его жены и Ленина. И, как и говорил Семен Пашенко, здесь хранились дневники и вся переписка царя и царицы, вывезенные из Царского Села и Екатеринбурга после убийства царской семьи.

Со страниц вставали образы двух людей, горячо любящих друг друга. Александра Федоровна писала с вдохновением поэта-романтика, обильно украшая письма выражением страсти. Лорд провел два часа, перебирая коробки с ее перепиской, но лишь получил представление о том, как излагала свои мысли эта сложная и глубокая женщина, и не нашел ничего, заслуживающего внимания.

Уже ближе к вечеру он наткнулся на собрание дневников за 1916 год. Переплетенные тетради лежали в покрытой плесенью картонной коробке, подписанной «Н и А». Лорд не переставал поражаться, как русские хранят документы. Они так старательно создают архивы, но так беспечно относятся к их сохранению. Дневники были уложены в хронологическом порядке, надписи на матерчатых обложках указывали, что эти тетради — подарок дочерей русской императрицы. На некоторых была вышита свастика. Видеть это изображение было несколько странно, но Лорд знал, что этот древний знак благополучия существовал задолго до Гитлера и Александра Федоровна частенько его использовала.

Пролистав несколько тетрадей, Лорд не нашел ничего, кроме обычного пустословия влюбленных. Он дошел до двух пачек писем. Достав из чемоданчика ксерокопию письма Александры Федоровны супругу от 28 октября 1916 года, Лорд сравнил ее с другими письмами и пришел к выводу, что почерк и легкомысленные узоры из цветов и листьев по краям бумаги полностью совпадают.

Но почему то единственное письмо хранилось отдельно, в закрытом архиве в Москве?

В конце концов Лорд решил, что это всего лишь дополнительное свидетельство изъятия из истории всего, связанного с царизмом, предпринятого Советами. А может быть, просто мания преследования. Но чем так выделялось это письмо, что его держали в запечатанном мешочке с указанием не вскрывать в течение двадцати пяти лет? Со всей определенностью можно сказать только одно. Семен Пашенко прав. Несомненно, к нему в руки попал важный исторический документ.

Оставшуюся часть дня Лорд провел, просматривая заново все, что удалось найти о Ленине. На мужчину он впервые обратил внимание часов около четырех. Невысокий и худой, с беспокойными водянистыми глазами, в мешковатом бежевом костюме. Лорд отметил, что взгляд незнакомца почему-то подолгу задерживается на нем. Но Звонарев сидел рядом, начеку, и Лорд списал свои подозрения на паранойю и посоветовал себе успокоиться.

Наконец в пять часов вечера Лорд обнаружил кое-что любопытное, и снова этот документ был написан рукой Ленина. В нем не было ничего особенного, но внимание Лорда привлекла фамилия Юсупова, и он тотчас же сопоставил текст с московской запиской.

«Феликс Юсупов живет на улице Гутенберга неподалеку от Булонского леса. Он общается со многими русскими дворянами, наводнившими Париж. Глупцы полагают, что революция умрет и они скоро вернут свое богатство и положение в обществе. Мне сказали, что одна вдовствующая княгиня держит наготове собранный чемодан, уверенная, что вот-вот можно будет возвращаться домой. Мои агенты сообщают, что Юсупов ведет переписку с Николаем Максимовым. Они обменялись по крайней мере тремя письмами. Это весьма тревожно. Теперь я понимаю, какую ошибку мы совершили, доверив выполнение казни Уральскому совету. Развитие событий внушает все большее беспокойство. Мы арестовали женщину, выдающую себя за Анастасию. Она попала в поле нашего зрения благодаря письмам, которыми она донимала короля Георга V, умоляя помочь ей бежать. Уральский комитет докладывает, что двух царских дочерей прячут в глухой деревне. Их опознали как Марию и Анастасию. Я отправил своих людей проверить это. Еще одна женщина появилась в Берлине и тоже решительно утверждает, что она и есть Анастасия. Осведомители докладывают, что она поразительно похожа на царскую дочь.

Все это очень тревожно. Если бы не опасения относительно того, что в действительности произошло в Екатеринбурге, я бы отмахнулся от этих сообщений как от

полной чепухи. Но я боюсь, что нет дыма без огня. Нам следовало бы убить Юсупова вместе с прочими дворянами. Этот надменный осел находится в центре чего-то важного. Он открыто ненавидит нашу власть. В жилах его жены течет кровь Романовых, и кое-кто поговаривает о том, чтобы реставрировать монархию, возведя его на престол. Это глупые грезы глупцов. Россия навсегда потеряна для них, и они должны прекрасно это сознавать».

Лорд дочитал страницу до конца, но Феликс Юсупов больше не упоминался. Несомненно, Ленина беспокоило, что Юровский представил искаженный доклад о случившемся.

Сколько человек было убито в подвале, одиннадцать или только девять?

А может быть, восемь?

Кто знает?

Лорд подумал о многочисленных претендентах на российский престол, появившихся к двадцатому году. Ленин упоминал о некоей женщине из Берлина. Оставшаяся в истории как Анна Андерсон, она была наиболее известна. Ее жизни посвящали фильмы и книги; на протяжении десятилетий она купалась в славе.

До самой смерти, случившейся в восемьдесят четвертом году, она продолжала выдавать себя за младшую дочь царя. Но посмертный анализ ДНК однозначно показал, что Андерсон не имела отношения к семье Романовых.

В двадцатые годы в Европе ходили правдоподобные рассказы о том, что Александра Федоровна с дочерьми не были убиты в Екатеринбурге: женщин переправили в другое место незадолго перед тем, как расстреляли Николая и Алексея. Их якобы содержали в Перми, небольшом провинциальном городке неподалеку от Екатеринбурга. Лорд вспомнил книгу, «Досье на царя», в которой старательно доказывалось это предположение. Но открытые позже документы, к которым не имели доступа авторы книги, не говоря про обнаружение останков царской семьи, свидетельствовали, что Александра Федоровна и по крайней мере три ее дочери погибли в Екатеринбурге.

Все очень запутанно и противоречиво, отличить правду от вымысла не представлялось возможным. Лорд был полностью согласен с Черчиллем. «Россия — это загадка, упакованная в тайну, спрятанную в непостижимость». Лорд достал из чемоданчика копию другого документа из московского архива. Документ был прикреплен к записке, написанной размашистым ленинским почерком. Лорд не показывал его ни Хейесу, ни Семену Пашенко, потому что он не представлял ценности. До недавнего времени.

Это была перепечатанная на машинке выдержка из показаний екатеринбургского охранника. Бумага датирована октябрём восемнадцатого года, то есть через три месяца после убийства семьи Романовых.

«Сам царь заметно постарел, борода начала седеть. Он постоянно носил солдатскую гимнастерку, подпоясанную офицерским ремнем с пряжкой. Глаза у него были добрые, и у меня сложилось впечатление, что это простой, открытый, разговорчивый человек. Иногда мне казалось, что царь хочет заговорить со мной. Царица была нисколько на него не похожа. Она держалась строго и надменно. Мы, охранники, много говорили о пленниках и сходились в том, что царица выглядела именно так, как и должна выглядеть настоящая царица. Она казалась старше царя. У нее на висках были отчетливо видны седые пряди, на лице морщины. Достаточно мне было прослужить в охране совсем немного, и от моего плохого отношения к царю не осталось и следа. Повстречавшись с царской семьей всего несколько раз, я стал относиться к ней совсем по-другому. Я начал их жалеть. Жалеть по-человечески.

Мне хотелось, чтобы их страдания поскорее закончились. Но я предчувствовал, какой будет развязка. Разговоры о судьбе пленников не оставляли сомнений. Юровский дал ясно понять, какая перед нами стояла задача. Вскоре мне пришла мысль, что нужно устроить побег».

На что он наткнулся? И почему никто не обнаружил этот документ раньше? Лорд повторял себе, что доступ к архивам открыли всего несколько лет назад. Большинство исследователей до сих пор не имели возможности ознакомиться с закрытыми бумагами, и при полном хаосе, царящем в российских архивах, чтобы что-нибудь найти, требовалось большое везение.

Лорд понял, что нужно срочно вернуться в Москву и доложить о последних результатах Тейлору Хейесу. Не исключено, претензии Степана Бакланова будут оспорены. Возможно, где-то есть претендент, имеющий более близкое кровное родство с Николаем II. Журналисты, любители сенсаций, и авторы художественных книг давно провозгласили существование такого претендента. Одна киностудия даже представила миллионам детей полнометражный мультфильм, повествующий о судьбе чудом оставшейся в живых Анастасии. Но как и в случаях с Элвисом Пресли и Джимми Хоффой,^[5] все это основывалось на голых предположениях и было лишено убедительных доказательств.

Впрочем, так ли это?

Тейлор Хейес положил трубку, с трудом сдерживая ярость. Он отправился из Москвы в «Зеленую поляну» не только по делам, но и отдохнуть. Хейес оставил Лорду записку, где сообщил, что ему пришлось срочно уехать из города, и велел продолжать работу, пообещав связаться с помощником ближе к вечеру. Он сознательно не упомянул, как поддерживать с ним связь. Но Илья Звонарев получил приказ бдительно присматривать за Лордом и обо всем докладывать.

— Это был Звонарев, — сказал Хейес. — Лорд провел целый день в Петербурге, в архивах.

— Вы об этом ничего не знали? — спросил Ленин.

— Понятия не имел. Я полагал, Лорд работает в Москве. Звонарев сказал, рано утром Лорд попросил отвезти его в аэропорт. Сегодня ночью они возвращаются в Москву на «Красной стреле».

Хрущев заметно встревожился. Хейес отметил, что для него это было чем-то из ряда выходящим. Из пяти членов «тайной канцелярии» представитель государственных структур неизменно оставался самым спокойным, никогда не повышал голос. Он очень осторожно обращался с водкой, вероятно считая, что трезвость даст ему дополнительные преимущества.

Степан Бакланов покинул «Зеленую поляну» еще вчера, перебрался на другую дачу, неподалеку, где ему предстояло оставаться до первого появления перед комиссией, то есть два дня. Времени уже было семь вечера, и Хейес собирался возвращаться в Москву, когда ему позвонили из Петербурга.

— Звонареву удалось ускользнуть на минуту во время обеда, и он позвонил своим боссам, — объяснил Хейес. — Они направили его сюда. Звонарев еще сказал, что вчера Лорд разговаривал в московском архиве с одним человеком. Его зовут Семен Пашенко. Сегодня утром швейцар гостиницы сообщил Звонареву, что вчера вечером Лорд сидел в фойе вместе с человеком, подходящим под описание Пашенко.

— И это описание?... — спросил Хрущев.

— Лет шестьдесят — шестьдесят с небольшим. Худой. Светло-голубые глаза. Лысина.

Щетина на щеках и подбородке.

От Хейеса не укрылся взгляд, которым обменялись Ленин и Хрущев. Всю неделю его не покидало ощущение, что они чего-то недоговаривают, и такое положение дел нравилось ему все меньше и меньше.

— Кто это такой? Поскольку, очевидно, вы его знаете.

— Этот человек означает для нас серьезные неприятности, — сказал Ленин.

— Это я и сам догадался. Как насчет подробностей?

— Вам когда-нибудь приходилось слышать о «священном отряде»?

Хейес покачал головой.

— В девятнадцатом веке брат царя Александра Второго собрал группу людей под этим названием. В то время очень сильно опасались покушений на царя. Александр освободил крепостных, чем вызвал недовольство аристократии. Вначале этот «священный отряд» не представлял из себя ничего серьезного. Кучка дворян, поклявшихся защищать жизнь царя. В действительности они не могли защитить даже самих себя, и в конце концов Александр Второй погиб от взрыва бомбы, брошенной террористом. Семен Пашенко возглавляет группу тех, кого ни в коем случае нельзя назвать дилетантами. Его «священный отряд» был образован где-то в двадцатые годы прошлого столетия, насколько нам удалось определить, и существует по сей день.

— То есть после убийства Николая Второго и его семьи, — заметил Хейес. — Тогда уже не было царя, которого следовало защищать.

— В том-то вся проблема, — сказал Ленин. — На протяжении десятилетий упорно ходили слухи, что детям Николая удалось остаться в живых в той бойне.

— Вздор, — презрительно произнес Хейес. — Я читал обо всех претендентах. Мошенники, все до одного.

— Возможно. Однако «священный отряд» продолжает существовать.

— Имеет ли это какое-то отношение к тому, что Лорд обнаружил в архивах?

— Имеет, и самое непосредственное, — сказал Ленин. — И вот теперь этот Пашенко несколько раз пытался установить контакт. С Лордом надо разобраться немедленно.

— Новое покушение?

— Разумеется. И сегодня же.

Хейес решил не спорить.

— Как мне доставить в Петербург людей до полуночи?

— Мы организуем самолет.

— Не хотите объяснить, чем вызвана подобная спешка?

— Если честно, — сказал Хрущев, — подробности не важны. Достаточно сказать, что под угрозой поставлено все, над чем мы так долго трудились. Этот Лорд определенно вольнодумец. Вы не в силах его контролировать. Рисковать больше нельзя. Воспользуйтесь номером телефона, который мы вам дали, и отправьте людей. Нельзя допустить, чтобы черномазый вернулся в Москву живым.

*Санкт-Петербург
23 часа 30 минут*

Лорд и его телохранитель приехали на железнодорожный вокзал. По бетонным платформам спешили люди в теплых пальто с меховыми воротниками. В руках они тащили объемистые чемоданы и большие сумки. Никто не обращал на Лорда внимания. И если не считать мужчину из архива, который, как ему показалось, за ним следил, за весь день у него больше ни разу не возникало ощущения опасности.

Вместе со Звонаревым они насладились неспешным ужином в гранд-отеле «Европа», а остаток вечера провели в фойе, слушая струнный квартет. Лорд хотел прогуляться по Невскому проспекту, но Звонарев отнесся без восторга к предложению ходить по ночным улицам. Поэтому они остались в гостинице, откуда поехали на такси прямо на вокзал, как раз чтобы успеть на поезд.

К вечеру похолодало, на площади Восстания было оживленное движение. Лорд попытался представить кровавые столкновения полиции и демонстрантов, с которых в семнадцатом году началась революция. Ожесточенные бои продолжались два дня.

Здание вокзала представляло собой еще одно творение сталинской эпохи: монументальный зеленый с белым фасад, больше подходящий дворцу. Рядом вовсю кипело строительство вокзала новой скоростной магистрали до Москвы. Многомиллиардный проект был разработан архитектурной фирмой из Иллинойса, действующей от имени британской строительной корпорации, и главный архитектор присутствовал вчера на брифинге в «Метрополе», по понятным причинам остро переживая за свое будущее.

Лорд забронировал два места в спальном вагоне первого класса. Он несколько раз ездил на «Красной стреле» и помнил то время, когда постельное белье и матрасы были грязными, а в купе невозможно было зайти без содрогания. С тех пор все заметно изменилось, и фирменный поезд теперь считался одним из лучших в Европе.

Состав отошел от перрона точно по расписанию в 23.55, чтобы прибыть в Москву завтра утром в 7.55. Четыреста пять миль за восемь часов.

— Мне что-то совсем не хочется спать, — сказал Лорд Звонареву. — Схожу в вагон-ресторан, что-нибудь выпью. Если хотите, можете подождать здесь.

Звонарев сказал, что немного вздремнет. Лорд прошел через два купейных вагона по узкому проходу, где с трудом могли разойтись двое. Повсюду резал глаза едкий дым от самоваров, топившихся углем, которые имелись в конце каждого вагона. Вагон-ресторан был оборудован удобными кожаными креслами и отделан дубом. Лорд устроился за столиком у окна, глядя на мелькающий в темноте пейзаж.

Он заказал пепси-колу, поскольку его желудок был сегодня не настроен на водку, и, открыв чемоданчик, начал просматривать свои заметки. Лорд был убежден, что наткнулся на что-то важное, и гадал, какие последствия это будет иметь для притязаний Степана Бакланова.

Ставки были очень высоки — как для самой России, так и для корпораций, чьи интересы представляла фирма «Придген и Вудворт». Лорду не хотелось, чтобы его действия

разрушили их будущее — а заодно и его карьеру.

Но ему было не отделаться от гложущих его сомнений.

Лорд протер глаза. Проклятие, как же он устал. Ему было не привыкать засиживаться допоздна, но все же напряжение последних недель начинало давить на него.

Устроившись поудобнее в мягком кожаном кресле, Лорд отпил глоток пепси. На юридическом факультете университета ничего подобного не давали. И двенадцать лет работы в фирме тоже не подготовили его к этому. Юристы такой квалификации должны работать в кабинете, библиотеке, зале суда и думать только о том, как выставить достаточно весомый счет, чтобы вознаградить свои усилия, и как добиться признания старших партнеров вроде Тейлора Хейеса — тех, от кого в конечном счете зависит будущее.

Тех, на кого хотелось произвести впечатление.

Как это было с его отцом.

В памяти сохранился отчетливый образ Гровера Лорда, лежащего в открытом гробу; рот, громовым голосом изрекавший слово Господне, был запечатан смертью, губы и лицо посерели. Его одели в лучший костюм, завязали галстук в горошек, который всегда очень нравился преподобному. Золотые запонки исчезли вместе с часами. Тогда Лорд подумал, что этих драгоценностей хватило бы оплатить солидную часть стоимости его обучения. Чуть ли не с тысячу верующих собралось на похороны. Люди плакали, иные падали в обморок, пели. Мать хотела, чтобы Майлз произнес речь. Но что он мог сказать? Не объявлять же покойного шарлатаном, лицемером, отвратительным отцом. Поэтому Майлз отказался взять слово, и мать так и не простила его за это. Даже сейчас их отношения оставались прохладными. Она была миссис Гровер Лорд и гордилась этим.

Лорд снова протер глаза, борясь с одолевающей дремой.

Он прошелся взглядом по длинному вагону-ресторану, по лицам пассажиров, заглянувших сюда в столь поздний час. Его внимание привлек один мужчина. Молодой, светловолосый, крепкого телосложения. Он сидел за столиком в одиночестве, нянча стакан, и от его присутствия у Лорда по спине пробежал ледяной холод. Исходит ли от этого человека опасность? Этот вопрос тотчас же получил ответ, когда в вагоне появилась молодая женщина с маленьким ребенком. Они подсели к светловолосому мужчине и о чем-то оживленно заговорили.

Лорд мысленно приказал себе успокоиться.

Но тут он заметил в дальнем конце вагона мужчину, потягивающего пиво. Осунувшееся лицо, тонкие губы, беспокойные водянистые глаза.

Человек из архива, по-прежнему одетый в тот же самый мешковатый бежевый костюм.

Лорда охватила тревога.

Для случайного совпадения это уже чересчур.

Нужно было вернуться к Звонареву, но он не хотел, чтобы его волнение бросилось в глаза. Поэтому Лорд допил пепси, медленно закрыл чемоданчик. Встал, бросил на стол несколько рублей. Он надеялся, что его движения говорят о полном спокойствии. Но по пути к выходу он увидел сквозь стекло двери, что мужчина в бежевом костюме последовал за ним.

Лорд выскочил в тамбур и захлопнул дверь за собой. Быстро шагнув в соседний вагон, он заметил, что мужчина торопится следом.

Проклятие.

Лорд поспешно прошел по составу и оказался в своем вагоне. Быстрый взгляд назад в сторону тамбура — мужчина в бежевом костюме продолжал его преследовать.

Лорд открыл купе.

Звонарева там не было.

Лорд рывком задвинул дверь. Возможно, телохранитель вышел в туалет. Пробежав до конца вагона по узкому проходу, Лорд завернул за небольшой выступ коридора. Дверь в туалет была закрыта, но надпись на ручке показывала «СВОБОДНО». Лорд открыл.

Пусто.

Черт побери, куда пропал Звонарев?

Лорд шагнул в туалет, но перед этим приоткрыл дверь в тамбур, изображая, будто кто-то прошел в соседний вагон. Он закрыл за собой дверь туалета, но не стал поворачивать замок, чтобы снаружи не появилась надпись «ЗАНЯТО».

Лорд прижался к холодной поверхности из нержавеющей стали, учащенно дыша. У него бешено колотилось сердце. Послышались торопливые шаги, и Лорд напрягся, готовый использовать чемоданчик в качестве оружия. В коридоре с глухим скрипом открылась дверь в тамбур.

Еще через мгновение она закрылась.

Лорд подождал еще целую минуту.

Ничего не услышав, он чуть приоткрыл дверь туалета. В коридоре никого не было. Захлопнув дверь, Лорд заперся. Второй раз за два дня он бежал, спасая свою жизнь. Положив чемоданчик на унитаз, он первым делом водой из-под крана смыл с лица пот. На раковине стоял баллончик с дезинфицирующим средством. Лорд брызнул на ладони, вымыл руки и лицо, следя за тем, чтобы не проглотить воду: табличка по-русски предупреждала, что она не пригодна для питья. Бумажных полотенец не было, и ему пришлось вытирать лицо носовым платком.

Лорд посмотрел в зеркало.

В карих глазах отражалась усталость, угловатое лицо осунулось, волосы отросли. Что происходит? И где Звонарев? Тот еще телохранитель. Лорд прополоскал рот, опять же следя за тем, чтобы не проглотить воду. Да, ирония судьбы. Сверхдержава, черт побери, способная тысячекратно взорвать весь мир, не может обеспечить чистую воду в поезде.

Лорд постарался взять себя в руки. За матовым стеклом проносилась ночь. Мимо промчался встречный состав; вагоны, казалось, громыхали несколько минут.

Сделав глубокий вдох, Лорд схватил чемоданчик и открыл дверь.

Дорогу ему преградил высокий коренастый мужчина с изрытым оспой лицом, с блестящими черными волосами, забранными в хвостик. Лорд посмотрел ему в глаза и тотчас же обратил внимание на низко нависшую правую бровь.

Прищуренный.

В живот вонзился кулак.

Лорд согнулся пополам, дыхание застряло в горле, захлестнула волна тошноты. Сила удара отшвырнула его к стене, и он больно стукнулся головой о стекло. На мгновение перед глазами все померкло.

Лорд обессиленно опустился на унитаз.

Прищуренный вошел в туалет и плотно закрыл за собой дверь.

— Итак, господин Лорд, сейчас мы закончим.

Лорду удалось нащупать ручку чемоданчика, и у него мелькнула мысль выбросить его вперед, однако в тесном помещении это бессмысленно. Постепенно в легкие начал возвращаться воздух. Шок уступил место страху. Безотчетному ледящему ужасу.

У Прищуренного в руке щелкнул раскрывшийся нож.

Шанс у него будет только один.

Взгляд Лорда упал на баллончик с дезинфицирующим средством. Резко подавшись к раковине, он схватил его, направил в лицо нападавшему и надавил на кнопку. Едкий туман брызнул Прищуренному в глаза, и он вскрикнул от боли. Лорд обрушил ему колено в пах. Прищуренного скрутило, нож с грохотом упал на кафельный пол. Обеими руками Лорд что есть силы опустил чемоданчик Прищуренному на затылок. Бандит повалился.

Лорд ударил еще раз. И еще.

Перескочив через обмякшее тело, он распахнул металлическую дверь и выскочил в коридор. Там его ждал Кроманьонец — покатый лоб, косматые волосы, мясистый нос.

— Куда-то торопитесь, господин Лорд?

Лорд лягнул русского в колено мыском ботинка, сбивая с ног. Справа кипел серебристый самовар, полный горячей воды. Рядом стоял наготове стеклянный кувшин — для тех пассажиров, кто захочет выпить чаю. Лорд выплеснул обжигающую жидкость на Кроманьонца.

Тот взвыл от боли.

Лорд выскочил в тамбур. Он слышал, как Прищуренный поднимается на ноги, зовет своего товарища.

Забежав в соседний вагон, Лорд поспешил по тесному проходу. Он молился, чтобы впереди показался проводник. Хоть кто-нибудь. Не выпуская из руки чемоданчик, Лорд перебрался в следующий вагон. В противоположном конце распахнулась дверь, он успел мельком увидеть двух убийц.

Лорд продолжал бежать, затем решил, что это бесполезно. Рано или поздно состав закончится.

Он оглянулся.

Небольшой выступ ненадолго укрыл его. Вдоль прохода тянулись закрытые двери купе. Лорд рассудил, что это тоже спальный вагон. Ему нужно нырнуть в какое-нибудь купе, хотя бы на мгновение, переждать, пока преследователи пробегут мимо. Может быть, потом ему удастся вернуться назад и разыскать Звонарева.

Лорд дернул ручку обшитой панелью двери.

Заперто.

Следующее купе тоже оказалось заперто.

У него в запасе есть еще одна секунда.

Схватив ручку, Лорд оглянулся. В полумраке соседнего вагона виднелись приближающиеся тени. Показалось чье-то плечо, и Лорд дернул дверь.

Она сдвинулась.

Проскользнув в купе, Лорд захлопнул дверь.

— Кто вы такой? — воскликнул по-русски женский голос.

Лорд обернулся. На полке меньше чем в трех шагах от него сидела женщина. Она была миниатюрная, словно фигуристка, со светлыми волосами до плеч. Молочно-белая кожа, задорный вздернутый носик, на лице — забавная смесь мальчишеской дерзости и женственности. В ее голубых глазах не было ни тени страха.

— Не бойтесь, — сказал по-русски Лорд. — Меня зовут Майлз Лорд. У меня большие неприятности.

— Это не объясняет, почему вы ворвались ко мне в купе.

— За мной охотятся.

Встав, женщина шагнула к нему. Она оказалась невысокой, всего по плечо Лорду; на ней были темные джинсы, которые, пожалуй, кроме нее, не смог бы надеть никто. Пиджак с накладными плечами закрывал голубую водолазку. От женщины исходил слабый аромат духов.

— Вы бандит? — спросила она.

Лорд покачал головой.

— Но те, кто за мной охотится, наверное, бандиты. Два дня назад они убили человека, а теперь пытаются убить меня.

— Отойдите в сторону, — приказала женщина.

Лорд протиснулся мимо нее к окну. Женщина спокойно выглянула в проход и закрыла дверь.

— В дальнем конце вагона трое.

— Трое?

— Да. У одного черные волосы, забранные в хвостик. Второй плосколицый, с мясистым лицом, похож на татарина.

Прищуренный и Кроманьонец.

— Третий — накачанный верзила. Бычья шея. Светлые волосы.

Это очень напоминало описание Звонарева.

— Они разговаривают друг с другом?

Женщина кивнула.

— И стучат в двери всех купе подряд. Они идут в нашу сторону.

Судя по всему, от нее не укрылась тревога в глазах Лорда. Она указала на багажный отсек над дверью.

— Залезайте туда и ведите себя тихо.

Углубление было достаточным для двух порядочных чемоданов; человек, свернувшись клубком, поместится там без труда. Запрыгнув на полку, Лорд подтянулся и забрался наверх. Женщина протянула ему чемоданчик. Не успел он устроиться, как раздался стук в дверь.

Женщина открыла.

— Мы ищем негра, в костюме, с чемоданчиком.

Это был голос Звонарева.

— Я таких не видела, — спокойно ответила женщина.

— Не лгите нам, — сказал Кроманьонец резким тоном. — Мы не потерпим обмана. Вы его видели?

— Никаких негров я не видела. Мне не нужны неприятности.

— Ваше лицо мне знакомо, — заговорил Прищуренный.

— Я Акулина Петрова из Московского цирка.

Небольшая пауза.

— Точно. Я видел вас на арене.

— Как это замечательно. А теперь, быть может, вы продолжите свои поиски где-нибудь в другом месте. Мне нужно выспаться. Вечером у меня выступление.

Женщина захлопнула дверь.

Лорд услышал щелчок замка.

И в третий раз за два дня облегченно вздохнул.

Лорд выждал минуту, прежде чем спустился вниз. Его спина была покрыта холодным потом. Женщина, приютившая его, сидела на полке.

— Почему эти люди хотят вас убить? — мягко спросила она.

По-прежнему в ее голосе не было ни тени беспокойства.

— Понятия не имею. Я юрист из Америки, приехал в Россию, чтобы принять участие в работе Царской комиссии. Еще каких-нибудь два дня назад я был уверен, что, за исключением моего босса, никто даже не подозревает о моем существовании.

Лорд уселся на противоположной полке. Адреналин уходил, сменяясь пульсирующим напряжением во всех мышцах. Давала знать о себе усталость. Но оставалась самая главная проблема.

— Один из этих троих, тот, кто говорил с вами первый, он вроде как был моим телохранителем. По-видимому, я знал о нем далеко не все.

Акулина Петрова поморщилась.

— На вашем месте я бы не стала обращаться к нему за помощью. Похоже, они все были заодно.

— В России это обычное явление? — спросил Лорд. — Незнакомые мужчины забираются к вам в купе? Бандиты стучат в дверь? По-моему, вас это несколько не беспокоит.

— А должно было бы?

— Я этого не говорил. Поверьте, меня вам бояться нечего. Однако в Америке подобная ситуация считалась бы очень опасной.

Петрова пожала плечами.

— На вид в вас нет ничего опасного. На самом деле, когда я вас увидела, я почему-то вспомнила свою бабушку.

Лорд молча ждал объяснений.

— Она росла во времена Хрущева и Брежнева. Американцы засылали в Советский Союз шпионов, чтобы брать образцы почвы и исследовать их на радиоактивность, определяя местонахождение пусковых шахт ракет. Всех советских людей предупреждали об этом, призывали быть бдительными, пугали тем, как опасна встреча с американским шпионом. И вот однажды моя бабушка гуляла в лесу и встретила незнакомого мужчину, собиравшего грибы. Он был одет как простой колхозник, в руках у него была плетеная корзина, с какими обычно ходят за грибами. Нисколько не испугавшись, бабушка подошла к нему и сказала: «Привет, шпион!» Пораженный мужчина уставился на нее, даже не думая отпираться. Он только сказал: «Я прошел такую хорошую подготовку, узнал о России все, что только можно было. Как вы поняли, что я шпион?» «Это очень просто, — ответила бабушка. — Я прожила в здешних краях всю свою жизнь, и вы первый негр, которого я встречаю в этом лесу». То же самое верно и в отношении вас, Майлз Лорд. Вы первый чернокожий, которого я встречаю в этом поезде.

Лорд улыбнулся.

— Похоже, ваша бабушка — натура в высшей степени практическая.

— Была. До тех пор, пока однажды ночью за ней не пришли коммунисты. Каким-то образом семидесятилетняя женщина угрожала империи.

Лорд читал о том, как Сталин во имя Родины загубил двадцать миллионов человек, и генеральные секретари и президенты, пришедшие ему на смену, были ничуть не лучше. Как там писал Ленин? Лучше посадить в тюрьму несколько десятков или сотен невиновных, чем

оставить на свободе одного врага власти.

— Мне очень жаль, — сказал Лорд.

— Почему?

— Не знаю. Просто в подобных случаях так говорят. А что вы хотите от меня услышать?

Плохо, что ваша бабушка была растерзана сворой фанатиков?

— На самом деле именно так это и было.

— Поэтому вы меня спрятали?

— Я ненавижу государственные органы и мафию, — сказала Петрова. — Это одно и то же.

— Вы считаете, это были бандиты?

— Вне всякого сомнения.

— Мне нужно найти проводника и переговорить с начальником поезда.

Петрова грустно усмехнулась.

— Это было бы верхом глупости. В этой стране продается все. Если эти люди вас ищут, они купили всю поездную бригаду.

Она была права. Российская милиция немногим лучше мафии. Лорд вспомнил следователя Орлегова. Грузный русский не понравился ему с самого начала.

— Ну а вы что предлагаете?

— Не знаю. Это вы юрист, работающий в Царской комиссии. Вы и думайте, как быть.

Только сейчас Лорд заметил на полке сумку с вышитой эмблемой Московского цирка.

— Вы сказали бандитам, что работаете в цирке. Это правда?

— Разумеется.

— И какое ваше амплуа?

— А вы сами попробуйте догадаться. Как по-вашему, чем я могу заниматься?

— С такими миниатюрными размерами из вас получилась бы идеальная акробатка.

Лорд внимательно посмотрел на ноги Петровой в черных кроссовках.

— Нога у вас маленькая, компактная. Готов поспорить, с длинными пальцами. Руки короткие, но мускулистые. Я бы сказал, вы воздушная гимнастка, эквилибристка.

— Попали в самую точку, — улыбнулась Петрова. — Вы видели, как я выступаю?

— Я давно не бывал в цирке.

Лорд прикинул ее возраст. Пожалуй, лет тридцать — тридцать с небольшим.

— Откуда вы так хорошо владеете русским? — спросила она.

— Учю уже много лет.

Его мысли вернулись к более насущным проблемам.

— Мне нужно уйти отсюда, оставить вас. Вы и так сделали для меня больше, чем я смел бы попросить.

— И куда вы пойдете?

— Найду где-нибудь свободное купе. А утром попытаюсь незаметно сойти с поезда.

— Не говорите глупости. Эти люди будут прочесывать состав всю ночь. Единственное безопасное место здесь.

Сбросив сумку на пол, Петрова вытянулась на своей полке. Потом подняла руку и выключила ночник над головой.

— Ложитесь спать, Майлз Лорд. Здесь вы в безопасности. Бандиты сюда не вернуться.

Лорд слишком устал, чтобы спорить. И он не видел смысла возражать, потому что Петрова была права. Он ослабил узел галстука, скинул пиджак, лег на койку и сделал так,

как было сказано.

Лорд открыл глаза.

По-прежнему стучали на стыках колеса. Он взглянул на светящийся циферблат часов. Двадцать минут шестого. Он проспал пять часов.

Ему снился отец. Проповедь о непонятом сыне, которую он слышал столько раз. Гроверу Лорду нравилось смешивать политику и религию; главными его врагами были коммунисты и атеисты, а своего старшего сына он постоянно ставил верующим в пример. В южных общинах такое сочетание действовало безотказно; преподобный кричал, входил в раж, наводил страх божий на собравшихся, затем пускал по рядам блюдо для пожертвований, из которых четыре пятых оставлял себе, и перебирался в следующий город.

Мать защищала негодяя до самого конца, отказываясь верить в то, что просто обязана была знать. Майлзу, как старшему сыну, пришлось забирать тело отца из мотеля в Алабаме. Женщина, с которой Гровер Лорд провел ночь, смылась в истерике, после того как, проснувшись, обнаружила рядом с собой обнаженный труп преподобного. Лишь тогда он убедился в том, о чем давно подозревал: у отца было еще два сына, которых он содержал на средства, взятые из пожертвований. Почему пятерых детей дома было недостаточно, знали только Господь Бог и сам Гровер Лорд. Судя по всему, проповеди о распутстве и плотских грехах его не касались.

Лорд обвел взглядом погруженное в темноту купе. Акулина Петрова тихо спала под белой простыней. Лорд с трудом различил ее ровное дыхание за монотонным перестуком колес. Он ввязался во что-то скверное, и какая бы история тут ни творилась, ему нужно убираться из России ко всем чертям. Слава богу, он захватил паспорт с собой. Завтра он вылетит в Атланту первым же рейсом, на который сможет достать билет. Но пока что под плавное покачивание вагона и стук колес Лорд снова провалился в сон.

Пятница, 15 октября

— Майлз Лорд!

Открыв глаза, Лорд увидел склонившуюся над ним Акулину Петрову.

— Мы подъезжаем к Москве.

— Сколько времени?

— Семь с минутами.

Лорд откинул одеяло и уселся. Акулина примостилась на краю соседней полки. Во рту у Лорда был такой привкус, словно он прополоскал его клеем. Нужно побриться и принять душ, но на это нет времени. Еще ему нужно связаться с Тейлором Хейесом, однако с этим все не так просто. У него серьезные проблемы. И женщина, которая предоставила ему приют на ночь, похоже, это понимала.

— Эти люди будут ждать вас на вокзале.

Лорд провел языком по зубам, счищая налет.

— А то я не знаю.

— Можно сойти с поезда раньше.

— Каким образом?

— Через несколько минут мы въедем в пределы Московской кольцевой автодороги и состав замедлит ход. В черте города есть ограничения по скорости. В детстве мы так запрыгивали на ленинградские поезда. Это был самый быстрый способ добраться до центра.

Лорду не слишком-то пришлась по душе мысль прыгать на ходу с поезда, но еще меньше ему хотелось снова встретиться с Прищуренным и Кроманьонцем.

Состав начал замедлять ход.

— Вот видите, — сказала Акулина.

— Вы знаете, где мы сейчас находимся?

Она выглянула в окно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Километрах в двадцати от вокзала. Я бы посоветовала вам не тянуть.

Взяв чемоданчик, Лорд открыл замки. Там не было ничего особенного: копии документов, обнаруженных в московском и петербургском архивах, и кое-какие другие бумаги. Сложив, Лорд убрал их в карман пиджака. Он похлопал по карманам, убеждаясь, что бумажник и паспорт на месте.

— Чемоданчик будет только мешать.

Акулина забрала у него кожаный чемодан.

— Я его сохраню для вас. Если захотите получить обратно, приходите в цирк.

— Спасибо, — улыбнулся Лорд. — Может быть, и зайду.

Но только в другой раз, в следующий приезд в Россию.

Лорд надел пиджак.

Акулина подошла к двери.

— Я выгляну в коридор, проверю, все ли чисто.

Лорд схватил ее за руку.

— Спасибо. За все.

— Не за что, Майлз Лорд. Вы помогли скрасить скучную поездку.

Они оказались совсем близко друг к другу, и Лорд снова наслаждался ароматом свежих цветов. Акулина Петрова была привлекательной женщиной, хотя на ее лице остались следы житейских невзгод. В свое время коммунистическая пропаганда провозглашала советских женщин самыми свободными в мире. Без них не мог обойтись ни один завод. Сфера услуг рухнула бы без их вклада. Однако время обходилось с ними сурово. Лорд всегда восхищался красотой русских женщин, но жалел их за тот удел, какой выпадал на их долю. Вот и сейчас он подумал, как эта красивая женщина будет выглядеть через двадцать лет.

Лорд отступил в сторону, освобождая дорогу. Акулина вышла в коридор.

Через минуту дверь открылась.

— Пошли, — пригласила Акулина.

Коридор был пуст. Слева, за растопленным самоваром, была дверь тамбура. За стеклом мелькали неприглядные картины московских пригородов. В отличие от американских и западноевропейских поездов, дверь была незаперта и не имела сигнализации.

Нажав на ручку, Акулина потянула стальную дверь.

— Удачи, Майлз Лорд, — сказала она.

Заглянув напоследок в ее голубые глаза, Лорд выпрыгнул из вагона. Он упал на холодную землю и покатился по откосу.

Последний вагон проехал мимо, состав с грохотом умчался на юг, и в утреннем воздухе наступила чарующая тишина.

Оглядевшись по сторонам, Лорд обнаружил, что оказался на заросшем травой пустыре между неказистыми жилыми домами. Он обрадовался, что спрыгнул именно в этот момент. Еще немного ближе к центру города — и его встречал бы лишь голый бетон. С соседних улиц доносился шум транспорта, в нос ударил резкий запах автомобильных выхлопов.

Поднявшись на ноги, Лорд отряхнулся. Еще один костюм непоправимо испорчен. Впрочем, черт с ним. В любом случае сегодня он уедет из России.

Ему нужно было позвонить, поэтому он дошел до бульвара. Первые этажи зданий занимали магазины и офисы, пробуждавшиеся к новому рабочему дню. Автобусы высаживали пассажиров и отъезжали от остановок, изрыгая черные клубы дыма. Лорд заметил на противоположной стороне улицы двух милиционеров в серо-голубых мундирах. В отличие от Прищуренного и Кроманьонца, эти были в форменных фуражках с красным околышем. Но все же он решил держаться от них подальше.

Лорд зашел в продуктовый магазин. За прилавком стоял тощий пожилой мужчина.

— Можно воспользоваться вашим телефоном? — спросил по-русски Лорд.

Бросив на него угрюмый взгляд, продавец ничего не ответил. Лорд сунул руку в карман, достал десятирублевую бумажку. Продавец взял деньги и указал на прилавок. Лорд подошел к телефону, набрал номер «Метрополя» и попросил администратора соединить его с номером Тейлора Хейеса. В трубке прозвучал с десяток длинных гудков, после чего снова послышался голос администратора. Лорд попросил его попробовать связаться с рестораном. Через пару минут ему ответил Хейес.

— Майлз, черт побери, куда ты пропал?

— Тейлор, у нас серьезные проблемы.

Лорд рассказал боссу о случившемся. При этом он украдкой поглядывал на продавца, гадая, понимает ли тот по-английски, однако шум машин на улице помогал замаскировать

разговор.

— Тейлор, эти люди охотятся за мной. Не за Белым или кем-то еще. За мной.

— Ну хорошо. Успокойся.

— Вы предлагаете мне успокоиться? Этот телохранитель, которого вы ко мне приставили, он с ними заодно.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что, когда те двое меня искали, он был вместе с ними.

— Я все понимаю...

— Нет, Тейлор, вы ничего не понимаете. До тех пор пока за вами не будут охотиться русские бандиты, вы ничего не поймете!

— Майлз, выслушай меня. Паника тебе сейчас не поможет. Обратись к первому встречному милиционеру.

— Ни за что, черт побери. Я никому не верю в этой крысиной норе. Вся эта проклятая страна куплена с потрохами. Тейлор, вы должны мне помочь. Вы единственный, кому я доверяю.

— Зачем ты отправился в Петербург? Я же просил вести себя тихо.

Лорд рассказал про Семена Пашенко, про то, что посоветовал русский профессор.

— И он оказался прав, Тейлор. Я там кое-что нашел.

— Влияет ли это как-нибудь на притязания Бакланова на престол?

— Возможно, влияет.

— Ты хочешь сказать, Ленин опасался, что кому-то из членов царской семьи удалось остаться в живых?

— Определенно, эта тема его очень интересовала. Обилие письменных свидетельств заставляет задуматься.

— Господи, только этого нам не хватало...

— Послушайте, может быть, на самом деле тут ничего нет. Сами подумайте, в конце концов, со времени убийства Николая Второго прошло почти сто лет. За такой большой срок что-нибудь наверняка всплыло бы.

При упоминании имени царя продавец встрепенулся. Лорд понизил голос.

— Однако меня сейчас беспокоит совсем другое. Я думаю только о том, как бы выбраться отсюда живым.

— Где документы?

— У меня.

— Хорошо. Садись в метро и езжай на Красную площадь. Иди к мавзолею Ленина...

— Почему не в гостиницу?

— Возможно, за ней следят. Будем держаться людных мест. Мавзолей вскоре откроют. Там повсюду полно вооруженных часовых. Ты будешь в безопасности. Не могут же все они быть куплены.

Мания преследования не отпускала. Но Хейес прав. Надо сделать так, как он говорит.

— Жди у входа в мавзолей. Я постараюсь прибыть туда как можно быстрее, с подмогой. Ты все понял?

— Умоляю, поторопитесь.

8 часов 30 минут

Лорд сел в метро в северной части города. В битком набитом вагоне стояла удушливая вонь. Вцепившись в железный поручень, Лорд слушал перестук колес. Здесь он чувствовал себя относительно спокойно. Все вокруг были настороженные. Как и он сам.

Выйдя из метро у Исторического музея, Лорд пересек оживленную улицу и прошел через Воскресенские ворота. Его взору открылась Красная площадь. Он любовался недавно восстановленными воротами: подлинные белые башенки и своды из красного кирпича пали жертвой сталинской эпохи.

Его не переставали поражать относительно скромные размеры Красной площади. В телевизионных передачах коммунистических времен вымощенное брусчаткой пространство казалось бескрайним. На самом деле площадь была лишь на треть длиннее футбольного поля и вдвое уже. С юго-западной стороны ее обрамляли внушительные кремлевские стены из красного кирпича. На северо-востоке возвышался универсальный магазин ГУМ, массивное здание в стиле барокко, напоминающее скорее железнодорожный вокзал девятнадцатого столетия, чем бастион капитализма. С северной стороны господствовало здание Исторического музея с белыми шпилями на крыше. Теперь эти шпили венчали двуглавые орлы Романовых; красные звезды канули в Лету вместе с коммунистическим режимом. В южном конце площади стоял самый узнаваемый символ города — собор Василия Блаженного, буйство башенок, куполов и островерхих шпилей. По ночам освещали прожектора, и он расцвечивал темноту яркими красками.

Установленные по периметру стальные ограждения перекрывали доступ на площадь. Лорд вспомнил, что Красная площадь огорожена до часу дня, когда открывается мавзолей Ленина.

И он убедился, что Хейес прав.

Вокруг громоздкого угловатого сооружения дежурило не меньше двух десятков милиционеров в форме. Перед зданием из красного гранита уже выстроилась небольшая очередь. Мавзолей расположился в самой высокой точке площади, непосредственно у кремлевской стены. По обе стороны от него застыли ровные ряды серебристых елей.

Обойдя ограждение, Лорд присоединился к группе экскурсантов. Он застегнул пиджак на все пуговицы, спасаясь от холода, жалея о своем шерстяном пальто — оно осталось в купе «Красной стрелы», которое они совсем недолго делили с Ильей Звонаревым. На Спасской башне пробили куранты. Кругом суетились туристы в длинных теплых пальто, с фотоаппаратами в руках. Яркие цвета безошибочно выдавали в них иностранцев. Большинство русских предпочитают черную, серую, коричневую и темно-синюю одежду. Другой отличительной чертой были перчатки. Истинные русские не надевают перчатки даже в самую лютую зиму.

Лорд прошел следом за остальными туристами ко входу в мавзолей. К нему навстречу не спеша направился милиционер, молодой бледнолицый парень в оливково-зеленой шинели и синей меховой шапке. Лорд обратил внимание, что у милиционера не было оружия, он лишь следил за порядком. Плохо.

— Вы собираетесь посетить святыню? — спросил милиционер.

Лорд его прекрасно понял, но решил притвориться, что не знает языка. Он покачал головой.

— Русский нет. Английский?

Лицо милиционера оставалось непроницаемым.

— Ваши документы, — строго приказал он по-английски.

Меньше всего Лорду сейчас хотелось привлечь к себе внимание. Он быстро огляделся по сторонам в поисках Тейлора Хейеса.

— Ваши документы, — повторил милиционер.

Сунув руку в задний карман брюк, Лорд достал паспорт. Синяя корочка сразу же выдаст в нем американца. Он протянул паспорт милиционеру, однако нервы у него не выдержали, синяя книжечка выскользнула из рук и упала на брусчатку. Лорд наклонился, чтобы ее подобрать, и вдруг услышал, как что-то просвистело над ухом и вонзилось милиционеру в грудь. Подняв взгляд, он увидел, как из дырочки в зеленой шинели вытекает алая струйка. Милиционер тщетно попытался вдохнуть, закатил глаза, и его обмякшее тело рухнуло на мостовую.

Стремительно развернувшись, Лорд увидел снайпера на крыше ГУМа.

Убийца навел на него винтовку и прильнул к оптическому прицелу.

Лорд сунул паспорт в карман и бросился в толпу туристов. Избегая по гранитным ступеням, он расталкивал людей и кричал по-русски и по-английски:

— Снайпер! Спасайтесь!

Толпа бросилась врассыпную.

Лорд нырнул в мавзолей в то самое мгновение, когда пуля отрикошетила от полированного гранита у него за спиной. Он неуклюже упал на черный лабрадорит, которым был выложен вестибюль, и в этот момент новая пуля еще раз выбила гранитные брызги у входа.

Из мавзолея навстречу Лорду бросились двое часовых.

— Там, на площади, снайпер! — крикнул по-русски Лорд. — На крыше ГУМа!

Часовые были без оружия. Один забежал в маленькую кабинку и схватил телефон. Лорд осторожно приблизился к выходу. Люди разбегались во все стороны. Но им ничего не угрожало. Целью снайпера был он. Стрелок по-прежнему оставался на крыше, пристроившись между прожекторами. Из переулка к югу от ГУМа выскочил темный «вольво» и рванул прямо к собору Василия Блаженного. Визжа тормозами, машина остановилась, задние двери открылись. Прищуренный и Кроманьонец со всех ног устремились к мавзолею.

Лорду оставалась только одна дорога — вниз по лестнице в чрево мавзолея. На нижней площадке толпились люди, у них в глазах застыл страх. Лорд дважды завернул за угол и оказался в усыпальнице. Он пронесся мимо стеклянного гроба с телом Ленина, лишь мельком взглянув на восково-желтое лицо. У выхода стояли еще двое часовых. Ни один не сказал ни слова. Взбежав по скользким мраморным ступеням, Лорд выскочил в боковой выход. Вместо того чтобы повернуть направо, к Красной площади, он метнулся влево.

Быстро взглянув назад, он понял, что убийца его заметил. Но угол для стрельбы был плохим. Снайперу нужно было сменить позицию.

Лорд очутился на зеленом газоне за ступенчатой стеной мавзолея. Слева начиналась лестница. Лорд знал, что она ведет на трибуну на крыше мавзолея. Подниматься туда смысла

не было. Ему нужно спрятаться. Оглянувшись, он увидел, что снайпер занял новую позицию в самом конце ряда прожекторов.

Лорд побежал к кремлевской стене. Ряд гранитных бюстов обозначал могилы коммунистических деятелей: Свердлова, Брежнева, Калинина, Сталина.

Прогремели еще два выстрела.

Лорд растянулся на бетонной дорожке, укрываясь за стволом серебристой ели. Одна пуля сбила хвою и ударилась в красный кирпич, другая отскочила от гранитного бюста. Бежать направо, к Историческому музею, нельзя. Там слишком открытое место. Слева он мог использовать в качестве щита здание мавзолея. Но тогда главной проблемой будет не снайпер, а те двое, что вылезли из темного «вольво».

Лорд побежал налево, по узкой дорожке вдоль могил партийных лидеров. Пригибаясь, он старался двигаться как можно быстрее, укрываясь за стволами деревьев.

Как только Лорд появился из-за мавзолея, с крыши ГУМа снова загремели выстрелы. Пули выбивали крошку из кремлевской стены. Трудно было предположить, что снайпер совсем не умеет стрелять, поэтому Лорд догадался, что он просто гонит его в нужном направлении, туда, где ждут Прищуренный и Кроманьонец.

Лорд бросил взгляд в сторону Красной площади. Прищуренный и Кроманьонец заметили его и со всех ног мчались наперерез.

И тут на площадь с ревом вылетели три милицейские машины со включенными мигалками, завывая сиренами. Прищуренный и Кроманьонец остановились. Лорд спрятался за каменной трибуной.

Снайпер подал знак бандитам и скрылся. Правильно истолковав его сигнал, убийцы поспешили к своему «вольво».

На площадь выезжали все новые и новые милицейские машины, одна сбила секцию ограждения. Из автомобилей выскакивали милиционеры в форме, с оружием в руках. Лорд оглянулся. По узкой дорожке вдоль кремлевской стены к нему бежали другие милиционеры, в расстегнутых шинелях, выдыхая в холодный сухой воздух облачка пара.

И все они были вооружены.

Лорд выпрямился, поднимая руки над головой.

Милиционер грубо повалил его на землю и ударил рукояткой пистолета по затылку.

11 часов 00 минут

Лорда заковали в наручники и увезли с Красной площади в милицейской машине. Обращались с ним далеко не любезно, и ему пришлось напомнить себе, что он не в Соединенных Штатах. Поэтому Лорд молчал, а когда его попросили подтвердить свое имя и американское гражданство, он ответил по-английски. Тейлора Хейеса нигде не было видно.

Из обрывков разговоров Лорд понял, что милиционер у входа в мавзолей был убит наповал. Еще двое были ранены, один тяжело. Снайперу удалось уйти. Он не оставил после себя никаких следов. Судя по всему, милиция не обратила внимания на темный «вольво» и двух его пассажиров. Лорд решил ничего не говорить до тех пор, пока не встретится с Хейесом. Не вызывало сомнений, что телефоны «Метрополя» прослушиваются. Откуда еще убийцы могли узнать, где его искать? Из чего, по-видимому, следовало, что к случившемуся имеют отношение определенные государственные структуры.

Однако Прищуренный и Кроманьонец бежали при появлении милиции.

Необходимо как можно скорее связаться с Хейесом. Босс должен знать, что делать дальше. Быть может, нужно обратиться за содействием к какому-нибудь правоохранительному ведомству? Но Лорд сомневался в этом. У него не осталось доверия ни к чему русскому.

Под вой сирен его провезли по московским улицам прямо к центральному управлению. Современное многоэтажное здание выходило на Москву-реку. Прямо напротив возвышался российский Белый дом, бывшее здание парламента. Лорда провели на третий этаж и дальше по унылому коридору с рядами пустых стульев к кабинету, где его встретил следователь Феликс Орлегов. Русский был в том же самом темном костюме, что и три дня назад, когда они впервые встретились на Никольской улице рядом с окровавленным трупом Артемия Белого.

— Добрый день, мистер Лорд, — сказал по-английски Орлегов. — Проходите, садитесь.

Кабинет представлял собой наводящую клаустрофобию клетушку с угрюмыми оштукатуренными стенами. Вся обстановка состояла из черного металлического стола, шкафа и двух стульев. Пол вымощен щербатой плиткой, на потолке темнели никотиновые пятна, и Лорд понял, откуда они: Орлегов усиленно дымил черной турецкой сигаретой. В воздухе висел сизый табачный дым, он хоть как-то смягчал запах немытого тела, исходящий от следователя.

Орлегов приказал снять с Лорда наручники. Дверь закрылась, и они остались одни.

— Наручники не нужно, правильно, мистер Лорд?

— Почему со мной обращаются как с преступником?

Пройдя за стол, Орлегов грузно опустился в скрипучее дубовое кресло. Пожелтевший воротник его сорочки был расстегнут, галстук незатянут.

— Дважды вы находились там, где кто-то умирал. На этот раз милиционер.

— Я ни в кого не стрелял.

— Однако насилие следовать за вами. Почему?

Сегодня упрямый следователь нравился Лорду еще меньше, чем при предыдущей

встрече. Водянистые глаза русского нещадно косили. Он сохранял ледяное хладнокровие, но на лице было написано презрение, и Лорду хотелось узнать, какие мысли на самом деле бродят в голове негодяя. Его пробрала странная дрожь. Что это, страх? Или тревожное предчувствие?

— Я хочу позвонить по телефону, — сказал Лорд.

Орлегов сделал глубокую затяжку.

— Кому?

— Вас это не касается.

Следователь усмехнулся, но его глаза оставались пустыми.

— Мы не в Америке, мистер Лорд. У задержанные нет никаких прав.

— Я хочу связаться с американским посольством.

— Вы дипломат?

— Я работаю в Царской комиссии. Вам это известно.

Еще одна усмешка, от которой Лорду стало не по себе.

— Это давать какие-то привилегии?

— Я этого не говорил. Но я нахожусь у вас в стране по приглашению вашего правительства.

Орлегов презрительно рассмеялся.

— Правительства, мистер Лорд? Никакого правительства. Мы ждем возвращения царя.

Русский следователь даже не старался скрыть сарказм.

— Насколько я полагаю, вы голосовали против?

Лицо Орлегова посерьезнело.

— Ничего не предполагать. Так гораздо безопаснее.

Этот недвусмысленный намек Лорду не понравился. Но прежде чем он успел ответить, на столе зазвонил телефон. От резкого звука Лорд вздрогнул. Не выпуская из руки сигарету, Орлегов другой снял трубку. Ответив по-русски, он приказал звонившему переключить линию.

— Чем могу вам помочь? — по-прежнему по-русски сказал в трубку Орлегов.

Некоторое время следователь молча слушал.

— Черномазый здесь, — наконец сказал он.

Лорд был задет, но не показал, что понимает слова Орлегова. А тот, судя по всему, чувствовал себя в полной безопасности за языковым барьером.

— Один милиционер убит. Те, кого вы послали, не добились своей цели. Они так и не установили контакт. Говорил я вам, что тут надо действовать по-другому... Согласен... Да. Определенно, ему здорово везет.

Похоже, именно звонивший был источником всех проблем Лорда. И он был прав насчет Орлегова. Этому сукиному сыну доверять нельзя.

— Я продержу его здесь до прибытия ваших людей. На этот раз все будет сделано как нужно. Больше никаких гангстеров. Я сам его убью.

У Лорда по спине заплясали холодные мурашки.

— Не беспокойтесь. Я лично присматриваю за ним. Он здесь, сидит прямо напротив меня.

На лице у русского появилась усмешка.

— Он не понимает ни слова из того, что я говорю.

Последовала пауза, и вдруг Орлегов выпрямился в кресле.

Он посмотрел Лорду в глаза.

— Что? — воскликнул следователь. — Он владеет...

Резко выпрямив обе ноги, Лорд с силой двинул тяжелый стол по кафельному полу прямо в Орлегова. Кресло следователя откатилось назад и уперлось в стену. Орлегов оказался зажат. Выдернув телефонный шнур из розетки, Лорд выскочил из кабинета. Захлопнув за собой дверь, он пробежал по пустынному коридору, спустился по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, нашел обратную дорогу по первому этажу и выскочил на улицу.

Лорд нырнул в толпу, заполнившую тротуар.

12 часов 30 минут

Выйдя из такси на Воробьевых горах, Хейес расплатился с водителем. Полуденное небо сверкало платиной, солнце пробивалось словно через матовое стекло, изо всех сил стараясь компенсировать пронизывающий ветер. Внизу Москва-река делала резкую петлю, образуя полуостров, на котором располагался стадион «Лужники». Вдалеке на северо-востоке в туманной дымке виднелись золотые и серебряные купола кремлевских соборов, похожие на надгробия в тумане. Именно у этих холмов были повержены Наполеон и Гитлер. В 1917 году в здешних рощах собирались группы революционеров, скрываясь от тайной полиции, подготавливая заговор, который привел к падению царизма. Но теперь новое поколение русских было решительно настроено исправить деяния прадедов.

Справа над деревьями чрезмерным многообразием капризных шпилей, затейливых башенок и бесчисленных завитков поднималось здание Московского государственного университета. Это был один из грандиозных сталинских небоскребов, похожих на свадебный торт, воздвигнутых, чтобы поразить весь мир. Этот, самый большой, строили немецкие пленные. Хейесу вспомнился рассказ об одном пленном, который якобы соорудил из досок крылья и прыгнул с верхнего этажа, намереваясь улететь домой. Но, подобно своей стране и своему фюреру, бедняга потерпел неудачу.

Феликс Орлегов ждал на скамье под сенью буков. Хейес все еще кипел из-за того, что произошло два часа назад, но заставил себя проявить сдержанность и выбирать выражения. Как-никак это не Атланта. И даже не Америка. И он сейчас всего лишь деталь большого и сложного механизма. К несчастью, в настоящий момент именно он был стрелочником.

Сев на скамейку, Хейес спросил по-русски:

— Вы нашли Лорда?

— Пока нет. Он вам не звонил?

— А ты бы на его месте как поступил? Очевидно, Лорд и мне уже не доверяет. Я обещаю ему помочь, а вместо меня на встречу приходят убийцы. И вот теперь благодаря тебе он не будет доверять никому. Наша задача заключалась в том, чтобы устранить проблему. Но сейчас эта проблема разгуливает по Москве.

— Почему возникла такая необходимость убрать какого-то одного человека? Мы тратим на вашего Лорда столько сил.

— Вопросы задавать не мне и не тебе, Орлегов. Единственное утешение, что Лорд ускользнул от их убийц, а не от твоих или моих.

Подул ветерок, с деревьев посыпались листья. Хейес был в теплом шерстяном пальто и перчатках, однако холод все равно проникал под одежду.

— Вы уже доложили о случившемся? — спросил Орлегов.

Хейес уловил в голосе русского следователя тревогу.

— Пока нет. Я сделаю все возможное. Но эти люди будут очень недовольны. Ты допустил непростительную оплошность, так неосторожно разговаривая по телефону в присутствии Лорда.

— Откуда мне было знать, что он понимает по-русски?

Хейес изо всех сил старался держать себя в руках, но этот самоуверенный милиционер поставил его в очень затруднительное положение. Он посмотрел Орлегову в глаза.

— Слушай меня. Ты должен найти Лорда. Это понятно? Найти и убить. И это нужно сделать быстро. Никаких ошибок. Никаких оправданий, просто сделай то, что я сказал.

Орлегов заметно напрягся.

— Мне надоело выполнять ваши приказы.

Хейес встал.

— Можешь решить эту проблему с теми, на кого мы с тобой работаем. Я с удовольствием пришлю к тебе представителя, чтобы ты высказал ему свою жалобу.

Орлегов все понял. Хотя непосредственным его начальником был американец, заправляли всем русские. Очень опасные люди. Безжалостно расправлявшиеся с бизнесменами, министрами российского правительства, высокопоставленными офицерами, иностранцами. Со всеми, с кем возникали проблемы.

Как, например, с бестолковыми милицейскими следователями.

Орлегов встал.

— Я разыщу проклятого черномазого и убью его. После чего, возможно, убью в придачу и вас.

Бравада русского следователя не произвела на Хейеса никакого впечатления.

— Записывайся в очередь, Орлегов. Желающих много.

Лорд укрылся в кафе. Выскочив из здания центрального управления милиции, он спустился на первую же попавшуюся станцию метро, сел в поезд и долго катался по всей Москве, пересаживаясь с линии на линию. Выйдя из метро, Лорд растворился в вечерней толпе. Побродив с час по заполненным улицам, он пришел к выводу, что никто его не преследует.

В кафе царило оживление. Здесь было полно молодежи в вытертых джинсах и черных кожаных куртках. Запах крепкого кофе как мог боролся с густым облаком табачного дыма. Лорд сел за столик в углу и попытался что-нибудь съесть. Он пропустил завтрак и обед, но от порции бефстроганова его и без того бурлящий желудок лишь разболелся еще сильнее.

Он был прав насчет следователя Орлегова. Кроме того, наверняка к этим событиям имели какое-то отношение властные структуры. Определенно, телефонные линии в «Метрополе» прослушивались. Но с кем разговаривал по телефону Орлегов? И действительно ли все это связано с работой Царской комиссии? Должно быть, связано. Но каким образом? Быть может, кто-то увидел угрозу в том, что Степана Бакланова поддерживает консорциум западных инвесторов, чьи интересы представляют они с Хейесом. Но разве их участие не держится в строжайшей тайне? И разве не признаёт значительная часть российского народа в Бакланове ближайшего наследника Романовых? Недавний опрос общественного мнения показал, что Бакланова поддерживает больше половины населения. Кому-то это могло показаться опасным. Несомненно, здесь замешана мафия. Прищуренный и Кроманьонец — члены преступной группировки. Как там выразился Орлегов? «Больше никаких гангстеров. Я сам его убью».

Организованная преступность проникла глубоко в государственные структуры. Российская политика такая же зазубренная, как и наружная отделка Грановитой палаты. Союзы возникают и рушатся ежечасно. Верность хранят одному только рублю. Или, точнее, доллару. Это уже чересчур. Надо поскорее убираться из страны.

Но как?

Слава богу, у Лорда были при себе паспорт, кредитные карточки и немного наличных. Кроме того, он сохранил копии документов, обнаруженных в архивах. Хотя теперь это не имело значения. Главное — остаться в живых и получить помощь.

Но что ему делать?

Обратиться в милицию Лорд не мог.

Быть может, в американское посольство? Но наблюдение за этим местом наверняка установлено в первую очередь. Проклятие. Бандиты появились в поезде из Петербурга в Москву и на Красной площади. Никто, кроме него самого, не знал, что он там будет.

Никто, кроме него и Хейеса.

А как быть с этим? Босс наверняка беспокоится. Может, Хейес как-то ему поможет? У него есть связи в российском правительстве, но, вероятно, он не подозревает, что телефоны «Метрополя» прослушиваются. Впрочем, к этому времени Хейес, должно быть, уже обо всем догадался.

Лорд потягивал горячий чай, благотворно действующий на желудок, и размышлял о том, как бы в подобной ситуации поступил преподобный Гровер Лорд. Отец мастерски умел выходить из затруднений. Со своим острым языком он постоянно попадал в неприятности. Преподобный обильно перемежал свою речь упоминанием Бога и Иисуса и никогда не шел на попятную. Нет. От хорошо подвешенного языка сейчас толку не будет.

Но от чего же будет толк?

За соседним столиком молодая парочка, прильнув друг к другу, читала свежую газету. Лорд обратил внимание, что первая полоса посвящена работе Царской комиссии, и прочитал что смог.

В ходе третьего дня предварительного этапа были названы имена пяти возможных претендентов. Бакланов упоминался как наиболее вероятный кандидат, однако представители других ветвей Романовых яростно пытались доказать свое более близкое кровное родство с Николаем II. Официальное выдвижение кандидатур должно было состояться только через два дня, и крепили предчувствия того, что между основными претендентами разгорятся жаркие споры.

Лорд то и дело слышал доносившиеся от соседних столиков обрывки разговоров о предстоящем отборе. Судя по всему, народ внимательно следил за событиями — и, как это ни удивительно, молодое поколение горячо поддерживало восстановление монархии. Быть может, эти ребята слышали рассказы своих прадедов о царе. Русскому человеку всегда было нужно, чтобы перед страной стояли великие цели. Но Лорда не покидали сомнения, впишется ли самодержавие в реалии двадцать первого столетия. Единственное утешение, в конце концов заключил Лорд, — что Россия, наверное, оставалась одним из немногих мест на Земле, где у монархии были какие-то шансы на успех.

Но перед ним стояла более насущная проблема.

Остановиться в гостинице нельзя. Все гостиницы, имеющие лицензии на прием иностранцев, по-прежнему каждый день сообщают о новых заселениях. Покинуть Москву поездом или самолетом тоже нельзя — за всеми вокзалами и аэропортами обязательно ведется наблюдение. Без российского водительского удостоверения нельзя взять напрокат машину. И нельзя вернуться в «Метрополь». По сути дела, Лорд в надежной ловушке, и тюрьмой его оказалась вся Россия. Во что бы то ни стало ему нужно попасть в американское посольство. Но он не мог просто снять трубку и набрать номер. Несомненно, те, кто

прослушивал телефоны «Метрополя», следят и за телефонными линиями посольства. Ему нужен человек, который свяжется с посольством, пока сам он будет где-то скрываться.

Лорд снова посмотрел на газету, и его взгляд упал на одно объявление. Цирк приглашал на ежедневные представления, которые начинались в шесть часов вечера, обещая незабываемое удовольствие для всей семьи.

Он сверился с часами. Пятнадцать минут шестого.

Лорд подумал об Акулине Петровой. Вспомнил ее взъерошенные светлые волосы и милостивое лицо. Молодая женщина произвела на него впечатление мужеством и выдержкой. По сути дела, он обязан ей жизнью. У нее остался его чемоданчик, и она предложила Лорду в любой момент заглянуть за ним.

Так почему бы и нет?

Встав из-за столика, Лорд направился к выходу. Но внезапно его остановила отрезвляющая мысль. Он направлялся к женщине, чтобы та помогла ему выпутаться из затруднения.

Совсем как его отец.

Троице-Сергиева лавра

Сергиев Посад

17 часов 00 минут

Отъехав на пятьдесят миль к северо-востоку от Москвы, Хейес приближался к величайшей российской святыне. Ему была знакома история монастыря. Крепость неправильных очертаний впервые поднялась над окружающими чащами в четырнадцатом веке. Татары несколько раз осаждали монастырь и в конце концов через сто лет его разорили. В семнадцатом веке поляки безуспешно пытались взять крепость приступом. Петр I укрывался в лавре во время бунта, который случился в самом начале его царствования. А теперь это место паломничества миллионов православных, такое же священное для них, как для католиков Ватикан. Именно здесь в серебряном саркофаге покоились мощи святого Сергия Радонежского, и верующие приходили сюда из самых дальних уголков страны, только чтобы поцеловать его гробницу.

Хейес приехал в лавру, когда она уже закрывалась. Выйдя из машины, он быстро затянул потуже пояс пальто, надел черные кожаные перчатки. Солнце скрылось за горизонтом, приближалась осенняя ночь, голубые с золотом купола тускло сияли в угасающем свете. Пронизывающий ветер своим ревом напоминал далекую канонаду.

Вместе с Хейесом приехал Ленин. Остальные члены «тайной канцелярии» единогласно решили доверить первую встречу Ленину и Хейесу. Патриарх скорее поверит в опасность, если лично убедится, что генерал российской армии готов поставить на карту свою карьеру.

Тощий, словно мумия, Ленин разгладил серое шерстяное пальто и ловко обмотал шею каштановым шарфом. В дороге они с Хейесом не сказали друг другу и двух слов. Но оба прекрасно понимали, что им сейчас предстоит.

У главных ворот их ждал монах в черной рясе с окладистой бородой, мимо него текли ручейки паломников, покидающих лавру. Монах провел гостей за толстые каменные стены прямо к Успенскому собору. Церковь была освещена свечами, которые отбрасывали дрожащие тени на позолоченный иконостас, возвышающийся за алтарем. Прислужники суетились, наводя порядок.

Хейес и Ленин прошли следом за монахом в подземелье. Их предупредили, что встреча состоится в крипте Успенского собора, где покоятся останки двух последних патриархов Русской православной церкви. Низкие своды, стены и пол были отделаны светло-серым мрамором. Чугунная люстра бросала тусклые отсветы на сводчатый потолок. Надгробия украшали позолоченные кресты, чугунные подсвечники и иконы.

Старику, преклонившему колени у самого дальнего надгробия, было не меньше семидесяти. На голове остались редкие клочки седых волос. Раскрасневшееся лицо скрывалось за бородой и усами, густыми, словно овечья шерсть. На ухе был закреплен слуховой аппарат; руки, сложенные в молитве, усеяны старческими пятнами. Хейес внимательно изучил фотографии этого человека, но впервые ему представилась возможность лично встретиться с его святейством патриархом Адрианом, главой тысячелетней Русской православной церкви.

Монах, сопровождавший гостей, удалился; его шаги затихли в глубине собора.

Где-то наверху закрылась дверь.

Перекрестившись, патриарх поднялся на ноги.

— Господа, я рад, что вы пришли.

Голос у него был низкий, с хрипотцой.

Ленин назвал себя и представил Хейеса.

— О вас я наслышан, генерал Останович. Мои помощники говорят, что мне следует выслушать ваши предложения и внимательно их обдумать.

— Благодарим, что согласились уделить нам внимание, — сказал Ленин.

— Я решил, что самым безопасным местом для беседы будет эта крипта. Здесь никто не нарушит наше уединение. Матушка-земля надежно укрыла нас от любопытных ушей. И возможно, души великих людей, похороненных здесь, моих предшественников, вдохновят меня на правильный путь.

Однако это объяснение не обмануло Хейеса. Патриарх ни в коем случае не мог допустить, чтобы предложение, которое они сейчас собирались обсудить, стало достоянием гласности. Одно дело — получить косвенную выгоду, и совершенно другое — принять открытое участие в предательском сговоре, особенно для человека, который должен находиться над политикой.

— Господа, я вот тут думаю, а стоит ли мне вообще рассматривать ваше предложение? Сейчас наша церковь переживает беспрецедентный подъем. С падением советского режима все ограничения сняли, гонения прекратились. Мы крестим верующих десятками тысяч, каждый день открываются новые храмы. Вскоре мы вернемся к тому, что было до прихода коммунистов к власти.

— Но вы могли бы рассчитывать на гораздо большее, — заметил Ленин.

Глаза старика ярко вспыхнули, словно угольки в умирающем костре.

— И именно эта перспектива меня интересует. Будьте добры, объяснитесь.

— Союз с нами обеспечит вам положение при новом царе.

— Но у любого царя не будет выбора, кроме как сотрудничать с церковью. Этого ждет от него народ.

— Ваше святейшество, мы живем в новую эпоху. Умело проведенная рекламная кампания может причинить больше вреда, чем любые репрессии. Сами подумайте: народ голодает, а церковь продолжает возводить позолоченные монументы. Вы щеголяете в парчовых нарядах, но жалуетесь, что верующие недостаточно щедро жертвуют на нужды приходов. Несколько хорошо срежиссированных скандалов могут полностью разрушить всю поддержку, которой вы сейчас пользуетесь. В наше объединение входят люди, контролирующие крупнейшие средства массовой информации — газеты, радио и телевидение, а с этой могучей силой можно добиться многого.

— Генерал, я потрясен, что человек вашего положения способен произносить подобные угрозы.

Слова прозвучали твердо и спокойно.

Однако Ленина, похоже, этот выговор несколько не смутил.

— Ваше святейшество, времена нынче непростые. На карту поставлено очень многое. Российским офицерам не хватает денег, чтобы прокормить себя, не говоря про семьи. Инвалиды и ветераны получают вместо пенсии жалкие гроши. В прошлом году больше пятисот кадровых офицеров покончили с собой. Армия, перед которой еще совсем недавно

дрожал весь мир, по сути дела развалена, превратилась в ничто. Наше правительство разрушило военно-промышленный комплекс. Лично я сомневаюсь, ваше святейшество, что в настоящее время хотя бы одна баллистическая ракета сможет покинуть свою шахту. Держава беззащитна. Наше единственное спасение в том, что пока никто этого не знает.

Патриарх задумался над этой пылкой тирадой.

— Чем церковь может помочь грядущим переменам?

— Царю потребуется полная поддержка церкви, — сказал Ленин.

— На это он может рассчитывать в любом случае.

— Под «полной поддержкой» я подразумеваю все, что может потребоваться для обеспечения контроля над общественным мнением. Средства массовой информации должны оставаться свободными, по крайней мере формально, народу будет позволено высказывать недовольство — в разумных пределах. Суть возвращения монархии — в полном разрыве с репрессивным прошлым. И церкви предстоит оказать неоценимое содействие в установлении стабильного, прочного правящего режима.

— На самом деле вы хотите сказать, что кое-кто из тех, кто сейчас объединился с вами, не хочет настраивать церковь против себя. Генерал, не думайте, что я пребываю в полном неведении. Мне известно, что в вашу группу входят представители мафии. Не говоря про пиявок из правительства, которые ничем не лучше. Вы, генерал, — это одно. Они — совершенно другое.

Хейес понимал, что старик прав. Правительство было куплено с потрохами — или мафией, или «новыми русскими». Взятки стали неотъемлемой составляющей любого бизнеса. Поэтому Хейес спросил:

— Вы бы предпочли коммунистов?

— Что может понимать в этом американец?

— На протяжении трех десятилетий моя работа заключалась в том, чтобы понять вашу страну. Я представляю множество американских и западноевропейских инвесторов. Компании, которые поставили на карту миллиарды. И эти компании могут оказать весомую помощь вашим приходам.

На бородатом старческом лице появилась хитрая усмешка.

— Американцы уверены в том, что за деньги можно купить все.

— А разве это не так?

Шагнув к гробнице, Адриан скрестил руки на груди и повернулся спиной к гостям.

— Четвертый Рим.

— Прошу прощения? — переспросил Ленин.

— Четвертый Рим. Вот что вы предлагаете. Во времена Ивана Великого Рим, где сидели первые папы, уже пал. Затем пал Константинополь, где сидели православные патриархи. И тогда Иван провозгласил Москву третьим Римом. Единственным местом, где церковь и государство слились в единое политическое образование — под его началом, разумеется. И он предсказал, что четвертому Риму не бывать.

Патриарх развернулся к ним лицом.

— Иван Великий женился на последней византийской принцессе и осязаемо наполнил Россию византийским наследием. После того как в тысяча четыреста пятьдесят третьем году Константинополь пал под натиском турок, Иван Великий провозгласил Москву центром всего христианского мира. На самом деле это был очень мудрый поступок. Он позволил Ивану Великому объявить себя главой вечного союза церкви и государства, возложить на

себя священную власть единого священника-монарха, именем Господа упрочить свое могущество. Начиная с Ивана Великого все цари считались носителями божественной власти, и от христиан требовалось беспрекословное подчинение им. Союз теократии и автократии, сращение церкви и династии в имперский костяк. Такой подход исправно действовал четыре с половиной столетия, до Николая Второго, когда коммунисты убили царя и разрушили союз церкви и государства. И вот сейчас, возможно, нам предстоит увидеть его возрождение.

Ленин усмехнулся.

— Однако на этот раз, ваше святейшество, союз будет всеобъемлющим. Мы предлагаем объединение всех сил, в том числе церкви. Только вместе мы сможем выжить. Как вы правильно заметили, это будет четвертый Рим.

— Вы имеете в виду и мафию?

— У нас нет выбора. Преступность проникла повсюду. Быть может, со временем мафия преобразится в часть нормального общества.

— Эти желания несбыточны. Мафия обескровливает народ. Нынешним безысходным положением мы во многом обязаны ее алчности.

— Я все понимаю, ваше святейшество. Но, повторяю, у нас нет выбора. К счастью, мафия, по крайней мере пока, готова сотрудничать с нами.

Хейес решил ухватиться за предоставленную возможность.

— Мы поможем вам решить проблему связи с обществом.

Патриарх удивленно изогнул брови.

— А я и не подозревал, что у церкви есть такая проблема.

— Ваше святейшество, будем откровенны. Если бы не эта проблема, нас бы сейчас не было здесь, в подземелье под самым священным собором Русской православной церкви, где нам приходится думать, как использовать в своих интересах восстановление монархии.

— Продолжайте, господин Хейес.

Хейес понял, что Адриан нравится ему все больше и больше. Патриарх производил впечатление сугубо практичного человека.

— Посещаемость церковных служб падает. Все меньше и меньше русских хотят, чтобы их дети стали священнослужителями, пожертвования уменьшаются. Финансовые потоки высохли до критического уровня. Кроме того, вам грозит гражданская война. Я слышал, многие епископы и рядовые священники ратуют за то, чтобы православие стало государственной религией за счет вытеснения всех остальных вероисповеданий. Ельцин не пошел на это, наложив вето на соответствующий законопроект, и в итоге приняли очень мягкий закон. Но у него не было выбора. Соединенные Штаты резко ограничили бы финансовую помощь России, если бы начались преследования на религиозной почве. Без помощи со стороны государства ваша церковь может запросто пойти ко дну.

— Не стану отрицать, что зреет раскол между ультратрадиционалистами и радикалами.

Хейес не терял момент.

— Ваш фундамент подтачивают зарубежные миссионеры. Из Америки в Россию в поисках новообращенных стекаются проповедники всех мастей. Теологическое многообразие создает серьезные проблемы. Очень непросто поддерживать преданность паствы, когда вокруг проповедуют столько других учений.

— К несчастью, мы, русские, не умеем делать правильный выбор.

— Какими были первые народные демократические выборы? — заговорил Ленин. —

Господь Бог сотворил Адама и Еву, а затем сказал Адаму: «А теперь выбери себе жену».

Патриарх усмехнулся.

— Ваше святейшество, — продолжал Хейес, — вам нужна государственная поддержка, но без государственных репрессий. Вы хотите иметь православие, но не желаете терять над ним контроль. И мы предлагаем вам эту роскошь.

— Будьте добры, выражайтесь конкретнее.

— Вы как патриарх останетесь главой церкви, — сказал Ленин. — Новый царь назовет главой церкви себя, однако он не будет вмешиваться во внутренние церковные дела. Больше того, царь будет открыто призывать народ поддерживать православие. Все Романовы поддерживали церковь, и в особенности Николай Второй. И эта поддержка будет соответствовать духу новой русской национальной философии, которую предложит царь. Взамен вы позаботитесь, чтобы церковь заняла промонархическую позицию и поддерживала все начинания правительства. Священники должны стать нашими союзниками. И тогда церковь и государство объединятся, но широкие массы ничего не узнают. Четвертый Рим, видоизмененный под новые реалии.

Старик молчал, обдумывая предложение.

— Ну хорошо, господа, — наконец сказал он. — Можете считать, Русская православная церковь в вашем полном распоряжении.

— Быстро же вы приняли решение, — заметил Хейес.

— Ни в коем случае. Я думал над этим с тех самых пор, когда вы впервые связались со мной. Мне лишь хотелось побеседовать с вами лицом к лицу, оценить тех, с кем предстоит заключить союз. Я остался доволен.

Хейес и Ленин приняли комплимент.

— Но я прошу, чтобы вы в этом вопросе имели дело только со мной.

Ленин все понял.

— Не хотите ли, чтобы ваш представитель принимал участие в наших встречах? Мы готовы предложить такую возможность.

Адриан кивнул.

— Я назначу священника. Только он и я будем знать о нашем соглашении. Я назову имя в самое ближайшее время.

Москва

17 часов 40 минут

Дождь прекратился как раз в тот момент, когда Лорд вышел из метро. Цветной бульвар блестел сыростью, воздух стал заметно холоднее, на город опустился промозглый туман. Лорд, по-прежнему без пальто, в одном пиджаке, выделялся в толпе укутанных в шерсть и меха. Начинало темнеть. Лорд порадовался — в тумане и сумерках легче оставаться незамеченным.

В потоке людей Лорд направился к цирку на противоположной стороне улицы. Он знал, что Московский цирк, один из лучших в мире, привлекает иностранных туристов. Сам он бывал здесь несколько лет назад и восторгался танцующими медведями и учеными собачками.

До начала представления еще двадцать минут. В антракте он попытается передать за кулисы записку Акулине Петровой. Если не получится, он отыщет ее после представления. Может быть, она сумеет связаться с американским посольством. Возможно, ей удастся зайти в «Метрополь» и встретиться с Тейлором Хейесом. Конечно же, у нее есть квартира, где Лорд сможет на время укрыться.

Лорд собирался пойти в билетные кассы, когда у него за спиной прозвучал властный оклик:

— Стой!

Лорд продолжал проталкиваться вперед.

Голос повторил:

— Стой!

Оглянувшись через плечо, Лорд увидел милиционера. Тот протискивался сквозь толчею, подняв руку. Ускорив шаг, Лорд быстро пересек запруженную машинами улицу и растворился в бурлящем людском море. Как раз в этот момент туристический автобус высаживал пассажиров, и Лорд влился в непрерывный поток японцев, направляющихся к ярко освещенному зданию. Он оглянулся еще раз, но милиционера больше не увидел.

Быть может, ему просто показалось, что тот обращался к нему.

Опустив голову, Лорд следовал за шумной толпой. Купив в кассе билет за десять рублей, он поспешил в цирк, надеясь найти Акулину Петрову.

Акулина надела костюм. В общей гримерной царило обычное оживление, артисты вбегали и выбегали. Роскошь иметь отдельную гримерную не была доступна никому. Такое Акулина видела только в американских фильмах, где цирковая жизнь изображалась в романтических красках.

Не выспавшись ночью, она чувствовала себя усталой. Дорога из Петербурга в Москву оказалась интересной, если не сказать больше, весь день Акулина думала о Майлзе Лорде. Она сказала ему правду. Он действительно был первым чернокожим, которого она встретила в этом поезде. И она действительно несколько его не испугалась. Возможно, ее разоружил его собственный страх.

Лорд не соответствовал тем примерам, какие Акулина помнила с детства. Учителя в государственных школах рассказывали об ужасах негроидной расы. Они рассуждали о том, что у негров недостаточно развит головной мозг, слабая иммунная система и они совершенно не способны держать себя в руках. В прошлом американцы превратили их в рабов — этот момент особенно вдалбливала коммунистическая пропаганда, подчеркивая недостатки капитализма. Акулина на всю жизнь запомнила фотографии линчевания, на которых были изображены люди в злобещих белых балахонах и остроконечных капюшонах, истязавшие негров.

Майлз Лорд не имел со всем этим ничего общего. Кожа у него была цвета ржавой воды, как в реке Война, протекавшей в деревне, где маленькая Акулина гостила летом у бабушки. Его волосы были аккуратно подстрижены. Держался он строго, но дружелюбно, а его грудной голос сразу же врезался Акулине в память. Похоже, Лорд искренне удивился приглашению провести ночь у нее в купе — наверное, не привык к подобной открытости в женщинах. Акулине хотелось верить, что за привлекательной внешностью скрывается необычное содержание: она вынуждена была признаться самой себе, что Лорд ее заинтересовал.

Акулина обратила внимание, что трое мужчин, которые охотились на Лорда, вышли с вокзала вместе и сели в темно-синий «вольво», ждавший на площади. Она спрятала чемоданчик Лорда в свою сумку и оставила его там, как и обещала, в надежде, что хозяин когда-нибудь за ним придет.

Весь день Акулина гадала, как у Лорда дела. Последние годы мужчины не играли в ее жизни значительной роли. Ей приходилось выступать почти каждый вечер, а летом по два раза в день. Труппа много гастролировала. Акулина успела объездить всю Россию и большую часть Европы; она даже побывала в Нью-Йорке, на знаменитой сцене «Мэдисон-сквер-гарден». У нее не было времени на серьезные отношения, если не считать редких ужинов вдвоем и разговоров во время долгих перелетов и путешествий на поезде.

Через год ей должно стукнуть тридцать, и она начинала задумываться, суждено ли ей вообще выйти замуж. Отец Акулины до конца жизни надеялся, что она перестанет выступать, остепенится, заведет семью. Но она видела, что происходит с ее подругами, вышедшими замуж. Работать весь день на заводе или в магазине, только чтобы каждый вечер возвращаться к домашним делам, и так до бесконечности. Ни о каком равноправии не было и речи, хотя коммунистическая пропаганда гордо провозглашала советских женщин самыми свободными в мире. И брак приносил мало утешения. Как правило, мужа и жены работали отдельно друг от друга, в разное время и даже отпуск не могли провести вместе, поскольку редко случалось так, чтобы их одновременно отпускали с работы. Вот почему большинство супружеских пар ограничивалось одним ребенком. Ни на что не хватало ни времени, ни денег. Такая жизнь не привлекала Акулину. Как любила говорить ее бабушка: «Для того чтобы узнать человека, нужно съесть с ним пуд соли».

Усевшись перед зеркалом, Акулина брызнула водой на волосы и туго затянула мокрые пряди в узел. На арене она обходилась почти без грима, нанося его, лишь чтобы компенсировать безжалостный бело-голубой свет прожекторов. Бледную кожу, светлые волосы и голубые глаза Акулина унаследовала от матери. Талант же достался ей от отца. Он несколько десятилетий выступал в цирке воздушным гимнастом. Благодаря его способностям они получили более просторную квартиру, имели более щедрые продовольственные пайки и снабжение хорошей одеждой. Слава богу, искусство всегда

являлось важным элементом коммунистической пропаганды. Цирк, опера и балет десятками лет экспортировались за пределы Советского Союза в попытке показать всему миру, что Голливуд не обладал монополией на индустрию развлечений.

Теперь же цирковая труппа превратилась в выгодный бизнес. Московский цирк перешел в руки одного консорциума, который продолжал гонять его с гастролями по всему миру, но сейчас главной задачей была не пропаганда, а прибыль. Надо признать, для постсоветской России Акулина получала очень даже неплохую зарплату. Но в тот самый день, когда она больше не сможет зачаровывать публику своим мастерством под куполом цирка, ей, скорее всего, придется присоединиться к многомиллионной армии безработных. Вот почему Акулина поддерживала тело в великолепной форме, тщательно следила за диетой и строго соблюдала распорядок дня. Прошлая ночь оказалась первой за большой промежуток времени, когда она не проспала положенные восемь часов.

Акулина снова подумала о Майлзе Лорде.

Днем, у себя дома, она открыла его чемоданчик. Акулина вспомнила, что Лорд забрал из него какие-то документы, но все же она рассчитывала найти хоть что-нибудь, что могло бы пролить свет на человека, который пробудил в ней такое любопытство. Но в чемоданчике не оказалось ничего, кроме пустого блокнота, трех шариковых ручек, карточки постояльца гостиницы «Метрополь» и билета на вчерашний рейс «Аэрофлота» из Москвы в Петербург.

Майлз Лорд. Американский юрист, работающий в Царской комиссии.

Быть может, они еще встретятся снова.

Лорд терпеливо просидел всю первую часть представления. Он не видел рядом ни одного милиционера — по крайней мере, в форме; и ему хотелось надеяться, что переодетых милиционеров тоже нет. Цирк впечатлял: закрытый амфитеатр поднимался полукругом перед красочной ареной. На обтянутых красным бархатом скамьях разместилось, по оценкам Лорда, около двух тысяч зрителей, в основном иностранных туристов и детей; все сидели тесно, разделяя радостные чувства. Обстановка граничила с сюрреализмом. Выступления акробатов, дрессированных собачек, эквилибристов, клоунов и жонглеров на время отвлекли Лорда от той ситуации, в которой он оказался.

Наступил антракт, и Лорд решил оставаться на месте. Чем меньше передвигаться, тем лучше. Он сидел внизу, откуда хорошо было видно арену. Может быть, Акулина Петрова, когда начнется ее выступление, тоже его увидит.

Прозвенел звонок, объявили, что до второй части представления — пять минут. Лорд снова обвел взглядом зрительный зал.

С краю сидел мужчина, одетый в черную кожаную куртку и джинсы. Это был тот самый человек, которого Лорд видел вчера днем в петербургском архиве и ночью в поезде, только тогда он был в мешковатом бежевом костюме. Мужчина устроился за группой туристов, которые оживленно щелкали фотоаппаратами, торопясь сделать последние снимки до окончания антракта.

У Лорда бешено заколотилось сердце. Внутри образовалась щемящая пустота.

Затем он увидел Прищуренного.

Войдя в зрительный зал со стороны левого прохода, демон оказался между Лордом и человеком в кожаной куртке. Черные волосы, блестящие от бриолина, были забраны в тугий хвостик. Прищуренный был одет в коричневый свитер и черный костюм.

Как только погас свет и заиграла музыка, открывающая второе действие, Лорд поднялся

с места, собираясь уйти. Однако в правом проходе, меньше чем в пятидесяти шагах от него, стоял Кроманьонец со злорадной усмешкой на изрытом оспой лице.

Лорд сел. Бежать некуда.

Второе действие открывала Акулина Петрова. В блестящем голубом трико, она босиком выбежала на арену, двигаясь в такт бодрой музыке, быстро взобралась на брус и под бурные аплодисменты начала свой номер.

У Лорда в груди поднималась волна паники. Кроманьонец по-прежнему стоял в проходе наверху, Прищуренный уселся в середине зала. Его угольно-черные глаза — цыганские, заключил Лорд, — не отрываясь смотрели на него, и их выражение означало, что охоте пришел конец. Правая рука Прищуренного оставалась под полый пиджака — когда он чуть приподнял ее, открылась рукоятка пистолета.

Лорд снова повернулся к сцене.

Акулина Петрова с поразительной грациозностью быстро перемещалась по брусу. Музыка стала более плавной, и молодая акробатка подстроилась под мягкий ритм. Лорд пристально уставился на нее, усилием воли призывая ее посмотреть на него.

И Акулина посмотрела.

На мгновение их взгляды встретились, и Лорд понял, что она его узнала. Но в ее глазах он увидел что-то еще. Страх? Неужели Акулина тоже узнала преследователей? Или она просто прочитала в его взгляде безотчетный ужас? Как бы там ни было, Акулина не позволила себе отвлечься от выступления. Она продолжала медленный атлетический танец на четырехдюймовом дубовом брусе.

Выполнив последний пируэт, Акулина легко соскочила вниз. Восхищенные зрители зааплодировали, и в этот момент на арену выкатили на крохотных велосипедах клоуны. Рабочие сцены повезли за кулисы тяжелый брус, и Лорд решил, что у него нет выбора. Он выпрыгнул на арену, как раз когда мимо проезжал клоун, гудя клаксоном. Публика взорвалась хохотом, решив, что его появление является частью номера. Оглянувшись, Лорд увидел, что Прищуренный и человек из Петербурга тоже поднялись с мест. Скользя за кулисы, он наткнулся прямо на Акулину Петрову.

— Мне нужно бежать отсюда, — по-русски сказал Лорд.

Схватив за руку, Акулина потащила его дальше за сцену, мимо двух клеток с белыми пуделями.

— Я видела этих людей. Похоже, ваши неприятности еще не закончились, Майлз Лорд.

— А то я сам не знаю.

Они прошли мимо артистов, готовящихся к выступлению. Никто не обращал на них внимания.

— Мне нужно где-нибудь спрятаться, — сказал Лорд. — Не можем же мы бесконечно бегать.

Акулина провела его по коридору, завешанному старыми афишами, приколотыми кнопками к грязной стене. В воздухе чувствовался легкий запах мочи и влажной шерсти. Вдоль стен тянулись двери.

Акулина нажала ручку одной из них.

— Сюда.

Это была кладовка, в которой хранились швабры и половые тряпки, но места оказалось достаточно, чтобы Лорд втиснулся в комнатку.

— Ждите здесь, пока я не вернусь, — сказала Акулина.

Дверь закрылась.

В полной темноте Лорд постарался перевести дыхание. В коридоре звучали шаги. Лорд не мог поверить, что это происходит с ним на самом деле. Судя по всему, милиционер на улице, заметивший его, предупредил Феликса Орлегова. Прищуренный, Кроманьонец и Орлегов связаны между собой. В этом нет сомнений. Что ему делать? Задача любого хорошего юриста наполовину заключается в том, чтобы объяснять клиенту, как глупо тот поступает. Ему следовало послушаться собственного совета. Он должен был убраться ко всем чертям из России.

Дверь распахнулась.

В тусклом свете Лорд разглядел лица троих мужчин.

Первого он не узнал, но тот крепко прижал длинное серебристое лезвие к горлу Прищуренного. Третьим был вчерашний незнакомец из Петербурга. Он направил дуло револьвера Лорду в грудь.

Только потом Лорд увидел Акулину Петрову.

Она невозмутимо стояла позади человека с револьвером.

— Кто вы такие? — спросил Лорд.

— Господин Лорд, у нас нет времени на объяснения, — сказал мужчина, стоявший рядом с Акулиной. — Нужно как можно быстрее убраться отсюда.

Его слова не убедили Лорда.

— Неизвестно, сколько их здесь еще, — продолжал мужчина. — Мы вам не враги, господин Лорд. Вот кто ваш враг.

Он кивнул на Прищуренного.

— Трудно в это поверить, когда вы направили на меня револьвер.

Мужчина опустил оружие.

— Совершенно верно. А теперь мы должны идти. Мой товарищ разберется с этим человеком и даст нам возможность спокойно уйти.

— Ты с ними? — спросил Лорд Акулину.

Та покачала головой.

— Господин Лорд, нужно идти, — повторил мужчина.

Всем своим видом Лорд спросил у Акулины: «Подчиниться?»

— Думаю, да, — вслух ответила она.

Лорд решил довериться ее интуиции. Его собственная в последнее время работала из рук вон плохо.

— Хорошо.

Незнакомец из Петербурга повернулся к своему товарищу и быстро сказал ему что-то на наречии, которое Лорд не понял. Тот силой увел Прищуренного к двери в конце коридора.

— Сюда, — сказал мужчина.

— А разве она тоже должна идти с нами? — спросил Лорд, указывая на Акулину. — Она не имеет ко мне никакого отношения.

— Я получил распоряжение привезти и ее.

— От кого?

— Об этом мы поговорим по дороге. А сейчас нам нужно поскорее уйти отсюда.

Лорд решил больше не спорить.

Они с Акулиной вышли следом за мужчиной в холодную ночь, задержавшись только для того, чтобы Акулина надела сапоги и пальто. Служебный вход вывел их в переулок за цирком. Прищуренного запихнули на заднее сиденье черного «форда». Провожатый прошел к светлomu «мерседесу», открыл заднюю дверь и пригласил Лорда и Акулину садиться. Сам он устроился спереди. Еще один мужчина сидел за рулем, двигатель тихо работал на холостых оборотах. Когда машина отъезжала от здания цирка, начал моросить мелкий дождик.

— Кто вы такой? — снова спросил Лорд.

Незнакомец не ответил, только протянул ему визитную карточку.

ПАШЕНКО СЕМЕН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Профессор истории

Московский государственный университет

Лорд потихоньку начинал что-то понимать.

— Значит, наша встреча не была случайной?

— Едва ли. Профессор Пашенко понял, какая огромная опасность угрожает вам обоим, и приказал наблюдать за вами. Именно этим я и занимался в Петербурге. Судя по всему, со своей задачей я не справился.

— А я полагал, вы заодно с теми.

— Я все понимаю, — кивнул мужчина, — но профессор приказал мне установить с вами личный контакт только в случае крайней необходимости. Полагаю, то, что должно было произойти в цирке, под это определение подходит.

Машина петляла в плотном потоке вечернего часа пик, щетки стеклоочистителя с лихорадочным стуком метались из стороны в сторону, но без особого результата. Они ехали на юг, мимо Кремля, на другой берег реки и дальше в сторону парка Горького. Заметив, как внимательно водитель следил за автомобилями вокруг, Лорд предположил, что многочисленные резкие повороты имели целью выявить «хвост».

— Вы думаете, сейчас нам ничего не угрожает? — шепотом спросила Акулина.

— Надеюсь.

— Вы знаете этого Пашенко?

Лорд кивнул.

— Но это еще ничего не значит. В вашей стране ни на кого нельзя положиться.

Помолчав, он грустно улыбнулся.

— Разумеется, к присутствующим это не относится.

Дорога вела мимо кварталов безликих многоэтажных жилых зданий — в крохотных квартирах вечно было шумно и многолюдно. Но не все жили в таких условиях. Они свернули с оживленного бульвара на тихую неприметную улочку, обсаженную деревьями. Эта улица вела на север, обратно к Кремлю, соединяя Садовое и Бульварное кольцо.

«Мерседес» остановился на освещенной заасфальтированной стоянке. За въездом на нее следил охранник в стеклянной будке. Необычное для Москвы трехэтажное здание было построено не из железобетонных плит, а из светло-оранжевого кирпича, уложенного качественно и ровно — большая редкость для русских каменщиков. Все машины на разлинованной стоянке были иностранного производства, дорогие. Мужчина из Петербурга приказал охраннику поднять ворота. Водитель загнал «мерседес» в гараж, и ворота снова опустились.

Гостей провели в просторный холл. Сияла хрустальная люстра, в воздухе стоял приятный запах свежей сосновой хвои, а не ужасный смрад грязи и мочи, которым пропитаны подъезды большинства многоквартирных жилых домов, — «кошачья вонь», по меткому выражению одного московского журналиста. Застеленная ковровой дорожкой лестница вела к квартире на третьем этаже.

Ответив на легкий стук в белую деревянную дверь, Семен Пашенко пригласил всех в дом.

Лорд быстро окинул оценивающим взглядом паркетный пол, восточные ковры, кирпичный камин и финскую мебель. Неслыханная роскошь как для Советского Союза, так и для новой России. На выкрашенных в мягкий бежевый цвет стенах через равные промежутки висели гравюры в изящных рамках, изображающие природу Сибири. Пахло вареной капустой и картошкой.

— А вы хорошо живете, профессор.

— Эта квартира — подарок моего отца. К сожалению, он был преданным коммунистом и принимал все привилегии, полагающиеся его рангу. Все эти удовольствия достались мне в

наследство, а когда государство начало приватизацию, я выкупил их в собственность. К счастью, деньги у меня были.

— Насколько я понимаю, мы должны благодарить вас за спасение.

Пашенко поднял руки.

— Не стоит. На самом деле это мы должны сказать вам спасибо.

Лорд удивленно промолчал.

— Давайте сядем, — Пашенко указал на мягкие кресла. — На кухне подогревается ужин. Может быть, немного вина?

Он вопросительно посмотрел на Акулину, но та покачала головой.

— Нет, спасибо.

Обратив внимание на ее наряд, Пашенко попросил одного из своих людей принести ей халат. Они уселись перед камином, и Лорд снял пиджак.

— Я колю дрова на своей даче к северу от Москвы, — объяснил Пашенко. — Мне очень нравится настоящий огонь, хотя квартира подключена к центральному отоплению.

Лорд в очередной раз отметил, что для России это редкость. Он обратил внимание и на то, что водитель «мерседеса» занял место у окна и время от времени выглядывает на улицу сквозь задвинутые шторы. Под мышкой у него обнаружился пистолет в кобуре.

— Кто вы такой, профессор Пашенко? — спросил Лорд.

— Я русский, который радуется грядущему.

— Нельзя ли обойтись без загадок? Я устал, последние три дня выдались очень напряженными.

Пашенко склонил голову, признавая свою вину.

— Должен полностью с вами согласиться. Перестрелка на Красной площади попала во все выпуски новостей. Странно, что в официальном отчете о вас не было ни слова, но Виталий, — профессор кивнул на человека из Петербурга, — видел все. Милиция подоспела вовремя.

— Ваш человек был там?

— Он отправился в Петербург проконтролировать, чтобы ваша поездка прошла без приключений. Но в поезде на обратном пути вмещались те два господина, с которыми вы к настоящему времени уже очень близко знакомы.

— Как он меня нашел?

— Виталий увидел вас вместе с госпожой Петровой и проследил, как вы спрыгнули с поезда. Его товарищ последовал вашему примеру, проехав чуть дальше, и разыскал вас в продуктовом магазине, как раз когда вы разговаривали по телефону.

— А что насчет моего телохранителя?

— У нас были подозрения, что он работает на мафию. Теперь мы в этом уверены.

— Можно спросить, каким образом я оказалась впутана в эту историю? — подала голос Акулина.

Пашенко смерил ее взглядом.

— Дорогая, вы сами в нее впутались.

— Я ни во что не впутывалась. Господин Лорд случайно оказался вчера ночью в моем купе. Только и всего.

Пашенко выпрямился в кресле.

— Меня тоже заинтересовало ваше участие. Поэтому я позволил себе сегодня навести о вас кое-какие справки. У нас хорошие связи с государственными структурами.

Акулина заметно напряглась.

— Мне не нравится, когда вторгаются в мою личную жизнь.

— Нам, русским, эта концепция практически неизвестна, — рассмеялся Пашенко. — Так, давайте-ка посмотрим. Вы родились здесь, в Москве. Ваши родители развелись, когда вам было двенадцать лет. Поскольку ни одному из них так и не удалось получить у советских властей новую квартиру, они были вынуждены продолжать жить вместе. Надо признать, ваша квартира была немного получше того, чем приходилось довольствоваться большинству советских людей, благодаря той пользе, которую ваш отец приносил государству, выступая в цирке, но все-таки подобная ситуация приводила к постоянным ссорам. Кстати, я несколько раз видел вашего отца на арене. Он был замечательным акробатом.

Акулина ответила на комплимент едва заметным кивком.

— Потом ваш отец познакомился с румынской артисткой, тоже выступавшей в цирке. У них была любовная связь, румынка забеременела и вынуждена была вернуться с ребенком к себе на родину. Ваш отец пытался получить выездную визу, но власти отказали ему. Коммунистам не очень-то нравилось, когда их артисты уезжают за границу. Тогда ваш отец попытался покинуть Советский Союз без разрешения, его задержали и отправили в лагерь. Ваша мать вышла замуж второй раз, но брак вскоре завершился разводом. Поскольку после второго развода ей негде было жить — я хорошо помню, что квартир всегда не хватало, — она вынуждена была снова поселиться вместе с вашим отцом. К тому времени власти решили выпустить его на свободу. И вот оба мучились в крохотной квартире, каждый в отдельной комнате, до самой своей преждевременной смерти. Это как нельзя лучше показывает истинную сущность нашей «народной республики», вы не находите?

Акулина промолчала, но от Лорда не укрылась боль в ее глазах.

— Я жила с бабушкой в деревне, — сказала она, — поэтому не видела мучений родителей. Я даже не встречалась с ними последние три года их жизни. Они умерли озлобленные и одинокие.

— Вы присутствовали при том, как коммунисты забирали вашу бабушку? — спросил Пашенко.

Акулина покачала головой.

— Тогда я уже училась в интернате циркового искусства. Мне сказали, что бабушка умерла от старости. Правду я узнала гораздо позже.

— Вам как никому другому нужно стать катализатором перемен. Все, что угодно, будет лучше того, что у нас было.

Лорд проникся симпатией к сидящей рядом женщине. Ему хотелось заверить ее, что такое больше никогда не повторится. Но это была бы неправда. Вместо этого он спросил:

— Семен Александрович, вы можете объяснить, что происходит?

— Да, могу.

Лорд ждал объяснений.

— Вам что-нибудь известно о Всероссийском монархическом собрании? — спросил Пашенко.

Лорд покачал головой.

— Мне известно, — сказала Акулина. — Эти люди хотят восстановить царскую власть. После падения советского режима они постоянно устраивали большие сборища. Я читала о них в журнале.

— Совершенно верно, — кивнул Пашенко. — Это было чудовищно. Люди, наряженные

вельможами, казаки в папахах, мужчины средних лет в форме офицеров Белой армии. И все это для того, чтобы привлечь к себе внимание, чтобы поддерживать идею монархии в умах и сердцах людей. Когда-то их считали фанатиками. Теперь так никто не думает.

— Сомневаюсь, что в проведении референдума о восстановлении монархии есть заслуга этой группы, — заметила Акулина.

— А я бы не был столь категоричен. Далекое не вся деятельность собрания была известна посторонним.

— Господин профессор, вы не могли бы перейти ближе к делу? — спросил Лорд.

— Господин Лорд, вы помните про «священный отряд»?

— Это группа дворян, громогласно заявивших, что будут защищать царя ценой собственной жизни. Никчемные трусы. Ни одного из них первого марта тысяча восемьсот восемьдесят первого года и близко не было с Александром Вторым, когда того убили бомбой террористы.

— Впоследствии то же название взяла другая группа, — продолжал Пашенко. — И уверяю вас, эти люди знали свое дело. Группа пережила Ленина, Сталина и Великую Отечественную войну. Больше того, она существует и по сей день. Одно ее крыло, о деятельности которого известно широкой общественности, называется Всероссийским монархическим собранием. Но есть и другое, тайное крыло, которое возглавляю я.

Лорд уставился на пожилого профессора.

— И какова цель этого «священного отряда»?

— Защита царя.

— Но никакого царя нет с тысяча девятьсот восемнадцатого года.

— Вы ошибаетесь. Есть.

— Что вы хотите сказать?

У Пашенко задрожали губы.

— В письме Александры Федоровны и записке Ленина вы обнаружили то, чего не доставало нам. Должен признаться, до позавчерашнего дня, когда я сам прочитал эти слова, у меня оставались сомнения. Но теперь я уверен. Екатеринбургскую бойню пережил законный наследник.

— Семен Александрович, вы шутите.

— Я говорю совершенно серьезно. Наша группа была организована вскоре после трагических событий июля восемнадцатого года. Мои дядя и двоюродный дедушка были членами «священного отряда». Меня приняли в него много лет назад, и вот теперь я его возглавляю. Наша задача заключается в том, чтобы хранить тайну и в нужное время воплотить в жизнь то, что было нам завещано. Однако в чистках, устроенных коммунистами, погибли многие наши члены. В целях безопасности наш основатель сделал так, чтобы ни одному человеку не были известны все условия завещания. Так что значительная часть послания бесследно исчезла, в том числе и отправная точка. И вот вы сейчас заново обнаружили самое начало.

— Что вы имеете в виду?

— Копии документов у вас с собой?

Лорд достал из кармана пиджака сложенные листы и протянул их Пашенко.

Бегло пробежав документы взглядом, профессор выбрал один.

— Вот, в записке Ленина: «Ситуация с Юровским меня очень беспокоит. Я не верю в аккуратность донесений, поступивших из Екатеринбурга, и информация, связанная с

Феликсом Юсуповым, это подтверждает... Очень любопытно упоминание о Николае Максимове. Это имя мне уже приходилось слышать. Город Стародуб также упоминался двумя другими белогвардейскими офицерами, которые заговорили в похожей ситуации». Вот та информация, которую мы потеряли: имя, Николай Максимов, и место, город Стародуб. Вот отправная цель наших поисков.

— Каких поисков? — спросил Лорд.

— Нам предстоит разыскать Алексея и Анастасию.

Лорд откинулся на спинку кресла. Он умирал от усталости, но от слов профессора у него голова пошла кругом.

Пашенко продолжал:

— Когда в девяносто первом году останки Романовых были эксгумированы, а впоследствии опознаны, мы получили доказательства, что двоим членам царской семьи, возможно, удалось выжить. Останки Анастасии и Алексея не обнаружены и по сей день.

— Юровский утверждал, что сжег и закопал их отдельно, — напомнил Лорд.

— А вы что сказали бы, если бы вам велели уничтожить всю царскую семью, а вы недосчитались бы двух трупов? Вы бы тоже солгали, потому что в противном случае вас расстреляли бы за невыполнение приказа. Юровский сообщил Москве то, что там хотели услышать. Однако после падения советского режима всплыло множество свидетельств, позволяющих усомниться в заявлении Юровского.

Пашенко был прав. Показания красногвардейцев и других участников расстрела семьи Романовых говорили о том, что, быть может, не все члены царской семьи погибли в ту июльскую ночь. Одни очевидцы утверждали, что стонущих великих княгинь добивали штыками, другие рассказывали, что им раскроили головы прикладами. Противоречий и разногласий было слишком много. Лорд вспомнил показания одного из тех, кто охранял царскую семью в Екатеринбурге, записанные через три месяца после расправы.

«Но я предчувствовал, какой будет развязка. Разговоры о судьбе пленников не оставляли сомнений. Юровский дал ясно понять, какая перед нами стояла задача. Вскоре мне пришла мысль, что нужно устроить побег».

— Семен Александрович, здесь есть еще один любопытный документ, — сказал Лорд. — Судя по всему, показания охранника. Полагаю, вам будет интересно с ним ознакомиться.

Отыскав нужный лист, Пашенко внимательно его прочитал.

— Это соответствует другим показаниям, — сказал он. — Даже кое-кто из охранников проникся сочувствием к царской семье. Многие их ненавидели, старались всячески унижить, но были и те, кто испытывал другие чувства. И наш основатель сыграл на этом сочувствии.

— Кто такой этот ваш основатель? — спросила Акулина.

— Феликс Юсупов.

Лорд был ошеломлен.

— Человек, который убил Распутина?

— Он самый. Мне об этом однажды рассказали отец и дядя. О том, что произошло в Царском Селе, в Александровском дворце. Все это переходило от одного члена «священного отряда» к другому, со слов самого основателя. Дата этого события — двадцать восьмое октября тысяча девятьсот шестнадцатого года.

Лорд указал на письмо в руке профессора.

— Именно этим числом датируется письмо Александры Федоровны императору!

— Совершенно верно. У цесаревича случился очередной приступ гемофилии. Императрица послала за Распутиным, тот явился и облегчил страдания Алексея. Александра Федоровна расплакалась, и старец строго отчитал ее за то, что она не верит в Бога. Именно тогда Распутин предсказал, что тот, на ком лежит самая большая вина, поймет свою ошибку и позаботится о том, чтобы кровь царской семьи возродилась. Еще он сказал, что только ворон и орел преуспеют там, где остальные потерпят неудачу...

— ...и что невинность зверей будет охранять их и указывать им дорогу, став высшим судьей успеха, — закончил за него Лорд.

— Письмо подтверждает то, что сказали мне много лет назад. Письмо, которое вы обнаружили в государственном архиве.

— Но какое это отношение имеет к нам? — спросил Лорд.

— Господин Лорд, вы являетесь Вороном.

— Потому что я чернокожий?

— Отчасти. В нашей стране это большая редкость. Но это еще не все.

Пашенко указал на Акулину.

— Вот эта очаровательная молодая дама. Ваше имя, дорогая, на древнерусском означает «орлица».

На лице Акулины отразилось удивление.

— Теперь вы понимаете, чем объясняется наше любопытство. Только Ворон и Орел смогут преуспеть там, где потерпят неудачу все остальные. Боюсь, госпожа Петрова, хотите вы того или нет, вы неразрывно связаны со всем этим. Вот почему я распорядился установить наблюдение за цирком. Я был уверен, что вы встретитесь снова. И то, что это произошло, еще раз подтверждает пророчество Распутина.

Лорд едва не рассмеялся вслух.

— Распутин был авантюристом. Нечистоплотным крестьянином, игравшим на горе и чувстве вины императрицы. Если бы не гемофилия цесаревича, ему ни за что не удалось бы втереться в доверие к Николаю Второму и его супруге.

— Тем не менее факт остается фактом: Алексей был болен тяжелым недугом, а Распутин умел облегчить его страдания.

— В настоящее время достоверно установлено, что снижение эмоционального стресса способно влиять на кровотечение. Уже давно для лечения больных гемофилией используют гипноз. Стресс влияет на распределение потоков крови и упругость стенок кровеносных сосудов. Из всего того, что я читал о Распутине, получается, что он просто успокаивал мальчика. Беседовал с ним, рассказывал ему про Сибирь, говорил, что все будет в порядке. И Алексей обычно засыпал, а это тоже оказывало благотворное влияние.

— Я читал все эти объяснения. Однако Распутин мог влиять на цесаревича. И он, по-видимому, за несколько недель предсказал свою смерть и то, что произойдет, если он погибнет от руки члена царской семьи. Кроме того, в пророчестве Распутина говорилось о воскрешении. Том самом, которое начал осуществлять Феликс Юсупов. И вы двое сейчас доводите его начинание до конца.

Лорд взглянул на Акулину. Ее имя, их знакомство — все это чистая случайность. Но случайность эта, судя по всему, была predetermined несколько десятилетий назад. «Только ворон и орел преуспеют там, где остальные потерпят неудачу...» Что происходит?

— Степан Бакланов не подходит для того, чтобы управлять страной, — продолжал Пашенко. — Это самодовольный дурак, неспособный править. Лишь смерть остальных

претендентов сделала его главным кандидатом. Таким человеком легко манипулировать, и я опасаюсь, что Царская комиссия наделит его неограниченной властью — после чего у Государственной думы не останется иного выхода, кроме как узаконить это. Народу нужен настоящий царь, а не номинальный правитель.

Профессор посмотрел Лорду в глаза.

— Господин Лорд, я понимаю, что ваша задача заключается в том, чтобы поддержать притязания Бакланова. Но я верю, что где-то живет прямой потомок Николая Второго. Где именно, я понятия не имею. И узнать это сможете только вы с госпожой Петровой.

— Семен Александрович, вы просите слишком много, — вздохнул Лорд. — Чересчур много.

На лице пожилого профессора появилась легкая усмешка.

— Прекрасно вас понимаю. Но прежде чем продолжить, я схожу на кухню и посмотрю, что у нас с ужином. Оставляю вас вдвоем. Вам предстоит принять важное решение.

— Какое? — спросила Акулина.

Пашенко поднялся с кресла.

— Вы должны определить свое будущее. И будущее России.

20 часов 40 минут

Хейес лег на спину и схватил стальной брус над головой. Оторвав штангу от подставки, он выжал ее десять раз, обливаясь потом, чувствуя, как ноют от нагрузки мышцы рук и плеч. Как хорошо, что в «Метрополе» оборудован современный тренажерный зал. Хотя Хейесу уже под шестьдесят, он не собирался сдаваться неумолимому времени. Ничто не мешает ему прожить еще лет сорок. И эти дополнительные годы были ему очень нужны. Впереди столько дел, и лишь сейчас он достиг такого положения, когда можно рассчитывать на крупный успех. После коронации Степана Бакланова он осуществит все свои мечты. Хейес уже начал присматривать очаровательный особняк в австрийских Альпах, где можно наслаждаться спортом, природой, охотой, рыбной ловлей и быть полным хозяином в своих владениях. От этой пьянящей мысли кружилась голова. Более чем достаточная мотивация двигаться вперед, сметая с пути любые препятствия.

Выполнив комплекс упражнений, Хейес взял полотенце и вытер пот с лица. Он вышел из тренажерного зала и направился к лифтам.

Куда пропал Лорд? Почему не позвонил? Хейес предупредил Орлегова, что отныне Лорд, возможно, будет его подозревать. Однако сам в это до конца не верил. Быть может, Лорд просто решил, что телефоны гостиницы прослушиваются. Он знает о мании преследования, охватившей всю Россию, и понимает, насколько легко с этой задачей могли бы справиться государственное ведомство или частная группировка. Вероятно, именно поэтому, с тех пор как Майлз Лорд спешно покинул кабинет следователя Орлегова, от него не было известий. Но он мог бы позвонить в Атланту, на фирму, и договориться, чтобы с ним кто-нибудь связался. Однако Хейес проверял меньше часа назад: Лорд на фирму не звонил.

Какая неприятная заварушка.

Майлз Лорд превратился в серьезную проблему.

Хейес вышел из кабины лифта в отделанное деревом фойе шестого этажа. Такие фойе имелись на каждом этаже: места, где можно посидеть в уютных креслах, почитать газеты и журналы. Сейчас два кожаных кресла занимали Брежнев и Сталин. Хейес условился встретиться с ними и остальными членами «тайной канцелярии» через два часа на даче к югу от Москвы, поэтому ему очень захотелось узнать, чем объясняется их присутствие здесь и сейчас.

— Добрый вечер, господа. Чем обязан такой чести?

Сталин встал.

— Возникла проблема, требующая немедленного действия. Нам нужно поговорить, а связаться с вами по телефону не удалось.

— Как видите, я трудился в поте лица.

— Мы можем пройти к вам в номер? — спросил Брежнев.

Хейес провел гостей мимо дежурной по этажу, которая даже не оторвалась от иллюстрированного журнала. Как только они вошли в номер и заперли дверь, Сталин сказал:

— Сегодня вечером господина Лорда обнаружили в цирке. Наши люди попытались его

задержать. Одного вывел из строя сам Лорд, другого — те, кто, судя по всему, тоже его искали. Нашему человеку пришлось убить того, кто на него напал, после чего он вынужден был скрыться.

— Кто были эти люди, кто вам помешал? — спросил Хейес.

— В этом-то и заключается главная проблема.

Брежнев подался вперед.

— Пришла пора кое-что вам объяснить. Давно велись досужие разговоры о том, что кому-то из членов царской семьи удалось избежать смертного приговора, вынесенного в восемнадцатом году большевиками. Но вот ваш господин Лорд наткнулся в закрытом архиве на весьма любопытные бумаги, о существовании которых мы даже не догадывались. Мы с самого начала поняли, что дело очень серьезное, но все же надеялись удержать его под контролем. Теперь об этом не может быть и речи. Человек, с которым установил в Москве контакт господин Лорд, и есть тот самый Семен Пашенко. Он профессор истории в университете. Но Пашенко возглавляет группу людей, беззаветно преданных делу восстановления монархии.

— И как это может угрожать тому, что привели в движение мы с вами? — спросил Хейес.

Брежнев — Владимир Куликов представлял крупное объединение «новых русских», тех немногих счастливиц, которым удалось сколотить огромное состояние после распада Советского Союза. Невысокий серьезный мужчина, с простым, неказистым лицом — Хейесу нередко приходила в голову мысль, что он чем-то похож на крестьянина. Нос как клюв хищной птицы, редкие седые волосы коротко острижены. От Куликова исходила аура превосходства, что частенько выводило из себя остальных членов «тайной канцелярии».

Новых русских богачей не любили ни военные, ни государственные чиновники. В основном это были бывшие партийные работники, благословленные густой сетью нужных связей, — умные люди, манипулирующие всеобщим хаосом в личных целях. Как правило, они не утруждали себя особой работой. И многие американские бизнесмены, которых представлял Хейес, их щедро финансировали.

— До самой смерти, — снова заговорил Брежнев, — Ленин остро интересовался тем, что произошло в Екатеринбурге. Сталина тоже волновал этот вопрос, настолько, что он засекретил все документы, имеющие отношение к Романовым, и расстрелял или сослал в лагерь всех, кто что-то знал об этом. Из-за его фанатизма сейчас крайне трудно получить хоть какую-нибудь информацию из первых рук. Сталина очень беспокоил возможный наследник престола, но двадцать миллионов загубленных жизней настолько замутили ситуацию в стране, что никакой серьезной оппозиции тирану так и не возникло. Группа Пашенко каким-то образом связана с одним или несколькими членами царской семьи, которым, вероятно, удалось остаться в живых. Каким именно, нам неизвестно. Но многие десятилетия ходили слухи, что кто-то из Романовых скрывается, дожидаясь нужного часа, когда можно будет открыть правду о своем существовании.

— Теперь нам известно, — сказал Сталин, — что из всех детей Николая в живых могли остаться только двое, Алексей и Анастасия, поскольку их тела так и не были найдены. Разумеется, даже если кто-то из них и выжил тогда, то он уже давно умер бы от старости, особенно мальчик, страдавший гемофилией. Поэтому речь идет об их детях или внуках, если таковые есть. И это будут прямые потомки Романовых. Притязания Степана Бакланова окажутся безосновательными.

Хейес видел беспокойство на лице у Сталина, но не мог поверить в то, что слышал.

— Никто из них просто не мог остаться в живых. Их расстреляли в упор, после чего добились штыками.

Сталин провел рукой по подлокотнику кресла, ощупывая резьбу по дереву.

— Я говорил во время последней нашей встречи, что вам, американцам, трудно понять трепетное отношение русских к судьбе. Вот пример. Я видел протоколы допросов НКВД, предшественника КГБ. Распутин предсказал, что род Романовых будет возрожден. При этом он якобы добавил, что это возрождение осуществят ворон и орел. Ваш господин Лорд обнаружил письмо, подтверждающее это предсказание. Разве господин Лорд не подходит под описание «ворон»?

— Только потому, что он чернокожий?

Сталин пожал плечами.

— Это объяснение ничуть не хуже любого другого.

Хейес удивлялся, как такой трезвомыслящий человек может верить, что какой-то проходимец-крестьянин в самом начале двадцатого столетия предсказал воскрешение династии Романовых. И больше того, что в этом каким-то образом примет участие чернокожий американец из Южной Каролины.

— Пусть я не понимаю вашего трепетного отношения к судьбе, но я прекрасно знаю, что такое здравый смысл. Все это полный бред.

— Профессор Пашенко так не думает, — быстро возразил Брежнев. — Он не зря направил своих людей в цирк — и оказался прав. Лорд действительно там появился. Наши люди доложили, что вчера ночью в поезде из Петербурга ехала цирковая артистка. Акулина Петрова. Они даже переговорили с ней, хотя тогда у них и в мыслях не было, что она каким-то образом связана с Лордом. Однако сегодня вечером люди Пашенко вывели ее вместе с Лордом из цирка и увезли на своей машине. Что, по-вашему, это тоже чистый вымысел?

Хейес вынужден был признать, что это справедливый вопрос.

Лицо Сталина оставалось строгим.

— На древнерусском имя Акулина означает «орлица». Вы владеете русским языком. Вы это знали?

Хейес молча покачал головой.

— Все это очень серьезно, — продолжал Сталин. — Пришли в действие силы, истинную суть которых мы не до конца понимаем. Всего каких-нибудь несколько месяцев назад, до референдума, никто всерьез не воспринимал возможность восстановления монархии, и уж тем более никто не предполагал, что ситуацию можно использовать в политических целях. Однако теперь мы видим, что это возможно. Нужно немедленно остановить то, что происходит, прежде чем оно разрастется в нечто большее. Позвоните по телефону, который мы вам дали, вызовите людей и разыщите своего Лорда.

— Работа уже ведется.

— Этого мало. Напрягитесь еще больше.

— Почему вы не займетесь этим сами?

— Потому что у вас есть полная свобода передвижения, которой мы лишены. Эту задачу должны решить именно вы. Быть может, для этого вам даже придется покинуть Россию.

— Орлегов уже занят поисками Лорда.

— Будем надеяться, сводка о перестрелке на Красной площади многократно увеличит количество глаз, — заметил Брежнев. — Был убит милиционер. Милиция горит желанием

найти убийцу. Быть может, все наши проблемы будут решены одним прицельным выстрелом.

— Я сожалею о том, что произошло с вашими родителями, — сказал Лорд.

После ухода Пашенко Акулина сидела неподвижно, опустив взгляд.

— Мой отец хотел быть рядом со своим сыном. Он собирался жениться на матери ребенка, но для того, чтобы выехать из страны, требовалось согласие обоих родителей — нелепое советское правило, не позволявшее никому эмигрировать за границу. Разумеется, моя бабушка дала отцу согласие, но дедушка пропал без вести на фронте во время Великой Отечественной войны.

— Но твоему отцу по-прежнему нужно было получить его согласие?

Акулина кивнула.

— Дедушку ведь так и не признали официально умершим. Как это было со всеми пропавшими без вести. А раз нет отца, нет разрешения и нет выездной визы. И санкции не заставили себя ждать. Отца выгнали из цирка и запретили выступать на арене. А это было все, что он умел.

— А почему ты не встречалась с родителями?

— Я их терпеть не могла. Мать все время думала о другой женщине, родившей ребенка от ее бывшего мужа. Отец видел лишь женщину, которая развелась с ним, чтобы выйти замуж за другого. И оба вынуждены были терпеть ради общего блага. А меня отправили к бабушке. Сначала я ненавидела родителей за это, но потом, став старше, я поняла, что просто не могу жить с ними, поэтому старалась держаться от них подальше. Они умерли с интервалом в несколько месяцев. Обычная простуда, перешедшая в воспаление легких. Я частенько задумываюсь, не такая ли судьба уготовлена и мне. Когда я больше не смогу ублажать публику, что со мной станется?

Лорд не знал, что ответить.

— Американцам трудно понять, как здесь все было. Как все в какой-то степени остается и по сей день. Человек не мог жить там, где хотел, не мог заниматься тем, чем хотел. Выбор определялся еще в начале жизни.

Лорд знал, что Акулина имеет в виду так называемое «распределение». Когда подростку исполнялось шестнадцать лет, он должен был решать, чем будет заниматься всю оставшуюся жизнь. Те немногие счастливицы, у кого была «лапа», действительно могли выбирать. Остальные вынуждены были довольствоваться доступным. А тем, кто был в немилости, приходилось делать то, что им говорили.

— Детям партийных работников бояться было нечего, — продолжала Акулина. — Они получали лучшие места в Москве. Попасть в Москву — это была заветная мечта каждого.

— Но только не ваша?

— Я ненавидела Москву. Что здесь хорошего? Но мне пришлось сюда вернуться. Мои способности были нужны государству.

— Вы не хотели выступать в цирке?

— А вы в шестнадцать лет уже знали, чему хотите посвятить всю свою жизнь?

Лорд промолчал, признавая справедливость ее замечания.

— Многие мои друзья покончили с собой. Это гораздо предпочтительнее, чем провести всю жизнь в Заполярье или в какой-нибудь глухой сибирской деревне, занимаясь ненавистным делом. У меня в школе была подруга, которая хотела стать врачом. Она

отлично успевала по всем предметам, но она не была членом комсомола, а это было обязательным требованием для поступления в медицинский институт. Поэтому ее обошли другие, менее способные. А ей пришлось пойти работать на фабрику игрушек.

Акулина посмотрела Лорду в глаза.

— Вы очень счастливый человек, Майлз Лорд. Если вы состаритесь или заболаете и не сможете работать, о вас позаботится государство. У нас ничего подобного нет. Коммунисты ругают царя за роскошь и расточительство. Но сами они были ничуть не лучше.

Постепенно Лорд начинал все лучше понимать тягу русских к далекому прошлому.

— В поезде я рассказывала вам о своей бабушке. Все действительно было именно так. Однажды ночью ее забрали, и больше ее никто не видел. Бабушка работала в государственном магазине и видела, как директор изо дня в день берет с прилавка все, что захочет, а обвиняет в воровстве других. В конце концов она написала письмо в Москву и рассказала все как есть. Ее тотчас же уволили с работы, лишили пенсии, а в трудовой книжке поставили штамп о доношении. После этого бабушку уже никуда не брали. Тогда она стала писать стихи. Ее преступлением была поэзия.

Лорд недоуменно склонил голову набок.

— Что вы имеете в виду?

— Бабушка писала о холодной русской зиме, о голоде, о детском плаче. О том, что правительство безразлично к нуждам простых людей. В местном комитете партии решили, что эти стихи угрожают государственному строю. На бабушку обратили внимание — как на личность, поднимающуюся над толпой. В этом и заключалось ее преступление. Она могла стать ядром оппозиции. Тем, кто повел бы за собой. Поэтому власти сделали так, чтобы бабушка исчезла. Наверное, Россия — единственная страна в мире, где расправляются с поэтами.

— Акулина, теперь мне понятна ненависть русских к коммунистам. Но нужно взглянуть правде в глаза. Николай Второй был бездарным правителем, при нем полиция убивала простых людей. Сотни человек погибли в Кровавое воскресенье только за то, что выражали недовольство царской политикой. Этот жестокий режим держался за счет силы, и тут нет никакой разницы с коммунистами.

— Царь — это звено, связывающее нас с прошлым. С тем прошлым, которое уходит в глубь веков. Царь — это олицетворение России.

Лорд откинулся на спинку кресла и глубоко вздохнул. Уставившись на огонь в камине, он некоторое время слушал треск горящих дров.

— Пашенко хочет, чтобы мы разыскали этого предполагаемого наследника, которого, возможно, и нет в живых. И все потому, что какой-то безумный целитель-самозванец почти сто лет назад предсказал, будто нам предстоит это сделать.

— Я хочу отправиться на поиски.

Лорд посмотрел ей в глаза.

— Почему?

— С тех самых пор, как мы с вами впервые встретились, меня не покидает странное ощущение. Как будто наше знакомство было predetermined. Когда вы ворвались ко мне в купе, у меня не было ни капли страха, и я нисколько не сомневалась, когда решила оставить вас на ночь. Так подсказал мне внутренний голос. И я не сомневалась, что мы встретимся снова.

Лорд был настроен далеко не так мистически, как эта привлекательная русская женщина.

— Мой отец был священником. Он переезжал из города в город и лгал людям. Ему нравилось изрекать слово Господа, но на самом деле он просто пользовался бедностью прихожан и играл на их страхах. Мой отец был самым нечестивым человеком из всех, кого я только знал. Он обманывал свою жену, детей и Бога.

— Но он был вашим отцом.

— Он присутствовал при том, как мать меня зачала, но никогда не был мне отцом. Я сам себя воспитал.

Акулина прикоснулась к его груди.

— Он по-прежнему там. Признаёте вы это или нет.

Нет, Лорд не хотел этого признавать. Много лет назад он даже всерьез подумывал сменить фамилию. Тогда его остановили лишь мольбы матери.

— Вы должны понять, Акулина, что все это может быть подстроено.

— С какой целью? Вы несколько дней ломали голову, почему вас хотят убить. И вот профессор Пашенко ответил на этот вопрос.

— Пусть он сам ищет этого наследника Романовых. Я сообщил ему все, что мне известно.

— Распутин предсказал, что добиться успеха сможем только мы с вами.

Лорд покачал головой.

— Неужели вы действительно в это верите?

— Я сама не знаю, во что верить. В детстве бабушка говорила, что видела мое будущее и оно было светлым. Быть может, она была права.

Это был не совсем тот ответ, на который рассчитывал Лорд, однако его тоже что-то толкало вперед. По крайней мере, поиски так называемого наследника уведут прочь из Москвы, подальше от Прищуренного и Кроманьонца. К тому же Лорд вынужден был признать, что эта история его захватила. Пашенко прав. За последние несколько дней произошло слишком много связанных между собой событий, чтобы это было простым совпадением. Лорд ни на минуту не допускал, что Григорий Распутин обладал даром предсказывать будущее, но участие во всем этом Феликса Юсупова его заинтриговало. Пожилой профессор называл его «основателем», и в этом слове было уважение.

Лорд знал историю Юсупова. Трансвестит-бисексуал, Юсупов убил Распутина, ошибочно полагая, что тем самым спасает государство. Он гордился тем, что совершил, купаясь в отсветах славы от своего глупого поступка еще целых пятьдесят лет. Лорд считал Юсупова выскочкой-лицемером, опасным и злобным мошенником, таким же, как Распутин и его собственный отец. Однако, по-видимому, намерения Юсупова в основе были совершенно бескорыстными.

— Ну хорошо, Акулина. Мы это сделаем. А почему бы и нет? Чем мне еще заняться?

Лорд оглянулся на дверь кухни. Оттуда появился Семен Пашенко.

— Я только что узнал очень неприятную новость, — сказал пожилой профессор. — Наш помощник, тот, который увел бандита из цирка, в назначенное время в условленном месте со своим пленником не появился. Он был найден убитым.

Значит, Прищуренному удалось бежать. Не слишком радостная перспектива.

— Какое несчастье, — пробормотала Акулина. — Он спас нам жизнь.

Пашенко оставался невозмутимым.

— Вступая в ряды «священного отряда», этот человек понимал, что ему придется рисковать жизнью. Он не первый, кто погиб во имя нашей цели.

Профессор опустил в кресло. Его глаза были усталыми.

— И вероятно, не последний.

— Мы решили согласиться, — сказал Лорд.

— Я надеялся. Но не забывайте слова Распутина. «Двенадцать человек должны умереть, прежде чем возрождение полностью завершится».

Лорда не слишком беспокоили предсказания столетней давности. Прорицатели в прошлом не раз ошибались. Но Прищуренный и Кроманьонец представляли собой реальную угрозу.

— Господин Лорд, — продолжал Пашенко, — вы должны понять, что четыре дня назад целью покушения на Никольской были вы, а не Артемий Белый. За вами охотятся. Охотятся те, кому, подозреваю, известно кое-что из того, что знаем мы. И эти люди постараются остановить вас любой ценой.

— Насколько я понимаю, — сказал Лорд, — никто, кроме вас, не будет знать, куда мы отправимся?

— Совершенно верно. И так будет и впредь. Подробности об отправной точке известны только вам, мне и госпоже Петровой.

— Человек, на которого я работаю, знает о письме Александры Федоровны. Но я не думаю, что он имеет какое-то отношение к случившемуся. А если бы это было так, он бы мне обязательно сказал.

— У вас есть основания не доверять вашему боссу?

— Свои находки я показал ему еще две недели назад, и он не сказал мне о них ни слова. Полагаю, он даже не думал об этом.

Лорд уселся поудобнее.

— Ну хорошо, поскольку мы дали согласие, как насчет того, чтобы продолжить объяснения?

Пашенко выпрямился в кресле.

— Основатель разбил поиски на последовательные шаги, не связанные друг с другом. Если на определенном этапе появится нужный человек и скажет нужные слова, он получит информацию, которая позволит сделать следующий шаг. Весь план целиком был известен одному только Юсупову, а он, если ему верить, ни с кем не поделился. Теперь мы знаем, что первая ступень находится где-то в Стародубе. Еще после первой нашей встречи несколько дней назад я навел кое-какие справки. Николай Максимов служил в дворцовой гвардии, а после революции перешел на сторону большевиков. Во время расправы над Романовыми он был членом Уральского совета. Когда революция еще только начиналась, до того как Москва взяла в свои руки всю полноту власти, в каждой области распоряжался свой местный совет. Судьба царской семьи зависела не столько от Кремля, сколько от Уральского совета. А на Урале господствовали решительные антимонархические настроения. Уральский совет хотел расправиться с Николаем с того самого дня, как бывшего царя перевели в Екатеринбург.

— Все это мне известно, — сказал Лорд, вспоминая мирный договор, по которому Россия вышла из Первой мировой войны. — Ленин считал, что избавится от немцев. Черт побери, он умолял о мире. Условия договора были настолько унижительными, что после церемонии подписания один русский генерал застрелился. Но шестого июля восемнадцатого года в Москве был убит германский посол Мирбах. И Ленин оказался перед лицом нового германского вторжения. Поэтому он решил использовать Романовых в качестве разменной фишки, надеясь, что кайзеру небезразлична их судьба, и в первую очередь судьба

Александры Федоровны, урожденной германской принцессы.

— Но Германии Романовы были не нужны, — подхватил Пашенко. — И тогда царская семья превратилась в обузу. Поэтому Уральский совет получил приказ расправиться с Романовыми. И Николай Максимов, возможно, имел к этому какое-то отношение. Не исключено, что он участвовал в расстреле.

— Профессор, этот человек давно умер, — напомнила Акулина. — С тех пор прошло слишком много времени.

— Но его долг заключался в том, чтобы обеспечить сохранение информации. Нужно исходить из предположения, что Максимов сдержал клятву.

— А почему бы вам самому не отправиться в Стародуб и не разыскать потомков Максимова? — озадаченно спросил Лорд. — Насколько я понимаю, раньше вы этого не могли сделать, но что вас останавливает теперь?

— По воле основателя эту информацию получают только Ворон и Орел. Если поеду я сам или пошлю кого-нибудь другого, информацию нам не раскроют. Мы должны соблюдать условия пророчества Распутина. Старец сказал, что только вы сможете добиться успеха там, где остальные потерпят неудачу. И я тоже должен хранить верность данному слову и уважать замысел основателя.

Лорд порылся в памяти, стараясь восстановить еще какие-нибудь подробности о Феликсе Юсупове. Семья Юсуповых считалась одной из богатейших в России, но к Феликсу бразды правления перешли только после того, как на дуэли был убит его старший брат. С самого рождения Феликс был разочарованием для родителей. Его мать хотела девочку и, чтобы хоть как-то утешиться, до пяти лет заставляла его носить длинные волосы и наряжала в платья.

— Разве Юсупов не был в восторге от Распутина? — спросил Лорд.

Пашенко кивнул.

— Некоторые биографы даже намекают на гомосексуальную связь, якобы разорванную по инициативе Распутина, из-за чего Юсупов и затаил зло на старца. Юсупов женился на любимой племяннице Николая Второго, а она считалась самой завидной невестой в России. Он был бесконечно предан царю и считал своим долгом спасти его от угрожающе растущего влияния Распутина. Это заблуждение разделяли другие высокопоставленные вельможи, недовольные положением старца при дворе.

— Я никогда не считал Юсупова особенно умным. Этот человек скорее привык идти за другими, чем вести за собой.

— Возможно, он сознательно создавал такой образ. Больше того, мы уверены, что дело обстояло именно так.

Профессор помолчал.

— Теперь, когда вы дали согласие, я могу открыть вам еще кое-что из того, что дошло до меня. Мои двоюродный дедушка и дядя хранили каждый свою часть этой тайны до самой смерти. Это слова, которые нужно сказать следующему человеку в цепочке, которым, как я уверен, является Николай Максимов или его наследники. «Претерпевший же до конца спасется».

Лорд тотчас же вспомнил своего отца.

— Евангелие от Матфея.

Пашенко кивнул.

— Эти слова должны открыть доступ ко второй части пути.

— Вы должны понимать, что все это может оказаться охотой за химерами, — предупредил Лорд.

— Я так больше не думаю. И Александра Федоровна, и Ленин упоминали об одном и том же. В письме, написанном в конце тысяча девятьсот шестнадцатого года, императрица описала встречу с Распутиным, рассказ о которой независимым путем дошел до нас от основателя. Шесть лет спустя Ленин написал, о чем рассказал под пытками пленный белогвардеец. Он особо упомянул фамилию Максимова. Нет. В Стародубе определено что-то есть. Что-то такое, чего Ленин так и не смог разыскать. После удара, разбившего его в двадцать втором году, Ленин отошел от дел и в значительной мере порастерял свой пыл. В самом начале двадцать четвертого года он умер. Четыре года спустя Сталин засекретил все материалы, и в таком виде они оставались вплоть до девяносто первого года. «Дело Романовых», называл их Сталин. Он запрещал даже упоминать царскую семью. Так что никто не пошел по следу Юсупова, даже если кто-то и догадывался о существовании этого следа.

— Насколько я помню, — сказал Лорд, — Ленин не считал низложенного царя возможным ядром сопротивления большевикам. К восемнадцатому году Романовы полностью дискредитировали себя. «Николай Кровавый» и все такое. Дезинформационная кампания, развязанная большевиками против царской семьи, оказалась весьма успешной.

Профессор кивнул.

— Тогда были опубликованы некоторые бумаги Николая Второго и императрицы. По предложению Ленина. И все узнали, насколько безразлична к судьбам простого народа была царская чета. Разумеется, материалы публиковались выборочно и в значительно отредактированном виде. Кроме того, все это делалось в расчете на интерес за границей. Ленин надеялся, что кайзер захочет вернуть Александру Федоровну в Германию. Он полагал, что, жонглируя ее судьбой, добьется от немцев большей уступчивости на мирных переговорах или сможет выторговать возвращение домой русских военнопленных. Но у немцев была разветвленная шпионская сеть по всей России, и в частности на Урале, поэтому, полагаю, они знали, что вся царская семья была убита в июле восемнадцатого года. Так что Ленин, по сути дела, торговал трупами.

— А как же слухи, будто императрица с дочерьми якобы остались в живых?

— Опять-таки дезинформация, распространявшаяся большевиками. Ленин не знал, как мир отнесется к расправе над женщинами и детьми. Москва усиленно пыталась представить случившееся как законную казнь, осуществленную в героическом духе. Вот большевики и выдумали сказку про то, будто всех женщин Романовых перевезли в другое место и впоследствии они погибли во время сражения Красной армии с белогвардейцами. Ленин считал, что подобная дезинформация собьет немцев с толку. Но как только он увидел, что никому нет дела ни до каких Романовых, независимо от возраста и пола, он отбросил все уловки.

— Однако дезинформация осталась.

Пашенко просиял.

— Отчасти за это нужно благодарить наш «священный отряд». Мои предшественники провели великолепную работу. Существенная часть плана основателя заключалась в том, чтобы напускать туман таинственности, заставляя большевиков и весь мир гадать, что же произошло на самом деле. Хотя полной уверенности нет, я думаю, вся эта история с Анной Андерсон была творением Юсупова. Это он поручил ей эту грандиозную мистификацию, а

которую мир с готовностью поверил.

— До тех пор, пока анализ ДНК не доказал, что она самозванка.

— Но это произошло совсем недавно. Я так полагаю, Юсупов сообщил Анне Андерсон все необходимые подробности. А остальное — результат ее великолепной игры.

— И это было частью плана?

— Да, господин Лорд, как и многое другое. Юсупов дожил до шестьдесят седьмого года и лично следил, как выполняется его замысел. Дезинформация нужна была не только для того, чтобы запудрить мозги коммунистам, но и чтобы приструнить оставшихся в живых Романовых. Те никак не могли определить наверняка, существует ли прямой наследник, поэтому ни одной ветви так и не удалось установить полный контроль над всем семейством. Анна Андерсон хорошо играла свою роль, даже многие Романовы клялись под присягой, что она великая княгиня Анастасия. Замысел Юсупова был просто блестящим. Через какое-то время претенденты стали появляться повсюду. Были книги, фильмы, судебные разбирательства. Обман начал жить собственной жизнью.

— И все это для того чтобы сохранить в тайне главное.

— Совершенно верно. После смерти Юсупова ответственность перешла к другим, в том числе и ко мне, однако, поскольку советский режим ограничивал свободу передвижений, добиться успеха было очень непросто. Быть может, в вашем лице Господь пролил на нас луч света.

Пашенко пристально посмотрел на Лорда.

— Я рад, господин Лорд, что вы согласились на это. Наша страна нуждается в ваших услугах.

— Да я, в общем-то, и сам не знаю, чем смогу быть полезен.

Пожилой профессор перевел взгляд на Акулину.

— И в ваших тоже, дорогая моя госпожа Петрова.

Он откинулся назад.

— А теперь еще несколько деталей. В пророчестве Распутина говорится об участии этих диких птиц — но каком именно, я даже представить себе не могу. Еще в нем говорится, что Господь найдет способ доказать справедливость притязаний. Возможно, имеется в виду анализ ДНК. Этот метод можно использовать для проверки родословной того человека, которого вы разыщете. Сейчас уже не времена Ленина и Юсупова. На помощь придет наука.

Уютная обстановка успокоила нервы Лорда, от усталости он уже плохо соображал. К тому же с кухни доносился соблазнительный аромат капусты и картошки.

— Господин профессор, я умираю от голода.

— Ну разумеется. Все готово.

Пашенко повернулся к Акулине.

— Пока мы будем ужинать, я пошлю людей к вам домой, чтобы забрать все, что может вам понадобиться. Я бы посоветовал захватить заграничный паспорт — мало ли куда приведут поиски. Кроме того, мы свяжемся с владельцами цирка. Я договорюсь, чтобы вам предоставили отпуск, причем это никак не скажется на вашей карьере. Если все труды окончатся ничем, вы сможете вернуться на работу.

— Спасибо.

— А как насчет ваших вещей, господин Лорд?

— Я дам вам ключ от номера. Пусть ваши люди привезут мой чемодан. И еще нужно оставить сообщение моему боссу, Тейлору Хейесу.

— Я настоятельно советую вам не делать этого. В пророчестве говорится о строжайшей секретности, и, полагаю, это требование необходимо выполнять.

— Но Тейлор мог бы нам помочь...

— Вам не требуется помощь.

Лорд слишком устал, чтобы спорить. К тому же Пашенко, вероятно, был прав. Чем меньше людей знают о том, куда он поедет, тем лучше. А Хейесу можно позвонить и позже.

— Сегодня вы сможете выспаться здесь в полной безопасности, — сказал Пашенко, — а завтра отправитесь в путь.

Суббота, 16 октября

16 часов 45 минут

Лорд вел потрепанные «жигули» по двухполосному шоссе. Машину с полным баком горючего и пять тысяч американских долларов предоставил Пашенко. Лорд попросил снабдить его американской валютой, а не рублями, поскольку профессор был прав — нельзя предугадать, куда приведут поиски. Лорд по-прежнему считал, что это предприятие — пустая трата времени, но чувствовал себя в тысячу раз лучше, когда от Москвы его отделяло пять часов пути и он ехал по лесистой местности на юго-западе России.

На нем были его джинсы и свитер. Люди Пашенко без труда забрали из «Метрополя» чемодан с вещами. Лорд выспался и отдохнул, а горячий душ и бритва сотворили самое настоящее чудо. Акулина тоже выглядела заметно посвежевшей. Люди Пашенко привезли ее вещи и заграничный паспорт с выездной визой. Для того чтобы упростить выезд на зарубежные гастроли, всем артистам были выданы бессрочные визы.

Почти всю дорогу молодая женщина молчала. На ней были оливковая водолазка, джинсы и коричневое замшевое пальто — как она объяснила, все это куплено в прошлом году в Мюнхене. Темные цвета и строгий покрой очень ей шли. Широкие лацканы подчеркивали узкие плечи Акулины, придавая ей сходство с главной героиней фильма «Энни Холл», что очень нравилось Лорду.

За ветровым стеклом мелькали бесконечные поля и леса. Почвы были черноземные, ничего похожего на красную глину Северной Джорджии. Главной сельскохозяйственной культурой региона был картофель. Лорд с улыбкой вспомнил, как Петр Великий своим указом заставлял крестьян выращивать новое, непривычное растение. Император называл картофель «земляными яблоками». Но растение было чуждым России, и сам Петр не мог сказать, какая его часть употребляется в пищу. Полные отчаяния, крестьяне пробовали есть все, кроме корней, но это приводило только к расстройству желудка и отравлениям. Разозленные и разочарованные, они сожгли весь урожай. И только после того, как кто-то попробовал обугленный клубень, новая культура обрела вторую родину.

Шоссе проходило через унылые, нездоровые центры черной металлургии и тракторостроения. В воздухе висел едкий смог из углекислого газа и кислот, все вокруг было черным от сажи. Когда-то здесь шли непрерывные войны. Язычники давали отпор христианам, князья спорили друг с другом за власть, татары искали добычу. Попав в крохотный городок Стародуб, путники будто вернулись в минувшую эпоху. Особняки с колоннадами чередовались с деревянными домами, вдоль улиц росли белые березы, в центре возвышалась церковь с колокольней — темно-синие купола были усыпаны позолоченными звездами, блестящими в лучах заходящего солнца. Все вокруг — покосившиеся здания, щербатый асфальт на улицах и заросшие травой пустыри — вызывало тошнотворное чувство безысходности.

— Какие будут предложения, где искать Николая Максимова? — спросил Лорд, когда они медленно катили по центральной улице.

— Думаю, с этим проблем не будет, — ответила Акулина.

Сквозь грязное ветровое стекло Лорд увидел вывеску — кафе «Снежинка». Меню на витрине в качестве фирменных блюд предлагало пирожные, пирожки с мясом и мороженое. Заведение располагалось на первом этаже трехэтажного кирпичного здания с затейливыми резными наличниками. А еще на вывеске было указано: «Хозяин Иосиф Максимов».

— Весьма необычно, — заметил Лорд.

Русские очень неохотно афишировали свою собственность. Оглядевшись по сторонам, Лорд заметил еще несколько вывесок, но фамилий владельцев не было. Он вспомнил Невский проспект в Санкт-Петербурге, Арбат в Москве — целые километры дорогих магазинов с заоблачными ценами. Лишь изредка в витринах указывали цены на товары — и почти нигде не упоминали владельцев.

— Быть может, свидетельство новых времен, — сказала Акулина. — Капитализм медленно наползает на Россию. Даже здесь, в сельской глуши.

Веселая улыбка показала, что она шутит.

Лорд остановил «жигули» перед кафе, и они с Акулиной вышли в сгущающиеся сумерки. Лорд первым направился в заведение Иосифа Максимова. На улице было пустынно, если не считать бродячей собаки, которая безуспешно гонялась за сорокой. Почти во всех магазинах было темно. В России в маленьких провинциальных городках до сих пор по выходным не работало большинство предприятий сферы обслуживания. Лорд знал, что это еще одно наследие коммунистического прошлого.

Кафе «Снежинка» было обставлено очень скромно. Центральную часть занимали четыре ряда столиков. Весь ассортимент можно было видеть в стеклянных витринах. В воздухе витал горьковатый аромат кофе. За одним столиком сидели трое посетителей, за другим — еще один. Никто не обратил внимания на вошедших, хотя вряд ли в это заведение часто заглядывают негры.

За прилавком стоял невысокий полный мужчина, с густыми медно-рыжими волосами, отвислыми усами, бородатый. Его белый фартук был покрыт многочисленными пятнами, а когда Лорд подошел ближе, он уловил исходящий от него запах брынзы. Мужчина вытирал руки грязным полотенцем.

— Вы Иосиф Максимов? — спросил по-русски Лорд.

Мужчина удивленно смерил его взглядом.

— Откуда вы приехали?

Лорд решил, что чем меньше информации он сообщит, тем лучше.

— А какое это имеет значение?

— Вы пришли в мое кафе, задаете вопросы. Говорите на чистом русском языке.

— Значит, я так понимаю, вы Иосиф Максимов.

— Выкладывайте, какое у вас ко мне дело.

Лорд задумался, чем объясняется его враждебный и недовольный тон — неприязнью или незнанием.

— Послушайте, господин Максимов, мы не собираемся делать вам ничего плохого. Мы ищем человека по имени Николай Максимов. Скорее всего, он давно умер, но вы, случайно, не знаете, не живут ли здесь его родственники?

Мужчина заметно насторожился.

— Кто вы такие?

— Меня зовут Майлз Лорд. А это Акулина Петрова. Мы приехали из Москвы, нам нужен Николай Максимов.

Отбросив полотенце, коренастый мужчина скрестил руки на груди.

— У нас живет много Максимовых. Но никакого Николая я не знаю.

— Он жил во времена Сталина, но его дети и внуки, возможно, живут здесь и поныне.

— Я Максимов по матери и никогда не был близок с ними.

— В таком случае почему ваша фамилия Максимов? — быстро спросил Лорд.

Русский раздраженно нахмурился.

— У меня нет времени болтать с вами. Я должен обслуживать посетителей.

Акулина шагнула к стеклянной витрине.

— Господин Максимов, это очень важно. Нам нужно найти родственников Николая Максимова. Вы не можете нам сказать, живет ли кто-нибудь из них сейчас в Стародубе?

— С чего вы взяли, что они должны жить здесь?

Услышав за спиной шаги, Лорд оглянулся и увидел, что в кафе вошел высокий милиционер, в шинели, перетянутой португеей, сапогах и меховой шапке. Он расстегнул португеею, снял шинель, уселся за столик и махнул рукой, подзывая Иосифа Максимова. Хозяин понял его без слов и засуетился, готовя кофе. Лорд подошел к прилавку. При виде милиционера он заметно занервничал. Понизив голос, он сказал в спину Максиму:

— Претерпевший же до конца спасется.

Максимов тотчас же повернулся.

— Что это значит?

— Вы сами знаете.

Русский покачал головой.

— Чокнутый американец. Вы что там, в Америке, все спятили?

— А разве я американка?

— А вы зачем связались с этим черномазым? — спросил Максимов у Акулины.

Лорд пропустил оскорбление мимо ушей. Оставалось только побыстрее покинуть кафе. Но в глазах Максимова было что-то такое, что никак не вязалось с его словами. Лорду казалось, будто владелец кафе пытается его предупредить, что сейчас не время и не место для серьезного разговора. Он решил использовать последний шанс.

— Не будем больше вам мешать, господин Максимов. Кстати, вы не могли бы посоветовать, где лучше переночевать?

Хозяин понес кофе в дальний конец зала к столику, за которым устроился милиционер. Поставив чашку, он вернулся.

— Попробуйте гостиницу «Октябрьская». Повернете на перекрестке налево, затем три квартала в сторону центра.

— Спасибо, — сказал Лорд.

Максимов не ответил и поспешил удалиться за стойку. Лорд и Акулина направились к выходу. Они вынуждены были пройти мимо милиционера, потягивающего горячий кофе. От Лорда не укрылось, что милиционер задержал на них взгляд гораздо дольше, чем это можно было бы объяснить простым любопытством. Обернувшись, он увидел, что Максимов тоже обратил на это внимание.

«Октябрьскую» они отыскали без труда. Гостиница размещалась в четырехэтажном здании; балконы номеров, выходящих на улицу, выглядели так, будто вот-вот обвалятся. Пол вестибюля был покрыт слоем темной грязи, пахло тухлятиной от проржавевших водопроводных труб. Дежурный администратор с вызовом сообщил, что иностранцам в

гостинице останавливаться запрещено. Но тут вмешалась Акулина, она гневно заявила, что Лорд ее муж, и потребовала, чтобы к нему относились с должным уважением. После непродолжительных пререканий их поселили в одном номере, содрав двойную цену, и они отправились пешком на третий этаж.

Комнаты оказались просторными, но обстановку словно взяли из кино конца сороковых годов. Единственной уступкой новым временам был маленький холодильник, беспрерывно тарахтевший в углу. Ванная комната не намного лучше — ни сиденья на унитазе, ни туалетной бумаги, а когда Лорд решил сполоснуть лицо, он выяснил, что, хотя из крана текла и холодная и горячая вода, происходило это в разные моменты времени.

— Полагаю, немногие иностранные туристы забираются так далеко, — заметил Лорд, вытирая лицо полотенцем.

Акулина сидела на краю кровати.

— В коммунистические времена этот район был закрыт для иностранцев. Доступ им сюда разрешили совсем недавно.

— Я очень благодарен, что вы поставили на место администратора.

— Мне стыдно за то, как разговаривал с вами Максимов. Он не имел права вас оскорблять.

— А я не уверен, что он действительно хотел меня оскорбить. По-моему, Максимов не меньше нас беспокоился из-за того милиционера.

Лорд объяснил, что, как ему показалось, он увидел в глазах владельца кафе.

— Но почему? Он же сказал, что не знает никакого Николая Максимова.

— Полагаю, он солгал.

— Вы очень оптимистически настроенный Ворон, — улыбнулась Акулина.

— Ну, насчет оптимизма не знаю. Я просто исхожу из предположения, что во всем этом есть хотя бы крупица истины.

— Надеюсь, это так.

Лорд ждал, что она продолжит.

— Вчера вечером вы сказали сущую правду. Русские хотят помнить о царском режиме только хорошее. Но вы правы. Режим был авторитарный, карательный, жестокий. И все же... сейчас все может сложиться по-другому. А то, чем мы с вами занимаемся, имеет все шансы напоследок еще раз обмануть коммунистов. Они считали себя такими умными. Но кому-то из Романовых, возможно, удалось остаться в живых. Разве это не будет самым логичным финалом?

«Да, будет», — мысленно согласился Лорд.

— Кстати, вы есть не хотите? — спросила Акулина.

Только сейчас он поймал себя на том, что сильно проголодался.

— Полагаю, нам лучше не показываться на людях. Я спущусь вниз и куплю что-нибудь в палатке в вестибюле. Сыр и хлеб выглядели отличными. И мы скромно поужинаем прямо в номере.

Акулина улыбнулась.

— Это будет замечательно.

Лорд купил в палатке у пожилой продавщицы буханку черного хлеба, большой кусок сыра, два колечка копченой колбасы и пару бутылок пива. Он расплатился пятидолларовой купюрой, которую женщина с готовностью приняла. И тут к гостинице подъехали машины.

Синие и красные фонари, вращающиеся в темноте, озарили вестибюль прерывистыми отсветами. Выглянув в окно, Лорд увидел, как три милицейских автомобиля остановились перед подъездом. Дверцы открылись, выскочили люди в форме.

Лорд сразу же понял, куда они направляются.

Поднявшись бегом по лестнице, он ворвался в номер.

— Быстро собирай вещи! Внизу милиция.

Акулина не медлила ни минуты. Надев пальто, она перекинула через плечо сумку.

Лорд тоже схватил сумку и куртку.

— Милиция без труда выяснит, в каком номере мы остановились.

— Куда нам идти?

Лорд знал только один путь — наверх на четвертый этаж.

— Пошли.

Они вышли в коридор, осторожно прикрыв дверь.

Поднимаясь на цыпочках по тускло освещенной лестнице, они слышали топот ног. Шаги загроыхали по коридору третьего этажа. В свете одинокой лампочки накаливания без плафона Лорд изучил двери семи номеров. Три номера выходили окнами на улицу, три были обращены во внутренний двор, еще один располагался в самом конце коридора. Все были открыты.

Внизу застучали кулаками по дереву.

Призвав соблюдать тишину, Лорд указал на последнюю дверь.

Акулина пошла по коридору.

Лорд последовал за ней, по дороге осторожно закрывая все номера. Войдя следом за Акулиной в дальнюю комнату, он бесшумно запер дверь на замок.

Было темно, а включить ночник Лорд не осмелился. Он выглянул в окно — оно выходило в переулок, заставленный машинами. Подняв стекло, Лорд высунул голову на холод. Поблизости не было ни одного милиционера. Наверное, милиция решила, что неожиданного ночного визита будет достаточно для достижения успеха. Справа от окна к бульжной мостовой вела извивающаяся водосточная труба.

Лорд выпрямился.

— Мы в ловушке.

Отстранив его, Акулина высунулась из окна. В это время на лестнице послышались тяжелые шаги. Несомненно, милиция уже убедилась, что номер на третьем этаже пуст. Закрытые двери задержат преследователей, но ненадолго.

Акулина сняла сумку с плеча и выбросила ее в окно.

— Дайте свою.

Послушно протянув ей сумку, Лорд спросил:

— Что вы собираетесь делать?

Она выбросила в окно и его сумку.

— Следите за мной и делайте как я.

Акулина ухватила за подоконник и вылезла из окна. Затаив дыхание, Лорд смотрел, как она дотянулась до водосточной трубы и перенесла вес на нее, упираясь ногами в кирпичную стену и обвив руками влажную жесьть. Перебравшись на трубу, Акулина стала быстро спускаться. Сила притяжения была на ее стороне, и через несколько секунд Акулина спрыгнула на землю.

Лорд услышал, как в коридоре открываются двери. Он не думал, что ему удастся

повторить маневр Акулины, но выбора не было. Через несколько секунд сюда ворвется милиция.

Выбравшись из окна, Лорд взялся за водосточную трубу. От прикосновения к холодному железу у него сразу же замерзли руки, ладони заскользили, но он вцепился в трубу изо всех сил. Поставив ноги на стену, Лорд медленно полез вниз.

Послышался громкий стук в дверь.

Вскоре Лорд оказался на уровне окон второго этажа. Раздался треск дерева — несомненно, это выбили дверь в номер. Лорд продолжал спускаться, но вдруг сорвался, зацепившись рукой за скобу, на которой держалась труба. Он полетел вниз, и тут вверху распахнулось окно. Лорд скользил по шероховатой кирпичной стене, готовясь к столкновению с землей. Наконец он тяжело рухнул на асфальт.

Лорд откатился в сторону и наткнулся на колесо припаркованной машины.

Он увидел в руке милиционера пистолет. Не обращая внимания на ушибленное бедро, Лорд вскочил на ноги, схватил Акулину и вместе с ней нырнул за машину.

Ночную тишину разорвал сдвоенный треск выстрелов.

Одна пуля рикошетом отлетела от капота. Другая разбила ветровое стекло.

— Пригнитесь! — бросил Лорд. — Уходим.

Они схватили сумки и поползли на четвереньках, укрываясь за машинами. Их преследовал град пуль, но окно четвертого этажа — не лучшая позиция для стрельбы. Пули пролетали мимо, разбивая вдребезги стекло и со скрежетом раздирая металл. До конца переулка оставалось совсем немного, и Лорд гадал, не ждет ли их там засада.

Наконец они выбежали на улицу.

Лорд лихорадочно огляделся по сторонам. Витрины магазинов были темными. Фонари не горели. Закинув сумку на плечо, Лорд схватил Акулину за руку, и они побежали.

Из-за угла выскочила машина. Лорда ослепил яркий свет фар. Машина мчалась прямо на них.

Они застыли посреди дороги.

Завизжали тормоза, покрышки пошли юзом по мокрому асфальту.

Только теперь Лорд разглядел, что автомобиль не милицейский. Ни мигалок, ни специальных знаков. Он узнал лицо за ветровым стеклом.

Иосиф Максимов.

Опустив стекло, русский высунул голову и сказал:

— Быстро садитесь!

Лорд и Акулина забрались в машину, и Максимов утопил педаль газа в пол.

— Вы подоспели как раз вовремя, — заметил Лорд.

Не отрывая взгляда от дороги, грузный русский сказал:

— Николая Максимова нет в живых. Но завтра вы встретитесь с его сыном.

Москва

Воскресенье, 17 октября

7 часов 00 минут

Хейес отправился завтракать в главный ресторан «Метрополя». Выбор блюд был отменным. Особенно Хейесу нравились блины с сахарной пудрой и фруктами. Официант принес свежий выпуск «Известий», и Хейес погрузился в изучение утренних новостей.

Первая полоса рассказывала о деятельности Царской комиссии на прошедшей неделе. После открывающей сессии, которая состоялась в среду, в четверг началось выдвижение кандидатов. Первым был назван Степан Бакланов: его кандидатуру, как и было условлено, представил московский мэр, популярный в народе. «Тайная канцелярия» решила использовать уважаемого человека, чтобы придать дополнительный вес кандидатуре Бакланова, и этот замысел, судя по всему, увенчался успехом, поскольку в редакционной статье «Известия» подробно распространялись о растущей поддержке Бакланова.

Две соперничающие группировки Романовых выдвинули своих глав, они претендовали на более близкое родство с Николаем II. Затем были названы еще три имени, но корреспондент упомянул о них вскользь — речь шла об очень отдаленных родственниках царской семьи. Во врезке справа отмечалось, что на самом деле кровь Романовых течет во многих русских. Лаборатории в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске предлагали за пятьдесят рублей генетический анализ крови на предмет близости к императорской фамилии. И похоже, многие выкладывали эти деньги, чтобы пройти тест.

Первые дебаты получились очень напряженными, но Хейес знал, что все это делалось только для вида, поскольку, судя по самым последним данным, из семнадцати членов комиссии уже были куплены четырнадцать. Идею дебатов предложил он. Быстрое достижение консенсуса могло породить подозрения. Лучше было изобразить, как члены комиссии постепенно преодолевают разногласия, приходя к единому решению.

Статья заканчивалась напоминанием о том, что выдвижение кандидатов завершится на следующий день. Первый тур голосования был намечен на вторник, после чего еще два дня будут продолжаться дебаты, а окончательное голосование состоится в четверг.

К пятнице все будет готово.

Степан Бакланов станет Степаном I, российским императором. Клиенты Хейеса будут довольны, «тайная канцелярия» удовлетворена, а сам он станет богаче на несколько миллионов долларов.

Хейес дочитал статью, в который раз поражаясь склонности русских к красочным спектаклям. В русском языке для этого существовало даже свое название: «показуха». Самым ярким примером на памяти Хейеса был визит в Советский Союз президента Джеральда Форда в конце семидесятых, когда, чтобы сделать дорогу из аэропорта более живописной, в соседнем лесу нарубали молоденьких елочек и просто повтыкали их в снег.

Официант принес горячие блины и кофе. Хейес рассеянно пролистал газету, читая заголовки. Один привлек его внимание. «АНАСТАСИЯ ЖИВА И ПРЯЧЕТСЯ ВМЕСТЕ С СВОИМ БРАТОМ-ЦАРЕМ». Хейеса прошиб холодный пот. Он немного успокоился только

тогда, когда прочитал заметку и убедился, что это лишь рецензия на спектакль, недавно поставленный в Москве.

«Вдохновленный дешевым детективом, купленным в букинистической лавке, английский драматург Лорн Гант увлекся легендами, окружающими расправу над царской семьей. «Меня очаровала история Анны Андерсон», — сказал Гант, имея в виду самую известную авантюристку, выдававшую себя за Анастасию, дочь Николая II.

Сюжет пьесы разворачивается вокруг того, что Анастасии и ее брату Алексею удалось в 1918 году избежать смерти в Екатеринбурге. Их тела так и не были обнаружены, и на протяжении нескольких десятилетий родилось множество домыслов о том, что же произошло на самом деле. Все это явилось плодородной почвой для воображения автора.

«Получилось что-то в духе «Элвис Пресли жив и скрывается на Аляске вместе с Мэрилин Монро», — говорит Гант. И в этом есть своя ирония».

Прочитав заметку еще раз, Хейес удостоверился, что пьеса скорее фарс, чем серьезные изыскания на предмет предположительно оставшихся в живых членов царской семьи. В конце обзреватель называл автора «Чеховым и Кэрл Бернетт^[6] в одном флаконе» и советовал читателям ни в коем случае не ходить на спектакль.

Кто-то загремел стулом, и Хейес оторвался от газеты. К нему за столик подсел Феликс Орлегов.

— Ваш завтрак выглядит очень аппетитно, — заметил русский следователь.

— Я бы пригласил тебя присоединиться, но для тебя здесь слишком много культурной публики.

Хейес даже не попытался скрыть презрение.

Пододвинув к себе тарелку, Орлегов потянулся за вилкой. Хейес решил оставить мерзавца в покое. Полив блины вареньем, Орлегов жадно набросился на них.

Хейес сложил газету и положил ее на стол.

— Кофе не желаете? — язвительно поинтересовался он.

— Лучше апельсиновый сок, — пробормотал с набитым ртом русский.

Хейес помедлил, затем позвал официанта и попросил принести кувшин апельсинового сока. Расправившись с блинами, Орлегов вытер рот салфеткой.

— Я слышал, что в этой гостинице готовят замечательные завтраки, но я не могу позволить себе такую роскошь.

— К счастью, скоро ты разбогатеешь.

Потрескавшиеся губы следователя скривились в усмешке.

— Смею вас заверить, всем этим я занимаюсь не ради возможности пообщаться с вами.

— В таком случае чем же я обязан твоему визиту в это чудное воскресное утро?

— Милицейская сводка на вашего Лорда сделала свое дело. Его обнаружили.

Хейес оживился.

— В Стародубе, — продолжал Орлегов. — Это маленькое городишко в пяти часах езды к югу от Москвы.

Хейес тотчас же вспомнил, что этот город упоминался в документах, которые обнаружил в архивах Лорд. О нем писал Ленин, называя и фамилию: Николай Максимов. Как выразился советский лидер? «Город Стародуб также упоминался двумя другими белогвардейскими офицерами, которые заговорили в похожей ситуации. Что-то происходит, теперь я в этом уверен».

Теперь в этом был уверен и Хейес. Совпадений было слишком много.

Определенно, Лорд во что-то ввязался.

В ночь с пятницы на субботу его номер в гостинице был странным образом очищен. Члены «тайной канцелярии» не на шутку встревожились, а если беспокоились они, то беспокоился и Хейес. Ему поручили эту проблему, и он был полон решимости не подвести своих хозяев.

— Что там случилось? — спросил Хейес.

— Лорда обнаружили в местной гостинице с какой-то женщиной.

Хейес ждал продолжения, но Орлегов откровенно наслаждался моментом.

— Если тамошней милиции и не хватает знаний, это с лихвой компенсируется ее непроходимой тупостью. Они устроили облаву в гостинице, но не потрудились перекрыть все выходы. Лорд и женщина бежали, выбравшись в окно. В Лорда стреляли, но ему удалось уйти.

— Ваши люди хотя бы выяснили, зачем он приехал в город?

— Лорд расспрашивал про некоего Николая Максимова.

Подтверждались худшие опасения.

— Какие приказы получила местная милиция?

— Я распорядился, чтобы они не предпринимали никаких шагов, не поставив меня в известность.

— Нам нужно немедленно уходить.

— Я и сам так подумал. Вот почему я пришел сюда. Хорошо хоть, теперь я уже позавтракал.

Официант принес апельсиновый сок.

Хейес поднялся из-за стола.

— Допивай свой сок. А мне нужно сделать один звонок.

Стародуб

10 часов 00 минут

Лорд сбросил скорость. Холодный дождь барабанил в ветровое стекло. Прошлой ночью Иосиф Максимов спрятал беглецов в деревенском доме к западу от Стародуба. Дом принадлежал еще одному члену семьи Максимовых. Хозяин уложил гостей на пол, постелив два матраца перед камином.

Иосиф вернулся часа два назад и рассказал, что вчера поздно ночью к нему домой приходила милиция с вопросами о негре и русской женщине, заходивших в кафе. Он рассказал все в точности так, как было, тем более что свидетелем разговора был сотрудник милиции. Судя по всему, ему поверили, поскольку милиция уехала и больше не возвращалась. К счастью, бегства из «Октябрьской» не видел никто.

Максимов оставил беглецам свою машину, выдавший виды кремовый «мерседес», покрытый черной грязью, с протертыми до дыр кожаными сиденьями. И объяснил, как найти сына Николая Максимова.

Стены одноэтажного дома были дощатыми, в два слоя, с набивкой из пакли внутри. Дранка на крыше потемнела от непогоды и покрылась плесенью. Из кирпичной трубы в холодный воздух поднимался столб серого дыма. За домом начиналось неогороженное поле; под навесом стояли плуги и бороны.

Все это напомнило Акулине дом, в котором жила ее бабушка, тем более что неподалеку белела такая же березовая рощица. Молодая женщина всегда считала осень самым унылым временем года. Осень приходила без предупреждения, а потом за одну ночь превращалась в зиму. Ее приход знаменовал собой конец зеленым лесам и густым лугам. Еще одно воспоминание о детстве, о деревне на Урале, где Акулина выросла, и о сельской школе, где все девочки носили одинаковые платья с фартуками и красными галстуками. На уроках школьникам вдалбливали, как тяжело жилось рабочим и крестьянам при царе и как Ленин положил этому конец, почему капитализм является злом и что ждет коллектив от каждого своего члена. Портреты Ленина висели в каждом классе, в каждом доме. Сомневаться в его правоте было нельзя. Утешало только то, что эти взгляды разделяют все.

Индивидуалистам в советском государстве не было места.

Но отец Акулины был индивидуалистом.

Он хотел только уехать в Румынию к новой жене и ребенку. Но коллектив не позволил ему такую простую вещь. Считалось, что хорошими родителями могут быть только члены партии. И никак иначе. О тех, кто не разделял «революционные идеалы», доносили куда следует. Особую известность получил один случай, когда мальчик донес на своего отца, который помогал крестьянам, недовольным новой властью. За это крестьяне убили мальчика. А потом о нем слагали стихи, сочиняли песни, и школьников на его примере учили беззаветной любви к Родине.

Но почему?

Что хорошего в том, чтобы предать собственную семью?

— До этого мне лишь дважды приходилось бывать в российской деревне, — заметил

Лорд, прерывая размышления Акулины. — И оба раза под надзором. Но сейчас это совершенно другое. Это иной мир.

— В старину «миром» называли деревню. Очень подходящее слово, потому что мало кто из крестьян покидал свою деревню. Она была для них миром.

Здесь не было удушливого смога, нависшего над Стародубом. Село окружали пышные деревья, зеленые холмы и скошенные поля, над которыми летом, предположила Акулина, разливались звонкие трели жаворонков.

Лорд остановился перед домом.

Им навстречу вышел невысокий и коренастый мужчина, с рыжеватыми волосами и круглым лицом, красным словно свекла. Акулина прикинула, что ему под семьдесят, но движения его сохранили поразительную легкость. Мужчина окинул гостей придирчивым взглядом, каким встречают иностранцев пограничники, и пригласил в дом.

Дом оказался просторным: спальня, кухня и уютная гостиная. Обстановка представляла собой разношерстный набор необходимого и практичного. Дощатый пол вытерт до блеска. Электрическое освещение отсутствовало. Во всех комнатах чадил керосиновые лампы.

— Я Василий Николаевич Максимов. Николай Максимов — это мой отец.

Все уселись за кухонный стол. На печке, топившейся дровами, разогревался горшок с домашней лапшой, какую с детства любила Акулина. К сильному аромату жареного мяса, кажется ягнятины, примешивался затхлый запах дешевой махорки. В углу перед иконой горели свечи. Бабушка Акулины тоже все время зажигала лампадку перед иконой до тех самых пор, пока ее не арестовали.

— Я приготовил обед, — сказал Максимов. — Надеюсь, вы проголодались.

— От еды мы не откажемся, — согласился Лорд. — Пахнет очень аппетитно.

— Стряпня — одна из немногих радостей, какие у меня остались.

Максимов подошел к печке и, повернувшись к гостям спиной, помешал лапшу.

— Мой племянник говорит, у вас есть что мне сказать.

Лорд сразу же понял, что он имел в виду.

— Претерпевший же до конца спасется.

Положив деревянную ложку на стол, старик сел на место.

— Я даже предположить не мог, что когда-нибудь услышу эти слова. Я считал их плодом воображения своего отца. Да еще чтобы их произнес человек с черным цветом кожи.

Максимов повернулся к Акулине.

— Дитя мое, твое имя означает «орлица».

— Мне уже объяснили.

— Ты очаровательное создание.

Акулина улыбнулась.

— Надеюсь, ваши поиски не погубят такую красоту.

— Как вас понимать? — спросила она.

Старик потер мясистый нос.

— Когда отец рассказал о долге, который мне предстоит выполнить, он предостерег, что, возможно, за это придется заплатить жизнью. Я никогда не воспринимал его слова всерьез... до сегодняшнего дня.

— Что вам известно? — спросил Лорд.

— Я часто думаю о том, что тогда произошло, — вздохнул старик. — Мой отец предупреждал меня, но я не поверил. Я будто вижу, как царскую семью разбудили среди

ночи и торопливо погнали вниз. Пленники думают, что город вот-вот возьмет белая армия и освободит их. Юровский, этот безумный еврей, говорит, что необходимо срочно покинуть Екатеринбург, но сначала пленникам нужно сфотографироваться, чтобы отправить снимок в Москву и показать, что все живы и здоровы. Он указывает, кому занять какое место. Но фотографа не будет. Вместо него в подвал заходят вооруженные люди, и царю сообщают, что он вместе с семьей будет расстрелян. Юровский направляет на него револьвер.

Максимов покачал головой.

— Давайте я приготовлю обед. А потом расскажу вам все, что произошло в Екатеринбурге в ту июльскую ночь.

Юровский выстрелил из нагана, и голова Николая II, российского императора, разлетелась дождем кровавых брызг. Царь повалился на сына. Александра Федоровна только начала осенять себя крестным знаменем, как открыли огонь другие стрелки. Тело императрицы упало со стула. Юровский распределил жертвы, приказав целиться в сердце, чтобы было меньше крови. Но тело Николая содрогнулось от новых пуль, поскольку все одиннадцать палачей решили сделать хотя бы по одному выстрелу в низложенного правителя.

Убийцы выстроились в три ряда. Задним приходилось стрелять через плечо передних, и многие в первом ряду получили ожоги порохowymi газами. Николай Максимов, который стоял впереди, почувствовал, как раскаленные газы опалили шею. Ему приказали стрелять в Ольгу, старшую дочь царя, но он не мог заставить себя это сделать. Его направили в Екатеринбург, чтобы организовать побег царской семьи. Он приехал в город всего три дня назад, но события развивались с молниеносной быстротой.

Вечером охранников вызвали в кабинет Юровского. Комендант сказал: «Сегодня мы расстреляем всю царскую семью, врача и слуг. Предупредите часовых, чтобы они не пугались, услышав выстрелы». Он отобрал одиннадцать человек, в том числе Максимова. Это была большая удача, хотя он и прибыл с лучшими рекомендациями Уральского совета — его характеризовали как человека, которому можно доверить выполнение любого приказа, а Юровскому, судя по всему, нужны были преданные люди.

Двое мадьяр заявили, что не будут стрелять в женщин. Максимов поразился, что у этих безжалостных людей сохранились остатки совести. Юровский не стал возражать, заменив их двумя другими охранниками, которые с готовностью вызвались принять участие в кровавой расправе. В итоге в расстрельной команде оказались шестеро мадьяр и пятеро русских плюс Юровский. Жестокие, беспощадные люди. Никулин, Ермаков, Медведев, Ваганов — их фамилии Николай Максимов запомнил навсегда.

К дому подогнали грузовик, двигатель его работал на полных оборотах, чтобы заглушить пальбу. Пороховой дым затянул подвал густым зловещим туманом. Уже не было видно, кто в кого стреляет. Максимов рассудил, что несколько часов непрерывного пьянства притупили чувства всех, кроме него самого и, возможно, Юровского. Немногие вспомнят что-то кроме того, что они стреляли во все движущееся. Сам Максимов пил очень осторожно, понимая, что ему нужно сохранить голову трезвой.

У него на глазах Ольга рухнула как подкошенная, получив пулю в голову. Стрелки целились жертвам в сердце, но происходило что-то странное. Пули отлетали от груди женщин и носились по подвалу. Один мадьяр пробормотал, что это Господь Бог оберегает великих княгинь. Другой громко усомнился, что они поступают правильно.

Максимов беспомощно смотрел, как великие княгини Татьяна и Мария забились в угол, тщетно закрываясь руками. Пули градом сыпались на их юные тела, одни отлетали, другие попадали в цель. Двое палачей шагнули вперед и, приблизившись к девушкам, выстрелили им в головы.

Камердинер, повар и врач были убиты на месте, их трупы упали на пол, будто мишени в тире. Горничная словно обезумела. Она с дикими криками металась по подвалу, прикрываясь подушкой. Палачи опомнились и стали стрелять в подушку. Пули отскакивали. Это было жуткое зрелище. Кто оберегал этих несчастных? Наконец кто-то попал горничной в голову, и крики оборвались.

— Прекратить огонь! — заорал Юровский.

В подвале наступила тишина.

— Выстрелы будут слышны с улицы. Добить раненых штыками!

Отбросив револьверы, палачи взяли американские винтовки «винчестер» и вернулись в подвал.

Каким-то образом горничная осталась жива, даже получив пулю в голову. Поднявшись с пола, она, шатаясь, шагала через окровавленные трупы, тихо всхлипывая. Двое мадьяр вонзили штык-ножи в подушку, которую горничная так и не выпустила из рук. Тупым лезвиям не удалось вспороть наволочку. Схватив рукой штык, горничная дико закричала. Латыши повалили ее, и один ударил прикладом по голове. Горничная застонала жалобно, как раненое животное. Приклады раз за разом обрушивались на голову несчастной, и скоро стоны затихли. Тогда мадьяры, будто одержимые, начали колоть горничную штыками, словно борясь с демоном. Максимов сбился со счета, сколько же ударов ей досталось.

Он приблизился к царю. Гимнастерка и брюки Николая были залиты кровью. Остальные тем временем добивали горничную и одну из великих княгинь. Едкий дым не давал дышать. Юровский осматривал императрицу.

Максимов нагнулся и перекатил тело Николая в сторону. Под ним лежал цесаревич, в гимнастерке, сапогах и фуражке — таким Максимов часто видел его на фотографиях. Алексей был одет так же, как и его отец. Они любили военную форму.

Мальчик открыл глаза. В них был безотчетный ужас. Максимов ладонью зажал Алексею рот.

— Не шевелитесь! — беззвучно прошептал он. — Притворитесь мертвым.

Мальчик закрыл глаза. Выпрямившись, Максимов прицелился в пол справа от головы цесаревича и выстрелил. Пуля впиалась в половицу, и Алексей дернулся. Максимов выстрелил еще раз, целясь в пол слева от головы мальчика, в надежде, что никто не увидит, как тот дергается, однако все остальные были полностью поглощены кровавой бойней. Одиннадцать жертв, двенадцать палачей, тесное пространство, мало времени.

— Цесаревич еще жив? — донесся из дыма голос Юровского.

— Был жив, теперь уже мертв, — ответил Максимов.

Похоже, этот ответ удовлетворил коменданта.

Максимов перекатил окровавленное тело Николая II обратно на мальчика. Мадьяр направлялся к Анастасии, младшей дочери царя. Упав после первых же залпов, она лежала, распростертая на полу среди моря запекающейся крови. Девушка стонала, и Максимов понял, что пули нашли цель. Латыш поднял винтовку, собираясь добить Анастасию прикладом, но Максимов его остановил.

— Дай мне, — сказал он. — Я еще не наслаждался вдоволь.

Лицо мадьяра скривилось в усмешке. Он отошел в сторону. Грудь Анастасии судорожно вздымалась, все платье было перепачкано кровью, однако нельзя было определить, то ли это кровь Анастасии, то ли ее сестры, чье тело лежало рядом.

Максимов мысленно попросил Бога о прощении.

Он опустил приклад на голову Анастасии, стараясь ударить вскользь, чтобы ее оглушить, но не убить.

— Я ее прикончу, — сказал Максимов, перехватывая винтовку, чтобы воспользоваться штыком.

К счастью, мадьяр не стал возражать и перешел к другому трупу.

— Прекратить! — снова крикнул Юровский.

В подвале наступила зловещая тишина. Не гремели выстрелы. Никто не стонал. Лишь двенадцать человек стояли в густом дыму, сквозь который лучом солнца в непогоду пробивался свет одинокой электрической лампочки под потолком.

— Откройте двери, проветрите подвал, — приказал Юровский. — Здесь ни черта не видно. Щупайте пульс и докладывайте.

Максимов сразу шагнул к Анастасии. Пульс прощупывался, слабый и неровный.

— Великая княжна Анастасия, — крикнул он. — Мертва.

Охранники стали докладывать о других убитых. Максимов перешел к цесаревичу и перекатил тело Николая в сторону. Он пощупал у мальчика пульс. Пульс был сильный. У Максимова мелькнула мысль, что Алексей, возможно, даже не ранен.

— Цесаревич Алексей. Мертв.

— Отмучился, твою мать, — бросил мадьяр.

— Надо быстро увезти трупы, — распорядился Юровский. — К утру подвал должен быть очищен и отмыт.

Комендант обратился к одному из русских:

— Сходи наверх, принеси простыни.

— Начинайте складывать трупы, — велел он остальным.

Двое мадьяр подняли тело одной из великих княгинь. Какой именно, Максимов не понял.

— Смотрите! — вдруг воскликнул один.

Все повернулись к окровавленной девушке. Под разорванным корсажем виднелся сверкающий бриллиант. Комендант взял драгоценный камень в руку. Потом схватил штык и распорол корсаж до конца, стаскивая его с мертвого тела. На пол со звоном посыпались драгоценности.

— Их защищали бриллианты, — со злостью пробормотал Юровский. — Долбаные шлюхи зашили в одежду драгоценности!

Сообразив, что здесь есть чем поживиться, охранники бросились к остальным женщинам.

— Нет! — крикнул Юровский. — Потом. И все, что обнаружите, передайте мне. Ценности принадлежат нашему рабоче-крестьянскому государству. Каждый, кто припрячет хотя бы одну пуговицу, будет расстрелян на месте. Это понятно?

Все молчали.

Вернулся охранник, которого посылали за простынями. Максимов понимал, что Юровский торопится вывезти трупы из дома. Он ясно сказал об этом. До рассвета всего несколько часов, а белые подошли к самому городу и продолжали наступать.

Первым завернули в простыню труп царя. Его отнесли в ждущий на улице грузовик.

На носилки бросили тело одной из великих княгинь. Внезапно девушка села и закричала. Все застыли в ужасе. Казалось, само небо помогает невинным жертвам. Поскольку уже открыли двери и окна, стрелять было нельзя. Юровский ударил девушку штыком в грудь. Острие едва проткнуло платье. Быстро перехватив винтовку, Юровский ударил княжну прикладом по голове. Раздался хруст черепа. Юровский вонзил штык девушке в шею и повернул его. Послышался булькающий хрип, хлынула кровь, и девушка затихла.

— Забирайте отсюда этих ведьм, — пробормотал Юровский. — Они словно заколдованные.

Максимов опустился на корточки рядом с Анастасией и завернул ее в простыню. Из коридора донесся шум. Другая великая княжна очнулась, и Максимов, оглянувшись, увидел, как мадьяры обрушили на нее приклады и штыки. В суматохе он подсел к цесаревичу, по-прежнему лежавшему в крови своих родителей.

— Ваше высочество!

Алексей открыл глаза.

— Молчите. Я должен перенести вас в грузовик. Вы поняли?

Едва заметный кивок.

— Малейший звук или движение — и вас растерзают.

Завернув мальчика в простыню, Максимов взвалил его на одно плечо, на другое положил Анастасию и понес обоих на улицу. Он надеялся, что великая княжна не придет в себя и что никто больше не будет щупать пульс. Но остальные были полностью поглощены тем, что обнаружили на трупах. Это были часы, перстни, браслеты, портсигары и другие ценности.

— Повторяю, — строго промолвил Юровский, — каждый, кто присвоит себе хоть какую-нибудь мелочь, будет расстрелян. Там, внизу, я видел часы, но сейчас их нет. Я уйду за последним трупом. Когда вернусь, часы должны быть вот здесь.

Никто не сомневался, что произойдет, если часов не окажется на месте. Мадьяр достал часы из кармана и швырнул в кучу награбленных вещей.

Возвратился Юровский, закинул последний труп в кузов грузовика. В руках у коменданта появилась фуражка.

— Фуражка царя, — сказал он, натягивая ее на голову одного убийцы. — А тебе идет!

Остальные рассмеялись.

— Они долго умирали, — заметил мадьяр.

Юровский оглянулся на грузовик.

— Убивать людей непросто.

Трупы, завернутые в окровавленные простыни, накрыли брезентом. Отобрав четверых, кто должен был сопровождать грузовик, Юровский забрался в кабину. Остальные участники расстрельной команды начали расходиться. Максимова комендант с собой не взял, и он подошел к кабине.

— Товарищ Юровский, можно мне с вами? Я хочу помочь до конца.

В темноте Юровский был совсем черным. Черная борода. Черные волосы. Черная кожанка. Максимов видел только белки глаз, леденящий душу взгляд.

— А почему бы и нет? Полезай в кузов с остальными.

Грузовик выехал из Ипатьевского дома через распахнутые ворота. Кто-то вслух сказал

время: три часа ночи. Нужно поторопиться. Один из охранников достал две бутылки водки, и те, кто сидел в кузове рядом с трупами, быстро их прикончили. Максимов отпил несколько маленьких глотков.

Его направили в Екатеринбург, чтобы подготовить почву для побега. Еще оставались генералы и офицеры, которые относились к присяге, принесенной царю, очень серьезно. Несколько месяцев ходили слухи, что судьба царской семьи решена. Но только вчера Максимов узнал, что это означало.

Его взгляд помимо воли возвращался к груде тел, накрытых брезентом. Мальчика и его сестру Максимов положил сверху, прикрыв их телом матери. Он гадал, понимает ли Алексей, что ему уготовила судьба. Возможно, именно поэтому цесаревич вел себя тихо.

Грузовик проехал мимо ипподрома на окраине города. Дальше пошли болота, овраги и заброшенные шахты. После Верх-Исетского завода дорога пересекла железнодорожные пути и углубилась в густой лес. Еще через две версты грузовик снова переехал рельсы. Единственными строениями были будки станционных смотрителей, но в этот предрассветный час люди еще спали.

Вскоре началась сплошная грязь. Дорога раскисла от дождей. Задние колеса забуксовали, и грузовик повело боком. Машина намертво засела в глубокой луже. Водитель тщетно пытался вывести ее из грязи. Из-под капота повалил пар. Перегретый двигатель пришлось заглушить. Выбравшись из кабины, Юровский указал на темнеющую позади будку у железной дороги и сказал водителю:

— Сходи, разбуди смотрителя и принеси воды.

Он обратился к тем, кто ехал в кузове:

— Натаскайте бревен, чтобы помочь колесам выбраться из этого дерьма. А я пройду вперед и поищу Ермакова и его людей.

Двое охранников лежали мертвецки пьяные. Еще двое прыгнули на землю и скрылись в темноте. Максимов, притворившись пьяным, остался в кузове. Он проследил взглядом, как водитель вернулся к железнодорожной будке и заколотил в дверь. Замерцал свет, дверь отворилась. Водитель объяснил смотрителю, что ему нужна вода. Последовали долгие споры, а потом один из тех, кто скрылся в ночи, крикнул, что нашел бревна.

Сейчас или никогда.

Максимов осторожно приподнял край брезента. От пахнувшего в нос тошнотворного запаха у него в животе все перевернулось. Откатив тело императрицы в сторону, Максимов схватил сверток с цесаревичем.

— Это я, ваше высочество. Лежите тихо и молчите.

Мальчик пробормотал что-то, но Максимов не смог разобрать слова.

Он снял сверток с Алексеем с кузова и перенес его в лес, на несколько шагов от дороги.

— Не шевелитесь, — прошептал он.

Быстро вернувшись к грузовику, Максимов подхватил простыню, в которую была завернута Анастасия. Он осторожно уложил великую княжну на землю и поправил брезент. Взяв Анастасию на руки, Максимов отнес ее в лес и положил рядом с братом. Он развязал простыни и пощупал девушке пульс. Хоть и слабый, пульс прощупывался.

Алексей в ужасе смотрел на него.

— Я понимаю, это какой-то кошмар. Но вы должны остаться здесь. Присматривайте за сестрой. Никуда не уходите. Я вернусь. Когда — сам не знаю. Вы меня поняли?

Мальчик молча кивнул.

— Вы ведь меня помните?

Алексей снова кивнул.

— Тогда доверьтесь мне, ваше высочество.

Мальчишка стиснул его в объятиях, и у Максимова защемило сердце.

— А пока можете вздремнуть. Я обязательно вернусь.

Максимов забрался обратно в кузов и распластался рядом с двумя пьяными. Услышав в темноте шаги, он застонал и с трудом уселся.

— Коля, вставай, — сказал охранник, уходящий за бревнами. — Нужна твоя помощь. Мы нашли доски рядом с будкой стрелочника.

Максимов вместе с двумя охранниками принялся таскать доски и подкладывать их в грязь под колеса. Вернулся водитель с ведром воды для двигателя.

Через несколько минут появился Юровский.

— Ермаков со своими людьми впереди, совсем близко.

Грузовик с большим трудом завели снова, доски обеспечили необходимое сцепление. Меньше чем через полверсты у дороги ждала группа людей с факелами. Судя по крикам, почти все они были пьяны. Максимов узнал в свете фар Петра Ермакова. Юровскому приказали только привести в исполнение смертный приговор. Задача избавиться от трупов была возложена на товарища Ермакова. Этот рабочий Верх-Исетского завода так любил убивать, что его прозвали «товарищ маузер».

Кто-то крикнул:

— Почему вы не привезли их сюда живыми?

Максимов догадался, что Ермаков наверняка пообещал своим людям: «Ведите себя как подобает настоящим коммунистам, делайте так, как я скажу, и я разрешу вам поразвлечься с женщинами на глазах у батюшки-царя». Возможность утолить похоть на четырех девственницах оказалась достаточной побудительной причиной, чтобы его подручные выполнили все необходимые приготовления.

У кузова, накрытого брезентом, собралась толпа. В ночи потрескивали факелы. Один из людей Ермакова сдернул покрывало.

— Проклятие, как же воняет! — крикнул кто-то.

— Смрад царских особ, — ответил другой.

— Переносите трупы на подводы, — распорядился Юровский.

Кто-то проворчал, что не желает прикасаться к этой мерзости. Ермаков запрыгнул в кузов.

— Вытаскивайте трупы из грузовика, черт побери! У нас всего пара часов до рассвета, а работы еще полно.

Максимов понял, что Ермаков не из тех, с кем осмеливаются спорить. Его люди стали вытаскивать окровавленные свертки из кузова и бросать их на подводы. Подвод было всего четыре, и Максимов надеялся, что никто не будет считать количество трупов. Точное их число было известно одному только Юровскому, но комендант вместе с Ермаковым отошли в сторону. Остальные, кто присутствовал в доме Ипатьева, или были пьяны, или слишком устали, и им не было дела, сколько трупов — девять или одиннадцать.

Трупы освобождали от простыней и складывали на подводы. Максимов заметил, что люди Ермакова обшаривают карманы окровавленной одежды. Кто-то, кто принимал участие в расстреле, рассказал о находках в корсажах великих княгинь.

Но тут вернулся Юровский. Прогремел выстрел.

— Ничего этого не будет. Трупы разденем, перед тем как свалить в могилу. Но все, что найдете, передавайте мне. Тот, кто не подчинится, будет расстрелян на месте.

Никто не спорил.

На подводы все не поместилось, и решили, что грузовик провезет оставшиеся трупы дальше, сколько сможет. Максимов сидел на борту грузовика, медленно ползущего вперед, и смотрел на катящиеся позади подводы. Он понимал, что в каком-то месте жуткая процессия должна будет свернуть с дороги и углубиться в лес. Из обрывков разговоров он заключил, что в качестве братской могилы выбрана заброшенная шахта. Кажется, это место называлось урочищем Четырех братьев.

Еще минут двадцать грузовик тащился по дороге. Наконец машина остановилась, и Юровский выпрыгнул из кабины. Он подошел к Ермакову, который вел первую подводу. Схватив его за шиворот, комендант приставил ему к горлу револьвер.

— Дерьмо собачье! — воскликнул Юровский. — Проводник говорит, что не может отыскать дорогу к шахте. Вы были здесь не далее как вчера. И что, уже успели забыть? Ты надеешься, что мне это надоест и я оставлю трупы вам, чтобы вы их обокрали. Этому не бывать. Или ты отыщешь дорогу, или я тебя убью. Уверяю, Уральский совет меня поддержит.

Двое из расстрельной команды щелкнули затворами винтовок. Максимов последовал их примеру.

— Ну хорошо, товарищ, — спокойно произнес Ермаков. — Обойдемся без насилия. Я сам покажу дорогу.

Лорд увидел в глазах Василия Максимова слезы. Он представил себе, сколько раз старик мысленно прокручивал эти события.

— Мой отец служил в императорской гвардии. В начале шестнадцатого года его направили в Царское Село, нести караул в Александровском дворце, где жила царская семья. Дети хорошо знали его в лицо. Особенно цесаревич Алексей.

— Как получилось, что он попал в Екатеринбург? — спросила Акулина.

— К нему обратился Феликс Юсупов. Ему нужны были свои люди в Екатеринбурге. Большевики с радостью принимали бывших гвардейцев. Это делалось в пропагандистских целях, чтобы придать легитимность революции, показать, что самые преданные люди отвернулись от Николая. И многие действительно вступили на путь предательства, жалкие душонки, трясущиеся за свою шкуру, но были среди них и те, кого вербовали в качестве шпионов, и одним из них был мой отец. Он был лично знаком со многими вождями революции, и они гордились, что он примкнул к большевикам. На самом деле отец по чистой случайности оказался в Екатеринбурге именно в то время. И еще больше ему повезло, когда Юровский отобрал его для участия в расстреле.

Закончив обед, они сидели за столом на кухне.

— Похоже, ваш отец был храбрый человек, — заметил Лорд.

— Бесконечно храбрый. Он принес императору присягу и до последних дней остался верен этой клятве.

Лорду хотелось узнать больше об Алексее и Анастасии.

— Они остались в живых? — спросил он. — Что с ними случилось?

— Нечто чудесное. Но сначала произошло нечто ужасное.

Колонна углублялась все дальше в лес. Дорога превратилась в ухабистую тропинку, раскисшую от дождей. Продвижение замедлилось. Наконец грузовик застрял между деревьями, и Юровский решил продолжать путь на одних подводах. Трупы переложили на импровизированные носилки из кусков брезента. До урочища Четырех братьев оставалось не больше сотни шагов, и Максимов помог нести носилки с телом царя.

— Укладывайте всех на землю, — приказал Юровский, когда они вышли на поляну.

— Я полагал, старший здесь я, — возразил Ермаков.

— Ты был старшим, — не допускающим возражений тоном ответил комендант.

Развели костер. Трупы стали раздевать, а одежду бросали в огонь. Около тридцати пьяных мужчин беспорядочно суетились, мешая друг другу. Но Максимов был рад общему смятению, это помогало скрыть пропажу двух тел.

— Бриллианты! — вдруг завопил кто-то.

— Коля, пошли со мной, — приказал Юровский, проталкиваясь сквозь собравшуюся толпу.

Все сгрудились вокруг трупа женщины. Человек из группы Ермакова снова обнаружил драгоценности, зашитые в корсаж платья. Сжимая в одной руке наган, Юровский другой выхватил у пьяного крупный бриллиант.

— Грабежа не будет. Каждый, кто попытается присвоить драгоценности, будет расстрелян. Если вы убьете меня, Уральский совет сурово накажет виновных. А теперь

делайте, как я говорю. Раздевайте трупы, а все, что найдете, отдавайте мне.

— Чтобы ты оставил все это себе? — ехидно спросили из толпы.

— Эти драгоценности не мои и не ваши. Они принадлежат государству. Я передам все Уральскому совету. Такой у меня приказ.

— Пошел ты к такой-то матери, жид проклятый! — пробормотал кто-то.

В мерцающем свете костра Максимов увидел ярость, сверкнувшую в глазах Юровского. Он был достаточно знаком с прошлым этого человека и знал, что тот не любит, когда ему напоминают о его происхождении. Отец Юровского был стекольщик, мать — швея, и в семье у них было десять детей. Юровский рос в нищете и нужде. В партию большевиков он вступил после окончившейся неудачей революции 1905 года. За революционную деятельность его выслали из Екатеринбурга, но после Февральской революции он был избран в Уральский комитет и с тех пор выполнял все задания партии. Юровский больше не был евреем. Он стал верным большевиком. Человеком, в точности и беспрекословно выполнявшим любые приказы.

Первые лучи солнца осветили вершины тополей.

— Все свободны, — громко объявил Юровский. — Кроме тех, кто приехал со мной.

— Ты не посмеешь! — крикнул Ермаков.

— Или уходи по доброй воле, или я прикажу тебя расстрелять.

Щелкнули затворы винтовок, приклады уперлись в плечи. Четверо членов расстрельной команды немедленно откликнулись на зов коменданта. Остальные, похоже, поняли, что сопротивляться глупо. Может быть, они и смогли бы одолеть эту маленькую горстку людей, но Уральский совет не оставит предательство без наказания. Максимов несколько не удивился, когда пьяная толпа, ругаясь, двинулась в обратный путь.

Когда Ермаков со своими людьми ушел, Юровский засунул наган за ремень.

— Заканчивайте раздевать трупы.

Максимов и двое других принялись за работу, а еще двое стояли на страже. Опознавать тела было уже трудно, за исключением императрицы — она даже мертвая выделялась возрастом и внушительными размерами. У Максимова в груди все переворачивалось от сострадания к этим людям, которым он когда-то служил.

Еще в двух платьях нашли спрятанные драгоценности. Самая неожиданная находка обнаружилась в одежде императрицы — жемчужное ожерелье, зашитое в подкладку нижнего белья.

— Трупов всего девять, — вдруг пробормотал Юровский. — Где цесаревич и еще одна женщина?

Все молчали.

— Негодяи! Грязные, вонючие мерзавцы! — выругался комендант. — Должно быть, они спрятали трупы по дороге сюда, надеясь найти что-нибудь ценное. Вероятно, как раз сейчас они их обыскивают.

Максимов в мыслях облегченно вздохнул.

— Что будем делать? — спросил охранник.

Юровский не колебался ни мгновения.

— Ничего, черт побери. Мы доложим, что девять трупов были сброшены в шахту, а два сожжены. Закончив здесь, мы постараемся их найти. Всем понятно?

Максимов сообразил, что никому из присутствующих, а тем более самому Юровскому не хочется докладывать об исчезновении двух тел. Никакие оправдания не спасут от гнева

Уральского совета. Все молча согласились с комендантом.

Окровавленную одежду побросали в огонь, девять трупов уложили у черного квадратного отверстия в земле. Максимов заметил следы от корсажей на мертвых телах. На шеях у великих княгинь висели медальоны с портретами Распутина и молитвами. Вспомнив, какую красоту эти молодые женщины излучали при жизни, Максимов с грустью подумал, что после смерти ничего этого не осталось.

Один боец нагнулся к Александре Федоровне и потискал ей грудь.

Еще двое последовали его примеру.

— Теперь можно и помереть спокойно: я полапал императрицу, — объявил один, и все трое расхохотались.

Максимов смотрел на потрескивающее пламя, превращавшее материю в пепел.

— Сбрасывайте трупы вниз, — распорядился Юровский.

Первое тело подтащили к шахте и перевалили через край. Прошло несколько секунд, и из глубины донесся плеск.

Меньше чем через минуту все было кончено.

Василий Максимов шумно вдохнул и отпил из стакана маленький глоток водки.

— Потом Юровский сел на пень и позавтракал вареными яйцами. Два дня назад яйца привезли для цесаревича из женского монастыря, и Юровский распорядился обращаться с ними осторожно. Он прекрасно знал, что будет дальше. Набив брюхо, Юровский бросил в шахту несколько гранат, обваливая стены.

— Вы говорили, что произошло нечто чудесное, — напомнил Лорд.

Старик, смакуя, отпил еще глоток водки.

— Да, говорил.

Место захоронения покинули около десяти утра. Там был оставлен часовой, а Юровский поспешил доложить Уральскому совету о выполнении задания. К счастью, комендант не велел искать два пропавших тела.

Расстрельная команда получила приказ вернуться в город пешком, не привлекая внимания. Максиму это распоряжение показалось очень странным, учитывая, сколько человек участвовало в ночных событиях. Не могло быть и речи о том, что местонахождение захоронения сохранится в тайне, особенно если вспомнить взаимные оскорбления и соблазн найти драгоценности. Юровский особо подчеркнул, чтобы никто никому не рассказывал о случившемся, а вечером, как обычно, все должны явиться на службу в Ипатьевский дом.

Максимов сказал, что собирается возвращаться в город другим путем, чтобы по дороге проветрить голову. Вдалеке слышалась канонада. Товарищи предупредили Максимова, что белая армия всего в нескольких милях от Екатеринбурга, но он ответил, что ни один белый не пожелает встретиться с ним.

Максимов прождал еще добрых полчаса, прежде чем пуститься бегом по дороге, где ночью проезжал грузовик. При дневном свете он впервые хорошенько разглядел густой лес. Вскоре Максимов нашел будку железнодорожного обходчика, но не стал подходить к ней. Он сориентировался и вернулся к тому месту на дороге, где в грязь подкладывали доски.

Максимов огляделся по сторонам. Никого.

Он углубился в лес.

— Ваше высочество! Где вы? — громким шепотом спрашивал он. — Ваше высочество,

это я, Николай. Я вернулся.

Тишина.

Максимов шел дальше, раздвигая колючие кусты.

— Алексей Николаевич, я вернулся. Подайте голос. У нас мало времени.

Ответом ему было лишь щебетание птиц.

Он остановился на полянке. Вокруг росли старые сосны. Одна, уступив времени, лежала на земле, вывороченные корни напоминали безжизненные руки и ноги — зрелище, которое, сознавал Максимов, ему не суждено забыть до конца своих дней. Какой позор! Кто эти демоны, называющие себя представителями народа? Неужели то, что они предлагают России, лучше зла, с которым они якобы борются? Разве такое возможно, если начало настолько чудовищное?

Большевики обычно казнили пленных, пуская им пулю в затылок. Почему здесь все было сделано так варварски? Быть может, расправа над невинными красноречиво говорила о характере новой власти? И зачем такая строжайшая секретность? Если Николай II действительно был врагом государства, почему бы не рассказать во весь голос о его казни? Ответ на последний вопрос был очевиден: никто и никогда не оправдает кровавое избиение женщин и детей.

Это было ужасно.

Позади послышался хруст.

Рука Максимова метнулась к нагану, засунутому за ремень. Обхватив пальцами рукоятку, он стремительно развернулся.

И направил дуло револьвера на нежное, почти ангельское лицо Алексея Романова.

Мать называла его «крошкой» и «солнышком». Он был центром внимания всей семьи. Умный, добрый ребенок, не лишенный упрямства. Максимов слышал, как во дворце поговаривали о невнимательности цесаревича, о его нелюбви к учебе, об увлечении народной русской одеждой. Капризный и избалованный, наследник однажды приказал гвардейскому взводу отправиться строевым шагом напрямик в море, и его отец нередко шутил на тему, переживет ли Россия правление Алексея Грозного.

Но теперь мальчик стал царем. Милостью Божьей преемником, защищать которого дал клятву Максимов.

За спиной Алексея стояла его сестра, во многом похожая на брата. Ее упрямство было легендарным, высокомерие выходило за рамки терпимости. Лоб Анастасии был окровавлен, платье порвано. В прорехах виднелся корсаж. Дети были перепачканы кровью и грязью, от них исходил запах смерти.

Но они были живы.

Лорд не мог поверить своим ушам, но старик говорил так убежденно, что сомневаться в его словах было невозможно. Двоим Романовым удалось выжить в екатеринбургской бойне, и все благодаря мужеству одного человека. Многие высказывали предположения о счастливом обороте событий, полагаясь на скудные свидетельства и безудержное воображение.

Но это была самая настоящая правда.

— С наступлением темноты мой отец отвел детей обратно в Екатеринбург. На окраине города его ждали люди, готовые помочь. Они переправили Алексея и Анастасию на восток. Чем дальше от Москвы, тем лучше.

— А почему детей не передали белой армии? — спросил Лорд.

— Зачем? Белые не были монархистами. Они ненавидели Романовых не меньше, чем большевики. Николай ошибочно верил, что белые принесут ему спасение, а на самом деле они, наверное, тоже расправились бы с царской семьей. В восемнадцатом году Романовы не были нужны никому, за исключением маленькой горстки верных.

— Тех, на кого работал ваш отец?

Максимов кивнул.

— Кто были эти люди?

— Понятия не имею. Этого мне никогда не говорили.

— И что произошло с детьми дальше? — спросила Акулина.

— Мой отец спас их от Гражданской войны, которая бушевала еще целых два года. Увез их за Урал, далеко в Сибирь. Затеряться там было очень просто. В лицо Алексея и Анастасию не знал никто, кроме петербургских придворных, а их к тому времени почти никого не осталось в живых. Старая одежда и грязные лица изменили внешность до неузнаваемости.

Помолчав, Максимов глотнул водки.

— Некоторое время дети жили в Сибири вместе с теми, кто был посвящен в план, а потом перебрались во Владивосток, на Тихий океан. Оттуда их куда-то вывезли. Куда? Понятия не имею. Это следующий этап вашего пути, в который я не посвящен.

— В каком состоянии ваш отец обнаружил детей? — спросил Лорд.

— Алексея пули даже не задели. Его надежно прикрыло тело отца. Анастасия была ранена, но она выздоровела. На обоих были надеты корсеты с драгоценностями, чтобы уберечь их от воров. Николай и Александра Федоровна надеялись, что этими средствами можно будет воспользоваться впоследствии. Но, как выяснилось, это спасло жизнь их детям.

— Это, а также поступок вашего отца.

— Он был замечательным человеком, — кивнул Максимов.

— Что с ним случилось? — спросила Акулина.

— Вернувшись сюда, отец дожил до глубокой старости. Чистки обошли его стороной. Он умер тридцать лет назад.

Лорд подумал про Якова Юровского. Жизнь обошлась с главным палачом далеко не так милостиво. Юровский умер через двадцать лет после той ночи в Екатеринбурге, тоже в июле, от кровоточащей язвы. Но перед этим Сталин сослал в лагеря его дочь. Старый партийный боец не смог ей помочь. Никому не было дела до того, что именно он убил царя. На смертном одре Юровский сокрушался о своей судьбе. Но Лорд понимал, как такое могло случиться. Снова Библия. Послание к Римлянам, 12:19. «Мне отмщение, и аз воздам».

— Что будем делать дальше? — спросил Лорд.

Максимов пожал плечами.

— всю необходимую информацию вы получите от моего отца.

— Но как такое возможно?

— Она запечатана в металлической шкатулке. Мне не позволили даже одним глазком взглянуть на то, что в ней. Я должен был лишь передать сообщение тому, кто придет и произнесет нужные слова.

Лорд был окончательно сбит с толку.

— И где эта шкатулка?

— Когда отец умер, я одел его в парадный мундир императорской гвардии и положил

шкатулку в гроб. Она пролежала тридцать лет у него на груди.

Лорду совсем не понравилось, что из этого следовало.

— Да, Ворон. Мой отец ждет вас в своей могиле.

Стародуб

16 часов 30 минут

На глазах у Хейеса Феликс Орлегов вышиб хлипкую деревянную дверь. Грузный русский следователь тяжело дышал, выпуская в морозный сухой воздух облачка пара. Вывеска на кирпичной стене гласила: «Кафе «Снежинка». Хозяин Иосиф Максимов».

Все соседние магазины и кафе на пустынной улице были закрыты. Сталин и Хейес вслед за Орлеговым вошли в «Снежинку». Стемнело час назад; дорога на машине от Москвы до Стародуба заняла почти пять часов. «Тайная канцелярия» решила, что организованная преступность лучше всего справится с этой проблемой, и Сталин получил полную свободу действий.

Первым делом они направились в дом Иосифа Максимова на окраине города. Местная милиция была в курсе и с утра вела наблюдение за домом. Все были уверены, что Максимов там, однако его жена сообщила, что он ушел к себе в кафе, чтобы заняться делами. Свет в одном окне подарил надежду, и Сталин перешел к действиям.

Прищуренный и Кроманьонец присматривали за вторым выходом из кафе. Вспомнив прозвища, которые Лорд дал убийцам, покушавшимся на него, Хейес пришел к выводу, что они подходят как нельзя лучше. Ему рассказали, как Прищуренного под дулом пистолета вывели из московского цирка, как тот убил своего конвоира и что личность последнего до сих пор не установлена. Оставалось неясным, был ли убитый как-то связан с неким «священным отрядом», который предположительно возглавлял Семен Пашенко. История принимала странный оборот, но больше всего Хейеса тревожило, насколько серьезно относились ко всему этому русские. Этих людей мало что могло вывести из себя.

Из двери в глубине помещения появился Орлегов. Он крепко держал мужчину с косматыми рыжими волосами и усами. Следом за ними вышли Прищуренный и Кроманьонец.

— Собирался смыться через черный ход, — объяснил Орлегов.

Сталин указал на дубовый стул.

— Усадите его здесь.

Хейес обратил внимание на знак, который Сталин украдкой подал своим подручным, и те, похоже, его прекрасно поняли. Громилы прикрыли выбитую входную дверь и расположились у окон с оружием наготове. Час назад Орлегов посоветовал местной милиции держаться в стороне, и та подчинилась приказу московского следователя. Хрущев, воспользовавшись связями в правительстве, известил власти Стародуба, что в городе будет проводиться спецоперация, поэтому вмешательства с их стороны тоже можно было не опасаться.

— Господин Максимов, — сказал Сталин, — все очень серьезно. И я хочу, чтобы вы это поняли.

Хейес внимательно следил за хозяином кафе. У того на лице не мелькнуло ни тени страха.

— Вчера сюда заходили мужчина и женщина. Помните?

— У меня в кафе бывает много посетителей.

Ответ был наполнен презрением.

— Не сомневаюсь. И все же, смею предположить, черномазые посещают ваше заведение нечасто.

Коренастый русский выпятил подбородок.

— Пошел к такой-то матери!

Сталин не отреагировал на оскорбление. Он молча подал знак, Прищуренный с Кроманьонцем схватили Максимова и бросили на дощатый пол.

— Поищите, чем развлечься, — распорядился Сталин.

Пока Кроманьонец держал Максимова, Прищуренный скрылся в подсобном помещении. Орлегова послали охранять черный ход. Следователь всеми силами стремился избежать активного участия в происходящем, и Хейес тоже считал, что так будет лучше. Как знать, быть может, в ближайшем будущем им снова придется обратиться за помощью к милиции, а Орлегов уже показал себя в деле.

Прищуренный вернулся с мотком изоленды. Он туго связал Максимова запястья. Кроманьонец рывком поднял хозяина кафе с пола и толкнул его на шаткий дубовый стул. Максимова обмотали изолентой грудь и ноги, крепко привязав его к стулу. Залепили рот.

— А теперь, господин Максимов, — сказал Сталин, — я расскажу, что нам известно. Вчера сюда заходили некий американец по имени Майлз Лорд и русская женщина Акулина Петрова. Они спрашивали вас о Николае Максимове, человеке, о котором вы, по вашим словам, отродясь не слышали. Я хочу знать, кто такой этот Николай Максимов и почему Лорд и женщина его ищут. Вам известен ответ на мой первый вопрос, и я убежден, что у вас есть ответ и на второй.

Максимов покачал головой.

— Очень неразумное решение, господин Максимов.

Оторвав от мотка короткую полоску изоленды, Прищуренный протянул ее Сталину. Похоже, они не в первый раз проделывали такое. Смахнув с загорелого лба прядь волос, Сталин нагнулся к Максимова и налепил изоленту ему на нос.

— Если я плотно сожму изоленту, нос ваш окажется закупорен. У вас в легких останется немного воздуха, но совсем ненадолго. Через считанные минуты вы задохнетесь. Хотите попробовать?

Сталин крепко прилепил изоленту к коже.

Эта изолента использовалась для герметизации вентиляционных труб и не пропускала воздух. Глаза у Максимова вылезли из орбит. Кожа, быстро сменив несколько оттенков, наконец остановилась на пепельно-сером. Пленник беспомощно качался на стуле, тщетно пытаясь дышать, но Кроманьонец крепко удерживал его сзади.

Сталин небрежным движением отлепил изоленту от рта Максимова. Несчастный тотчас же судорожно глотнул воздух.

— Пожалуйста, ответьте на мои вопросы, — сказал Сталин.

Максимов лишь шумно дышал.

— Вижу, господин Максимов, храбрости вам не занимать. Правда, я не знаю, ради чего вы себя так ведете. Но мужество ваше достойно восхищения.

Сталин помолчал.

— Когда мы приходили к вам, ваша жена пригласила нас в дом. Такая очаровательная женщина. Мы мило поговорили, и она рассказала, где вас найти.

Наконец у Максимова на лице мелькнул страх.

— Не беспокойтесь, — продолжал Сталин, — с ней все в порядке. Она считает, что мы работаем на правительство и проводим здесь официальное расследование. И только. Но я вас уверяю, что та процедура, которую мы проделали с вами, так же прекрасно действует и на женщин.

— Проклятая мафия!

— Мафия тут ни при чем. Все гораздо серьезнее, и вы, полагаю, это прекрасно понимаете.

— В любом случае вы меня убьете.

— Но я даю слово, если вы расскажете то, что я хочу знать, вашу жену никто пальцем не тронет.

Рыжеволосый русский задумался.

— Вы верите мне? — невозмутимо спросил Сталин.

Максимов ничего не сказал.

— Если вы будете и дальше молчать, пусть у вас не остается сомнений: я пошлю людей за вашей женой. Ее привяжут к соседнему стулу, и вы увидите, как она умрет от удушья. После чего, наверное, я подарю вам жизнь, чтобы вас до самой смерти мучили воспоминания.

Сталин говорил со спокойной решимостью, словно вел деловые переговоры. На Хейеса произвело впечатление, с какой легкостью этот красивый мужчина, одетый в джинсы от Армани и кашемировый свитер, сеял ужас.

— Николая Максимова давно нет в живых, — наконец сказал Максимов. — Его сын Василий живет в деревне, километрах в десяти к югу от города по шоссе. Я не знаю, зачем Лорд искал Николая. Василий приходится мне двоюродным дядей. Наша семья всегда держала кафе в городе, с указанием фамилии на вывеске. Так попросил нас Василий, и я выполнил его просьбу.

— Господин Максимов, я полагаю, вы лжете. Вы, случайно, не член «священного отряда»?

Максимов молчал. Судя по всему, существовали пределы его готовности сотрудничать.

— Нет. В этом вы ни за что не признаетесь. Вы принесли присягу царю.

— Спросите у Василия, — сверкнул глазами Максимов.

— Обязательно спрошу, — сказал Сталин и подал знак своим подручным.

Прищуренный снова залепил Максиму рот изолентой.

Русский задергался на стуле. От его попыток освободиться стул с грохотом рухнул на пол.

Через минуту страдания Максимова закончились.

— Настоящий мужчина, встал на защиту жены, — заметил Сталин, глядя на труп. — Таким можно только восхищаться.

— Вы сдержите слово? — поинтересовался Хейес.

Сталин бросил на него взгляд, проникнутый искренней обидой.

— Разумеется. За кого вы меня принимаете?

18 часов 40 минут

Свернув с раскисшей грунтовой дороги, Лорд оставил машину в лесу. Прохладные сумерки перешли в холодную безлунную ночь. Лорда не радовала необходимость раскапывать захоронение, сделанное больше тридцати лет назад, но выбора не было. Теперь он поверил, что двоим Романовым удалось спастись. Смогли ли они впоследствии добраться до безопасного места и завести потомство — это уже другой вопрос, и, похоже, существовал только один способ найти на него ответ.

Василий Максимов предоставил две лопаты и фонарик с севшими батарейками. Кладбище обнаружилось в тридцати километрах от Стародуба; в окружении высоких тополей стояла старая каменная церквушка, где изредка отпевали покойников.

— Кладбище должно быть где-то впереди, — сказал Лорд, когда они с Акулиной вышли из машины. — Думаю, туда ведет эта тропинка.

Они приехали на «мерседесе» Иосифа Максимова. Сам он обещал вернуться вечером на их машине. В шесть его еще не было, и Василий отправил их одних. Он сказал, что все объяснит племяннику и они будут ждать их возвращения. Похоже, старику тоже не терпелось узнать, какую тайну столько лет хранил его отец. Василий предупредил, что должен передать еще кое-что, но только после того, как им станет известно то, что знал его отец. Это была еще одна мера предосторожности, которой Василий собирался поделиться с племянником. Он давно готовил Иосифа к тому, что ему предстоит принять на себя обязанности хранителя тайны.

Лорд был в куртке и кожаных перчатках, захваченных из Атланты, в теплых шерстяных носках. Наконец-тогодились джинсы — единственный предмет повседневной одежды, привезенный в Россию. Свитер он пару недель назад купил в Москве. Лорд привык жить в мире строгих костюмов и галстуков, для простой одежды оставались только воскресные вечера, однако в последние несколько дней все круто изменилось.

Максимов снабдил их средством самозащиты — старым карабином, место которому было в антикварной лавке. Максимов показал, как его заряжать и как стрелять. Он предупредил, что по ночам в лесах бродят медведи, особенно в это время года, когда они готовятся к зимней спячке. Лорд совсем не разбирался в оружии, ему приходилось стрелять лишь несколько раз, когда он работал в Афганистане. Ему стало очень неуютно от сознания того, что теперь он вооружен, но гораздо больше тревоги внушала перспектива встречи с голодным медведем. И тут его удивила Акулина. Она с готовностью вскинула карабин к плечу и всадила три пули в дерево, стоящее в пятидесяти ярдах. Еще один бабушкин урок, объяснила Акулина. И Лорд был этому рад. По крайней мере один из них знал, что делает.

Майлз достал с заднего сиденья лопаты и фонарик. Там же лежали сумки с вещами. Они с Акулиной собирались, возвращаясь с кладбища, заглянуть к Василию Максиму и сразу же трогаться в обратный путь. Куда именно — еще неясно, но для себя Лорд решил, что, если здесь они зайдут в тупик, он поедет на машине на юго-запад до Киева, откуда первым же рейсом вылетит в Соединенные Штаты. И уже из своей квартиры в Атланте позвонит Тейлору Хейесу.

— Пошли, — сказал Лорд. — Давайте поскорее закончим с этим.

Вокруг поднимались высокие черные колонны тополей. Листья шелестели на пронизывающем ветру. Фонариком Лорд пользовался лишь время от времени, стараясь сберечь батарейки до того момента, когда придется раскапывать могилу.

Среди деревьев показался просвет. Лорд и Акулина увидели высокие, в духе Старого Света, надгробия. Даже в темноте заметно, что большинство могил заброшены. Все вокруг покрыто коркой льда. Черное небо предвещало новый дождь. Ограда отсутствовала — тропинка просто перешла в проход между рядами надгробий. Лорд явственно представил себе траурную процессию во главе со строгим священником в черной рясе, идущую по дорожке. Могильщики несут деревянный гроб, а в черной земле ждет прямоугольная яма.

Посветив по сторонам фонариком, Лорд обнаружил, что все могилы заросли сорняками. Тут и там надгробия покосились или даже упали. Почти все могильные камни были увиты плющом. Лорд провел тусклым лучом по надписям на надгробиях. Некоторые похороненные на кладбище люди умерли больше двухсот лет назад.

— Максимов сказал, что могила его отца — самая дальняя от дороги, — произнес Лорд, увлекая Акулину в глубь кладбища.

Земля была сырой от дождя, прекратившегося только под самый вечер. Лорд подумал, что это облегчит работу.

Наконец они нашли нужную могилу.

Лорд прочитал эпитафию под именем «Николай Максимов».

«ПРЕТЕРПЕВШИЙ ЖЕ ДО КОНЦА СПАСЕТСЯ».

Акулина сняла карабин с плеча.

— Похоже, мы на верном пути.

Лорд вручил ей лопату.

— Давайте проверим.

Земля, мягкая и рассыпчатая, резко пахла торфом. Василий сказал, что дубовый гроб должен лежать близко к поверхности. У русских принято хоронить покойников именно так, и Лорд надеялся, что старик не ошибся.

Акулина начала от каменного надгробия, а Лорд принялся за работу с противоположной стороны. Он решил сначала просто вырыть глубокую яму и выяснить, много ли им придется копать. Приблизительно через три фута лопата ударилась обо что-то твердое. Расчистив землю, Лорд увидел деревянные доски, полусгнившие и расщепленные.

— Похоже, выгнать гроб не удастся, — заметил он.

— Из чего следует, что тело в ужасном состоянии.

Они продолжали копать, снимая слой за слоем, и через двадцать минут открылся темный прямоугольник.

Лорд посветил фонариком.

Сквозь щели в крышке виднелось тело. Лорд доломал лопатой истлевшие доски и открыл гроб.

Николай Максимов был одет в парадный мундир императорской гвардии. Тусклый луч фонарика выхватил уцелевшие цветные пятна: матово-красные, темно-синие, бывшие когда-то белыми, но потемневшие от влаги. Латунные пуговицы и позолоченная пряжка на ремне сохранились хорошо, но от брюк и кителя остались только лоскутья.

Тело время тоже не пощадило. Мягкие ткани на лице и руках истлели. Пустые глазницы смотрели невидящим взором, обнажились стиснутые зубы. Как и сказал Василий,

безжизненные руки его отца сжимали металлическую шкатулку.

Лорд ожидал встретить трупный смрад, однако из открытого гроба пахло только терпким запахом сырой земли и лишайников. Лопатой Лорд раздвинул высохшие руки. Из рукава кителя выползли два жирных земляных червя. Акулина достала находку и бережно положила ее на землю. Металл снаружи потемнел. Лорд решил, что это бронза, не боящаяся сырости. Он обратил внимание, что шкатулка заперта на замок.

— А она тяжелая, — сказала Акулина.

Лорд опустил на корточки и взял шкатулку в руки. Внутри что-то перекатывалось. Лорд взял лопату.

— Отойдите в сторону.

Он ударил штыком лопаты по замку. Ему потребовалось проделать это трижды, чтобы оторвать защелку. За деревьями скользнули пятна света. Лорд увидел вдалеке четыре ярких точки — фары двух машин, быстро приближающихся по дороге, у которой они оставили «мерседес». Фары погасли приблизительно там, где стояла их машина.

— Погасите фонарик, — велел Лорд. — Быстро уходим.

Отбросив лопату, он схватил шкатулку. Акулина подняла с земли карабин.

Они углубились в лес. Одежда сразу же промокла от сырой листвы; Лорд на всякий случай старался не трясти шкатулку. Они медленно продвигались к машине, обходя кладбище. Усилившийся ветер стучал ветвями деревьев.

Вдалеке вспыхнули два фонарика.

Лорд и Акулина спрятались в густых кустах. На тропинке, ведущей от дороги, появились четыре фигуры. Три человека держались прямо и уверенно. Четвертый едва плелся, сгорбившись. Лорд различил лицо Прищуренного. Луч фонарика высветил одутловатые черты следователя Феликса Орлегова. Когда они подошли ближе, в третьем силуэте Лорд узнал Кроманьонца, а последним был Василий Максимов.

— Господин Лорд, — громко окликнул по-русски Орлегов, — нам известно, что вы здесь. Будьте добры, не создавайте ненужных сложностей.

— Кто это такой? — шепнула Лорду на ухо Акулина.

— Серьезная проблема, — ответил он.

— Тот, что с фонариком, был тогда в поезде, — продолжала Акулина.

— Они оба там были.

Лорд посмотрел на карабин.

— По крайней мере, мы вооружены.

Все четверо прошли к разрытой могиле, освещая дорогу фонариками.

— Это здесь был похоронен ваш отец? — спросил Орлегов.

Василий Максимов подошел к каменному надгробию. Порыв ветра заглушил слова, и Лорд не разобрал, что ответил старик. Но зато он очень хорошо услышал, как Орлегов крикнул:

— Лорд, выходи, иначе я убью старика. Выбор за тобой.

Лорду захотелось выхватить у Акулины карабин и броситься вперед, однако все трое, несомненно, были вооружены и умели постоять за себя. Он же, напротив, был напуган до смерти и не собирался рисковать жизнью из-за пророчества какого-то шарлатана, убитого сто лет назад. Но прежде чем Лорд определился с выбором, Василий Максимов принял решение за него.

— Ворон, обо мне не беспокойся. Я готов.

Старик побежал обратно к машинам. Бандиты остались на месте, но Прищуренный поднял руку, и Лорд разглядел очертания пистолета.

— Ворон, если ты меня слышишь, — что есть силы крикнул Максимов, — Русский холм!

Ночную тишину разорвал треск выстрела, и старик рухнул на землю.

У Лорда перехватило дыхание; он почувствовал, как напряглась Акулина. Кроманьонец подошел к труп, спокойно взял его за руки и, оттащив к раскопанной могиле, сбросил в яму.

— Надо уходить, — прошептал Лорд.

Акулина не возражала.

Прячась за деревьями, они вышли к трем машинам на дороге.

Со стороны кладбища послышался топот.

Бежал только один человек.

Лорд и Акулина присели на корточки в кустах у самой обочины.

Появился Прищуренный с фонариком в руке. В темноте звякнул ключ, открылся багажник. Лорд выскочил из зарослей. Услышав его шаги, Прищуренный поднял голову и обернулся. Лорд со всей силой ударил его по голове металлической шкатулкой.

Прищуренный свалился на землю.

Убедившись, что он без сознания, Лорд заглянул в багажник. В тусклом свете он увидел мертвый взгляд Иосифа Максимова.

Как там сказал Распутин? «Двенадцать человек должны будут умереть, прежде чем возрождение полностью завершится». Мать Божья, вот и еще двое.

Подойдя к Лорду, Акулина тоже увидела труп.

— О господи, — пробормотала она, — неужели оба?

— У нас нет на это времени. Садитесь в машину.

Лорд протянул ей ключи.

— Не хлопайте дверью. И двигатель не заводите, пока я не скажу.

Он отдал Акулине шкатулку и забрал у нее карабин.

Кладбище от дороги отделяло ярдов пятьдесят, тропинка раскисла от грязи. Ходить по ней не слишком удобно, особенно в темноте. Кроманьонец и Орлегов наверняка прочесывают лес, а Прищуренного отправили за вторым трупом — разрытая могила самое подходящее место, чтобы его спрятать. Там даже остались лопаты. Однако скоро убийцы хватятся своего товарища.

Дослав патрон в патронник, Лорд прицелился в правое заднее колесо одной машины и выстрелил. Быстро передернув затвор, он прострелил переднее колесо другой машины, бегом вернулся к «жигулям» и запрыгнул в салон.

— А теперь заводите, живо.

Акулина повернула ключ в замке зажигания, включила первую передачу. Машина рванула с места, пошла юзом по грязи, но выровнялась и выехала на узкую дорогу.

Акулина втопила педаль газа в пол, и они понеслись в ночь.

Быстро отыскав шоссе, они повернули на юг. Первый час оба молчали. Радость спасения была приправлена горьким сознанием того, что ради этого погибли два человека.

Начался дождь. Казалось, даже небо разделяет скорбь.

— Не могу поверить, что это происходит на самом деле, — наконец промолвил Лорд, обращаясь не столько к Акулине, сколько к себе самому.

— Должно быть, профессор Пашенко сказал правду.

Лорд хотел услышать совсем другое.

— Сверните на обочину. И остановитесь.

Вдоль дороги тянулись черные поля и густые леса. На протяжении многих миль не встретилось ни одного дома. Никто не догонял их, и за все время навстречу проехало всего три машины.

Акулина выкрутила руль влево.

— Что вы задумали?

— Хочу узнать, стоила ли игра свеч.

Он положил покрытую грязью шкатулку на колени. Замок был разбит лопатой, на дне появилась вмятина от удара по голове Прищуренного. Освободив защелку, Лорд осторожно поднял крышку и осветил фонариком.

Первым, что он увидел, был блеск золота.

Лорд взял в руку слиток размером с шоколадный батончик. За тридцать лет под землей благородный металл нисколько не потускнел. На слитке были отчеканены номер и вензель «Н» с двуглавым орлом. Клеймо Николая II. Лорд много раз видел его на фотографиях. Слиток был тяжелый, фунтов пять. Если он правильно помнил нынешнюю стоимость унции золота, слиток стоил около тридцати тысяч долларов.

— Это золото из императорской казны, — сказал Лорд.

— Откуда вы знаете?

— Знаю.

Еще в шкатулке лежал маленький полуистлевший матерчатый мешочек. Потрогав его, Лорд определил, что когда-то это был бархат. В тусклом свете фонарика ткань казалась темно-синей или бордовой. Внутри прощупывалось что-то твердое и совсем маленькое. Передав фонарик Акулине, он разорвал материю.

В мешочке оказались тонкий лист золота с выгравированными буквами и латунный ключ. На ключе было выбито «ПКБ 716». Надпись на золоте была выполнена кириллицей. Лорд прочитал ее вслух:

«Золото используйте по своему усмотрению. Вам могут потребоваться деньги, а ваш царь понимал свой долг. Этот лист также следует переплавить и обратить в наличные. С помощью ключа вы откроете следующую дверь. Ее местонахождение уже должно быть вам известно. Если нет, ваш путь обрывается здесь. Только адский колокол сможет указать дорогу дальше. Ворону и Орлу: удачи вам, и да хранит вас Господь! Чужому человеку, случайно наткнувшемуся на это послание: да будет сатана навеки твоим товарищем!»

— Но мы ведь не знаем, где находится следующая дверь, — заметила Акулина.

— Может быть, и знаем.

Она недоуменно уставилась на него.

У Лорда в ушах отчетливо звучали последние слова Василия Максимова, которые он успел выкрикнуть перед смертью.

«Русский холм».

Он мысленно пролистал все, что прочитал за многие годы. Во время Гражданской войны в России, с 1918 по 1920 год, белое движение усиленно финансировали американские, британские и японские капиталисты. Большевиков считали смертельной угрозой, поэтому золото, оружие и другие припасы поставляли в Россию через Владивосток, порт на Тихом океане. Максимов сказал, что спасшихся Романовых

переправили на восток, подальше от наступающей Красной армии. А Владивосток как раз находится на восточной оконечности России. Тем же путем бежали тысячи русских людей — одни спасались от красных, другие мечтали начать новую жизнь, третьи просто поддались общему порыву. Западное побережье Соединенных Штатов стало не только центром притяжения беженцев, но и основным каналом, через который осуществлялась поддержка белой армии до тех пор, пока ее в конце концов все-таки не разгромили красные под руководством Ленина.

Лорд снова услышал предсмертный крик Василия Максимова.

К северу от него находится Норт-Бич, к югу — Ноб-Хилл. Склоны его застроены красивыми старинными особняками, кафе, дорогими магазинами. Сейчас это преуспевающий район преуспевающего города. Но в самом начале девятнадцатого века именно здесь были похоронены несколько русских купцов, промышлявших пушниной. В то время на этих скалистых берегах жили только индейцы мивок и олони. Прошло много десятилетий, прежде чем тут обосновались белые. Однако предание о кладбище осталось в названии места.

Русский холм. Рашен-Хилл.

Сан-Франциско, штат Калифорния.

Америка.

Вот куда переправили детей Николая II.

Лорд поделился своими соображениями с Акул иной.

— Это логичное предположение, — утверждал он. — Соединенные Штаты — большая страна. Двум подросткам ничего не стоило затеряться на ее просторах, и ни у кого не возникло бы вопросов по поводу того, кто они такие. Американцы почти ничего не знали о семье российского императора. Никому до нее не было дела. Если Юсупов действительно был так умен, как кажется, он наверняка поступил именно так.

Взяв ключ, он посмотрел на выбитую на нем надпись.

— «ПКБ 716». Хотите знать мое мнение? Это ключ к сейфу в сан-францисском банке. Когда мы туда попадем, надо будет выяснить, в каком именно, а дальше надеяться, что банк по-прежнему существует.

— Возможно ли такое?

— В Сан-Франциско много старых, проверенных временем банков. Так что надежда есть. И даже если банк закрылся, сейфы могли передать его правопреемнику.

Лорд помолчал.

— Василий говорил, что у него для нас есть еще какая-то информация, которую он сообщит после того, как мы вернемся с кладбища. Готов поспорить, он должен был сказать, что следующая точка пути — Сан-Франциско.

— Но ведь Максимов сказал, что не знает, куда переправили детей.

— Тут его слову нельзя верить. Вполне возможно, он умышленно сказал неправду, собираясь дожидаться, пока мы достанем шкатулку. Теперь наша задача заключается в том, чтобы найти этот адский колокол — чем бы это ни оказалось.

Лорд взвесил на руке золотой слиток.

— К сожалению, сейчас от этого богатства никакого толку. Мало кто может похвастаться золотом из царской казны. Похоже, Акулина, вы были правы. И профессор Пашенко тоже. Простой русский крестьянин давным-давно переплавил бы такое сокровище, если только оно не представляло для него особой ценности в первоначальном виде.

Несомненно, Николай Максимов относился к этому серьезно. Как и Василий с Иосифом. Ради этого они без колебаний пошли на смерть.

Некоторое время он задумчиво смотрел в темноту за окном.

— Вы знаете, где мы находимся? — спросил он.

Акулина кивнула.

— У самой границы с Украиной, Россия здесь кончается. Это шоссе ведет в Киев.

— Далеко еще до него?

— Километров четыреста. Может быть, чуть меньше.

Лорд вспомнил, как перед отъездом в Москву его предупредили в государственном департаменте о том, что пограничный контроль на границе России и Украины отсутствует. Оказалось слишком дорогостоящим делом оборудовать столько контрольно-пропускных пунктов, а поскольку на Украине живет много русских, устройство настоящей границы сочли ненужной роскошью.

Лорд взглянул в зеркало заднего вида. Позади в часе езды остались Прищуренный, Кроманьонец и Феликс Орлегов. Впереди дорога была свободна.

— Едем. В Киеве сядем на самолет.

Москва

Понедельник, 18 октября

2 часа 00 минут

Хейес обвел взглядом лица пятерых мужчин, собравшихся в отделанном деревом зале. Это было то самое помещение, где они встречались на протяжении последних семи недель. Сейчас «тайная канцелярия» присутствовала в полном составе — Сталин, Ленин, Брежнев, Хрущев и священник, которого патриарх Адриан назначил своим специальным представителем. Это был невысокий мужчина с жесткой всклокоченной бородой и слезящимися зелеными глазами. У него хватило ума скрыть принадлежность к церкви и переодеться в обычный костюм. Остальные сразу же окрестили его обидным прозвищем «Распутин».

Потребовалось меньше часа, чтобы поднять всех среди ночи. Ставки слишком высоки, ждать до утра нельзя. Хейес с удовлетворением отметил, что хозяин встречи позаботился о еде и напитках. На столике стояли блюда с нарезанной рыбой и колбасой, вазочки с вареными яйцами, фаршированными красной и черной икрой, коньяк, водка и кофе.

Хейес рассказал, что произошло в Стародубе. Двое мертвых Максимовых, и никакого продвижения вперед. Оба русских оказались крепкими орешками. Иосиф Максимов просто указал на своего двоюродного дядю Василия, а старик привел к могиле. Однако он так ничего и не сказал, если не считать крика, обращенного к Ворону.

— Это была могила Николая Максимова, — объяснил Сталин. — Василий Максимов приходился ему сыном. Николай до революции служил в императорской гвардии. Он перешел на сторону большевиков и в день расстрела царской семьи находился в Екатеринбурге. Максимова нет в списке тех, кто участвовал в казни, но это ровным счетом ничего не значит. Никто и никогда его не допрашивал. Николай Максимов был похоронен в военной форме, но это не форма Советской армии. Полагаю, это парадный мундир императорской гвардии.

— Определенно, вашему мистеру Лорду было что-то нужно в этой могиле, — сказал Брежнев Хейесу. — И он это что-то получил.

Прошлой ночью Хейес и Сталин лично ездили на кладбище осматривать могилу после того, как вернувшиеся подручные доложили им о случившемся. Они там ничего не нашли, и двух Максимовых закопали вместе с их предком.

— Василий Максимов повез их на кладбище, чтобы обратиться к Лорду, — заметил Хейес. — Думаю, он согласился только ради этого.

— Почему вы так думаете? — спросил Ленин.

— Судя по всему, этот человек был верен долгу. Он ни за что бы не рассказал про могилу, если бы ему не нужно было что-то сообщить Лорду. Он понимал, что умрет. И хотел перед смертью до конца выполнить свой долг.

Хейес начинал терять терпение.

— Вы не могли бы объяснить, что все это значит? Мне приходится мотаться по всей стране, убивая людей, однако я понятия не имею почему. Что ищут Лорд и эта женщина?

Неужели кто-то из Романовых выжил в Екатеринбурге?

— Согласен, — подхватил Распутин. — Я тоже хочу знать, что происходит. Мне сказали, что ситуация под контролем. И никаких проблем быть не может. Но вижу, вы чем-то очень встревожены.

Брежнев с силой опустил стакан на столик.

— Ходят слухи, что кто-то из членов царской семьи не был расстрелян. По всему миру то тут, то там появлялись великие княжны и цесаревичи. После того как в двадцатом году Гражданская война закончилась, Ленин укрепился в мысли, что кто-то из Романовых остался в живых. Он узнал, что Феликсу Юсупову якобы удалось спасти по крайней мере одного. Однако убедиться в этом наверняка Ленин так и не смог, его здоровье резко ухудшилось, прежде чем он успел что-либо выяснить.

Хейес по-прежнему был настроен скептически.

— Юсупов убил Распутина. Николай и Александра Федоровна люто возненавидели его за это. Зачем ему понадобилось связываться с царской семьей?

— Юсупов был в высшей степени неординарной личностью, — ответил Хрущев. — Его увлекали внезапные идеи. Распутина Юсупов убил, повинаясь сиюминутному порыву, уверенный, что вырывает царскую семью из рук дьявола. Любопытно, что в качестве наказания его просто сослали в собственное поместье в Центральной России. И это спасло Юсупову жизнь, поскольку его не было в Петрограде во время Февральской, а затем и Октябрьской революции. Тогда погибли многие члены царской семьи.

Хейес неплохо знал историю России: судьба императорской семьи представляла собой увлекательное чтение, позволявшее скоротать время в долгих трансатлантических перелетах. И сейчас он вспомнил, что великого князя Михаила Александровича, младшего брата Николая, расстреляли за шесть дней до екатеринбургской расправы. Сестра Александры Федоровны, двоюродный брат Николая — великий князь Сергей Михайлович — и четыре других великих князя были казнены на следующий день. Их трупы сбросили в угольную шахту на Урале. В последующие месяцы были убиты остальные великие князья и княгини, и к 1919 году семья Романовых была почти полностью истреблена. Лишь считаным счастливым удалось бежать на Запад.

— Распутин предсказал, что, если его убьют бояре, высшая знать, их руки будут запятнаны его кровью, — продолжал Хрущев. — А если убийство совершит родственник императора, никто из царской семьи не проживет после этого и двух лет — всех убьет русский народ. Распутина убил в декабре шестнадцатого года муж племянницы Николая Второго. В августе восемнадцатого года царская семья была стерта с лица земли.

На Хейеса его слова не произвели впечатления.

— Нет доказательств, что пророчество действительно имело место.

Брежнев пристально посмотрел на него.

— Теперь есть. Письмо, которое обнаружил ваш господин Лорд, написанное собственноручно Александрой Федоровной, однозначно свидетельствует, что Распутин произнес это пророчество в ее присутствии в октябре шестнадцатого года, за два месяца до смерти. Великий основатель нашей страны, — в голосе Брежнева прозвучала неприкрытая издевка, — наш любимый Ленин, судя по всему, очень серьезно отнесся к этому. А Сталин так испугался, что запечатал семью печатями все архивы и расправился со всеми, кто хоть что-то знал.

До сих пор Хейес не осознавал в полной мере значения находок Лорда.

— Временное правительство в марте семнадцатого года предложило Юсупову царский трон, после того как Николай и его брат Михаил отреклись, — сказал Ленин. — С Романовыми было кончено. Поэтому Временное правительство решило, что их место займет семья Юсуповых. После убийства Распутина Феликс Юсупов пользовался огромной популярностью. Народ считал его спасителем. Но Юсупов отказался. Потом власть перешла к большевикам, и он покинул Россию.

— Феликс Юсупов был настоящим патриотом своей родины, — сказал Хрущев. — Гитлер предлагал ему стать губернатором России, когда Германия ее полностью завоюет, однако Юсупов ответил категорическим отказом. Коммунисты предлагали ему почетную должность куратора ведущих советских музеев, но он не согласился. Юсупов любил Родину-мать и, судя по всему, слишком поздно понял, что убийство Распутина оказалось роковой ошибкой. Он и предположить не мог, что по его вине погибнет вся императорская семья. Несомненно, Юсупов считал себя ответственным за гибель царя. Поэтому у него созрел замысел.

— Откуда вам это известно? — спросил Хейес.

— После падения коммунистического режима архивы не перестают открывать свои тайны, — усмехнулся Сталин. — Это как матрешка — под очередным расчищенным слоем оказывается следующий. Никто этого не хотел, но все верили, что пришло время откровения.

— И вы с самого начала подозревали, что кому-то из Романовых удалось остаться в живых?

— Мы ничего не подозревали, — поправил его Брежнев. — Мы просто опасались, что семена, посаженные десятилетия назад, могли принести свои плоды с восстановлением монархии. И похоже, мы были правы. Никто не ожидал участия вашего мистера Лорда, но, быть может, оно и к лучшему, что ситуация сложилась именно таким образом.

— В государственных архивах полно показаний тех, кто принимал участие в расстреле царской семьи, — сказал Сталин. — Однако Юсупов был хитер. Он привлек к своему плану минимальное число людей. Секретные службы Ленина и Сталина смогли выяснить только второстепенные подробности. Ничего определенного никто так и не узнал.

Отпив глоток кофе, Хейес спросил:

— Насколько я помню, Юсупов после бегства из России вел очень скромный образ жизни.

— Следуя призыву царя, с началом Первой мировой войны Юсупов вернул в Россию значительную часть своих капиталовложений за рубежом, — объяснил Брежнев. — То есть все его деньги и акции были здесь. Большевики конфисковали все имущество Юсупова, в том числе произведения искусства и ювелирные украшения. Но все же Феликс был хитрее, чем казался. Несмотря ни на что, у него были инвестиции в Европе, в первую очередь в Швейцарии и во Франции. Да, Юсупов вел скромный образ жизни, однако деньги у него были всегда. Есть свидетельства, что в двадцатых годах он продал крупный пакет акций американских железных дорог и конвертировал свои вложения в золото, как раз перед Великой депрессией. Большевики пытались найти сейф, где хранилось это золото, но тщетно.

Ленин пересел поудобнее.

— Не исключено, что Юсупов распоряжался имуществом царской семьи, которое не досталось большевикам. Многие считают, что у Николая Второго были миллионы рублей на счетах в иностранных банках. Юсупов умер в конце шестидесятых, а перед тем

неоднократно приезжал в Соединенные Штаты.

Несмотря на усталость, Хейес чувствовал, как по жилам разливается адреналин.

— И что будем делать сейчас?

— Мы должны во что бы то ни стало разыскать Майлза Лорда и эту женщину, — решительно заявил Хрущев. — Я разослал предупреждение по всем пограничным контрольно-пропускным пунктам, но, боюсь, слишком поздно. Пограничная служба Украины нам больше не подчиняется, а именно Киев — ближайшее к Стародубу место, откуда можно покинуть пределы СНГ. Мистер Хейес, у вас есть возможность отправиться куда угодно и когда угодно. Нужно, чтобы вы были наготове. Скорее всего, Лорд сам постарается с вами связаться. У него нет причин вам не доверять. Как только он даст о себе знать, действуйте быстро. Думаю, вы понимаете всю серьезность положения.

— О да, — подтвердил Хейес. — Я получил четкую картину.

*Атланта, штат Джорджия
7 часов 15 минут*

Лорд вставил ключ в замочную скважину и отпер дверь в свою квартиру. Акулина прошла следом за ним.

Ночь с субботы на воскресенье они провели в киевском аэропорту, а утром улетели рейсом «Аэрофлота» в германский Франкфурт. Ни на дневные, ни на вечерние рейсы билетов не было, поэтому им пришлось дожидаться ночного беспересадочного самолета авиакомпании «Дельта» до Атланты. За два билета в салон экономкласса Лорд выложил половину тех денег, что ему выделил Семен Пашенко.

Золотой слиток они оставили в автоматической камере хранения в аэропорту, переживая за его сохранность, но Акулина согласилась с доводами Лорда: не могло быть и речи о том, чтобы взять золото с собой.

В самолете обоим удалось поспать, но начинала сказываться разница часовых поясов, а погоня за солнцем еще не завершилась. Прямо в аэропорту Атланты Лорд заказал два места на самолет до Сан-Франциско, вылетающий в полдень. Перед отлетом нужно было принять душ и сменить белье, поэтому они взяли такси и через двадцать минут приехали домой к Лорду.

Акулину поразила его квартира. Она была намного больше той, в которой жил профессор Пашенко, но Акулина понимала, что по американским меркам это жилище, скорее всего, считалось средним. Ковры мягкие и чистые, мебель, на ее взгляд, элегантная и дорогая. Было прохладно, но Лорд подрегулировал настенный термостат, и центральное отопление быстро согрело комнаты. Да, до этой совершенной системы было далеко примитивным батареям в московской квартире Акулины, которые или жарили на полную мощность, или отключались совсем. Акулина несколько не удивилась, отметив общую опрятность жилища. С самого начала Майлз Лорд произвел впечатление человека собранного.

— Ванная рядом с гостиной, — сказал по-русски Лорд. — Возьмете там любое полотенце. И вообще, почувствуйте себя как дома. Можете привести себя в порядок в гостевой спальне.

Акулина знала английский, но словарный запас у нее был очень ограниченный. Она с трудом понимала, что говорили в аэропорту и, в частности, о чем ее спрашивал сотрудник таможни. К счастью, бизнес-виза артистки цирка открывала ей беспрепятственный въезд в Соединенные Штаты.

— А сам я воспользуюсь той ванной, что рядом с моей спальней. Встретимся в гостиной.

С этими словами Лорд удалился. Молодая женщина не спеша приняла душ, наслаждаясь теплой водой, ласкающей усталые мышцы. По внутренним часам ее организма была еще середина ночи. Найдя в спальне на кровати махровый халат, Акулина закуталась в него. Лорд объяснил, что у них в распоряжении час, а потом надо возвращаться в аэропорт и лететь дальше на запад. Вытерев насухо волосы, Акулина рассыпала спуганные кудри по

плечам. Во второй ванной еще шумела вода.

Акулина прошла в гостиную, полюбовалась фотографиями в рамках, развешанными на стене и стоящими на двух деревянных столах. Судя по всему, у Майлза Лорда большая семья и он старший — на одной фотографии ему было лет двадцать, и его окружали четверо братьев и сестер.

На паре снимков Лорд был в спортивной форме, в шлеме с решетчатым забралом, под футболкой с номером вырисовывался нагрудник с накладными плечами. Особняком висела одинокая фотография отца. На ней был изображен мужчина лет сорока с серьезными глазами и коротко стриженными черными волосами. Мужчина стоял за кафедрой, лицо блестело от пота, сверкали ровные белые зубы, указательный палец устремлен в небо. Отец Майлза был одет в ладно скроенный костюм, на вытянутой руке искрилась золотая запонка. В правом нижнем углу что-то написано черным маркером. Сняв фотографию со стены, Акулина попробовала разобрать слова, но ее познаний в латинском алфавите оказалось недостаточно.

— Здесь написано: «Сын, присоединяйся ко мне», — сказал у нее за спиной по-русски Лорд.

Акулина обернулась.

Лорд босиком стоял в дверях. В вырезе каштанового халата была видна мускулистая грудь, покрытая короткими седовато-черными волосами.

— Эту фотографию отец мне подарил, пытаюсь убедить меня последовать по его стопам и тоже принять духовный сан.

— А почему вы выбрали другой путь?

Лорд шагнул к ней ближе. От него пахло мылом и шампунем. Акулина обратила внимание, что он побрился: двухдневная щетина на щеках и подбородке исчезла, открыв кожу цвета какао, не испорченную следами времени и пережитых невзгод, такими обычными в России.

— Отец изменял матери и оставил нас без гроша. У меня не было ни малейшего желания брать с него пример.

Акулина вспомнила горечь в его словах в тот вечер дома у профессора Пашенко.

— А ваша мать?

— Она его любила. И до сих пор любит. В ее присутствии о нем слова дурного нельзя сказать. И так же к нему относились все прихожане. Для них Гровер Лорд был святым.

— И никто ничего не знал?

— Никто бы не поверил. Отец завопил бы о расовой дискриминации, громогласным ревом вещая с кафедры, как трудно приходится чернокожему, добившемуся успеха в жизни.

— Нас в школе учили, что в Америке сильны расовые предрассудки. И неграм не на что рассчитывать в белом обществе. Это правда?

— Раньше действительно было так, и кое-кто утверждает, что такое положение сохраняется до сих пор. Но я так не думаю. Я вовсе не хочу сказать, что наша страна идеальная, это далеко не так. Но Америка — это страна больших возможностей, и нужно только не упустить свой шанс.

— А вы не упустите свой шанс, Майлз Лорд?

Он улыбнулся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Зачем ты это делаешь?

На лице Акулины отразилось недоумение.

— Называешь меня полным именем, — объяснил Лорд.

— Привычка. Я не хотела тебя обидеть.

— Зови меня просто Майлз. И, отвечая на твой вопрос, хочется верить, что я в полной мере использовал все шансы. Я прилежно учился, усердно работал, и всего, что у меня есть, я достиг своим трудом.

— Интерес к России — это у тебя давно?

Лорд указал на книжные шкафы, тянувшиеся вдоль стены залитой солнечным светом гостиной.

— Меня с детства увлекала история твоей родины. Я читал о ней взахлеб. Огромная страна: необъятные размеры, великое множество климатических зон — и при этом крайности в политике, в отношении к человеку.

Акулина вслушивалась в интонации его голоса.

— То, что произошло в семнадцатом году, очень прискорбно. Россия подошла вплотную к общественному подъему. Расцвет литературы, поэзии, живописи, драматургии. Свободная пресса. И все это умерло. В одночасье.

— И ты хочешь поучаствовать в нашем возрождении?

— Кто бы мог предположить, что чернокожему пареньку из Южной Каролины представится такая возможность? — улыбнулся Лорд.

— Ты в близких отношениях со своими братьями и сестрами?

Он пожал плечами.

— Нас разбросало по всей стране. И все слишком заняты, чтобы выкроить время для встречи.

— Они добились успеха в жизни?

— Один брат врач, другой — учитель в школе, сестра тоже учительница, еще одна сестра бухгалтер.

— Похоже, ваш отец неплохо постарался.

— Он тут ни при чем. Это мать толкала нас вперед.

Хотя Акулина почти ничего не знала о Гровере Лорде, ей показалось, она все поняла.

— Может быть, своей жизнью отец показал вам такой необходимый пример.

Лорд презрительно фыркнул.

— Лично мне было бы гораздо лучше без таких примеров.

— Ты не женился из-за него?

Лорд подошел к окну, посмотрел на улицу, залитую ярким светом утреннего солнца.

— Да нет, наверное. Просто все как-то не хватало времени.

Издали доносился приглушенный шум машин.

— Я тоже так и не вышла замуж. Хотела выступать. У нас в стране замужество может создать большие трудности. Россию никак нельзя назвать страной больших возможностей.

— И в твоей жизни не было какого-то одного мужчины?

Акулина хотела было рассказать ему о Тимофее, но решила этого не делать, ограничившись уклончивой фразой:

— Ну, никого, заслуживающего упоминания.

— Ты действительно полагаешь, что восстановление монархии будет решением всех проблем твоей родины?

Акулина обрадовалась, что Лорд не настаивал. Наверное, он почувствовал, что эта тема

ей неприятна.

— Русские привыкли, что ими кто-то руководит. Если не царь, то генеральный секретарь или президент. Какая разница, как зовется вождь, — лишь бы его правление было мудрым.

— Похоже, кто-то очень хочет остановить то, во что мы с тобой ввязались. Быть может, эти люди видят в реставрации монархии способ прибрать власть к рукам?

— Теперь они остались в тысячах миль позади.

— Слава богу.

— Я все думаю о Максимовых, — сказала Акулина. — Старик и его племянник отдали жизни за то, во что верили.

Подойдя к книжным шкафам, Лорд достал один том. Акулина успела разглядеть на обложке фотографию Распутина: злое бородатое лицо и пристальный взгляд пронизательных глаз.

— Вполне возможно, в руках у этого проходимца ключ к будущему твоей родины. Я всегда считал Распутина мошенником, которому посчастливилось оказаться в нужное время в нужном месте. Весь этот шкаф отведен книгам о нем. Я изучал историю Распутина много лет, но никогда не верил в него, как не верил в своего отца.

— Ну а теперь?

— Я не знаю, что и думать, — тяжело вздохнул Лорд. — Все это просто невероятно. Феликсу Юсупову каким-то образом удалось переправить двоих Романовых в Америку. У меня есть несколько биографий Юсупова. И в них он изображен никак не хитрым и расчетливым организатором. Скорее можно говорить об идеалисте-растяпе, который даже человека не смог нормально убить.

Акулина взяла у него из рук книгу и посмотрела на фотографию.

— Даже сейчас его взгляд завораживает.

— Мой отец частенько говорил, что постичь божественную тайну невозможно. Раньше я думал, что это просто хитрый способ поддерживать веру в прихожанах. Однако теперь мне хочется надеяться, что отец был неправ.

Акулина поймала его взгляд.

— Плохо ненавидеть родного отца.

— Я не говорил, что ненавижу его.

— Это чувствуется и без слов.

— У меня вызывает отвращение то, что он делал. Та грязь, которую он оставил после себя. Его лицемерие.

— Но может быть, как и в случае с Распутиным, ты не осознаешь в полной мере, какое наследие оставил твой отец. Быть может, ты и есть его наследие. Ворон.

— Ты ведь действительно веришь во все это?

В тишине теплой, уютной квартиры Акулина потихоньку начинала расслабляться.

— С того момента, как ты зашел ко мне в купе, я чувствую себя другим человеком. Мне трудно это объяснить. Я простая женщина из простой семьи. Мою бабушку убили, родителям сломали жизнь. С раннего детства я видела вокруг страдания и думала, могу ли я что-то с этим сделать. И вот теперь, возможно, я смогу изменить такой порядок вещей.

Сунув руку в карман, Лорд достал латунный ключ, найденный в металлической шкатулке из могилы. На ключе отчетливо виднелась надпись «ПКБ 716».

— Это только в том случае, если мы найдем адский колокол и выясним, что

открывается вот этим ключом.

— Уверена, нам это по силам.

Лорд с сомнением покачал головой.

— Хорошо, что хоть один из нас полон уверенности.

Москва

16 часов 20 минут

Хейес наблюдал за Степаном Баклановым. Наиболее вероятный претендент на царский трон восседал за столиком, застеленным шелковой скатертью, напротив семнадцати членов Царской комиссии. Большой зал Грановитой палаты был заполнен журналистами и зрителями. В застывшем воздухе висел сизый дым: большинство членов комиссии в том или ином виде злоупотребляли табаком.

Бакланова, одетого в щегольской темный костюм, похоже, нисколько не выводили из себя пространные расспросы комиссии. Это его последнее выступление перед завтрашним голосованием. Первый тур должен отобрать трех финалистов. Всего было представлено девять кандидатур. Троим претендентам рассчитывать не на что. Относительно еще двоих были серьезные сомнения. У четырех кандидатов — весомые заявки, основанные на кровном родстве и соответствии Закону о престолонаследии 1797 года. Первый тур дебатов был сосредоточен на браках, заключенных начиная с 1918 года, и на том, насколько сильно разбавлена кровь Романовых. Каждый из девяти кандидатов по очереди излагал перед комиссией свои притязания и отвечал на вопросы. Хейес устроил так, чтобы Бакланов был последним.

— Я постоянно думаю о своем предке, — сказал Бакланов в микрофон.

Голос его был негромким, но сильным.

— В этом самом зале Грановитой палаты в январе тысяча шестьсот тринадцатого года собрались бояре, чтобы выбрать нового царя. Двенадцать лет престол пустовал, и страна погрузилась в полный хаос. Бояре выдвинули строгие условия, как это сделали вы сейчас. После долгих споров, отвергнув многих претендентов, бояре единодушно выбрали робкого шестнадцатилетнего юношу — Михаила Романова. Любопытно отметить, что нашли его в Ипатьевском монастыре — именно там началось правление Романовых, а три столетия спустя, в другом Ипатьевском доме, в «доме особого назначения» в Екатеринбурге, правление Романовых оборвалось.

Бакланов помолчал.

— По крайней мере, на какое-то время.

— Но разве не потому избрали Михаила, — заметил один из членов комиссии, — что он обещал советоваться с боярами перед принятием любых важных решений? Тем самым, по сути дела, превратив боярскую думу в государственное собрание? А как вы собираетесь править страной?

Бакланов пересел поудобнее. Его лицо оставалось открытым и дружелюбным.

— Это не единственная причина, почему выбрали моего предка. Перед голосованием провели, если так можно выразиться, опросы общественного мнения и выяснили, что Михаил Романов пользуется широкой поддержкой всего народа. То же самое верно и сейчас, уважаемые члены комиссии. Все общенациональные опросы общественного мнения указывают на то, что Россия выступает за мое воцарение на престоле. Но, отвечая непосредственно на ваш вопрос, я должен напомнить, что Михаил Романов жил в другое

время. Россия попробовала идти путем демократии, и последствия этого мы наблюдаем каждый день. Наш народ не привык сомневаться в правоте своего правительства. Демократия порождает постоянные проблемы, а история нашей страны не подготовила нас к этому. Народ России ждет, что правительство позаботится о нем. В западных демократиях проповедают обратное. С семнадцатого года наша страна не знала величия. Когда-то Российская империя была величайшим государством на земле, но теперь само наше существование зависит от щедрости зарубежных спонсоров. От одной этой мысли мне становится плохо. Почти восемьдесят лет мы делали бомбы и снаряжали армии, а наша страна приходила в упадок. Пришла пора изменить такой порядок вещей.

Хейес понимал, что Бакланов играет на телекамеры. Заседания Царской комиссии транслировались в прямом эфире на всю Россию и на весь мир — Си-эн-эн, Си-эн-би-си, Би-би-си и «Фокс ньюс» работали на западные страны. Ответ был близок к идеальному. Ловко уклонившись от прямого вопроса, Бакланов воспользовался возможностью высказать свое мнение о глобальных проблемах. Вряд ли из этого человека получится достойный правитель, но, черт побери, он определенно знает, как улаживать слушателей.

Другой член комиссии спросил:

— Если я правильно помню историю, во время царствования Михаила страной на самом деле правил его отец, патриарх Филарет. А Михаил был лишь марионеткой в его руках. Есть ли основания у русского народа опасаться, что то же самое произойдет и сейчас? Кто будет определять ваши решения?

Бакланов покачал головой.

— Смею вас заверить, уважаемые члены комиссии, решения я буду принимать сам. Однако из этого не следует, что я не буду обращаться за помощью в Государственный совет. Я прекрасно понимаю, что монарх, чтобы удержаться у власти, должен пользоваться поддержкой как своего правительства, так и своего народа.

«Еще один великолепный ответ», — подумал Хейес.

— А ваши сыновья? — упрямо продолжал тот же член комиссии. — Они готовы взять на себя ответственность?

Спрашивал один из троих, кого пока не удалось купить; обсуждение цены его лояльности по-прежнему продолжалось. Однако Хейеса всего несколько часов назад заверили, что к завтрашнему дню будет гарантированно достигнуто полное единодушие.

— Мои сыновья готовы. Старший сын понимает свою ответственность и готов стать цесаревичем. Я учил его этому с раннего детства.

— Вы были уверены в реставрации монархии?

— Сердце всегда говорило мне, что непременно настанет день, когда русский народ пожелает возвращения царя. Последнего правителя насильственно свергли с престола, заставили отречься под дулом пистолета. Никогда из зла не вырастает добро. Россия обратилась к прошлому, и хочется надеяться, что опыт былых ошибок откроет нам путь к успеху. Ни один человек не рождается на свет только для того, чтобы думать о себе самом. Особенно те, кто благословен монаршей кровью в жилах. Российский престол принадлежит семье Романовых, а я — ближайший из ныне живущих родственников Николая Второго по мужской линии. Великая честь порождает великое бремя ответственности. И я ради своего народа готов взвалить это бремя на свои плечи.

Бакланов не спеша отпил глоток воды из стоящего перед ним хрустального графина. Никто из членов комиссии ему не мешал. Поставив стакан на стол, он продолжал:

— В тысяча шестьсот тринадцатом году Михаил Романов не хотел становиться царем, но сейчас я без ложной скромности признаюсь, что хочу править Россией. Это моя Родина. По моему глубочайшему убеждению, у каждой страны есть пол, и у России, вне всякого сомнения, пол женский. Именно этим сильным женским началом определяется наша необычайная плодовитость. Лучше всего это выразил биограф Фаберже, хоть он и был англичанин: «Дайте ей начало, семя, и она взрастит его — по-своему, по-особенному, добившись совершенно поразительных результатов». Самой судьбой мне предначертано увидеть, как созреют эти результаты. Каждое семя знает свой срок. И я уверен: настал мой час. Народ можно заставить бояться, но нельзя заставить любить. Это я прекрасно понимаю. Я не хочу, чтобы Россия меня боялась. Я не желаю имперского владычества и мирового господства. Величие нашей страны в будущем будет заключаться в том, чтобы обеспечивать всему русскому народу процветание. Кому какое дело до того, что мы можем тысячекратно уничтожить весь мир? Главное, чтобы мы могли накормить голодающих, вылечить больных, обеспечить счастливую жизнь нынешнему и многим грядущим поколениям.

Эти слова были произнесены с чувством, которое прекрасно передавалось и телевидением, и радио. Даже Хейеса проняло.

— Не буду говорить, что у Николая Второго не было изъянов. Этот упрямый, своевольный правитель забыл свое предназначение в жизни. Нам известно, что на него оказывала пагубное влияние его супруга, а трагедия с единственным сыном сделала императорскую чету очень уязвимой. Господь Бог наградил Александру Федоровну многими достоинствами, но при всем этом она была женщиной глупой. Императрица подпала под влияние Распутина, человека, которого все презирали, считая мошенником. История — хороший учитель. Я не повторю этих ошибок. Наша страна не может позволить себе слабого правителя. Улицы наших городов должны быть безопасными, государственные и судебные учреждения должны пользоваться доверием простых людей. Только тогда Россия сможет двигаться вперед.

— Господин Бакланов, — сказал тот же самый надоедливый господин, — вы говорите так, словно уже избрали сами себя царем.

— Этот выбор сделало мое происхождение. Сам я не волен что-либо изменить. Российский престол принадлежит Романовым. Это бесспорно.

— Но разве Николай не отрекся от трона, как сам, так и за своего сына Алексея? — последовал новый вопрос от членов комиссии.

— Николай отрекся сам. Но вряд ли какой-нибудь ученый муж осмелится утверждать, что он имел право отречься и за своего сына. В тот самый момент, когда в марте семнадцатого года Николай отрекся от престола, его сын стал царем Алексеем Вторым. Николай не имел права отнимать у Алексея трон. Этот трон принадлежит Романовым, он переходит по кровному родству, и я ближайший родственник Николая Второго по мужской линии.

Этот спектакль произвел впечатление на Хейеса. Бакланов прекрасно знал, что и когда говорить. Он изложил свою точку зрения, при этом никого не обидев.

Степан I станет замечательным царем.

Если, конечно, будет выполнять то, что ему скажут.

13 часов 10 минут

Лорд взглянул на Акулину. Они сидели у правого борта «Боинга-757» компании «Юнайтед эрлайнс», пролетающего на высоте сорок тысяч футов над пустыней Аризоны. Самолет вылетел из Атланты в пять минут первого дня, и через пять часов пути, учитывая трехчасовую разницу во времени, должен был совершить посадку в аэропорту Сан-Франциско около двух часов дня по местному времени. В течение последних суток Лорд сделал три четверти полного оборота вокруг земного шара, но он был рад возвращению на американскую землю — даже несмотря на полную неопределенность того, что ждало их в Калифорнии.

— Ты все время так нервничаешь? — вполголоса спросила Акулина.

— Как правило, нет. Но и ситуация сейчас необычная.

— Я хочу кое в чем тебе признаться.

Лорд уловил у нее в голосе волнение.

— Я не была с тобой до конца откровенна... когда мы разговаривали у тебя дома.

Лорд был озадачен.

— Ты спросил, был ли в моей жизни особенный мужчина, и я сказала, что нет. На самом деле такой мужчина был.

Акулина смущенно покраснела, и Лорд сказал:

— Можешь ничего не объяснять.

— Но я хочу.

Лорд откинулся на спинку кресла.

— Его звали Тимофей. Я встретила его в цирковом училище, куда меня направили после средней школы. Само собой подразумевалось, что в университет я не поступлю. Мой отец выступал в цирке, и от меня ждали, что я пойду по его стопам. Тимофей учился на акробата. У него неплохо получалось, но звезд с неба он не хватал. После училища он так и остался середнячком. Но несмотря ни на что, Тимофей хотел, чтобы мы поженились.

— И что произошло дальше?

— Родители Тимофея жили на Севере, в арктической тундре. Поскольку он не был москвичом, нам пришлось бы жить у моих родителей до тех пор, пока нам бы не дали отдельную квартиру. А это означало, что родители должны дать согласие на брак и прописать Тимофея в Москве. Мать ответила категорическим отказом.

Лорд удивился.

— Почему?

— К тому времени она обозлилась на весь мир. Отец по-прежнему отбывал срок в исправительном лагере. Мать злилась на него за это, злилась за то, что он собирался уехать из Советского Союза. Увидев в моих глазах счастье, она предпочла его затоптать, чтобы заглушить собственную боль.

— А почему вы не могли жить где-нибудь в другом месте? — спросил Лорд.

— Тимофей не соглашался. Он хотел стать москвичом. Об этом мечтали все. Не посоветовавшись со мной, Тимофей пошел в армию. У него не было выбора: или военная

служба, или работа на заводе. Он заверил меня, что, как только добьется права жить где хочет, вернется ко мне.

— И что с ним случилось?

Акулина помолчала.

— Тимофей погиб в Чечне. Ни за что, поскольку в конечном счете там все осталось так же, как раньше. Я так и не простила матери его смерть.

Лорд услышал в ее голосе горечь.

— Ты его любила?

— Так, как только может любить молодая девушка. Но что такое любовь? Для меня это было временное бегство от действительности. Ты меня уже спрашивал, верю ли я, что с возвращением царя все будет по-другому. Я тебе отвечаю: разве может быть хуже того, что творится сейчас?

С этим Лорд не стал спорить.

— Мы с тобой совершенно разные.

Этого он не понял.

— Во многом мы с отцом похожи друг на друга. Нам пришлось отказаться от любви из-за жестоких порядков, царящих в стране. Ты, напротив, ненавидишь своего отца, однако в полной мере воспользовался возможностями, которые открыла перед тобой твоя родина. Любопытно, как может жизнь создавать такие крайности.

«Да, это действительно так», — мысленно согласился Лорд.

В международном аэропорту Сан-Франциско было многолюдно. Акулина и Лорд отправились в путь налегке, захватив с собой лишь сумки, которыми их снабдил Семен Пашенко. Для себя Лорд решил, что, если за два дня им не удастся ничего выяснить, он вернется в Атланту и свяжется с Тейлором Хейесом — и к черту Пашенко и Распутина. Он даже собирался перед тем, как покинуть Джорджию, позвонить на работу, но решил этого не делать. Ему хотелось по возможности до конца выполнить пожелание Пашенко, хотя бы частично поверив в пророчество, которое еще совсем недавно он считал полнейшим бредом.

Получив багаж, Лорд и Акулина в толпе пассажиров направились к выходу. За стеклянными стенами аэропорта ярко светило солнце — Западное побережье встречало ясной, безоблачной погодой.

— И что теперь? — спросила Акулина.

Лорд не ответил. Он смотрел куда-то в противоположный конец забитого народом здания аэровокзала.

— Пошли, — сказал он, хватая Акулину за руку и увлекая навстречу людскому потоку.

Внимание Лорда привлек один из сотен рекламных плакатов на стене за линией выдачи багажа компании «Америкен эрлайнс». Пестрые афиши рекламировали все: от новых квартир в престижных районах до выгодных тарифов на междугородные телефонные переговоры. Лорд уставился на слова, выведенные на фоне старинного здания, похожего на храм:

ПРОМЫШЛЕННО-КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК
САН-ФРАНЦИСКО
ПРОЧНЫЕ ТРАДИЦИИ С 1884 ГОДА

— И что здесь написано? — спросила Акулина.

Лорд объяснил, достал из кармана ключ и снова посмотрел на аббревиатуру, выбитую на латуни: «ПКБ».

— Думаю, у нас ключ от ячейки в Промышленно-коммерческом банке. Он уже существовал в эпоху правления Николая Второго.

— Почему ты уверен, что это то самое место?

— А я в этом вовсе не уверен.

— И как мы это проверим?

— Хороший вопрос. Чтобы получить доступ к ячейкам, нужна убедительная история. Сомневаюсь, что нас просто пропустят в хранилище с ключом, которому несколько десятков лет. Никто не позволит нам открыть ячейку. Обязательно возникнут вопросы.

В нем проснулся профессиональный юрист.

— Но кажется, я знаю, как поступить.

Дорога на такси из аэропорта в центр города заняла полчаса. Лорд выбрал гостиницу «Мариотт» недалеко от финансового квартала. Огромное здание с зеркальными стеклами напоминало музыкальный автомат. Гостиница славилась оборудованным по последнему слову техники деловым центром.

Лорд и Акулина оставили вещи в номере и спустились вниз. Сев за компьютер, Лорд запустил текстовый редактор и напечатал запрос под шапкой «СУД ПО ДЕЛАМ С НАСЛЕДСТВАХ ОКРУГА ФУЛТОН». На последнем курсе юридического факультета он проходил практику в отделе наследств и завещаний одной фирмы и знал делопроизводство. Подобный официальный запрос суда позволял частному лицу действовать, выполняя последнюю волю умершего. Лорду не раз приходилось работать с такими бумагами, однако для полной уверенности он вышел в Интернет. Всемирная паутина кишела юридическими страничками, предлагавшими разные материалы: от самых последних постановлений апелляционных судов до черновиков, позволяющих составить даже самые сложные документы. Лорд открыл сайт Университета Эмори в Атланте, услугами которого регулярно пользовался. Там он нашел правильные формулировки для составления подложного судебного запроса.

Лазерный принтер выплюнул распечатанный текст, и Лорд показал его Акулине.

— Теперь ты у нас дочь некой Людмилы Занеткиной. Твоя мать недавно умерла, оставив вот этот ключ от ячейки в банке. Суд по делам о наследствах округа Фултон, штат Джорджия, определил тебя душеприказчиком матери, а я твой адвокат. Поскольку ты не владеешь английским, все дела от твоего имени веду я. А ты как душеприказчик должна составить полную опись имущества матери, включая и то, что находится в этой ячейке.

Акулина грустно усмехнулась.

— Все как у нас в России. Подложные документы. Единственный способ чего-то добиться.

Вопреки картинке на рекламном плакате, Промышленно-коммерческий банк размещался не в гранитном особняке в неоклассическом стиле, а в современном здании из стекла и бетона, расположенном в центре финансового района. Лорд узнал окружающие его небоскребы: «Эмбаркадеро-центр», «Расс-билдинг» и характерный шпиль «Трансамерика-тауэр». Здесь преобладали банки и страховые компании, за что квартал получил прозвище «Уолл-стрит Запада». Кроме того, тут были широко представлены нефтяные компании,

гиганты систем связи, строительные фирмы и концерны, выпускающие одежду. Район появился благодаря калифорнийскому золоту, а потом его место в финансовом мире Соединенных Штатов закрепило серебро Невады.

Внутренняя отделка Промышленно-коммерческого банка представляла собой стильное сочетание ламинированного дерева, бетонно-мозаичных плит и стекла. Депозитарий находился на третьем этаже, где Лорда и Акулину встретила молодая женщина с выгоревшими на солнце волосами. Лорд предъявил ей ключ, поддельный запрос суда по делам наследства и свое удостоверение члена адвокатской коллегии штата Джорджия. Он улыбался и разговаривал любезно, уверенный, что вопросов не возникнет. Однако недоуменное лицо женщины его встревожило.

— В нашем банке нет ячейки с таким номером, — холодно сообщила она.

Лорд указал на ключ.

— ПКБ. Это ведь ваш банк?

— Аббревиатура наша, — нехотя признала женщина.

Лорд решил проявить твердость.

— Мэм, мисс Людмиле хочется как можно быстрее уладить дела своей матери. Эта смерть оказалась для нее особенно болезненной. У нас есть основания считать, что эта ячейка очень старая. Разве в вашем банке нет ячеек, которые не вскрывали много лет? На рекламном плакате написано, что ваше заведение существует с тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года.

— Мистер Лорд, наверное, мне следует говорить чуть медленнее, и тогда вы меня поймете.

Ее тон нравился ему все меньше и меньше.

— В нашем банке нет ячейки с номером семьсот шестнадцать. Мы используем другую систему обозначения ячеек, состоящую из комбинации букв и цифр. И так было всегда.

Повернувшись к Акулине, Лорд обратился к ней по-русски:

— Эта стерва нам ничего не скажет. Она утверждает, что в банке нет ячейки с номером семьсот шестнадцать.

— Что вы ей говорите? — встревожилась женщина.

Лорд обернулся к ней.

— Я говорю своей клиентке, что ей придется еще немного потерпеть боль, потому что здесь нет ответов.

Он снова оглянулся на Акулину.

— Изобрази глубокую скорбь. Если сможешь, выдави пару слезинок.

— Я акробатка, а не актриса.

Лорд нежно стиснул руки Акулины и выразительно посмотрел на нее. Изобразив на лице сочувствие, он сказал по-русски:

— А ты попробуй. Хуже от этого не станет.

Акулина посмотрела на женщину, стараясь продемонстрировать страдания.

— Послушайте, — сказала та, возвращая ключ, — а почему бы вам не попробовать обратиться в Первый кредитный банк? Он дальше по этой же улице, через три квартала.

— Получилось? — спросила Акулина.

— Что она говорит? — захотела узнать женщина.

— Мисс Людмила просит перевести ваши слова.

Повернувшись к Акулине, Лорд сказал по-русски:

— Может быть, у этой сучки все же есть сердце.

Перейдя на английский, он спросил у женщины:

— Вы, случайно, не знаете, как давно существует тот банк?

— О, он такой же древний, как мы. Стар как мир. Кажется, он основан где-то в конце девятнадцатого века.

Они вошли в здание Первого кредитного банка с гранитным цоколем и мраморным фасадом, украшенным коринфскими колоннами. Оно разительно отличалось от Промышленно-коммерческого банка и небоскребов вокруг, которые зеркальными окнами и строгими геометрическими линиями демонстрировали современный стиль.

Лорд был приятно удивлен. Здесь все говорило о старых традициях. Массивные мраморные колонны, мозаичный каменный пол и отдельные кабинки для банковских клерков остались с тех времен, когда декоративные чугунные решетки справлялись с задачей, которую сейчас выполняли камеры видеонаблюдения.

Охранник в форме сообщил, что депозитарий находится в подвале, и объяснил, как туда пройти.

В кабинете сидел негр средних лет с тронутыми сединой волосами. Он был в жилете и галстуке; на солидном брюшке висела золотая цепочка от карманных часов. Негр представился Рэндаллом Мэддоксом Джеймсом. Судя по всему, он гордился, что его имя состоит из трех частей.

Лорд показал ему запрос суда и ключ. Никаких неодобрительных высказываний, помимо нескольких обязательных уточняющих вопросов, не последовало, и Рэндалл Мэддокс Джеймс провел посетителей во внушительное хранилище. Ячейки располагались в нескольких просторных помещениях. Вдоль стен тянулись длинные ряды стальных прямоугольных дверок. В самом дальнем отделении зеленоватый металл потускнел от времени, замочные скважины выглядели черными точками.

— Это самые старые ячейки, какие только есть в нашем банке, — объяснил Джеймс. — Они существовали еще до разрушительного землетрясения тысяча девятьсот шестого года. Таких динозавров осталось совсем мало. Мы часто гадаем, когда же кто-нибудь востребует их содержимое.

— А разве вы сами через какое-то время не проверяете, что внутри?

— Законом это запрещено. До тех пор, пока каждый год вносится арендная плата.

Лорд протянул ключ.

— То есть вы хотите сказать, аренда этой ячейки регулярно оплачивается начиная с двадцатых годов?

— Совершенно верно. В противном случае мы были бы вынуждены объявить ее неиспользуемой и высверлить замок. Разумеется, об этом позаботилась покойная.

Лорд вовремя спохватился.

— Ну конечно. А кто же еще?

Джеймс указал на ячейку под номером семьсот шестнадцать. Она находилась примерно посередине; дверца имела около фута в ширину и дюймов десять в высоту.

— Мистер Лорд, если вам что-нибудь понадобится, я буду у себя в кабинете.

Лорд дождался, когда закроется решетчатая дверь и они с Акулиной останутся одни. Он вставил ключ в замочную скважину.

В ячейке оказался еще один металлический ящик. Лорд выдвинул его, отметив тяжесть

содержимого, и осторожно поставил на стол из орехового дерева.

В ящике лежали три мешочка из пурпурного бархата, сохранившиеся значительно лучше, чем тот, который даже после смерти берегал Николай Максимов. Еще там лежала сложенная газета, бернская, от 25 сентября 1920 года. Бумага стала хрупкой от времени. Лорд осторожно ощупал самый длинный мешочек. Быстро раскрыв его, он достал два золотых слитка, такие же, как тот, что остался в киевском аэропорту, с царским вензелем и двуглавым орлом. Лорд взял другой мешочек, самый толстый, почти круглый, и распустил кожаный шнурок.

Его потрясло то, что он увидел.

Яйцо, покрытое прозрачной розовой эмалью на гильошированном фоне, стояло на трех зеленых изогнутых ножках, переплетенных листьями с прожилками из розовых бриллиантов. Венчала его крошечная императорская корона с двумя дужками, тоже усыпанная розовыми бриллиантами, с одним великолепным рубином. Весь овал был рассечен на четыре части узорами из лилий и ромбов, выполненных из жемчуга и бриллиантов и прозрачной зеленой эмали по золоту. От ножек до короны яйцо имело в высоту около шести дюймов.

И Лорд уже видел такое же.

— Это же пасхальное яйцо Фаберже, — выдохнул он. — Сделанное для императорской семьи.

— Знаю, — подтвердила Акулина. — Я видела такие в кремлевской Оружейной палате.

— Это яйцо называется «Ландыши». Его подарили вдовствующей императрице Марии Федоровне, матери Николая Второго, в тысяча восемьсот девяносто восьмом году. Однако тут есть одна проблема. То яйцо хранится в частном собрании. Американский миллиардер Малькольм Форбс в свое время приобрел двенадцать пасхальных яиц Фаберже из пятидесяти четырех, чье существование документально известно. Его коллекция превосходит даже ту, которая имеется в Оружейной палате. Это самое яйцо я видел на выставке в Нью-Йорке...

В дальнем конце депозитария лязгнула стальная решетка. Выглянув в коридор, Лорд увидел возвращающегося Джеймса. Он быстро убрал яйцо в мешочек и туго затянул кожаный шнурок. Золотые слитки так и остались в другом мешочке.

— Все в порядке? — спросил Джеймс, подойдя к ним.

— Лучше не бывает, — ответил Лорд. — У вас, случайно, не найдется картонная коробка или большой пакет, чтобы положить эти предметы?

Джеймс с интересом взглянул на разложенные на столе бархатные мешочки.

— Разумеется, мистер Лорд. Наш банк полностью в вашем распоряжении.

Лорду хотелось как можно скорее исследовать находки, но он посчитал разумным сначала покинуть банк. Последние дни его не оставляла мания преследования, и сейчас она тревожно сигнализировала, будто Рэндолл Мэддокс Джеймс чересчур любопытен. Впрочем, постоянно напоминал себе Лорд, в этой паранойе нет ничего необычного, если учесть, через что ему пришлось пройти.

Уложив приобретения в пакет из плотной бумаги с ручками-шнурками и логотипом Первого кредитного банка, Лорд и Акулина вышли на улицу и, поймав такси, поехали в публичную библиотеку. Лорд помнил это здание по предыдущему приезду в Сан-Франциско: величественное трехэтажное сооружение конца девятнадцатого века, пережившее землетрясения 1906 и 1989 годов. Но женщина в справочной направила их в новый дом по соседству. Лорд выбрал несколько книг о Фаберже, в том числе

иллюстрированный каталог всех известных пасхальных яиц.

Лорд заперся в отдельном кабинете и разложил на столе содержимое банковской ячейки. Он раскрыл каталог и выяснил, что всего было создано пятьдесят шесть яиц начиная с 1885 года, когда император Александр III поручил Карлу Фаберже придумать подарок на Пасху для своей супруги императрицы Марии Федоровны. В этот главный праздник Русской православной церкви было принято дарить друг другу расписные яйца, обмениваясь троекратным поцелуем. Изящная безделушка вызвала такой восторг, что с тех пор император заказывал такие же яйца на каждую Пасху. Николай II, сын Александра III, взошедший на престол в 1894 году, продолжил эту традицию, однако теперь яиц изготавливалось уже по два — одно для его супруги Александры Федоровны и одно для матери.

Уникальные произведения искусства, сделанные из золота и покрытые эмалью и драгоценными камнями, содержали внутри какой-нибудь сюрприз: крошечную модель коронационного экипажа, царской яхты или поезда, заводного зверя или другую сложную механическую миниатюру. Из пятидесяти четырех пасхальных яиц до настоящего времени сохранилось сорок семь, и нынешнее местонахождение каждого было указано в подписях под фотографиями. Остальные девять бесследно исчезли во время большевистской революции.

Лорд отыскал фотографию яйца «Ландыши» во весь лист. Подпись под ней гласила:

«Это чудо создал ювелир Михаил Першин из мастерской Фаберже. Заключение внутри яйца сюрприз: три миниатюрных портрета, царя Николая II и великих княгинь Ольги и Татьяны, двух его старших дочерей. В настоящее время находится в частном собрании в Нью-Йорке».

В каталоге была приведена цветная фотография яйца почти в натуральную величину. Его венчала бриллиантовая корона с рубином, под откидывающейся крышкой лежал небольшой складень с портретами. Овальные миниатюры были выполнены на золотой подложке и обрамлены розовыми бриллиантами. На средней изображен Николай II в парадной форме: отчетливо видны бородатое лицо, плечи и верхняя часть груди. Слева от него — Ольга, первенец, трехлетняя девочка с ангельским личиком и белокурыми волнистыми волосами. Справа — Татьяна, ей тогда не исполнилось и года. Сзади на всех трех портретах была выгравирована надпись: «5 апреля 1898 года».

Лорд поднес яйцо из банковской ячейки к фотографии.

— Они совершенно одинаковые.

— Но в нашем нет фотографий.

Снова обратившись к каталогу, Лорд прочитал, что складень поднимался с помощью специального пружинного механизма. Приводился этот механизм в действие поворотом обрамленной золотом жемчужины сбоку.

Осмотрев яйцо из депозитария, Лорд обнаружил жемчужину. Поставив яйцо на ножки, он крепко ухватил его и осторожно повернул крошечный рычажок. Униженная бриллиантами корона медленно поднялась. Под ней показалась фотография Николая II, в точности такая же, как в яйце «Ландыши» из каталога. Затем раскрылись еще два крошечных овальных портрета, слева мужской, справа женский.

Дальше рычажок не поворачивался, и Лорд остановился.

Он узнал лица. Это были цесаревич Алексей и великая княжна Анастасия. Схватив книгу, Лорд быстро пролистал ее и нашел фотографию царской семьи, сделанную в 1916 году, незадолго до ареста. Он понял, что не ошибся, однако лица на портретах из яйца были

определенно старше. Царские дети были в одежде западного покроя: Алексей во фланелевой рубашке, Анастасия в светлой блузке. На обратной стороне золотых овалов, покрытых эмалью, была выбита дата: «5 апреля 1920 года».

— Они здесь старше, — прошептал потрясенный Лорд. — Им удалось остаться в живых.

Он развернул пожелтевшую газету. Лорд хорошо владел немецким языком и сразу же обратил внимание на заметку, ради которой, судя по всему, газета и была помещена в ячейку. Заголовок был подчеркнут: «Кончина ювелира Фаберже». В статье сообщалось о смерти Карла Фаберже, наступившей накануне в лозаннской гостинице «Бельвю». Поставщик двора его величества лишь совсем недавно перебрался в Швейцарию из Германии, куда вынужден был бежать после прихода к власти большевиков в октябре семнадцатого года. Далее в статье говорилось о том, что ювелирный дом Фаберже, который Карл возглавлял на протяжении сорока семи лет, прекратил свое существование с крахом Романовых. Большевики конфисковали все и закрыли мастерскую, после того как тщетно попытались сохранить производство под новым, политически корректным названием «Артель сотрудников фирмы Фаберже». Корреспондент указывал на то, что свертывание производства было вызвано не только прекращением поддержки со стороны императорской семьи. Мировая война ударила по карману самых богатых клиентов, которых обслуживал Фаберже. Статья заканчивалась замечанием о том, что благородное русское общество, похоже, ушло навсегда. На снимке, которым сопровождалась статья, Фаберже был изображен старым и больным человеком.

— Эта газета здесь, чтобы доказать подлинность, — сказал Лорд.

Он перевернул яйцо и отыскал клеймо ювелира, который его сделал: «ХВ». Снова полистав каталог, Лорд нашел раздел, посвященный мастерам, работавшим у Фаберже. Он знал, что Карл Фаберже сам ничего не придумывал и не делал. Он был лишь гениальным руководителем коллектива, который в период своего расцвета выпускал одни из лучших украшений за всю историю, однако изобретали и изготавливали эти миниатюрные шедевры простые мастера-ювелиры. В каталоге сообщалось, что Михаил Першин, главный мастер, создавший яйцо «Ландыши», умер в 1903 году. Далее следовало указание, что после кончины Першина производство возглавил Хенрик Вигстрём, руководивший им до самого закрытия дома Фаберже. Вигстрём умер в 1923 году, за год до Фаберже. В каталоге приводилась фотография клейма Вигстрёма — «ХВ». Лорд сравнил снимок с инициалами, выбитыми на дне яйца.

Совпадение было полным.

Тут Лорд заметил, что Акулина достала из третьего бархатного мешочка еще одну золотую пластину с выгравированным текстом на русском языке. Подойдя ближе, он прищурился, разбирая мелкий шрифт, и прочитал:

«Ворону и Орлу. Как выяснилось, эта страна полностью соответствует тому образу, какой она сама о себе составила. Царская кровь в целостности и сохранности, дожидается вашего появления. Царь правит, но не управляет. Вы должны изменить такое положение вещей. Законные наследники будут хранить молчание до тех пор, пока вы не разбудите их душу. А деспотам, которые уничтожили нашу страну, я желаю того, что больше ста лет назад сказал Радищев: «Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро. Будешь проклято во век, в век удивлением всех. Крови — в твоей колыбели, припевание — громы сраженъев; Ах, омоченно в

крови ты ниспадаешь во гроб». Проследите за тем, чтобы это сбылось.

Ф. Ю.»

— И это все? — растерянно пробормотал Лорд. — Да тут же ничего не сказано. Что такое «адский колокол»? В предыдущем послании говорилось, что только адский колокол сможет указать дорогу к следующей двери. А здесь нет ничего ни про какой «адский колокол».

Взяв яйцо, он его потряс. Ни звука. Яйцо было сплошным. Тщательно исследовав его снаружи, Лорд не нашел ни щелей, ни отверстий.

— Очевидно, к данному моменту мы должны были знать больше, чем нам сейчас известно. Пашенко предупредил, что со временем отдельные детали тайны пропали. Быть может, мы пропустили какой-то шаг, который открыл бы нам, что такое этот адский колокол.

Лорд изучил три маленькие фотографии.

— Алексей и Анастасия остались живы. Они были здесь, в Соединенных Штатах. Они давно умерли, но, возможно, живы их потомки. Мы подошли так близко к тому, чтобы их разыскать, но у нас есть только несколько слитков золота и пасхальное яйцо, стоящее целое состояние. Юсупов предпринял столько трудов. Даже пригласил Фаберже, по крайней мере его главного мастера, чтобы тот создал это яйцо.

— Что будем делать дальше? — спросила Акулина.

Лорд задумался над ее вопросом. Ему хотелось предложить хоть какую-то искорку надежды, но он искренне признался:

— Понятия не имею.

Москва

Вторник, 19 октября

7 часов 00 минут

Хейес быстро подошел к телефону, трезвонившему на тумбочке рядом с кроватью. Он только что принял душ и побрился, закончив приготовления к очередному дню работы комиссии, поворотной точке, когда будет принято решение по трем кандидатурам, отобранным для окончательного голосования. Не было сомнений, что Бакланов пройдет во второй тур; теперь его избрание гарантировано — «тайная канцелярия» вчера поздно вечером подтвердила, что куплены все семнадцать членов комиссии. Даже тот дотошный мерзавец, терзавший Бакланова на последнем заседании, в конце концов назвал свою цену.

Сняв трубку на четвертом звонке, Хейес узнал голос Хрущева.

— С полчаса назад поступил звонок из российского консульства в Сан-Франциско. Ваш мистер Лорд в Калифорнии, вместе с Акулиной Петровой.

Хейес был ошеломлен.

— Что он там делает?

— Он заявился в один из местных банков с ключом от ячейки депозитария. По-видимому, именно его он выкопал из могилы Николая Максимова. Первый кредитный банк относится к тем финансовым заведениям, за которыми КГБ следил на протяжении многих лет. Коммунисты были одержимы стремлением разыскать сокровища царской казны. Они были убеждены, что золото хранится в банковских сейфах, куда его упрятали еще до революции. На самом деле определенная доля правды в этом есть, после семнадцатого года на разных счетах были обнаружены миллионы.

— Вы хотите сказать, что ваши спецслужбы до сих пор следят за банками в надежде отыскать деньги, которым почти сто лет? Неудивительно, что Россия разорена. Вам нужно поскорее забыть обо всем и двигаться дальше.

— Вот как? Взгляните на то, что происходит. Быть может, мы не такие уж и глупые, какими вы нас считаете. Хотя кое-что из того, что вы сказали, соответствует действительности. После падения коммунистического режима некоторые затеи вроде этой были признаны непосильным бременем. Однако я предусмотрительно восстановил прежние связи, когда родился наш тайный союз. Наше консульство в Сан-Франциско десятилетиями поддерживало без лишней огласки отношения с двумя банками. В обоих имелись депозитарии, которыми до революции пользовались царские представители. К счастью, наш источник доложил, что вскрыли ячейку, которая, как мы подозревали, имела какое-то отношение к Романовым.

— И что произошло?

— Лорд и Петрова явились в банк с выдуманной историей о том, что они якобы представляют интересы какого-то умершего. Сотрудник банка не придавал этому значения до тех пор, пока они не предъявили ключ от одной из самых старых ячеек в хранилище. Именно за этой ячейкой мы и наблюдали. Лорд покинул банк с тремя бархатными мешочками, содержимое которых неизвестно.

— Известно ли, где он сейчас?

— Расписываясь за вскрытие ячейки, Лорд оставил в качестве своего адреса местную гостиницу. Мы убедились, что он и Петрова по-прежнему там. Судя по всему, в Америке Лорд чувствует себя в полной безопасности.

Хейес принялся лихорадочно соображать. Он взглянул на часы. Семь утра вторника в Москве означало, что в Калифорнии еще восемь вечера понедельника.

Двенадцать часов до того, как Лорд начнет новый день.

— У меня появилась мысль, — сказал Хейес.

— Я так и думал, — усмехнулся Хрущев.

Оставив содержимое ячейки депозитария в сейфе на этаже, Лорд и Акулина спустились на лифте в фойе гостиницы «Мариотт». Публичная библиотека Сан-Франциско открывалась в девять часов утра, и Лорд хотел первым делом заглянуть туда, чтобы продолжить исследования и постараться выяснить, не упустил ли он что-либо из вида, или хотя бы определить общее направление, в котором можно будет двигаться в поисках ответов.

Это расследование, которое Лорд сперва воспринимал лишь как средство покинуть Москву, постепенно его захватило. Сначала он собирался только узнать, какая тайна спрятана в Стародубе, и первым же самолетом вернуться в Джорджию. Но после того, что произошло с Максимовыми, после находок на кладбище в Стародубе и в сан-францисском банке Лорд осознал, что все гораздо серьезнее, чем он полагал вначале. И теперь он был полон решимости идти до самого конца, хотя и понятия не имел, куда все это может завести. Однако расследование захватило его еще больше благодаря тому, что происходило между ним и Акулиной.

В «Мариотте» Лорд снял только один номер. Они с Акулиной легли спать на разных кроватях, однако их вечерние беседы открыли необычайную общность душ. Они посмотрели по телевизору кино, романтическую комедию, Лорд переводил диалоги. Акулина получила большое удовольствие от комедии, а он получил большое удовольствие, смотря фильм в ее обществе.

В жизни Лорда был всего один серьезный роман — с однокурсницей юридического факультета Университета Виргинии, которую, как он в конце концов выяснил, гораздо больше интересовала карьера. Сразу же после окончания учебы она бросила Лорда и уехала по приглашению работать в одну вашингтонскую фирму, где, как он полагал, она до сих пор упорно карабкалась вверх по иерархической лестнице, стремясь стать полноправным партнером. Лорд перебрался в Джорджию и устроился в «Придген и Вудворт». У него бывали время от времени мимолетные увлечения, но никто его не волновал так, как Акулина Петрова. Он никогда не верил в судьбу — эта концепция больше подходила пастве, боготворившей его отца; но сейчас нельзя было отрицать серьезность происходящего, как в части расследования, которое они вели с Акулиной, так и в части взаимного влечения.

— Мистер Лорд!

Он никак не ожидал, что его окликнут по фамилии в фойе этой дорогой гостиницы. У него не было знакомых в Сан-Франциско.

К ним направлялся радостный коротышка с черными волосами и такими же черными усиками. На нем был двубортный пиджак с широкими лацканами в европейском стиле. Он шел не спеша, опираясь на трость.

— Я Филипп Витенко, сотрудник российского консульства, — представился по-

английски коротышка.

Лорд встревожился.

— Откуда вы узнали, где меня найти?

— Мы не могли бы где-нибудь присесть? Мне нужно кое-что с вами обсудить.

У Лорда не было ни малейшего желания идти куда-то с этим человеком, поэтому он указал на ряд кресел вдоль стены.

— Я в курсе того, что произошло на Красной площади в прошлую пятницу... — начал Витенко, когда они сели.

— Вы не могли бы говорить по-русски, чтобы нас понимала госпожа Петрова? Она владеет английским не так хорошо, как вы.

— Разумеется, — ответил по-русски Витенко, одарив Акулину улыбкой. — Как я уже сказал, я в курсе того, что произошло на Красной площади в прошлую пятницу. Был убит милиционер. Московская милиция распространила ориентировку на вас. В ней предписывается немедленно вас задержать и доставить в Москву для допросов.

Беспокойство Лорда возрастало.

— Мне известно о вашей встрече со следователем Феликсом Орлеговым. Я понимаю, господин Лорд, что вы непричастны к случившемуся на Красной площади. Наоборот, это следователь Орлегов находится под подозрением. Мне поручили связаться с вами и заручиться вашим содействием.

Слова Витенко его не убедили.

— Вы так и не ответили, как нас нашли.

— Наше консульство на протяжении многих лет вело наблюдение за двумя финансовыми учреждениями Сан-Франциско. Оба существовали еще до революции и использовались представителями императорского дома. Считается, что Николай Второй успел припрятать в иностранных банках большое количество золота. Как только вчера вы посетили оба этих учреждения, пытаясь получить доступ к ячейке, которая, как мы уже давно подозревали, имеет какое-то отношение к последнему царю, нас сразу же поставили в известность.

— Но это же противозаконно! — возмутился Лорд. — Здесь вам не Россия. В нашей стране банки обязаны соблюдать конфиденциальность.

Его слова не произвели на Витенко никакого впечатления.

— Мне прекрасно известны американские законы. По-моему, они запрещают использовать поддельное судебное постановление для получения доступа к чужой ячейке депозитария.

Лорд все понял.

— Что вы от меня хотите?

— За следователем Орлеговым уже давно присматривали. Установлено, что он связан с некой организацией, которая намеревается повлиять на решение Царской комиссии. Артемий Белый, молодой юрист, застреленный у вас на глазах, был убит, потому что интересовался Орлеговым и его связями. К несчастью, вы оказались нежелательным свидетелем. Те, кто расправился с Белым, предположили, что он перед смертью мог вам что-то рассказать. Этим и объясняется их интерес к вам. Мне известно о погоне по московским улицам и на Красной площади...

— И в поезде из Санкт-Петербурга.

— Об этом я не знал.

— Что за организация собирается повлиять на работу комиссии?

— Мы как раз надеемся, что вы поможете это выяснить. Нашим спецслужбам известно только, что какие-то люди действуют сообща и крупные суммы денег переходят из рук в руки. И Феликс Орлегов имеет к этому отношение. Судя по всему, они хотят обеспечить избрание Степана Бакланова.

Слова Витенко имели смысл, но Лорду хотелось узнать больше.

— Есть ли у вас подозрения, что к этому причастны представители американских деловых кругов? Моя фирма защищает интересы многих западных инвесторов.

— Да, мы полагаем, что это так. Больше того, по-видимому, именно американские инвесторы и обеспечивают финансирование. Так что мы надеемся, что вы и в этом нам поможете.

— Вы говорили с моим боссом, Тейлором Хейесом?

— Российские власти стараются вести расследование тихо, чтобы раньше времени не раскрыть то, что им известно, — покачал головой Витенко. — В самое ближайшее время начнутся аресты, но меня попросили обратиться к вам и узнать, не сможете ли вы что-то добавить. Кроме того, если это возможно, с вами хотел бы переговорить представитель Москвы.

Лорду совсем не нравилась мысль, что кому-то в Москве известно его местонахождение. Должно быть, тревога отразилась у него на лице.

— Господин Лорд, вам нечего опасаться, — сказал Витенко. — С вами поговорят по телефону. Уверяю вас, я представляю официальное российское правительство, которое интересуется всем, что произошло в последние несколько дней. Нам нужно ваше содействие. Окончательное голосование Царской комиссии состоится через два дня. Если тут что-то нечисто, мы должны об этом знать.

Лорд молчал.

— Если члены комиссии подкуплены, возможно, и сам Степан Бакланов скомпрометирован. А этого нельзя допустить.

Лорд решил, раз представитель российского консульства готов говорить, надо кое-что у него выведать.

— Почему ваше правительство до сих пор озабочено поисками царской казны? По-моему, это просто смешно. С тех пор прошло столько времени.

Витенко откинулся назад.

— До семнадцатого года Николай Второй припрятал миллионы золотом. Большевики считали своим долгом разыскать все до последней крупицы. Во время Гражданской войны Сан-Франциско стал главным перевалочным пунктом союзников Белой армии. Сюда вывозилось золото для дальнейшей переправки в лондонские и нью-йоркские банки, финансировавшие закупки вооружения и снаряжения. Потом в Сан-Франциско поехали русские эмигранты. Многие просто бежали в Америку, спасаясь от большевиков, но кое-кто перебрался сюда с определенной целью.

Представитель консульства выпрямился в кресле, принимая строгий официальный вид.

— Тогдашний генеральный консул России в Сан-Франциско открыто заявил о своих антибольшевистских позициях и всячески способствовал американской интервенции. Он лично нажился на сделках «золото в обмен на оружие», которые совершались в здешних банках. Большевики были убеждены, что значительная часть золота по-прежнему здесь. Затем есть еще вопрос с полковником Николаем Федоровичем Романовым.

Тон, каким произнес это имя Витенко, говорил о том, что речь идет о чем-то важном. Из внутреннего кармана пиджака представитель российского консульства достал ксерокопию заметки из «Сан-Франциско экспресс» за 16 октября 1919 года. В ней сообщалось о прибытии в город некоего полковника русской армии, тезки и однофамильца свергнутого императора. Романов якобы направлялся в Вашингтон договариваться об американской помощи белому движению.

— Появление полковника Романова вызвало большой переполох. Местное консульство внимательно наблюдало за его деятельностью. Неизвестно, имел ли этот человек какое-то отношение к императорской семье. Скорее всего, не имел, а царскую фамилию использовал, чтобы вызвать интерес к своей персоне. Ему удалось ускользнуть от слежки, и мы до сих пор не знаем, чем полковник Романов занимался в Сан-Франциско и куда исчез. Однако нам достоверно известно, что как раз в то время в местных банках открыли несколько счетов, в том числе один в Первом кредитном банке, а также были арендованы четыре банковские ячейки, одна под номером семьсот шестнадцать, та самая, которую вы вскрыли вчера.

Лорд начал понимать, чем вызван интерес Витенко. Для случайности слишком много совпадений.

— Господин Лорд, у вас нет желания рассказать, что находилось в ячейке?

Лорд еще не настолько доверял представителю российского консульства, чтобы поделиться этой информацией.

— Пока что нет.

— Может быть, вы расскажете это представителю Москвы?

В этом Лорд тоже не был уверен, поэтому промолчал. Похоже, Витенко снова правильно истолковал его колебания.

— Господин Лорд, буду с вами откровенен. У вас нет причин сомневаться в моих намерениях. Разумеется, вы должны понимать, чем объясняется интерес российского правительства ко всему случившемуся.

— Но и вы тоже должны понимать, почему я так осторожен. Последние несколько дней я только и делал, что бежал, спасая свою жизнь. И кстати, вы так и не объяснили, как вам удалось нас найти.

— На банковской квитанции вы в качестве своего адреса указали эту гостиницу.

Лорд решил, что это хороший ответ.

Витенко достал из кармана визитную карточку.

— Господин Лорд, я понимаю ваши сомнения. Вот здесь написано, как со мной связаться. Любой таксист отвезет вас в российское консульство. Представитель Москвы позвонит сегодня в половине третьего по местному времени. Если вы захотите с ним пообщаться, пожалуйста, будьте к этому времени у меня в кабинете. В противном случае мы вас больше не побеспокоим.

Взяв визитную карточку, Лорд посмотрел представителю консульства в лицо. Он еще сам для себя не решил, что делать.

Акулина смотрела, как Лорд расхаживает по гостиничному номеру. Все утро они провели в публичной библиотеке, читая старые подшивки газет. Они нашли несколько заметок, посвященных приезду полковника Николая Федоровича Романова в Сан-Франциско осенью 1919 года. Ничего определенного в них не было, лишь досужие сплетни, и Акулина почувствовала, что Лорд впадает в отчаяние. Они убедились, что яйцо «Ландыши» по-

прежнему в частной коллекции. Это никоим образом не объясняло, как к ним попала точная копия, — если не считать фотографий.

Перекусив в уличном кафе, они вернулись в гостиницу. За все это время Лорд ни разу не упомянул о Филиппе Витенко и его приглашении посетить российское консульство. Утром Акулина внимательно наблюдала за представителем консульства, пытаясь определить, насколько он искренен, но ей так и не удалось прийти к какому-то выводу.

Лорд казался Акулине красивым мужчиной. И то, что он «цветной», как ее приучили думать, не имело для нее никакого значения. В первую очередь он был честным человеком, которого случайно втянули в из ряда вон выходящие события. Они провели пять ночей вместе, и Лорд до сих пор ни разу даже не намекнул на что-то неприличное. Для Акулины это было необычно, потому что все мужчины в цирке и те немногие, с кем она общалась помимо работы, были просто помешаны на сексе.

— Акулина! О чем ты думаешь?

Ей не хотелось признаваться в своих мыслях, поэтому она сказала:

— По-моему, Филипп Витенко был искренен.

— Да. Но из этого еще совершенно ничего не следует.

Лорд присел на край кровати, сжимая в руках яйцо Фаберже.

— Нам чего-то не хватает. Какая-то часть тайны утрачена. Несомненно, мы зашли в тупик.

Акулина сразу же поняла, что он хотел сказать на самом деле.

— Ты пойдешь в консульство?

— Похоже, у меня нет выбора. Если кто-то действительно пытается манипулировать Царской комиссией, я должен помочь.

— Но ты ведь сам ничего не знаешь.

— Мне любопытно послушать, что скажет представитель Москвы. Возможно, эта информация окажется полезной для того, на кого я работаю. Не забывай, моя первоначальная задача заключалась в том, чтобы обеспечить избрание Степана Бакланова. Я должен выполнить свою работу.

— В таком случае мы пойдем вдвоем.

— Нет. Я рискую, но не собираюсь действовать глупо. Ты возьмешь все это и поселишься в другой гостинице. «Мариотт» ты покинешь через гараж. В фойе не появляйся. За гостиницей наверняка следят. Как знать, быть может, за тобой увяжется «хвост», так что до другой гостиницы добираться кружным путем. Воспользуйся метро, автобусом, такси. Потрать пару часов, чтобы поколесить по городу. Я должен быть в консульстве в половине третьего. Ты позвонишь туда в половине четвертого. Звони из телефона-автомата на улице. Если я не отвечу, если тебе скажут, что со мной нельзя сейчас говорить или я уже покинул консульство, ты затаишься. Заляжешь на дно.

— Мне это не нравится.

Лорд прошел к столику у стены, на котором лежал бархатный мешочек, и спрятал пасхальное яйцо.

— Мне тоже, Акулина. Но у нас нет выбора. Если где-то живет прямой потомок Романовых, российское правительство обязано об этом узнать. Нельзя слепо верить тому, что много лет назад сказал Распутин.

— Но мы понятия не имеем, где искать.

— Широкая огласка заставит потомков Алексея и Анастасии дать о себе знать. А

анализ ДНК позволит без труда отсеять самозванцев.

— Но ведь нам было сказано сделать это вдвоем.

— Мы с тобой Ворон и Орел? Значит, сами можем устанавливать правила.

— Я так не думаю. На мой взгляд, мы должны разыскать потомков царя, как это и предсказал старец.

Лорд оперся о стол.

— Российскому народу нужна правда. Почему открытость и честность для вас такие чуждые понятия? Полагаю, нужно предоставить это дело российскому правительству и государственному департаменту Соединенных Штатов. Я расскажу этому типу из Москвы все.

Акулину беспокоило то, что собирался сделать Лорд. Она бы предпочла анонимность, защиту, которую мог предложить город с населением в несколько сотен тысяч человек. Но возможно, Лорд был прав. Быть может, действительно лучше предупредить власти до того, как Царская комиссия изберет следующим российским царем Степана Бакланова или кого бы то ни было еще.

— Моя работа заключалась в том, чтобы отыскать все, что могло бы повлиять на притязания Бакланова. По-моему, то, что нам удалось найти, определенно под это подходит. Тот, на кого я работаю, должен узнать все, что известно нам. На карту поставлено очень много, Акулина.

— Твоя карьера?

Лорд помолчал.

— Возможно.

Акулине хотелось спросить что-то еще, но она предпочла воздержаться. Очевидно, Лорд принял решение, а он не производил впечатления человека, который меняет решения как перчатки. Оставалось только надеяться, что Лорд знает, что делает.

— Как ты меня найдешь после того, как покинешь консульство? — спросила Акулина.

Лорд взял со стола рекламный проспект. На обложке красочной брошюры были фотографии зебры и тигра.

— Зоопарк открыт до семи вечера. Встретимся там. У вольера со львами. Ты владеешь английским достаточно хорошо, чтобы его найти. Если я не появлюсь к шести, обращайся в полицию и расскажи все. Попроси связаться с представителем государственного департамента. Человека, на которого я работаю, зовут Тейлор Хейес. Он сейчас в Москве, присутствует на заседаниях Царской комиссии. Пусть с ним свяжутся представители американского посольства. И все объяснят. Когда ты в половине четвертого позвонишь в российское консульство, если только я лично не подойду к телефону, не верь ни единому слову из того, что тебе скажут. Исходи из худшего и поступай так, как я сказал. Понятно?

Акулине несколько не понравилось то, что она услышала, и она прямо об этом сказала.

— Понимаю, — развел руками Лорд. — Витенко показался мне порядочным человеком. К тому же мы в Сан-Франциско, а не в Москве. И все же надо быть реалистами. Если тут что-то такое, о чем мы с тобой не догадываемся, боюсь, мы больше никогда не увидимся.

14 часов 30 минут

Консульство располагалось на престижной улице к западу от финансового района, недалеко от Чайнатауна и роскоши Ноб-Хилла. Красновато-бурое двухэтажное здание из песчаника с башенкой стояло на оживленном перекрестке. На верхнем этаже имелись балконы с затейливыми витыми балюстрадами. Конек крыши венчали кованые чугунные гребни.

Такси высадило Лорда у главного входа. С океана нагнало прохладного тумана, и у Лорда по спине пробежала дрожь. Расплатившись с водителем, он прошел по вымощенной кирпичом дорожке к гранитному крыльцу. Вход охраняли два мраморных льва. Бронзовая табличка на стене гласила:

«КОНСУЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Лорд вошел в фойе, отделанное золотистым дубом, украшенное изящной лепниной, с мозаичным полом. Охранник в форме провел его на второй этаж, где в своем кабинете ждал Филипп Витенко.

Пожав Лорду руку, Витенко предложил ему сесть в кресло, обитое гобеленом.

— Я рад, господин Лорд, что вы согласились нам помочь. Наше правительство будет вам очень признательно.

— Должен предупредить, господин Витенко, что мне не по себе уже от того, что я нахожусь здесь. Но все же я решил сделать для вас все, что смогу.

— Я доложил о ваших колебаниях начальству, но меня заверили, что на вас ни в коем случае не будет оказано давление. В Москве прекрасно понимают, что вам пришлось пережить, и выражают сожаление по поводу ваших злоключений в России.

Витенко взял пачку сигарет — судя по всему, именно курением объяснялся горьковатый запах, пропитавший весь кабинет. Он угостил Лорда, но тот отказался.

— Я тоже хотел бы отказаться от этой пагубной привычки.

Вставив сигарету в длинный серебряный мундштук, Витенко щелкнул зажигалкой. В воздух поднялась струйка дыма.

— С кем мне предстоит говорить? — спросил Лорд.

— С представителем Министерства юстиции. Этот человек был лично знаком с Артемием Белым. Уже подготовлены ордера на арест Феликса Орлегова и еще нескольких человек. Общее руководство операцией осуществляет как раз этот сотрудник Министерства юстиции. Мы будем признательны за любые дополнительные факты, которые помогут предать этих преступников суду.

— Царская комиссия предупреждена?

— Председатель поставлен в известность о случившемся, но публичных заявлений пока не было — надеюсь, вы понимаете. Это только помешало бы следствию. Политическая ситуация в России очень шаткая, а комиссии предстоит в ближайшие дни принять решение, которое определит будущее нашей страны.

Лорд потихоньку начинал успокаиваться. Ему никто не угрожал, в словах и поведении

Витенко он не увидел ничего, внушающего тревогу.

Пронзительным звонком ожил телефон на письменном столе. Витенко распорядился установить соединение. Положив трубку, он нажал кнопку на коммутаторе. Из устройства громкой связи раздался голос.

— Господин Лорд, я Максим Зубарев. Я сотрудник российского Министерства юстиции. Надеюсь, день у вас прошел хорошо.

У Лорда мелькнула мысль, откуда звонящему известно, что он владеет русским языком, но он предположил, что об этом предупредил Витенко.

— Пока что все в порядке, господин Зубарев. А вот вы задержались.

Из динамика послышался сухой смешок.

— В Москве сейчас ночь. Однако дело не терпит отлагательства. Когда вы объявились в Сан-Франциско, мы облегченно вздохнули. Мы боялись, что те, кто за вами охотился, добились своего.

— Насколько я понял, на самом деле их интересовал Артемий Белый.

— Артемий работал на меня, осторожно собирал информацию. В какой-то степени я чувствую себя ответственным за его гибель. Но он сам горел желанием помочь. К сожалению, я недооценил возможности этих людей, вставших на путь предательства, и теперь у меня сердце разрывается от боли.

Лорд решил выведать у собеседника как можно больше.

— Работа Царской комиссии была скомпрометирована?

— Достоверной информации на этот счет у нас нет. Но есть все основания подозревать, что это действительно так. Остается только надеяться, что дело не зашло слишком далеко и еще можно все исправить. Первоначально считалось, что требование единогласного принятия решения пресечет любые попытки подкупа, но, боюсь, это лишь увеличило масштабы взяточничества.

— Я работаю на Тейлора Хейеса. Это американский юрист, тесно связанный с иностранными инвестициями в России...

— Я слышал об этом человеке.

— Вы не могли бы связаться с ним и сообщить, где я нахожусь?

— Разумеется. Но вы в свою очередь не могли бы мне объяснить, зачем вы приехали в Сан-Франциско и вскрыли ячейку в Первом кредитном банке?

Лорд откинулся на спинку кресла.

— Не знаю, поверите ли вы мне.

— Предоставьте мне судить об этом.

— Я ищу Алексея и Анастасию Романовых.

Последовало долгое молчание. Изумленный Витенко не отрывал взгляда от гостя.

— Господин Лорд, вы не могли бы объясниться? — наконец послышался голос из динамика.

— По-видимому, двум детям Николая Второго удалось выжить, их переправил в Соединенные Штаты Феликс Юсупов. Он выполнял пророчество, сделанное Распутиным 16 июня 1918 года. Письменные подтверждения этого я обнаружил в московском архиве.

— Какие у вас есть доказательства?

С улицы донеслось завывание сирены «скорой помощи». Обычно Лорд не обращал внимания на такие мелочи, вот только сейчас то же самое завывание было слышно из динамика.

Лорд мгновенно сообразил, что это означает.

Вскочив на ноги, он бросился из кабинета.

Витенко окликнул его, но тщетно.

Распахнув дверь, Лорд увидел перед собой ухмыляющегося Прищуренного. У него за спиной стоял Феликс Орлегов. Прищуренный с размаха врезал Лорду кулаком в лицо. Отскочив назад, Лорд налетел на письменный стол, за которым сидел Витенко. Из разбитого носа хлынула кровь. Перед глазами все затянуло туманом.

Орлегов ударил его в скулу.

Лорд рухнул на паркетный пол. Кто-то что-то говорил, но слова не доходили до сознания.

Он попытался бороться с накатывающимся мраком, но тот оказался сильнее.

Лорд пришел в себя. Он сидел в том же кресле, но только теперь его руки и ноги были крепко привязаны изолентой, еще один кусок залеплял рот. Нос болел, свитер и джинсы были испачканы кровью. Правый глаз заплыл, и образы троих мужчин, стоявших перед Лордом, были размазанными.

— Господин Лорд, просыпайтесь.

Приложив усилие, Лорд сфокусировал взгляд на говорившем. Это был Орлегов. Он говорил по-русски.

Лорд потрянул головой.

— Отлично. Так замечательно снова видеть вас здесь, в Америке, стране огромных возможностей. Такое чудесное место, вы не находите?

Шагнув вперед, Прищуренный врезал кулаком Лорду между ног. Острая боль электрическим разрядом разлилась по телу, на глаза навернулись слезы.

— Долбаный черномазый, — выругался Прищуренный.

Он снова замахнулся, но Орлегов перехватил его руку.

— Достаточно. Иначе от него не будет толку.

Оттерев Прищуренного к столу, Орлегов приблизился вплотную к Лорду.

— Господин Лорд, вы очень не нравитесь вот этому господину. В поезде вы брызнули ему в глаза аэрозолью, в лесу ударили по голове. Он с превеликим удовольствием убил бы вас, и мне, если честно, не было бы до этого никакого дела, вот только те, на кого я работаю, хотят получить кое-какую информацию. Они уполномочили меня заверить вас, что если вы согласитесь сотрудничать, то останетесь в живых.

Лорд ни на мгновение не поверил в это. Судя по всему, его взгляд выдал эти сомнения.

— Вы мне не верите? Прекрасно. Это ложь. Вы умрете. Это я вам обещаю. На самом деле я хотел сказать, что вы можете повлиять на характер своей смерти.

Орлегов нагнулся, и сквозь запах крови Лорд почувствовал перегар от дешевой выпивки.

— Перед вами два пути. Пуля в голову, что будет быстро и безболезненно, или вот это.

Орлегов показал кусок изоленты, болтающийся на вытянутом указательном пальце, и залепил Лорду разбитый нос.

От острой боли снова выступили слезы, но в первую очередь Лорд почувствовал нехватку воздуха. Он не мог не только вдохнуть, но и выдохнуть, сознание то пропадало, то возвращалось. Лорду показалось, что глаза у него вылезают из орбит, готовые вот-вот взорваться. Однако в самое последнее мгновение перед тем, как мрак сгустился окончательно, Орлегов сорвал изоленту с носа.

Лорд жадно втянул полные легкие воздуха.

С каждым вдохом в горло сочилась кровь. Отплюнуть ее он не мог, пришлось сглотнуть. Он продолжал дышать носом, наслаждаясь тем, что до сих пор принимал как должное.

— Второй вариант не слишком приятный? — насмешливо поинтересовался Орлегов.

Если бы Лорд мог, он убил бы Феликса Орлегова голыми руками. Без колебания, не терзаясь чувством вины. И снова глаза выдали его мысли.

— Такая ненависть. Вы бы с огромной радостью меня убили. Жаль, что у вас не будет такой возможности. Как я уже говорил, вы умрете. Вопрос только в том, будет ваша смерть быстрой или медленной. И присоединится ли к вам Акулина Петрова.

При упоминании этого имени Лорд пристально посмотрел Орлегову в глаза.

— Я так и думал, что это привлечет ваше внимание.

К Орлегову подошел Филипп Витенко.

— Вам не кажется, что дело заходит слишком далеко? Когда я передавал эту информацию в Москву, ни о каком убийстве речи не было.

Орлегов обернулся к сотруднику консульства и презрительно смерил его взглядом.

— Сядьте и заткнитесь!

— Что вы себе позволяете? — возмутился Витенко. — Я генеральный консул Российской Федерации в Сан-Франциско! Я не допущу, чтобы какой-то московский мент отдавал мне приказы!

— Этот мент будет отдавать приказы.

Орлегов подал знак Прищуренному.

— Убери этого идиота, чтобы он здесь не мешался.

Прищуренный рывком отдернул Витенко. Тот, поспешно стряхнув с плеча руку громилы, быстро отошел в дальний конец кабинета со словами:

— Я немедленно свяжусь с Москвой! Не может быть, чтобы нельзя было обойтись без таких мер. Тут что-то не так.

Дверь в кабинет открылась, и вошел мужчина в годах с вытянутым помятым лицом и глазами цвета начищенных до блеска одноцентовых монеток. Он был в строгом темном костюме.

— Консул Витенко, никаких звонков в Москву не будет. Я ясно выразился?

Какое-то мгновение Витенко колебался. Лорд узнал голос вошедшего. Этот голос он слышал из устройства громкой связи.

— Я Максим Зубарев. Мы с вами уже говорили. Судя по всему, наш маленький обман не удался.

Орлегов поспешно отступил. Несомненно, главным здесь был Зубарев.

— Следователь Орлегов был прав, говоря, что вам предстоит умереть. Это очень печально, но у нас нет выбора. Но я могу дать слово, что Акулину Петрову оставят в живых. Нет смысла ее трогать, если у нее нет важной информации. Разумеется, мы так и не узнали, что вам известно. Сейчас я попрошу следователя Орлегова освободить ваш рот от изоленды.

Зубарев подал знак Прищуренному, и тот торопливо закрыл дверь.

— Но сразу предупреждаю: можете не надрывать горло криками. Стены этого кабинета звуконепроницаемые. Так что, надеюсь, мы с вами побеседуем как два разумных человека. Если я буду уверен, что вы со мной искренни, Акулину Петрову оставят в покое.

Орлегов рывком сдернул изоленду со рта Лорда. Тот принялся шевелить затекшими челюстями.

— Так лучше, господин Лорд? — спросил Зубарев.

Лорд промолчал.

Пододвинув стул, Зубарев сел лицом к нему.

— А теперь расскажите мне то, о чем не успели сказать по телефону. Какие у вас есть доказательства, подтверждающие, что Алексею и Анастасии Романовым удалось спастись от большевиков?

— Бакланов принадлежит вам с потрохами?

Мужчина в годах тяжело вздохнул.

— Ума не приложу, какое это может иметь значение, но в надежде заручиться вашим

содействием уважу вашу просьбу. Да. И единственное, что может помешать его восшествию на престол, — это неожиданное появление прямого потомка Николая Второго.

— Какова цель всего этого?

Зубарев рассмеялся.

— А цель этого вот такая, господин Лорд. Стабильность. Восстановление самодержавия способно серьезно затронуть не только мои интересы, но и интересы многих других людей. Разве не в этом состояла ваша задача в Москве?

— Я понятия не имел, что Бакланов всего лишь марионетка в чужих руках.

— Он по своей воле готов стать марионеткой. А мы умелые кукловоды. В правление Бакланова Россия будет процветать, и мы тоже.

Небрежно взглянув на свои ногти, Зубарев снова посмотрел на Лорда.

— Нам известно, что Акулина Петрова здесь, в Сан-Франциско. Однако в гостинице ее нет. Мои люди разыскивают ее. Если они найдут ее до того, как вы расскажете все, что меня интересует, пощады не будет. Я разрешу своим людям поразвлечься с Петровой, как они того пожелают.

— Здесь вам не Россия, — угрожающе напомнил Лорд.

— Верно. Но это произойдет, когда Акулина вернется туда. В аэропорту ждет самолет, готовый к вылету в Россию. Госпожу Петрову разыскивают по подозрению в причастности к убийству, и мы уже уладили все вопросы с вашей иммиграционной службой. ФБР даже предложило содействие в поиске и задержании Петровой. Международное сотрудничество — такая замечательная вещь, вы не находите?

Лорд понял, что он должен делать. Ему оставалось только надеяться, что после того, как он не появится в зоопарке, Акулина покинет город. Он с грустью подумал, что больше никогда ее не увидит.

— Я вам ни черта не скажу.

Зубарев встал.

— Пусть будет по-вашему.

Как только он вышел из кабинета, Орлегов снова залепил Лорду рот.

Прищуренный стоял рядом, ухмыляясь.

Лорду хотелось надеяться, что конец будет быстрым, но он знал, что об этом нечего и мечтать.

Оторвав взгляд от динамика, Хейес обернулся к вошедшему Максиму Зубареву. Весь разговор с Лордом он слушал в маленьком помещении в конце коридора, благодаря микрофону, установленному в кабинете Витенко.

Хейес, Хрущев, Прищуренный и Орлегов вылетели из Москвы вчера ночью, через считанные часы после звонка, подтвердившего местонахождение Лорда. Одиннадцатичасовая разница во времени позволила им преодолеть девять тысяч миль и прибыть в Сан-Франциско в то время, когда Лорд только собирался обедать. Благодаря связям Зубарева в правительстве удалось быстро устроить служебные визы Орлегову и Прищуренному. То, что Хрущев сказал Лорду, полностью соответствовало действительности. ФБР и иммиграционная служба Соединенных Штатов при необходимости должны были оказать содействие в розыске и задержании Лорда и Акулины Петровой. И все же Хейес был против вмешательства американских правоохранительных органов, надеясь обойтись собственными силами. Государственный департамент дал указания, чтобы сотрудники иммиграционной

службы в международном аэропорту Сан-Франциско не приставали с вопросами к Лорду и Петровой, двум подозреваемым в причастности к убийству, на задержание которых выдан международный ордер. Задача состояла в том, чтобы помешать Лорду найти то, что он так упорно искал. Вот только до сих пор было неизвестно, что же разыскивал Лорд, если не брать в расчет немислимое утверждение о том, будто где-то в Соединенных Штатах живет прямой потомок Николая II.

— А ваш господин Лорд очень упрямый, — заметил Хрущев, закрывая за собой дверь.

— Но почему?

Хрущев сел.

— В этом главный вопрос. Когда я уходил, Орлегов оголял электрические провода. Надеюсь, хороший удар током развяжет Лорду язык, прежде чем мы его убьем.

Хейес услышал голос Прищуренного, приказывающего Орлегову вставить вилку в розетку. Из динамика донесся пронзительный крик.

— Быть может, это заставит вас пересмотреть свою позицию и рассказать все, что нас интересует, — послышался голос Орлегова.

Ответа не последовало.

Новый крик. На этот раз более продолжительный.

Хрущев взял с тарелочки с десертом шоколадный шарик. Развернув золотую фольгу, он положил лакомство в рот.

— Они будут увеличивать продолжительность воздействия тока до тех пор, пока у Лорда не остановится сердце, — холодно проговорил Хрущев. — Это очень мучительная смерть.

Хейес не сочувствовал Лорду. Этот глупец поставил его в затруднительное положение, своими безрассудными действиями создав угрозу потерять миллионы долларов. Сейчас Хейес не меньше этих русских хотел узнать правду.

Динамик задрожал от нового крика.

Зазвонил телефон на письменном столе, Хейес снял трубку. Голос сообщил, что на коммутатор поступил звонок, спрашивают какого-то Майлза Лорда. Дежурный решил, что речь может идти о чем-то важном, и поинтересовался, нет ли здесь мистера Лорда и не сможет ли он ответить на звонок.

— Нет, не сможет, — сказал Хейес. — Мистер Лорд в комнате совещаний. Переключите звонок сюда.

Он прикрыл ладонью трубку.

— Вырубите громкоговоритель.

Послышался щелчок, женский голос спросил по-русски:

— Майлз, это ты? У тебя все в порядке?

— Господин Лорд занят, — ответил Хейес. — Он попросил меня поговорить с вами.

— Где Майлз? Кто вы такой?

— А вы, судя по всему, Акулина Петрова.

— Откуда вам это известно?

— Госпожа Петрова, нам нужно поговорить.

— Мне с вами не о чем разговаривать.

Хейес показал знаком Хрущеву, чтобы тот включил громкоговоритель. Тотчас же из динамика раздался надрывный крик.

— Госпожа Петрова, вы слышали? Это кричит Майлз Лорд. Его допрашивают

московские милиционеры. Они настроены очень решительно. Вы можете положить конец его страданиям, если просто скажете нам, где находитесь, и подождете там.

В трубке молчание.

Новый крик из динамика.

— Лорда мучают электрическим током. Сомневаюсь, что его сердце выдержит долго.

Короткие гудки.

— Эта сучка бросила трубку. Определенно, это очень целеустремленные люди.

— Очень. Во что бы то ни стало нужно выяснить, что им известно. Ваша идея обмануть

Лорда была неплохой, но она провалилась.

— Готов поспорить, эти двое четко взаимодействуют друг с другом, а мы об этом даже не подозревали. У Лорда хватило ума спрятать свою подружку. Но они должны были предусмотреть, как им снова встретиться, если приглашение в консульство не окажется западней.

Зубарев вздохнул.

— Боюсь, теперь мы ни за что не найдем эту Петрову.

Хейес хитро усмехнулся.

— А я так не думаю.

16 часов 30 минут

Акулина с трудом сдерживала слезы. Она стояла у телефона-автомата на оживленной улице. Мимо сновали прохожие. У нее в ушах до сих пор звучал крик Лорда. Что делать? Лорд категорически запретил обращаться в полицию. Он ясно дал понять, что ни в коем случае нельзя идти в российское консульство. Акулина нашла другую гостиницу и устроилась в ней. Если Лорд в назначенное время не появится в условленном месте, она должна обратиться к американским властям, предпочтительно к кому-нибудь из государственного департамента.

У Акулины ныло сердце. Как сказал тот мужчина по телефону? «Лорда мучают электрическим током. Сомневаюсь, что его сердце выдержит долго». Эти слова были произнесены таким тоном, словно ему ничего не стоило убить человека. Мужчина говорил по-русски очень хорошо, и все же Акулина уловила в его голосе американский акцент, что очень странно. Неужели американские власти участвуют в происходящем? И они заодно с теми, кто полон решимости во что бы то ни стало узнать, чем занимается Лорд?

Продолжая сжимать в руке телефонную трубку, Акулина невидящим взором смотрела на прохожих. Она ничего не замечала вокруг до тех пор, пока чья-то рука не прикоснулась к плечу. Акулина обернулась. Пожилая женщина что-то сказала ей. Акулина разобрала лишь слова «вы» и «закончили». У нее по щекам потекли слезы. На лице женщины отразилось сочувствие. Быстро взяв себя в руки, Акулина вытерла глаза и пробормотала по-русски «спасибо», надеясь, что женщина ее поймет.

Акулина смешалась с толпой. В гостинице она расплатилась деньгами, которыми ее снабдил Лорд. Акулина не оставила яйцо, золотые слитки и газету в сейфе, как советовал Лорд. Она взяла их с собой, положив в сумку вместе с туалетными принадлежностями и сменой белья для Лорда. Она не собиралась доверять сокровища кому бы то ни было.

Два часа Акулина бродила по улицам, неожиданно заворачивая в кафе и магазины и так же внезапно выходя из них. В конце концов она пришла к выводу, что «хвоста» нет. Но где она теперь? Кажется, к западу от Первого кредитного банка, за пределами главного финансового района. Вдоль улицы тянулись антикварные лавки, художественные галереи, ювелирные магазины, дорогие рестораны. Акулина блуждала по городу без цели. Имело значение только то, как вернуться в новую гостиницу; но она захватила с собой рекламный проспект, который можно показать водителю такси.

Что привлекло ее сюда, где возвышалась колокольня, которую она заметила еще за несколько кварталов? Церковь была русская: золоченые кресты и характерная луковка купола. От архитектуры пахло домом, однако чувствовалось иностранное влияние: фронтон главного входа, отделанные рустами стены и балюстрада, чего Акулине никогда не приходилось видеть в православных церквях. Она прочитала надпись по-английски и по-русски: «Троицкий собор» — и заключила, что это храм Русской православной церкви за рубежом. От здания веяло ощущением безопасности, Акулина быстро пересекла улицу и вошла в церковь.

Внутреннее убранство было традиционным: общий план в форме креста, алтарь,

обращенный на восток. Акулина подняла взгляд к сводам купола и массивной бронзовой люстре посредине. От бронзовых подсвечников с толстыми свечами, мерцающими в приглушенном освещении, исходил запах воска, смягчая вездесущий аромат ладана. Отовсюду смотрели лики святых — со стен, с витражей, с иконостаса, отделяющего алтарь от прихожан. В той церкви, куда Акулина ходила в детстве, этот барьер был более открытым, позволяя видеть священника. А здесь алтарь был сплошной стеной, покрытой алыми с золотом образами Христа и Богородицы, и заглянуть за него можно было только в открытые двери. Скамей не было. Несомненно, как и в России, здесь молились стоя.

Акулина подошла к боковому алтарю, надеясь, что Господь поможет ей решить, как быть дальше. На глаза снова навернулись слезы. Плакала она нечасто, но мысль о том, что Майлза Лорда пытаются, возможно до смерти, была просто невыносимой. Акулине хотелось обратиться в полицию, однако что-то подсказывало ей, что это решение будет не лучшим. Государственные органы необязательно означают спасение. Этот урок давным-давно вдолбила ей бабушка.

Перекрестившись, Акулина начала молиться, бормоча слова, которым ее научили в далеком детстве.

— У вас какое-то несчастье, дитя мое? — спросил по-русски голос у нее за спиной.

Обернувшись, Акулина увидела священника средних лет в черной рясе. На голове у него не было клобука, обычного для русских священников, но на шее висел серебряный крест, обязательная принадлежность служителя церкви, как отчетливо помнила с детства Акулина. Она быстро вытерла глаза и постаралась взять себя в руки.

— Вы говорите по-русски, — сказала она.

— Я родился в России. Я услышал вашу молитву. Здесь нечасто услышишь, чтобы по-русски говорили так хорошо. Вы приехали из России?

Акулина кивнула.

— Какая беда с вами случилась?

Спокойный голос священника действовал утешительно.

— Беда случилась с моим другом. Он в опасности.

— Вы можете ему помочь?

— Я не знаю как.

— Вы пришли за советом как раз туда, куда нужно. Нет лучшего наставника, чем Господь.

Бабушка Акулины, истовая православная, и внучку пыталась научить вере в Небеса. Но раньше Акулине никогда по-настоящему не был нужен Бог. Она чувствовала, что священник все равно не поймет ее, а поскольку ей не хотелось говорить слишком много, она спросила:

— Святой отец, вы следите за тем, что происходит в России?

— С огромным интересом. Я бы проголосовал за восстановление самодержавия. Для России это лучший путь.

— Почему вы так говорите?

— Многие десятилетия у нас на родине продолжалось великое разрушение душ. Церковь была уничтожена. Коммунисты панически боялись Бога.

Акулина нашла это замечание странным, однако она была с ним согласна. Все, что могло сплотить оппозицию, воспринималось как смертельная угроза. Церковь. Стихи. Простая старуха.

— Я живу здесь уже много лет, — продолжал священник. — Америка вовсе не жуткая

страна, как нас учили. Каждые четыре года американцы с большой торжественностью избирают президента. Но при этом они напоминают ему, что он тоже человек и может ошибаться. Я пришел к выводу, что чем меньше правительство обожествляет само себя, тем большего уважения оно заслуживает. Наш новый царь должен будет усвоить этот урок.

Акулина кивнула. Что это, послание?

— Вам очень дорог ваш друг, попавший в беду? — спросил священник.

Задумавшись на мгновение, Акулина искренне ответила:

— Он очень хороший человек.

— Вы его любите?

— Мы познакомились совсем недавно.

Священник указал на сумку, висящую у нее на плече.

— Вы куда-то направляетесь? От чего-то бежите?

Акулина решила, что этот служитель церкви ее не понимает и никогда не поймет. Лорд попросил ее не говорить ни с кем, пока они не встретятся в зоопарке. И она должна выполнить его желание.

— Мне некуда бежать, святой отец. Все мои беды здесь.

— Боюсь, я не совсем понимаю, в какой ситуации вы оказались. А в Священном Писании сказано, что, если один слепой поведет другого, оба упадут в яму.

Акулина улыбнулась.

— Если честно, я и сама не до конца все понимаю. Но у меня есть обязательство, и я должна его выполнить. Именно это сейчас и мучит меня.

— И это как-то связано с тем человеком, которого вы, возможно, любите, а может быть, и нет?

Акулина кивнула.

— А хотите, мы вместе помолимся за него? Хуже ведь от этого не станет?

— Надеюсь, это поможет, святой отец. А после этого вы мне объясните, как пройти к зоопарку?

Лорд открыл глаза, ожидая получить новый удар электрическим током или еще один кусок изоляции на нос. Он не знал, что хуже. Но тут до него дошло, что он больше не сидит, привязанный к креслу. Он валялся на жестком полу, а перерезанные пути болтались на ножках и подлокотниках кресла. Мучителей рядом не было. Кабинет освещался тремя лампами и бледными солнечными лучами, которые пробивались сквозь полупрозрачные занавески, закрывающие окна во всю стену.

Боль от электрических разрядов была невыносимой. Орлегов получал наслаждение, меняя точки, к которым прикасался оголенными проводами. Начал он со лба, затем перешел к груди и закончил пахом. Нижняя часть живота Лорда ныла от ударов Прищуренного и электрического тока, растекавшегося по гениталиям. Это было все равно что ледяная вода, попавшая на больной зуб: от страшной боли Лорд едва не отключался. Ему приходилось собирать все силы, чтобы держаться, не терять сознание, реагировать на окружающее. Ни в коем случае нельзя было оступиться и выдать Акулину. Одно дело — какой-то мифический потомок Романовых. Она — совсем другое.

Лорд попытался подняться, но лодыжка затекла, и он с трудом удержался на ногах. Цифры на часах расплывались перед глазами. Наконец ему удалось рассмотреть, что уже четверть шестого. До встречи с Акул иной оставалось всего сорок пять минут.

Лорду хотелось верить, что ее не нашли. Возможно, то, что он до сих пор жив, косвенно свидетельствовало о неудаче поисков. Несомненно, позвонив в половине четвертого и не услышав его ответа, Акулина четко выполнила инструкции.

Лорд ругал себя последними словами за то, что доверился Филиппу Витенко, посчитав многие тысячи миль, отделяющих Сан-Франциско от Москвы, надежной защитой. Влияние тех, кто интересовался его расследованием, способно преодолевать государственные границы, а это означало участие высокопоставленных чиновников. Лорд дал себе зарок впредь не повторять эту ошибку. Отныне он не будет доверять никому, кроме Акулины и Тейлора Хейеса. У его босса есть связи, достаточные, чтобы противодействовать происходящему.

Но все по порядку. Сначала нужно выбраться из консульства.

Орлегов и Прищуренный наверняка где-то рядом, возможно прямо за дверью. Лорд постарался вспомнить, что произошло непосредственно перед тем, как он потерял сознание. У него в памяти сохранилось лишь то, как его тело содрогалось от электрических разрядов, настолько сильных, что начиналась аритмия. Глядя в блеклые глаза Орлегова, Лорд видел злорадство. Последним, что он запомнил, был Прищуренный, отстранявший русского следователя со словами, что теперь настал его черед.

Лорд снова попытался встать. У него в голове поднялся вихрь.

Вдруг дверь в кабинет распахнулась. Вошли Прищуренный и Орлегов.

— Отлично, господин Лорд, — сказал по-русски Орлегов. — Вы уже пришли в себя.

Двое русских подняли Лорда на ноги. Тотчас же комната закружилась у него перед глазами, его затошнило. Лорд решил, что сейчас снова потеряет сознание, но тут ему в лицо плеснули холодной водой. Первое ощущение было таким же, как и от электрического тока, но если высокое напряжение жгло, вода принесла облегчение, и головокружение стало стихать.

Прищуренный застыл у него за спиной, удерживая его на ногах. Орлегов стоял перед ним с пустым кувшином в руке.

— Еще водички не хотите? — с издевкой спросил грузный следователь.

— Пошел к такой-то матери, — с трудом выдавил Лорд.

Орлегов тыльной стороной руки со всей силой ударил его в мокрый подбородок. Боль привела Лорда в чувство. Ощувив во рту привкус крови, он поймал себя на том, что ему неудержимо хочется высвободиться и убить сукиного сына.

— К сожалению, — продолжал Орлегов, — генеральный консул не хочет, чтобы здесь был убит человек. Поэтому мы приготовили для вас небольшое путешествие. Говорят, пустыня совсем недалеко. Идеальное место, чтобы спрятать труп. Я живу в холодной стране. Немного теплого, сухого воздуха будет весьма кстати. Во дворе ждет машина. Ты будешь вести себя тихо. Твоих криков все равно никто не услышит. Но если ты издашь хоть звук, я перережу тебе горло. Будь моя воля, я прикончил бы тебя прямо здесь. Немедленно. Но приказы нужно выполнять.

В руке у Орлегова появился длинный кривой нож. Лезвие сверкало так, будто его только что наточили. Следователь передал нож Прищуренному, и тот провел плоской стороной клинка Лорду по горлу.

— Настоятельно рекомендую идти медленно и прямо, — сказал Орлегов.

Лорд смутно воспринял это предостережение. У него в голове стоял туман от пыток, сил едва хватало, чтобы держаться на ногах. И все же он постарался быть готовым воспользоваться малейшей возможностью для бегства.

Прищуренный вытолкнул его из кабинета в пустынный коридор. Спустившись по лестнице, они прошли по первому этажу мимо комнат, темных и пустых, в дальнюю часть здания. В окна Лорд успел разглядеть, что день уступал место вечеру.

Орлегов остановился перед изящной деревянной дверью. Отодвинув засов, он открыл дверь. Снаружи донеслось ворчание автомобильного двигателя. Лорд увидел открытую заднюю дверцу черного седана и дымок из выхлопной трубы. Орлегов знаком приказал Прищуренному вести пленника вперед.

— Стойте! — окликнули по-русски.

Отстранив Лорда, к Орлегову подошел Филипп Витенко.

— Я вас предупреждал, что не допущу больше насилия в отношении этого человека.

— А я вас предупреждал, что вас это не касается.

— Ваш Зубарев уехал. Теперь здесь распоряжаюсь я. Я переговорил с Москвой и получил указание действовать так, как сочту нужным.

Схватив дипломата за грудки, Орлегов швырнул его в стену.

— Вячеслав! — заорал Витенко.

В коридоре послышались торопливые шаги, и на Орлегова набросился здоровенный верзила. Мгновения замешательства хватило Лорду, чтобы вонзить локоть Прищуренному в живот. Мышцы брюшного пресса оказались жесткими и твердыми, но все же Лорду удалось вклиниться между ребрами и направить удар вверх.

Прищуренный сдавленно охнул.

Лорд отстранил от себя руку, сжимающую нож. Верзила, державший Орлегова, краем глаза заметил нож и повернулся к Прищуренному.

Лорд бросился к двери. Витенко и Орлегов, стараясь его перехватить, только помешали друг другу, и он успел добежать до машины. Там никого не было, и Лорд уселся за руль.

Включив передачу, он утопил педаль газа в пол. Покрышки зацепились за асфальт, автомобиль рванул с места. Задняя дверь захлопнулась сама собой.

Лорд на полной скорости проскочил в распахнутые чугунные ворота.

Оказавшись на улице, он выкрутил руль вправо и с ревом помчался прочь.

— Довольно, — сказал Хейес.

Прищуренный, Орлегов, Витенко и охранник прекратили потасовку.

За спиной Хейеса в коридоре появился Максим Зубарев.

— Отличный спектакль, господа.

— А теперь, — продолжал Хейес, — давайте проследим за этим долбаным козлом и посмотрим, что все это значит.

Резко свернув за угол, Лорд сбавил скорость. Погони в зеркало заднего обзора видно не было, а ему сейчас меньше всего хотелось привлечь к себе внимание полиции. Часы на приборной панели показывали половину шестого. До встречи еще полчаса. Лорд постарался восстановить в памяти план города. Зоопарк находился к югу от центра, на берегу океана, рядом с государственным университетом Сан-Франциско. Неподалеку было озеро Мерсед. В один из предыдущих приездов сюда Лорд ловил в нем форель.

Казалось, с тех пор прошла целая вечность. Тогда он был лишь практикантом в крупной юридической фирме, и никому, кроме его непосредственного начальника, не было дела до того, чем он занимался. Трудно поверить, но все это началось всего неделю назад после обычного обеда в московском ресторане. Артемий Белый настоял на том, чтобы расплатиться по счету, сказав, что завтра угощать будет Лорд. Лорд принял эту любезность, хотя и знал, что его коллега зарабатывает за год меньше, чем он за три месяца. Ему сразу понравился молодой российский юрист, знающий специалист и просто приятный в общении человек. Но теперь у него в памяти остался лишь образ изрешеченного пулями тела Белого, лежащего на тротуаре, и Орлегова, небрежно замечающего, что убитых в Москве слишком много, чтобы всех накрывать.

Мерзавец.

Повернув на следующем перекрестке, Лорд направился на юг, в противоположную сторону от моста через пролив Золотые ворота, к той части полуострова, что выходила к океану. Вскоре стали попадаться дорожные знаки, указывающие путь к зоопарку. Лорд катил в плотном потоке вечернего часа пик. Вскоре он миновал небоскребы и оказался в тишине холмов и деревьев Сент-Френсис-вуда. Вдоль дороги потянулись виллы, за чугунными оградами, с фонтанами на лужайках.

Лорд поразился, что еще способен вести машину, — адреналин обострил его чувства. Мышцы болели от истязания электрическим током, он никак не мог отдышаться, но он был жив.

— Пусть только Акулина ждет меня на месте, — шептал он.

Лорд отыскал зоопарк и заехал на стоянку. Оставив ключи в машине, он подошел к воротам и купил билет. Охранник на входе предупредил его, что зоопарк закрывается чуть больше чем через час.

Свитер Лорда был мокрым от душа, устроенного Орлеговым. Окровавленная зеленая шерсть распространяла в прохладном вечернем воздухе запах влажного полотенца. Лицо ныло от ударов, и наверняка его украшали синяки и ссадины. Вероятно, он представлял собой то еще зрелище.

Лорд бежал по бетонным дорожкам, освещенным янтарно-желтыми лампами. Посетителей было мало; в основном они попадались ему навстречу, направляющиеся к выходу. Лорд миновал обезьяний центр, затем слоновник и последовал за указателями к вольеру со львами.

Его часы показывали ровно шесть.

Темнота напознала на небосвод. Умиротворенную тишину нарушала лишь возня животных. В воздухе пахло звериной шерстью и кормежкой. Лорд прошел к вольеру с хищниками через двустворчатые стеклянные двери.

Акулина стояла перед клеткой, в которой беспокойно расхаживал тигр. Лорд проникся сочувствием к несчастному животному, лишенному свободы, поскольку сам провел в таком положении половину дня.

Как только Акулина его увидела, ее лицо озарилось облегчением и радостью. Она бросилась к нему и заключила в объятия. Крепко прижав ее к себе, Лорд ощутил, что она вся дрожит.

— Я уже собиралась уходить, — прошептала Акулина, осторожно проводя рукой по распухшему подбородку и заплывшему глазу Лорда. — Что произошло?

— Там были Орлегов и один из тех, кто охотился за мной.

— Я слышала твой крик по телефону.

Акулина рассказала про разговор с неизвестным мужчиной.

— Тот русский, который, судя по всему, у них главный, назвал себя Зубаревым. Наверное, в консульстве у него есть и другие помощники, кроме Витенко. Но лично я не думаю, что Витенко участвует в заговоре. Если бы не он, меня бы здесь не было.

Лорд рассказал о том, что случилось всего несколько минут назад.

— Я всю дорогу оглядывался, но за мной никто не следил.

Только сейчас он обратил внимание на сумку у Акулины на плече.

— А это еще что?

— Я не стала доверять это сейфу в гостинице. Лучше все держать при себе.

Лорд решил не попрекать ее за эту глупость.

— Нам нужно уходить отсюда. Как только мы окажемся в безопасном месте, позвоню Тейлору Хейесу и попрошу о помощи. Все это выходит из-под контроля.

— Я рада, что с тобой все в порядке.

Только теперь до Лорда дошло, что они по-прежнему обнимают друг друга. Отстранив Акулину от себя, он посмотрел на нее.

— Я не против, — тихо промолвила она.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты можешь меня поцеловать.

— Как ты догадалась, что я хочу именно этого?

— Просто я этого очень хочу.

Лорд на мгновение прижался к ее губам и тотчас же оторвался.

— Все это очень странно.

Одна из полосатых кошек, разгуливающих по вольеру, вдруг грозно зарычала.

— Ты думаешь, они не одобряют? — спросил Лорд и попытался улыбнуться израненными губами.

— А ты? — спросила Акулина.

— Я-то как раз обеими руками за. Но нам нужно уходить. Я приехал на машине консульства. Наверное, лучше ею больше не пользоваться. Консульство может заявить, что она угнана, и подключить к делу полицию. Возьмем такси. Когда я заходил сюда, я видел несколько свободных такси у входа. Вернемся в гостиницу, в которой ты поселилась, а завтра возьмем машину напрокат. Не думаю, что безопасно появляться в аэропорту или на автовокзале.

Сняв сумку с плеча Акулины, Лорд перевесил ее на свое и тотчас же ощутил вес золотых слитков. Он взял Акулину за руку, и они вышли из вольера, разминувшись с группой подростков, спешивших напоследок взглянуть на хищников.

В сотне ярдов впереди, под фонарем, освещающим дорожку, Лорд увидел Орлегова и Прищуренного, бегущих навстречу.

Мать Божья, как им удалось его найти?

Он схватил Акулину, и они помчались в противоположную сторону, мимо вольера со львами, к зданию с вывеской «ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ПРИМАТОВ». Их провожал пронзительные крики обезьян в клетках. Лорд и Акулина побежали по дорожке в глубь комплекса, потом резко свернули налево. Показался вольер с деревьями и большими валунами, отделенный бетонной оградой и глубоким рвом. По вольеру расхаживало семейство горилл, взрослая пара и трое детей.

На бегу Лорд заметил, что дорожка разветвляется, судя по всему огибая вольер по кругу. Слева тянулся высокий забор, огораживающий зоопарк, справа начиналась просторная поляна, обозначенная как «МУСКУСНЫЕ БЫКИ». Человек десять посетителей наблюдал за обезьянами, ужинавшими у горы фруктов посреди вольера.

— Дальше бежать некуда, — воскликнул Лорд, и в его голосе прозвучало отчаяние.

Надо что-то предпринять.

И тут в каменной стене в глубине вольера Лорд увидел решетчатую калитку. Он перевел взгляд на приматов, затем снова посмотрел на калитку. Наверное, именно туда гориллы уходят на ночь. Быть может, они с Акулиной успеют проскочить и закрыть за собой калитку, прежде чем обезьяны обратят на них внимание.

Все, что угодно, было предпочтительнее, чем попасться бандитам. Орлегов и Прищуренный настигали. Зная по собственному опыту, на что способна эта парочка садистов, Лорд решил рискнуть и воспользоваться гостеприимством обезьян. За решетчатой калиткой он разглядел дверь, свет и какое-то движение. Возможно, это служитель.

И может быть, там будет выход.

Размахнувшись, Лорд забросил сумку в вольер. Она с тяжелым стуком упала рядом с горкой фруктов. Гориллы встретили незваного гостя недовольными криками, осторожно приблизились к сумке, изучая ее.

— Пошли!

Лорд залез на бетонную стенку. Посетители проводили его удивленными взглядами. Акулина последовала за ним. Ров имел в ширину футов десять. Сама стенка была толщиной около фута. Разбежавшись, Лорд прыгнул, поднимая свое поджарое тело высоко в воздух и молясь, чтобы с противоположной стороны его ждала твердая земля.

К счастью, так оно и оказалось. Упав, Лорд почувствовал острую боль, разлившуюся по ступням и бедрам. Перекатившись на бок, он увидел, как Акулина ловко приземляется на ноги.

За стенкой показались Прищуренный и Орлегов.

Лорд рассчитывал, что убийцы в присутствии людей не осмелятся преследовать их или применять оружие. Кто-то из посетителей закричал, другие стали звать полицию.

Прищуренный вскочил на стенку. Он приготовился прыгнуть, но тут взрослая горилла подошла к краю рва. Поднявшись на задние ноги, обезьяна зарычала. Прищуренный поспешно ретировался.

С трудом поднявшись, Лорд показал знаком Акулине, чтобы она бежала к калитке. Ему самому путь преградила вторая взрослая горилла. Огромное животное передвигалось на всех четырех конечностях, опираясь пятками и костяшками пальцев на твердую землю. Судя по размерам и поведению, это был самец. Его коричневато-серая шерсть переливалась,

контрастируя с иссиня-черной кожей на груди, ладонях и лице. Горилла выпрямилась во весь рост, раздувая ноздри, выпятила широченную грудь и замахала длинными мускулистыми руками. Самец утробно взревел, и Лорд застыл на месте.

Меньшая горилла, рыжевато-бурой окраски, по-видимому самка, с вызовом приблизилась к Акулине. Лорд отчаянно жаждал ей помочь, но у него хватало своих проблем. Ему хотелось верить, что по телевизору про горилл рассказывали правду. Предположительно, эти крупные приматы «не столько кусали, сколько лаяли»: предпочитали демонстрацией физической силы запугать противника, заставить его отступить.

Краем глаза Лорд видел, что Орлегов и Прищуренный какое-то время наблюдали за ним, а потом направились туда, откуда пришли. Вероятно, такое внимание к происходящему было чрезмерным даже для них.

Но Лорд не только не хотел снова встречаться со своими преследователями-русскими; у него не было ни малейшего желания объясняться с полицией — по крайней мере, сейчас, — а ее уже наверняка вызвали.

Ему нужно было добраться до калитки. Но здоровенный самец, стоявший перед ним, начал колотить себя руками в грудь.

Самка попятилась, и Акулина, воспользовавшись этим, шагнула к Лорду. Внезапно самка метнулась вперед, но Акулина отреагировала мгновенно, запрыгнув на нижнюю ветку тополя, растущего в вольере. Она быстро взобралась на дерево и перескочила на следующую ветку. Самка, судя по всему, ошеломленная этим, тоже полезла на дерево. Лорду показалось, что выражение ее лица смягчилось. Вероятно, обезьяна сочла все происходящее игрой. Деревья, которыми был засажен вольер, тесно переплелись ветвями, создавая гориллам подобие естественной среды обитания, но сейчас это давало Акулине возможность уйти от погони.

Самец перестал колотить себя кулаками по груди и опустил на все четыре конечности.

Позади раздался приглушенный женский голос:

— Не знаю, кто вы такие, но я работаю в этом вольере. Я настоятельно рекомендую вам не двигаться.

— Уверяю вас, у меня и в мыслях нет шевелиться, — также шепотом ответил Лорд.

Склонив голову набок, горилла не отрывала пристального взгляда от его лица.

— Я за каменной стеной, у открытой калитки, — продолжал бестелесный голос. — Гориллы удаляются сюда на ночь. Но они лягут спать только после того, как расправятся со всей едой. Перед вами Король Артур. Он не отличается особым дружелюбием. Я постараюсь его отвлечь, а вы пробирайтесь за калитку.

— У моей подруги серьезные проблемы, — напомнил Лорд.

— Вижу. Но не всё сразу.

Король Артур медленно попятился к брошенной сумке. Уйти без этой сумки Лорд не мог. Он шагнул вперед. Пронзительно крикнув, обезьяна прыгнула к нему, словно приказывая остановиться.

Лорд повиновался.

— Не выводите его из себя, — прошептал у него за спиной женский голос.

Горилла обнажила клыки. Лорду не хотелось бы испытать на себе их остроту. Краем глаза он следил, как Акулина и самка лазают по деревьям. Похоже, непосредственная

опасность молодой женщине не угрожала; она умело сохраняла расстояние между собой и обезьяной, забравшись на толстую ветку и затем спрыгнув вниз. Самка попыталась повторить ее движение, однако под ее весом ветка прогнулась, и она с размаха ударилась о землю. Воспользовавшись этим, Акулина добежала до калитки.

Теперь настал черед Лорда.

Король Артур рывком поднял сумку с земли и начал возиться с ней, собираясь узнать, что внутри. Лорд шагнул к нему в надежде, что у него хватит ловкости вырвать сумку и убежать. Но Королю Артуру тоже было не занимать ловкости. Проворно метнувшись вперед, обезьяна схватила его за свитер. Оказавшись у нее в руках, Лорд отпрянул. Горилла, однако, не собиралась разжимать руку, и свитер медленно разорвался. Король Артур остался стоять, сжимая в одной руке сумку, а в другой свитер.

Лорд не шевелился.

Отшвырнув свитер, Горилла снова принялась терзать сумку.

— Быстро идите к калитке! — прошептала служительница зоопарка.

— Без сумки я никуда не пойду.

Огромная обезьяна дергала и рвала швы, то и дело погружая в ткань длинные острые зубы. Но плотная зеленая ткань оказалась прочной, и горилла, потеряв терпение, с размаха швырнула сумку в каменную стену. Быстро подбежав к сумке, Король Артур снова ударил ее о камень.

У Лорда внутри все оборвалось.

Яйцо Фаберже не могло перенести подобного обращения. Не раздумывая, Лорд бросился к сумке, упавшей на землю после третьего удара. Король Артур тоже поспешил к сумке, но Лорд его опередил. Самка подбежала к ним и, встав между Лордом и самцом, сама протянула руку к сумке, однако Король Артур дернул ее за шерсть на загривке, и она, взвизгнув, отступила. Пока самец разбирался со своей подругой, Лорд метнулся к раскрытой калитке.

Когда до спасения оставалось всего несколько шагов, Король Артур снова преградил ему дорогу.

Огромная горилла застыла в каких-нибудь пяти футах перед Лордом. В нос ударил сильный запах животного. Раздался приглушенный рык. Самец поднял верхнюю губу, обнажая резцы длиной с указательный палец Лорда. Медленно протянув руку, горилла провела пальцами по ткани сумки.

Лорд стоял неподвижно.

Обезьяна ткнула пальцем ему в грудь. Не больно, только чтобы достать до тела под рубашкой. Это движение было почти человеческим, и на мгновение страх отступил. Лорд пристально посмотрел в горящие глаза Короля Артура и прочитал в них, что опасность ему больше не угрожает.

Убрав палец, горилла шагнула назад.

Самка после взбучки тоже держалась в стороне.

Здоровенный самец продолжал медленно пятиться, и наконец дорога оказалась свободной. Лорд осторожно прошел, и решетчатая калитка закрылась у него за спиной.

— Я еще никогда не видела, чтобы Король Артур вел себя вот так, — призналась служительница, запирая калитку. — Он очень агрессивный самец.

Лорд посмотрел сквозь прутья решетки на гориллу, которая продолжала следить за ним, снова схватив свитер. Наконец животное потеряло интерес к свитеру и направилось к горке

фруктов.

— А теперь, будьте добры, объясните, что вы здесь делаете, — спросила женщина.

— Отсюда есть выход?

— Не так быстро. Сначала мыждемся полиции.

Этого Лорд допустить не мог. Неизвестно, как далеко протянулись щупальца тех, кто охотился за ним. Он заметил закрытую дверь. За армированным стеклом виднелся коридор. Схватив Акулину за руку, Лорд направился к двери.

Служительница в форме преградила им дорогу.

— Я же сказала, мыждемся прибытия полиции.

— Послушайте, у меня выдался очень тяжелый день. За мной охотятся люди, которые хотят меня убить, мне только что пришлось столкнуться лицом к лицу с трехсотфунтовой гориллой. У меня нет настроения с вами спорить. Надеюсь, вы меня поняли.

Поколебавшись, служительница освободила проход.

— Правильный выбор. А теперь — где ключ от этой двери?

Сунув руку в карман, женщина бросила Лорду ключ. Лорд и Акулина заперли дверь за собой.

Они вышли к двум большим ангарам с оборудованием, рядом пустовала автостоянка. Знак указывал, что это стоянка только для сотрудников зоопарка. Понимая, что возвращаться к главному входу нельзя, Лорд направился в сторону океана, к шоссе вдоль побережья. Ему хотелось как можно быстрее убраться отсюда, и он вздохнул с облегчением, увидев такси. Лорд остановил машину, и через десять минут водитель высадил их у парка «Золотые ворота».

Лорд и Акулина прошли в парк.

Впереди простиралось погруженное в темноту футбольное поле, справа был небольшой пруд. Парк тянулся на многие мили во все стороны. Деревья и кусты в вечерних сумерках превратились в бесформенные тени. Остановившись у скамейки, Лорд и Акулина сели. Нервы у Лорда были натянуты до предела, и он гадал, надолго ли его еще хватит. Акулина обняла его и положила голову ему на плечо.

— Просто поразительно, как ты обманула ту обезьяну, — заметил Лорд. — Ты чертовски хорошо лазаешь по деревьям.

— Не думаю, что эта горилла сделала бы мне что-то плохое.

— Я понимаю, что ты хотела сказать. Самец мог бы наброситься на меня, но не сделал этого. Он даже остановил самку.

Лорд вспомнил, как Король Артур колотил сумкой о каменную стену. Он поднял сумку с сырой травы. Фонарь над головой отбрасывал оранжевое свечение. Вокруг не было ни души. Становилось прохладно, и Лорд пожалел о разорванном свитере, оставшемся в вольере с гориллами.

Он расстегнул молнию сумки.

— Когда Король Артур швырял ее в стену, я мог думать только о яйце.

Достав бархатный мешочек, Лорд выкатил из него яйцо. Все три ножки сломались, многие бриллианты вывалились из оправы. Акулина быстро подставила руки, ловя драгоценные обломки. Само яйцо треснуло посередине.

— Оно безнадежно испорчено, — пробормотал Лорд. — Яйцо было бесценно. Не говоря о том, что это, возможно, означает конец наших поисков.

Глядя на трещину, зияющую в этом шедевре ювелирного искусства, он почувствовал

пустоту в груди. Лорд осторожно просунул палец в яйцо. Там было что-то белое и пористое. Похожее на упаковочный материал. Пощупав, Лорд понял, что это хлопчатобумажная ткань, свернутая настолько плотно, что невозможно освободить хотя бы кусочек. Он продолжал ощупывать яйцо изнутри в надежде найти механизм, поднимающий три миниатюрных портрета, но вместо этого наткнулся на что-то другое.

Определенно, там было что-то твердое.

И гладкое.

Подставив яйцо под рассеянный свет фонаря, Лорд разглядел тусклый блеск золота, на котором было что-то высечено.

Текст.

Схватив края яйца обеими руками, Лорд расширил трещину, раскрывая тонкие золотые стенки, словно это был спелый гранат.

Хейес увидел, как Орлегов и Прищуренный торопливо вышли из главных ворот зоопарка и направились к машине. Они с Хрущевым терпеливо ждали на стоянке. Крошечный маячок, который Хейес подвесил Лорду, исправно подавал сигналы. В консульстве осталось много подобной аппаратуры со времен холодной войны, когда Сан-Франциско был центром советской разведки, собиравшей информацию о важном калифорнийском регионе, где были сосредоточены многие военные объекты и предприятия, выпускающие оборонную продукцию.

Лорду позволили бежать, чтобы через него выйти на Акулину Петрову, в руках у которой, как предполагал Хейес, находилось то, что Лорд обнаружил в могиле Николая Максимова и в банковской ячейке. Имея возможность следить за добычей с безопасного расстояния, преследователи дали Лорду попетлять по улицам вечернего Сан-Франциско. Сперва Хейес посчитал место встречи странным, но потом сообразил, что Лорд позаботился, чтобы вокруг было многолюдно. А Хейесу сейчас как раз меньше всего нужно было привлечь к себе внимание.

— Не нравится мне выражение их лиц, — заметил Хрущев.

Хейесу оно тоже не понравилось, но он промолчал. Его утешало, что портативное устройство слежения с жидкокристаллическим экраном уверенно пищало, извещая о сильном сигнале маячка. Хейес нажал кнопку, и в задней двери «линкольна» опустилось стекло. Орлегов и Прищуренный подошли к машине.

— Мерзавец забрался в вольер к гориллам, — сказал Орлегов. — Мы попытались последовать за ним, но нас остановила эта долбаная тварь. Я рассудил, что шоу нам не нужно, поэтому мы вернулись. Мы просто выследим Лорда снова.

— Вы поступили разумно, — согласился Хейес. — Сигнал по-прежнему сильный.

Он повернулся к Зубареву.

— Пошли?

Хейес открыл дверь, и они вышли из машины. Орлегов зажал устройство слежения в руке, и все четверо направились к воротам зоопарка. Вдалеке послышался приближающийся вой сирен.

— Кто-то вызвал полицию, — заметил Хейес. — Надо действовать быстро. Здесь вам не Москва. Полиция задает слишком много вопросов.

В воротах никого не было. У вольера с гориллами собралась небольшая толпа. Прибор в руках Орлегова продолжал указывать на присутствие Лорда поблизости.

— Спрячь эту штуковину под куртку, — приказал Орлегову Хейес, не желая привлечь внимание.

Они приблизились к вольеру с приматами, и Хейес спросил, что здесь происходит. Какая-то женщина объяснила, что чернокожий мужчина и белая женщина перебрались через стену и ров и гориллы набросились на них. В конце концов им удалось проскользнуть в калитку в каменной стене и скрыться. Взглянув на ярко освещенный вольер, Хейес сразу же увидел, что держал в сжатом кулаке здоровенный самец гориллы.

Это был темно-зеленый свитер.

Тот самый свитер, в котором прятался маячок. Хейес тряхнул головой, вдруг вспомнив пророчество Распутина. «Невинность зверей будет охранять их и указывать им дорогу, став

высшим судьей успеха».

— Свитер у этой треклятой обезьяны, — сказал он Зубареву.

Тот, подойдя вплотную к стене, убедился в этом сам.

Судя по выражению лица, Хрущев тоже вспомнил предсказание старца.

— Определенно, зверь их спас. Интересно, указал ли он им дорогу.

— Хороший вопрос, — согласился Хейес.

Лорд раздвинул золотую оболочку яйца. Бриллианты полетели из оправы, словно капли сока из разломанного апельсина. На траву упал маленький золотой предмет. Нагнувшись, Акулина подобрала его.

Это был колокольчик.

Золото ярко блеснуло в свете фонаря, впервые за многие десятилетия оказавшись на свежем воздухе. Лорд разглядел крошечные буквы.

— Здесь написано по-русски, — сказала Акулина, поднося колокольчик к глазам.

— Ты можешь прочитать?

— «Там, где императорское дерево и Бытие, ждет Шип. Используйте те слова, которые привели вас сюда. Успех придет, если будут произнесены ваши имена и образован колокол».

Лорд устал от загадок.

— Что это значит?

Маленький колокольчик имел в высоту не более трех дюймов и всего пару дюймов в диаметре. Языка не было. Судя по весу, он отлит из чистого золота. Кроме букв, высеченных снаружи, других надписей и рисунков на нем не было. По-видимому, это последнее послание Юсупова.

Похоже, прямые потомки Николая II дожили до начала двадцать первого столетия. Пока коммунистические генсеки правили русским народом, наследники трона Романовых скрывались «там, где императорское дерево» — где бы это ни было. Лорд хотел разыскать их. Больше того, он должен был это сделать. Степан Бакланов не имел прав на русский трон, и, быть может, появление прямого потомка Романовых как следует встряхнет российский народ. Однако сейчас Лорд слишком устал, чтобы заниматься чем бы то ни было. Первоначально он собирался уехать из Сан-Франциско в тот же вечер, но теперь передумал.

— Давай вернемся в ту гостиницу, которую ты выбрала, и хорошенько выспимся. Утро вечера мудренее.

— А нельзя ли по дороге чего-нибудь перекусить? Я с утра ни крошки не съела.

Лорд ласково погладил ее по щеке.

— Ты сегодня отлично поработала, — сказал он.

— Я думала, мы больше никогда не увидимся.

— Не ты одна.

Она взяла его за руку.

— Мне эта мысль совсем не понравилась.

Как и ему.

Нежно поцеловав Акулину в губы, Лорд заключил ее в объятия. Они стояли в темноте, наслаждаясь одиночеством. Наконец Лорд засунул обломки яйца в бархатный мешочек, вместе с колокольчиком. Он закинул сумку на плечо, и они вышли из парка на соседний бульвар.

Минут через десять показалось такси, и Лорд назвал водителю гостиницу. Они

устроились рядышком на заднем сиденье. Пока машина ехала по ночному городу, Лорд размышлял о надписи на «адском колоколе».

«Там, где императорское дерево и Бытие, ждет Шип. Используйте те слова, которые привели вас сюда. Успех придет, если будут произнесены ваши имена и образован колокол».

Еще одно иносказание — понятное, если знать, что искать, но неспособное стать чудодейственной лозой в руках постороннего. Но Лорд понятия не имел, что они ищут. Эти загадочные слова написали где-то между 1918 годом, когда была расстреляна царская семья, и 1924 годом, когда умер Фаберже. Возможно, тогда их значение было более понятным, но время затянуло туманом когда-то недвусмысленное послание. Лорд смотрел на проплывающую за окном такси нескончаемую вереницу ресторанов и кафе. Вспомнив просьбу Акулины что-нибудь перекусить, он поймал себя на том, что тоже проголодался. С другой стороны, ему не хотелось нигде показываться.

Вдруг его осенила мысль.

Лорд объяснил водителю, что ему нужно, и тот, понимающе кивнув, через несколько минут отыскал подходящее заведение.

Лорд провел Акулину в кафе под названием «Кибер-дом», одно из многочисленных заведений, где посетители могли совместить доступ в Интернет с едой. А сейчас им как раз требовались ужин и информация.

Полупустой зал был отделан сверкающими панелями из нержавеющей стали и панно из дымчатого стекла с изображениями местных достопримечательностей. Посетители собрались перед телевизором с большим экраном. Судя по всему, фирменными блюдами в кафе были свежее разливное пиво и толстые сэндвичи.

Лорд прошел в туалет и быстро сполоснул лицо холодной водой, постаравшись, чтобы его синяки и ссадины не выглядели такими пугающими.

Они с Акулиной устроились в кабинке с монитором и сделали заказ. Официантка назвала пароль для входа в сеть. В ожидании ужина Лорд ввел запрос: «ИМПЕРАТОРСКОЕ ДЕРЕВО». Программа выдала около трех тысяч результатов. В основном это были ссылки на продукцию ювелирной фирмы под названием «Коллекция императорского дерева». Другие упоминания были связаны с влажными тропическими лесами, сельским хозяйством и лекарственными травами. Наконец Лорд нашел нужную справку: «*Paulownia Tomentosa* (императорское дерево) — пахучие фиолетовые цветы, распускающиеся в августе — сентябре».

Лорд вышел на эту страничку, и на экране появилась статья, рассказывающая, что родиной императорского дерева является Дальний Восток, но в тридцатых годах девятнадцатого века оно было завезено в Америку. Различные виды растения распространились по всей восточной части Соединенных Штатов благодаря семенным коробочкам, которые служили воланчиками в бадминтоне. Из легкой и прочной древесины японцы делали миски для риса, кухонные принадлежности и гробы. Растет дерево быстро, плодородного возраста достигает за пять — семь лет. Цветы очень красивые, с вытянутыми бледно-лиловыми лепестками, источают приятный аромат. Одно время дерево использовалось в лесной и бумажной промышленности благодаря быстрому росту и низкой стоимости производства. Особое распространение оно получило в горах на западе Северной Каролины, где многие годы выращивались целые плантации. Однако внимание Лорда привлекло происхождение названия. В статье указывалось, что дерево было названо в честь великой княжны Анны Павловны, дочери императора Павла I, правившего в России с 1797

по 1801 год. Павел I приходился прапрадедушкой Николаю II.

Лорд рассказал Акулине, что ему удалось выяснить.

Она поразилась.

— Узнать так много — и так быстро!

Лорд вспомнил, что доступ к Интернету в России до сих пор является большой сложностью. Некоторые клиенты «Придген и Вудворт» напряженно работали как раз над тем, чтобы подключить страну к Всемирной паутине. Однако главная проблема в том, что самый простенький персональный компьютер стоил столько, сколько большинство россиян не зарабатывало и за два года.

Лорд пролистал еще пару страничек, но больше не нашел полезной информации. Официантка принесла ужин и две банки пепси-колы. Они принялись за еду, и Лорд на несколько минут забыл о положении, в которое они попали. Он заканчивал расправляться с жареной картошкой, когда его осенила еще одна идея. Повернувшись к компьютеру, Лорд снова вызвал поисковую программу. Он ввел запрос «Северная Каролина» и нашел страничку, содержащую подробную топографическую карту штата. Переведя курсор на западный горный район, он увеличил масштаб.

— В чем дело? — спросила Акулина.

— Так, проверяю одну догадку, — ответил Лорд, не отрывая взгляда от компьютера.

На экране появился Эшвилл, темный кружок, от которого в четыре стороны расходились темно-красные линии, обозначающие федеральные магистрали номер сорок и двадцать шесть. На севере были обозначены города Бун, Грин-Маунтин и Балд-Крик. На юге сразу за Хендерсонвиллем проходила граница с штатами Южная Каролина и Джорджия. На западе был Мэгги-Велли, а дальше начинался штат Теннесси. На востоке маячил Шарлотт. Но Лорда интересовало шоссе, петляющее от Эшвилла на северо-восток через Голубые горы к границе с Виргинией. Крохотные города, разбросанные вдоль него, имели странные названия: Сиу, Бей-Бук, Чимни-Рок, Седар-Маунтин.^[7] Наконец рядом с Эшвиллом, южнее Буна, рядом с горой Грэндфазер, он нашел то, что искал.

Дженезис.^[8] На шоссе номер восемьдесят один.

«Там, где императорское дерево и Бытие, ждет Шип».

Лорд улыбнулся Акулине.

Среда, 20 октября

Лорд и Акулина проснулись рано и покинули гостиницу. Впервые за несколько последних лет Лорд спал с женщиной. Секса не было, поскольку оба были измучены и еще не отошли от пережитого, но они лежали в объятиях друг друга, и он то и дело проваливался в сон, подсознательно ожидая, что в номер вот-вот ворвутся Прищуренный с Орлеговым.

Утром Лорд и Акулина первым делом направились в финансовый район в агентство проката машин. Они проехали девяносто миль на северо-восток до Сакраменто, рассудив, что тамошний аэропорт более безопасен. Оставив машину, они вылетели прямым рейсом «Америкен эрлайнс» до Далласа. В самолете Лорд пролистал свежий журнал «Ю-эс-эй тудей». Собственный корреспондент в Москве сообщал, что Царская комиссия завершает свою работу. Выслушав всех претендентов, члены комиссии тайным голосованием сузили круг соискателей до трех человек, в их числе был Степан Бакланов. Второй тур выборов, первоначально назначенный на следующий день, перенесли на пятницу, так как у одного из членов комиссии скончался близкий родственник. Поскольку на втором этапе решение должно приниматься единогласно, не оставалось ничего другого, кроме как пропустить день. Аналитики предсказывали победу Бакланова и провозглашали этот выбор лучшим для России. В статье приводились слова историка: «Бакланов — ближайший к Николаю II. Из всех Романовых он самый Романов».

Лорд уставился на телефон, вмонтированный в спинку кресла впереди. Не следует ли ему связаться с кем-нибудь из государственного департамента или с Тейлором Хейесом и рассказать все, что ему известно? Несомненно, информация, которой располагали они с Акулиной, кардинально изменила бы исход голосования. Второй тур выборов отложили бы до тех пор, пока не проверят ее достоверность. Однако в пророчестве говорилось, что им с Акулиной предстоит выполнить задачу вдвоем. Каких-нибудь три дня назад Лорд отмахнулся бы от всего этого как от пьяных бредней жаждущего власти крестьянина, которому удалось коварством завоевать расположение российского императора и его супруги. Но гориллы... Звери. Король Артур разбил пасхальное яйцо. А самка остановила Прищуренного, не дав ему перепрыгнуть через ров.

«Невинность зверей будет охранять их и указывать им дорогу, став высшим судьей успеха».

Как мог Распутин предвидеть такое? Или это не более чем случайное совпадение? Если так, оно натягивало границы вероятного до точки разрыва. Неужели все это время наследник русского трона безмятежно жил в Америке? В крошечном городке Дженезис, штат Северная Каролина, с населением шесть тысяч триста пятьдесят шесть человек, согласно атласу, который Лорд купил в аэропорту. Административный центр округа Диллсборо. Крохотный городок в крохотном округе, затерявшемся в Аппалачских горах. Но если наследник действительно там, одно это изменит ход истории. Лорд гадал, как отнесется русский народ к тому, что двум царским детям удалось остаться в живых и скрыться в Америке, стране, неприязнь к которой воспитывали на протяжении десятилетий. Ему хотелось узнать, каким окажется этот наследник, ребенок или внук Алексея или Анастасии, родившийся и

выросший в Америке. Какие чувства он испытывает к своей Родине, которая теперь зовет его домой, чтобы взять в руки страну, находящуюся на грани полного коллапса?

Все это невероятно. И он, сын простого священника из Южной Каролины, принимал в происходящем самое непосредственное участие. Больше того, был неотъемлемой частью. Вороном рядом с Орлом-Акулиной. Перед ними стояла четкая задача: завершить расследование и найти Шип. Но поиски ведут и другие. Те, кто пытается повлиять на решение Царской комиссии. Люди, использующие деньги и власть, чтобы добиться своих корыстных целей. Неужели все это ложь, состряпанная теми, кто руками Филиппа Витенко заманил Лорда в российское консульство? Вряд ли. Жестокость Максима Зубарева придавала убедительности его словам. Степан Бакланов куплен с потрохами. Он не более чем «марионетка по своей воле». А эти люди, как сказал Зубарев, «умелые кукловоды». Что он еще говорил? «Единственное, что может помешать его восшествию на престол, — это неожиданное появление прямого потомка Николая Второго». Но кто они такие? И действительно ли им удалось подкупить и Царскую комиссию? Если так, какое это имеет значение, ведь он сам отправился в Москву как раз для того, чтобы отстаивать интересы Степана Бакланова. Этого результата ждут его клиенты. Этого хочет Тейлор Хейес. Так будет лучше для всех.

Будет ли?

Судя по всему, те самые силы, политические и криминальные, которые поставили Россию на колени, теперь собираются прибрать к рукам будущего абсолютного монарха. А это не какой-нибудь правитель восемнадцатого века с пушками и ружьями. У этого самодержца будет доступ к ядерному оружию, в том числе таким компактным системам, которые можно разместить в чемодане. Подобная власть не должна быть сосредоточена в руках одного человека, однако русские ни о чем другом и слышать не хотят. Для них царь — это нечто священное, связь с Богом и славным прошлым, которого они были лишены на протяжении целого столетия. Они хотят вернуться к тем временам, и для этого все готово. Но станет ли им лучше? Или Россия просто променяет одни проблемы на другие?

Лорд вспомнил пророчество Распутина.

«Двенадцать человек должны будут умереть, прежде чем возрождение полностью завершится».

Он мысленно пересчитал мертвых. Четверо в первый день, включая Артемия Белого. Милиционер на Красной площади. Соратник Пашенко. Иосиф и Василий Максимовы. Пока все, что предсказал старец, сбывалось в точности.

Значит, предстоит умереть еще четверым?

Хрущев беспокойно ерзал в кресле. Бывший партийный работник, член правительства, министр, человек с высоким положением и влиятельными связями, заметно нервничал. Хейес в который раз подумал, что русские привыкли открыто выражать свои чувства. Радость их бывает настолько бурной, что становится опасной. Горе, отчаяние не знают дна. Им свойственно метаться из одной крайности в другую, редко задерживаясь посередине. За два десятилетия общения с русскими Хейес усвоил, что они действительно очень серьезно относятся к понятиям доверия и преданности. Вся беда в том, что уходили многие годы, прежде чем один русский начинал по-настоящему доверять другому, и еще больше времени, если речь шла об иностранце.

Хрущев сейчас вел себя как настоящий русский. Всего двадцать четыре часа назад он

был совершенно спокоен, уверенный, что Лорд скоро окажется у него в руках. Теперь он стал молчаливым и рассеянным. Со вчерашнего вечера в зоопарке, когда выяснилось, что они потеряли добычу и ему предстоит объяснять остальным членам «тайной канцелярии», почему он одобрил предложение дать Лорду возможность бежать, Хрущев не произнес и десятка фраз.

Они сидели на втором этаже российского консульства, в кабинете Витенко, вдвоем, за запертой дверью. По телефону, подсоединенному к громкоговорителю, они общались с остальными членами «тайной канцелярии», которые собрались в кабинете московского особняка. Все были расстроены неприятным развитием событий, но никто в открытую не обвинял Хрущева.

— Да, та еще проблема, — послышался из динамика голос Ленина. — Ну кто смог бы предвидеть вмешательство какой-то гориллы?

— Распутин, — угрюмо пробормотал Хейес.

— Ага, господин Линкольн, — сказал Брежнев, — вижу, вы начинаете понимать нашу озабоченность.

— Я начинаю верить, что Лорд идет по следу потомков Алексея и Анастасии. Он ищет наследника трона Романовых.

— Похоже, — заметил Сталин, — сбываются наши худшие опасения.

— Есть какие-нибудь мысли, куда мог направиться Лорд? — спросил Ленин.

Именно над этим уже несколько часов размышлял Хейес.

— За его квартирой в Атланте следят сотрудники частного детективного агентства. Если он туда вернется, мы его возьмем и на этот раз не отпустим.

— Это было бы прекрасно, — сказал Брежнев. — Но что, если Лорд направится напрямик туда, где, по его предположениям, ждет наследник?

Такой поворот Хейес тоже обдумывал. У него были знакомые в правоохранительных органах. В ФБР, иммиграционной службе, управлении по контролю за наркотиками. Эти связи можно было бы задействовать, чтобы скрытно отслеживать передвижения Лорда, особенно если он воспользуется кредитной карточкой. Тогда появился бы доступ к информационному следу, подделать который Лорд не в состоянии. Но в этом случае в деле оказались бы замешаны силы, от которых Хейес предпочитал держаться подальше. Его сбережения были надежно спрятаны в швейцарских банках, и он намеревался в ближайшее время насладиться этими деньгами — к которым должны добавиться еще несколько миллионов. Можно уйти из фирмы, продав свою долю за семизначную цифру. Несомненно, партнеры захотят, чтобы он остался хоть в каком-то качестве, чтобы его фамилия продолжала фигурировать в важных документах ради лояльности постоянных клиентов. И он, разумеется, согласится. Если ему назначат приличное ежегодное вознаграждение, достаточное, чтобы покрывать скромные расходы человека, живущего в собственном замке в Европе. Все будет просто великолепно. Хейес был абсолютно уверен, что никто не разрушит его планы. Поэтому в ответ на вопрос Брежнева он солгал.

— У меня есть кое-какие возможности. Здесь есть люди, такие же как те, которыми вы обеспечили меня в России.

На самом деле у Хейеса еще никогда не возникало необходимости в подобных людях, и он понятия не имел, как на них выйти, однако его российским приятелям вовсе необязательно об этом знать.

— Не думаю, что у нас возникнут проблемы.

Он встретился взглядом с Хрущевым. Динамик молчал; московские собеседники, несомненно, желали услышать больше.

— Я уверен, что Лорд сам свяжется со мной, — объявил Хейес.

— Почему вы так думаете? — спросил Хрущев.

— У него нет оснований мне не доверять. Я его босс, и у меня есть связи в российском правительстве. Он мне позвонит, особенно если действительно кого-то разыщет. Я буду первым, с кем ему захочется поделиться этим известием. Лорд прекрасно понимает, что поставили на карту наши клиенты и какое значение это будет иметь для них и для него. Он обязательно свяжется со мной.

— Пока что Лорд этого не сделал, — напомнил Ленин.

— Но он постоянно под огнем и в бегах. К тому же пока ему нечем похвастаться. Он все еще ищет. И пусть ищет. Когда Лорд что-нибудь найдет, он свяжется со мной. Я в этом уверен на все сто.

— Нам осталось продержаться всего два дня, — сказал Сталин. — К счастью, после того как комиссия выберет Бакланова, помешать его восшествию на престол будет очень нелегко, особенно если правильно манипулировать общественным мнением. Если что-то из того, что раскопал Лорд, все-таки всплывет, достаточно будет просто выдать все за очередной провокационный обман. И никто всерьез ему не поверит.

— Не совсем так, — возразил Хейес. — Поскольку генетический код Романовых сейчас подробно изучен, анализ ДНК подтвердит убедительную родственную связь с Николаем Вторым и его женой. Согласен, проблему можно решить, но нам в качестве наследников нужны трупы, а не живые люди, причем эти трупы никто и никогда не должен найти. Их надо будет кремировать, а пепел развеять, чтобы стерлись даже воспоминания о них.

— Это можно устроить? — спросил Хрущев.

Хейес не мог сказать, как будет решать этот вопрос, но знал, насколько высоки ставки. Поэтому выдал своим партнерам правильный ответ:

— Разумеется.

Дженезис, штат Северная Каролина
16 часов 15 минут

Лорд с новым интересом рассматривал густые рощи высоких деревьев по обе стороны от круто поднимающейся в гору дороги. Кора у них была темно-серая в пятнах, продолговатые листья зеленели изумрудом. Лорд неоднократно бывал в этих краях, приезжая сюда на выходные, и сейчас он узнавал более широко распространенные платаны, буки и дубы. Но эти ветвистые деревья он всегда принимал за разновидность тополя. Теперь же ему было известно, что это такое на самом деле.

— Это императорское дерево, — указал Лорд. — Вчера вечером я прочитал, что именно в это время года взрослые деревья разбрасывают созревшие семена. Одно дерево дает около двадцати миллионов семян. Легко понять, почему они здесь повсюду.

— Ты приезжал сюда раньше? — спросила Акулина.

— Я бывал в Эшвилле, через который мы недавно проехали, и в Буне, это чуть дальше на север. Зимой здесь крупный горнолыжный курорт, а летом живописное туристическое место.

— Мне это напоминает Сибирь. Те края, где жила бабушка. Там такие же невысокие горы, заросшие лесом. И воздух прохладный и свежий. Я очень любила бывать там.

Осень вступала в свои права. Долины и склоны гор пылали красным, золотым и оранжевым, в низинах клубился густой туман. Только сосны и императорские деревья сохраняли жизнерадостный летний наряд.

В Далласе Лорд и Акулина пересели на рейс до Нэшвилла. Оттуда полупустой самолет местных линий с час назад доставил их в Эшвилл. В Нэшвилле у Лорда закончились наличные, и он воспользовался кредитной картой. Он волновался, как бы не пришлось пожалеть об этом шаге, поскольку прекрасно знал, как легко можно проследить за всеми действиями, совершенными по банковской карте. Впрочем, приобретение авиационных билетов тоже можно отследить. Оставалось надеяться, что слова Максима Зубарева насчет связей в ФБР и иммиграционной службе на самом деле были не более чем пустой похвалой. Лорд сам точно не мог сказать почему, но он не сомневался, что русские действуют независимо от государственных органов Соединенных Штатов: быть может, были какие-то второстепенные контакты, скрытые и незначительные, но ничего подобного полномасштабным розыскам американского юриста и российской акробатки. Для этого, рассуждал Лорд, потребовались бы весьма подробные объяснения. К тому же существовал слишком большой риск, что он успеет рассказать американцам все до того, как русские возьмут ситуацию под контроль. Нет. Русские действуют сами по себе, по крайней мере пока.

Поездка на машине на север из Эшвилла была очень приятной. Дорога пересекла Голубой хребет и зазмеилась мимо пологих лесистых гор. Сам Дженезис оказался живописным городком с домами из кирпича, дерева и природного камня, полным художественных галерей, антикварных лавок и сувенирных магазинов. Вдоль Мэйн-стрит тянулись скамьи, укрытые ветвями раскидистых платанов. На одном перекрестке

господствующее место занимало кафе-мороженое, на других — банк и продовольственный магазин. Жилые дома располагались на окраинах. Когда Лорд и Акулина въехали в городок, солнце опустилось низко, превратив небо из ярко-голубого в бледно-розовое. Деревья и вершины гор потускнели до темно-фиолетового цвета. Судя по всему, в этих краях вечерело рано.

— Вот мы и прибыли на место, — заметил Лорд. — Теперь осталось только найти, кто такой или что такое этот Шип.

Он собирался заглянуть в ближайший магазин и попросить телефонный справочник, но тут его внимание привлекла надпись. На двухэтажном здании из красного кирпича, как раз напротив окружного суда, висела чугунная вывеска. Черные буквы сообщали: «КОНТОРА МАЙКЛА ТОРНА, АДВОКАТА». Указав Акулине на вывеску, Лорд перевел ее содержание.^[9]

— Совсем как в Стародубе, — сказала она.

Лорд подумал то же самое.

Он оставил машину в квартале отсюда. Они с Акулиной быстро вернулись пешком назад и зашли в контору. Секретарша сообщила, что мистер Торн сейчас в суде — заканчивает работу с бумагами — и скоро вернется. Лорд выразил желание немедленно переговорить с адвокатом, и секретарша объяснила, где его можно найти.

Они прошли в здание окружного суда, строение из кирпича и природного камня в неоклассическом стиле с величественным портиком и куполом, обязательным для всех государственных учреждений Юга. Бронзовая табличка у входа извещала, что дом построен в 1898 году. Лорду нечасто доводилось присутствовать в суде; по своей работе он бывал в основном в залах совещаний ведущих финансовых корпораций во всех крупнейших американских городах и столицах государств Восточной Европы. Сам он ни разу не представал перед судом ни в каком качестве. В компании «Придген и Вудворт» работали сотни юристов, занимавшихся такими делами. Лорд же подготавливал заключение сделок. Оставался за кулисами. Но все изменилось ровно неделю назад, когда его выбросило на авансцену.

Они нашли Майкла Торна в архиве, склонившимся над огромным талмудом. В резком свете люминесцентных ламп Лорд увидел лысеющего мужчину средних лет. Невысокого, коренастого, но не излишне полного, с тонкой переносицей, высокими скулами и моложавым для его возраста лицом.

— Майкл Торн? — спросил он.

Оторвавшись от книги, мужчина улыбнулся.

— Совершенно верно.

Лорд представил Акулину и представился сам. В помещении без окон, кроме них, никого больше не было.

— Мы только что из Атланты.

Предъявив удостоверение члена адвокатской коллегии штата Джорджия, Лорд повторил ту же историю, какой воспользовался в сан-францисском банке.

— Я здесь по делу о наследстве, связанном с родственницей мисс Петровой.

— Похоже, вы занимаетесь не только кабинетной работой, — усмехнулся Торн, указывая на его разбитое лицо.

Лорд быстро придумал подходящее объяснение.

— Я увлекаюсь боксом, по выходным участвую в любительских соревнованиях. В

последний раз мне досталось гораздо больше ударов, чем нанес я сам.

Торн улыбнулся.

— Чем могу помочь, мистер Лорд?

— Вы давно ведете практику в Джenezисе?

— Всю жизнь, — ответил Торн, и в его голосе прозвучала гордость.

— У вас очень красивый город. Я здесь впервые. Значит, вы родом отсюда?

Торн удивился.

— Мистер Лорд, к чему эти вопросы? Кажется, вы сказали, что ведете дело о наследстве. Кто там у вас умер? Не сомневаюсь, я должен знать этого человека.

Сунув руку в карман, Лорд достал «адский колокол» и протянул его Торну, внимательно наблюдая за его реакцией.

Торн равнодушно осмотрел колокольчик, снаружи и внутри.

— Впечатляет. Чистое золото?

— Думаю, да. Вы можете прочесть, что на нем написано?

Взяв со стола очки, Торн изучил надпись.

— Буквы совсем крошечные.

Ничего не сказав, Лорд оглянулся на Акулину. Она тоже пристально следила за Торном.

— Сожалею, но эта надпись на каком-то иностранном языке. На каком именно, не могу сказать. Боюсь, английский — мое единственное средство общения, и кое-кто говорит, что я и им не слишком-то хорошо владею.

— Претерпевший же до конца спасется, — сказала по-русски Акулина.

Торн долго смотрел на нее. Лорд так и не смог определить, то ли он был поражен, то ли просто ничего не понял. Наконец Торн перевел взгляд на него.

— Что она сказала?

— Претерпевший же до конца спасется, — перевел неанглийский Лорд.

— Это слова из Евангелия от Матфея, — сказал Торн. — Но какое отношение они имеют к делу?

— Для вас эти слова ничего не значат? — спросил Лорд.

Торн возвратил ему колокольчик.

— Мистер Лорд, что вам от меня нужно?

— Понимаю, что это может показаться странным, но мне нужно задать вам еще несколько вопросов. Вы не уважите меня?

Торн снял очки.

— Говорите.

— В Джenezисе много Торнов?

— У меня две сестры, но они живут не здесь. В городе есть и другие семьи с такой же фамилией, одна весьма большая, но мы не родственники.

— Как их найти?

— Просто загляните в телефонный справочник. А что, к вашему наследству имеет отношение кто-то из Торнов?

— В каком-то смысле.

Лорд старался не таращиться во все глаза, но все же пристально разглядывал Торна, пытаясь найти фамильное сходство с Николаем II. Наконец он сообразил, что это полный бред. Романовых он видел только на размытых черно-белых кинолентах и фотографиях. Да и что он смыслит в фамильном сходстве? Со всей определенностью можно сказать только, что

Торн невысокого роста, как и последний русский царь, но все остальное — чистой воды фантазия. Чего он ожидал? Что предполагаемый наследник прочитает слова на колокольчике и разом превратится в российского самодержца? Но это вам не сказка. Речь о жизни и смерти. И если предполагаемому наследнику известно то, что знал сам Лорд, он будет держать рот на замке, не высовываясь из щели, где прятался все эти годы.

Лорд убрал колокольчик в карман.

— Мистер Торн, прошу прощения, что отнял у вас время. Наверное, вы считаете нас чудаками, и я вас в этом не виню.

На лице Торна появилась улыбка.

— Что вы, мистер Лорд. Судя по всему, в этом деле вам требуется полное доверие клиента. Я это прекрасно понимаю. Все в порядке. Итак, если у вас больше нет ко мне вопросов, мне бы хотелось закончить поиски, пока меня отсюда не попросили.

Они пожали руки.

— Рад был с вами познакомиться, — сказал Лорд.

— Если вам понадобится помощь в розысках остальных Торнов, моя контора прямо напротив. Завтра я буду там с утра.

Лорд улыбнулся.

— Спасибо. Буду иметь в виду. Кстати, вы можете посоветовать, где здесь лучше остановиться на ночь?

— С этим могут возникнуть проблемы. Сейчас как раз самый разгар туристического сезона, почти все гостиницы заполнены. Но поскольку сегодня среда, один номер на пару ночей отыскать можно. Вот в выходные была бы полная беда. Так, дайте-ка я звякну в одно место.

Достав из кармана пиджака сотовый телефон, Торн набрал номер, сказал несколько слов и дал отбой.

— У одного моего знакомого маленькая частная гостиница, и не далее как сегодня утром он жаловался, что дела идут не слишком хорошо. Она называется «Азалия». Это недалеко. Давайте я нарисую, как ее найти.

Гостиница «Азалия» представляла собой очаровательное здание в стиле королевы Анны, на окраине городка. Вокруг господствовали буки, владение окружал белый частокор. На крыльце расставлены кресла-качалки. От внутреннего убранства веяло духом старины: стеганые одеяла, растрескавшиеся балки перекрытий под потолком и камин, топящиеся дровами.

Лорд снял один номер, чем удивил пожилую женщину, выдававшую ключи. Он вспомнил реакцию администратора гостиницы в Стародубе, который отказывался поселить иностранца. Но позиция дежурной объяснялась совсем другим. Черный мужчина и белая женщина. Трудно поверить, но цвет кожи по-прежнему имеет значение.

— Что там случилось? — спросила Акулина, когда они наконец вошли в номер.

Комната на втором этаже оказалась просторной и светлой, со свежими цветами на столе и пышными подушками на двуспальной кровати.

— Остались еще люди, которые считают, что расам нельзя смешиваться.

Лорд бросил на кровать две сумки, те самые, которыми их целую вечность назад снабдил Семен Пашенко. Золотые слитки он оставил в камере хранения аэропорта Сакраменто. То есть их возвращения дожидались уже три доли царской сокровищницы.

— Законы способны изменить человека, — продолжал Лорд, — однако в первую очередь он должен измениться сам, внутренне. Но ты не бери в голову.

Акулина пожала плечами.

— В России тоже полно своих предрассудков. Мы не любим иностранцев, темнокожих, узкоглазых. И плохо относимся к ним.

— Русскому народу придется привыкать к царю, который родился и вырос в Америке.

Лорд присел на край кровати.

— Насколько я понимаю, об этом еще никто не думал.

— По-моему, этот адвокат был совершенно искренен. Он понятия не имел, о чем шла речь.

— Да, — согласился Лорд, — я внимательно наблюдал за ним, когда он рассматривал колокольчик, и потом, когда ты произнесла слова из Евангелия.

— Он сказал, что есть и другие Торны?

Лорд подошел к столику с телефоном и взял лежавший рядом справочник. Раскрыв его на букве «Т», он нашел шесть Торнов и еще двоих Торнсов.

— Завтра займемся ими. Если понадобится, наведаемся в гости ко всем. Может быть, стоит воспользоваться предложением нашего Торна и заручиться его помощью. Полагаю, участие местного адвоката упростит задачу. А пока что давай поужинаем и немного отдохнем.

Они поели в тихом ресторане в двух кварталах от «Азалии». Его окна выходили на тыквенное поле. Лорд познакомил Акулину с жареными цыплятами, картофельным пюре, кукурузой на початке и чаем со льдом. Сначала его позабавило, что для нее все это в диковинку, но потом он вспомнил, что сам до приезда в Россию никогда не пробовал дрожжевых гречишных оладий, борща и сибирских пельменей.

Погода к вечеру установилась сказочная. На небе ни облачка, над головой сверкал Млечный Путь.

Дженезис жил полной жизнью только в светлое время суток: с наступлением темноты закрылось все, кроме нескольких ресторанов и кафе. После непродолжительной прогулки по городу Лорд и Акулина вернулись к гостинице и вошли в фойе.

В кресле у лестницы сидел Майкл Торн.

Адвокат был в простом бежевом свитере и синих джинсах. Когда Лорд закрыл за собой входную дверь, он встал и спокойно спросил:

— Этот колокольчик с вами?

Достав из кармана золотой колокольчик, Лорд протянул его Торну. У него на глазах тот вставил на место золотой язычок и покачал рукой, пытаясь позвонить. Однако вместо чистого звона раздался лишь глухой стук.

— Золото слишком мягкое, — объяснил Торн. — Но, полагаю, вам необходимы и другие доказательства того, кто я такой.

Лорд молчал.

Торн посмотрел ему в глаза.

— Там, где императорское дерево и Бытие, ждет Шип. Используйте те слова, которые привели вас сюда. Успех придет, если будут произнесены ваши имена и образован колокол.

Он помолчал.

— Вы Ворон и Орел. А я тот, кого вы ищете.

Торн произнес эти слова шепотом, но на безукоризненном русском языке.

Опешивший Лорд молча смотрел на него.

— Мы можем пройти к вам в номер? — спросил Торн.

Они молча поднялись на второй этаж. Как только дверь в номер была заперта на замок, Торн сказал по-русски:

— Никогда не думал, что мне придется увидеть колокольчик и услышать эти слова. Я десятилетиями хранил язычок, зная, что предстоит сделать, если представится такой случай. Мой отец предупредил, что этот день обязательно придет. Сам он прождал шестьдесят лет, но так и не дождался. Перед смертью отец сказал, что это произойдет на моем веку. Я ему не поверил.

Все еще оглушенный, Лорд указал на колокольчик и спросил:

— Почему он называется «адским колоколом»?

Торн подошел к окну и уставился на улицу.

— Это из Радищева.

Лорд узнал фамилию.

— Он цитировался на золотом листке, оставленном в сан-францисском банке.

— Юсупов был большим поклонником Радищева. Он любил русскую поэзию. В одном из произведений Радищева говорится: «Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстро. Мы узрим окрест нас меч и отраву... смерть и пожигание». На мой взгляд, очень подходящие слова.

Лорд постепенно приходил в себя. Помолчав, он спросил:

— Вы следите за тем, что сейчас происходит в России? Почему вы не заявили о себе?

Торн отвернулся от окна.

— Мы с отцом много спорили на этот счет. Отец был ярким монархистом, настоящей старой закалки. Он был лично знаком с Феликсом Юсуповым. Неоднократно встречался с ним. Я же всегда полагал, что время самодержавия давно прошло. И в современном обществе нет места таким архаичным понятиям. Но отец был убежден, что кровь Романовых возродится. И вот это происходит сейчас. Меня учили молчать и не открывать, кто я такой, до тех пор, пока не придут Орел и Ворон и не произнесут нужные слова. Все остальное надлежало считать ловушкой, расставленной нашими врагами.

— Русский народ хочет вашего возвращения, — сказала Акулина.

— Степан Бакланов будет расстроен, — заметил Торн.

Лорду показалось, что в этих словах прозвучала искорка веселья. Он рассказал Торну о своем участии в работе Царской комиссии и о том, что произошло за последнюю неделю.

— Именно поэтому Юсупов надежно спрятал нас. Ленин хотел уничтожить всех, в чьих жилах текла хоть капля крови Романовых, опасаясь реставрации монархии. Лишь потом, осознав, что Сталин будет для страны многократно хуже любого царя, Ленин понял, что совершил ошибку, расправившись с царской семьей.

— Господин Торн... — начал было Лорд.

— Пожалуйста, зовите меня Михаилом.

— Быть может, более подходящим будет титул «ваше императорское величество»?

Торн нахмурился.

— Определенно, мне будет трудно к нему привыкнуть.

— Вам угрожает смертельная опасность. Насколько я понял, у вас есть семья?

— Жена и двое сыновей, оба учатся в колледже. Я еще ни о чем с ними не говорил. На этом условии особенно настаивал Юсупов. Полная анонимность.

— Необходимо все рассказать им и вашим сестрам, о которых вы говорили.

— Я собираюсь всем все рассказать. Но я не знаю, как отнесется моя жена к тому, что ей предстоит стать царицей. Старшему сыну тоже придется привыкать к новому положению. Теперь он цесаревич, наследник престола, а его брат — великий князь.

У Лорда было так много вопросов, но больше всего он хотел узнать только одно.

— Вы можете нам рассказать, как Алексей и Анастасия оказались в Северной Каролине?

И Торн рассказал историю, от которой у Лорда по спине побежали мурашки.

Все началось вечером 16 декабря 1916 года, когда Феликс Юсупов угостил Григория Распутина тортом и вином, отравленными цианистым калием. Но яд не смог убить жертву, и тогда Юсупов выстрелил старцу в спину. Когда и пуля не довершила дело, сообщники Юсупова загнали пытавшегося спастись бегством Распутина в заснеженный двор и расстреляли. Они бросили тело в полынью в замерзшей Неве, довольные сделанным делом.

После убийства Распутина Юсупов открыто купался в славе. В мечтах он даже видел смену правящего в России дома с Романовых на Юсуповых. По всей стране ходили разговоры о революции. Свержение Николая II казалось лишь вопросом времени. Юсупов являлся самым богатым человеком в России. Благодаря своему состоянию он пользовался значительным политическим влиянием. Но другой человек, по фамилии Ленин, поднялся на гребне волны недовольства самодержавием, и близился закат российской знати, какие бы фамилии она ни носила.

Убийство Распутина необычайно сильно подействовало на царскую семью. Николай II и Александра Федоровна еще больше замкнулись в себе, и влияние императрицы на супруга стало как никогда мощным. Властной верхушке было попросту безразлично общественное мнение. Российское дворянство владело французским языком лучше, чем родным русским. Вельможи проводили за границей больше времени, чем у себя на родине. Они рвались к чинам и наградам, но были равнодушны к долгу перед страной. Разводы и мезальянсы выставляли их в невыгодном свете перед простыми людьми.

Окружение Николая ненавидело Распутина. Никто не сокрушался по поводу смерти старца, и многие даже осмеливались высказывать царю свои чувства. Это убийство вбило клин между царской семьей и остальными членами дома Романовых. Кое-кто из великих князей начал в открытую поговаривать о переменах. Большевики воспользовались этим расколом, свергли Временное правительство, пришедшее на смену Николаю II, и насильно захватили власть, попутно убивая всех попадавшихся под руку Романовых.

Юсупов продолжал во всеуслышание утверждать, что убийство Распутина было правильным шагом. Отправленный царем за это преступление в ссылку в одно из своих имений в Центральной России, Юсупов, к счастью для себя, оказался в стороне от Февральской, а затем и Октябрьской революций 1917 года. Сначала он поддержал перемены, даже предложил содействие, но, когда Советы конфисковали его фамильное состояние, а его самого чуть не арестовали, он наконец осознал, какую страшную ошибку совершил. Смерть Распутина произошла слишком поздно, чтобы повлиять на ход событий. Своей непродуманной попыткой спасти российскую монархию Юсупов в действительности

нанес ей смертельный удар.

Вскоре после Октябрьской революции и прихода Ленина к власти Юсупов определился, как быть дальше. Он собрал группу бывших офицеров императорской гвардии и поставил задачу: освободить взятых под стражу членов царской семьи и восстановить самодержавие. Юсупов надеялся, что Николай поймет его запоздалое раскаяние и простит его за убийство Распутина. В этом он видел путь к искуплению своей вины, которая заключалась не в том, что он избавил мир от Распутина, а в том, что в конечном счете это привело к свержению Николая и аресту его семьи.

Когда в начале 1918 года царскую семью отправили в Сибирь, Юсупов понял, что настало время действовать. Были задуманы три попытки освобождения, но ни одна так и не пошла дальше общего планирования. Большевики бдительно охраняли своих царственных пленников. К английскому королю Георгу V, приходившемуся Николаю II кузеном, обращались с просьбой предоставить Романовым убежище. Сперва он согласился, но потом, уступив давлению, отказал в разрешении иммигрировать.

Именно тогда Юсупов осознал, что судьба царской семьи решена.

Он вспомнил предсказание Распутина, что, если его убийцей будет дворянин, Николаю II и его семье не прожить и двух лет. Из всех российских дворян, если не брать самих Романовых, род Юсуповых был самым высокопоставленным, и жена Феликса приходилась царю племянницей. Похоже, старец был прав.

И все же Юсупов решил изменить начертанное судьбой.

Он направил в Екатеринбург Николая Максимова и других с приказом любой ценой освободить царскую семью. Юсупов пришел в восторг, когда Максимову удалось проникнуть в ряды тех, кто охранял пленников. И уж самым настоящим чудом казалось, что Максимов присутствовал при казни царской семьи, спас Алексея и Анастасию и смог вынести их из грузовика, перевозившего трупы. Вернувшись на то место в лесу, где их оставил, он обнаружил обоих живыми. Поразительно, но цесаревича не тронули ни пуля, ни штык. После удара прикладом, нанесенного Анастасии во время казни самим Максимовым, у нее был поврежден череп, но других серьезных ранений девушка не получила, корсет с защитными драгоценностями защитил ее от выстрелов палачей. Правда, одна пуля все же попала ей в ногу, но эта рана зажила, и единственным последствием осталась хромота, которая сохранилась до конца жизни.

Максимов отвел детей в избу на западной окраине Екатеринбурга. Там ждали еще три человека. Приказ Юсупова был предельно четким. Увезти царскую семью на восток. Но семьи больше не было. Только двое перепуганных до смерти подростков.

В первые дни после расправы Алексей не промолвил ни слова. Он неподвижно сидел в углу избы. Мальчик едва притрагивался к еде и питью, полностью ушел в себя. Впоследствии он признался, что от вида того, как расстреляли его родителей, как его драгоценная матушка захлебнулась собственной кровью, как штыки вспарывали тела его сестер, у него помутился рассудок и удержаться ему помогли только слова, которые как-то сказал ему Распутин.

«Ты — будущее России, и ты должен любой ценой остаться в живых».

Алексей сразу же узнал в Максимове гвардейского офицера, который служил во дворце. Обладающему недюжинной физической силой Максимову нередко приходилось носить цесаревича на руках, когда тот из-за приступов гемофилии не мог ходить самостоятельно. Вспомнив нежность, с какой относился к нему рослый гвардеец, Алексей без вопросов повиновался, когда тот приказал молчать и не шевелиться.

Потребовалось почти два месяца, чтобы переправить спасенных во Владивосток. Семена революции распространялись быстро, но мало кто представлял себе, как выглядят царские дети. К счастью, за это время у цесаревича не случилось обострения, хотя один приступ все же был, когда он уже находился здесь.

На тихоокеанском побережье России их ждали люди Юсупова. Первоначально Юсупов собирался оставить спасенных царских детей во Владивостоке, однако чаша весов в Гражданской войне все больше склонялась в пользу красных. Не вызывало сомнений, что вскоре вся полнота власти перейдет к большевикам. Юсупов понял, что делать дальше.

Беженцы целыми пароходами переправлялись из России на Западное побережье Соединенных Штатов. Главным перевалочным пунктом стал Сан-Франциско. Алексей и Анастасия вместе с русским дворянином и его женой, специально нанятыми для этой задачи, сели на пароход, отплывающий в Америку, в декабре 1918 года.

Сам Юсупов бежал из России в апреле 1919 года вместе с женой и четырехлетней дочерью. Сорок восемь лет он путешествовал по Европе и Америке. Юсупов написал книгу воспоминаний. Время от времени, когда ему казалось, что его образ искажен в каком-нибудь фильме или книге, он вынужден был защищать свою репутацию в громких и ожесточенных судебных процессах. Для окружающих Юсупов оставался гордым и независимым бунтарем, по-прежнему убежденным, что убийство Распутина в сложившихся обстоятельствах было делом правильным. Он упорно отрицал свою вину в последовавших событиях и не признавал себя ответственным за то, что произошло с Россией. Только самые близкие знали его истинные чувства. Юсупов люто ненавидел Ленина и Сталина. Распутина он убил, желая освободить Николая II от прогерманского ярма Александры Федоровны, однако при этом у него и в мыслях не было свержения российского самодержавия. Но вместо этого, как и предсказал Распутин, Нева окрасилась кровью русской знати. Романовы погибли один за другим.

России пришел конец.

Родился Союз Советских Социалистических Республик.

— Что произошло с Алексеем и Анастасией, когда они переправились в Соединенные Штаты? — спросил Лорд.

Торн сидел на диване перед окном. Акулина пристроилась на краю кровати. Она слушала с неприкрытым изумлением, как Торн заполняет пробелы в том, что уже было им известно. Лорд тоже был поражен.

— Здесь их ждали два человека Юсупова, присланные заранее, чтобы найти безопасное место. Один из них изъездил восточную часть Соединенных Штатов, побывал в Аппалачии. Узнав про императорское дерево, он нашел эту связь очень многозначительной. Поэтому подростков доставили сначала в Эшвилл, а потом дальше на север, в Дженезис. Они поселились вместе с русской супружеской парой, с которой переправлялись в Америку. Фамилию Торн выбрали из-за ее распространенности в здешних краях. Так Алексей и Анастасия стали Павлом и Анной Торн, детьми Карела и Илки Торн, супругов-поляков, эмигрировавших из Литвы. В то время в Америку иммигрировали миллионы людей. И никто не обратил внимания на эту семью. В Буне большая польская община. А в те времена в Соединенных Штатах никто ничего не знал о судьбе русской императорской семьи.

— Алексей и Анастасия были здесь счастливы? — спросила Акулина.

— О да. У Юсупова были крупные вложения в акции американских компаний, и

дивиденды использовались для обустройства на новом месте. Однако было сделано все, чтобы скрыть богатство. Торны жили очень скромно, поддерживая связь с Юсуповым только через посредников. Лишь несколько десятилетий спустя мой отец лично встретился с Юсуповым.

— Долго они прожили?

— Анастасия умерла в двадцать втором году. От воспаления легких. К сожалению, это произошло всего за несколько недель до ее предстоящего замужества. Юсупов в конце концов нашел подходящего молодого человека знатного происхождения, удовлетворяющего всем критериям для того, чтобы породниться с царской семьей. Алексей женился годом раньше. Ему только исполнилось восемнадцать лет, но были опасения, что его заболевание будет быстро прогрессировать. В то время лечить гемофилию еще не умели. Юсупов устроил брак цесаревича с дочерью одного из тех, кто работал на него. Девушке, моей бабушке, тогда было всего шестнадцать лет, но она соответствовала всем предписанным требованиям для будущей царицы. Ее переправили в Соединенные Штаты, и православный священник обвенчал их с Алексеем в часовне неподалеку. Она сохранилась до сих пор.

— Долго ли еще прожил Алексей? — спросил Лорд.

— Всего три года. Но этого оказалось достаточно, чтобы родить моего отца. Ребенок оказался здоровым. Гемофилия передается от женщины к мужчине, но не наоборот. Впоследствии Юсупов сказал, что судьба вмешалась и здесь. Если бы в живых осталась Анастасия и у нее родились бы дети, проклятие, возможно, продолжилось бы. Однако оно закончилось с ее смертью, а у моей бабушки родился сын.

Лорд ощутил укол грусти. Напомнивший то, что он испытал, узнав о смерти своего отца. Странную смесь сожаления, облегчения и тоски. Прогнав это чувство прочь, он спросил:

— Где они похоронены?

— В живописном месте, в окружении императорских деревьев. Если хотите, я могу показать вам его завтра.

— Почему вы не сказали правду при первой встрече? — спросила Акулина.

Торн ответил не сразу.

— Я перепуган до смерти. По вторникам я посещаю заседания «Ротери-клуба»,^[10] по четвергам езжу на рыбалку. Люди доверяют мне вести дела об усыновлении, о покупке недвижимости и о разводах, и я им помогаю. Но теперь меня просят управлять целой страной.

Лорд проникся сочувствием к человеку, сидящему напротив. Сам он не завидовал тому положению, в котором очутился Торн.

— Но возможно, вы станете той надеждой, которая объединит народ. Сейчас простые русские люди вспоминают царя с любовью.

— Однако меня это очень тревожит. Мой прадед был человеком непростым. Я подробно изучил его судьбу. Историки не слишком добры к нему. Особенно резко они отзываются о моей прабабушке. Меня беспокоит, какие уроки усвоены из этих ошибок. Готова ли снова Россия к самодержавию?

— По-моему, наша страна не знала иной формы правления, кроме авторитарной, — заметила Акулина.

— Пожалуй, вы правы.

Лорда потрясло, каким серьезным тоном это было произнесено. Казалось, адвокат обдумывает каждое слово, каждый слог, тщательно делая свой выбор.

— Я подумал о тех, кто за вами охотится, — продолжал Торн. — Моя жена. Я должен позаботиться, чтобы с ней все было в порядке. Она ничего такого не предполагала.

— Как был устроен ваш брак? — спросил Лорд.

— Невесту мне нашли мой отец и Юсупов. Она родом из православной семьи, и в ее жилах есть даже капелька царской крови. Полагаю, при данных обстоятельствах этого будет достаточно, чтобы возразить на любую критику. Родители моей будущей жены приехали в Соединенные Штаты в середине пятидесятых из Германии, куда они бежали из России после революции. Я очень люблю свою жену. Мы живем с ней душа в душу.

Оставалось еще одно, интересовавшее Лорда.

— Юсупов не рассказывал, что случилось с телами членов царской семьи? Иосиф Максимов успел рассказать нам только до того момента, как его отец на следующее утро после расправы отыскал в лесу Алексея и Анастасию. Но Николай Максимов в тот же день покинул Екатеринбург...

— Это неправда.

— Так сказал его сын.

— Да, он действительно покинул Екатеринбург, но не сразу после того, как нашел Алексея и Анастасию. Сначала Максимов вернулся в «дом особого назначения». И только через три дня он уехал вместе с двумя спасенными детьми.

— Принимал ли он участие в уничтожении трупов?

Торн кивнул.

— Я прочитал множество материалов, как действительных воспоминаний участников тех событий, так и разного рода подделок, а то и просто откровенных досужих домыслов. Юсупов рассказал, что произошло на самом деле?

Торн снова кивнул.

— О да. Он рассказал все.

Николай Максимов вернулся в Екатеринбург около полудня. Он отвел Алексея и Анастасию в конспиративный дом на окраине города и пешком пошел назад, причем ему удалось сделать все так, что никто не узнал, где он был. Выяснив, что Юровский возвратился в Екатеринбург, Максимов прилежно доложил Уральскому совету о казни царской семьи. Местное руководство осталось довольно и тотчас же отправило в Москву донесение с подробным отчетом о случившемся.

Люди Петра Ермакова, которых Юровский прошлой ночью прогнал из урочища Четырех братьев, охотно рассказывали всем, где трупы царя и его семьи. По городу поползли слухи о драгоценностях, зашитых в одежду убитых, и кое у кого возникло желание отправиться в лес. Ничего удивительного — слишком много людей участвовало в попытке спрятать тела, о секретности не могло быть и речи.

Максимов встретился с Юровским ближе к вечеру. Ему и еще троим приказали помочь коменданту.

— Ермаков со своими людьми собирается вернуться, — сказал Юровский. — Он хочет одержать победу в этой схватке.

Вдалеке слышался гул канонады.

— Белые не сегодня завтра возьмут Екатеринбург. Возможно, они будут в городе уже через несколько часов. Нужно достать тела из шахты. Особенно учитывая их количество.

Максимов и остальные сразу поняли, что он имел в виду. Трупов было всего девять вместо одиннадцати.

Юровский велел двум охранникам во что бы то ни стало раздобыть керосин и серную кислоту. Максимов с Юровским сели в грузовик и выехали из города по Московскому тракту. К вечеру стало прохладно и сыро, солнце, ярко светившее утром, скрылось за сплошной пеленой свинцовых туч.

— Мне сказали, к западу от Екатеринбурга есть глубокие затопленные шахты, — объяснил по дороге Юровский. — Сбросим трупы туда, привязав к ним камни. Но сперва их нужно облить кислотой и сжечь. Тогда даже если тела найдут, никто не сможет определить, кто это такой. Здесь вокруг в каждой яме по два-три трупа.

Максимов был не в восторге от мысли доставать девять окровавленных трупов со дна шахты в урочище Четырех братьев. Вспомнив, как Юровский бросил в шахту гранаты, он представил себе, что его ждет, и у него мурашки побежали по спине.

В пятнадцати верстах к западу от Екатеринбурга машина заглохла. Юровский обругал ее последними словами, но дальше пошли пешком. Примерно еще в пяти верстах обнаружили три глубокие шахты, заполненные водой. Было уже восемь часов вечера, когда Юровский и Максимов наконец возвратились в город. Большую часть пути они проделали пешком и лишь немного проехали на лошади, реквизируемой у крестьянина. И только около полуночи восемнадцатого июля, через сутки после кровавых событий, они снова оказались в урочище Четырех братьев.

Потребовалось несколько часов, чтобы осветить глубокую шахту и подготовить все необходимое. Работая, Максимов слушал, как остальные трое, пришедшие с Юровским, выражают надежду, что не им придется спускаться вниз. Когда все было готово, Юровский сказал:

— Коля, полезай в шахту и разыщи трупы.

Максимов решил, что отказом подчиниться продемонстрирует свою слабость, а ему это сейчас было нужно меньше всего. Его товарищи верили в него. Что гораздо важнее, в него верил Юровский, а в ближайшее время доверие этого человека могло ему очень пригодиться. Не сказав ни слова, Максимов обвязался веревкой, и его осторожно спустили в шахту. Черная глина казалась маслянистой на ощупь. Холодный воздух был пропитан вонью мазута, смешанной с запахом плесени и лишайников. Но был здесь и другой запах, более резкий, тошнотворно-приторный. Хорошо знакомый Максиму. Запах разлагающейся плоти.

Когда Максимов опустился на пятьдесят футов, факел осветил лужу. В мерцающем свете он разглядел руку, ногу, затылок. Максимов крикнул, чтобы его перестали опускать. Он завис над самой поверхностью воды.

— Опускайте, но только медленно! — крикнул он.

Правый сапог ушел под воду. Она оказалась ледяной. Ноги Максимова промокли, он тут же продрог. К счастью, глубина была всего по пояс. Максимов встал на дно и крикнул, чтобы его больше не опускали.

Сверху упала еще одна веревка. Максимов понял, для чего она. Он схватил ее конец. Судя по всему, гранаты не помогли. Ухватившись за ближайшее тело, Максимов подтянул его к себе. Это оказался труп Николая II. Изуродованное лицо царя узнать можно было с большим трудом. Максимов представил его таким, каким он был при жизни. Стройная фигура, окладистая борода, выразительные глаза.

Обвязав труп веревкой, Максимов подал знак, что его можно поднимать. Однако земля, казалось, не собиралась расставаться с добычей. Из безжизненной оболочки хлынула вода. Обмякшие мышцы не выдержали, и тело Николая II рухнуло обратно в лужу.

Ледяная вода плеснула Максиму в лицо.

Веревка снова упала вниз. Максимов на этот раз затянул петлю туже, стягивая распадающуюся плоть.

Потребовалось еще три попытки, чтобы вытащить труп царя из шахты.

Борясь с тошнотой, Максимов повторил это жуткое действие восемь раз. На все ушло несколько часов; дело усугубляли холод, темнота и гниение. Промерзший до мозга костей, Максимов трижды поднимался, чтобы согреться у костра. Когда его вытащили из шахты в последний раз, солнце светило высоко в небе, а на сырой траве лежали девять изуродованных трупов.

Кто-то протянул Максиму одеяло. От сухой шерсти воняло псиной, но он был рад и этому.

— Давайте просто закопаем трупы здесь, — предложил охранник.

— Только не в этой грязи, — покачал головой Юровский. — Здесь могилу отыщут без труда. Нужно перевезти трупы в другое место. Этих демонов необходимо спрятать навсегда. Я уже устал от вида их проклятых лиц. Тащите сюда телеги. Отвезем трупы на новое место.

Трое охранников отправились туда, где оставили машину, чтобы пригнать три разбитые деревянные подводы. Колеса вязли в топкой грязи. Закутавшись в одеяло, Максимов остался с Юровским, дожидаясь, когда приедут подводы.

Юровский стоял совершенно неподвижно, уставившись на вздувшиеся трупы.

— Куда могли подеваться еще два трупа?

— Здесь их нет, — ответил Максимов.

Коренастый еврей бросил на него взгляд, быстротой и точностью не уступающий пуле.

— Я вот думаю, как бы в будущем это не повлекло серьезных неприятностей.

Максимову показалось, что этому короткошеему человеку в черной кожанке известно больше, чем ему следует знать. Однако он тут же прогнал эту мысль. Для Юровского два недостающих трупа означали смертный приговор. Ни за что на свете он не откроет правду.

— Боюсь, мы еще услышим о Романовых.

Максимов промолчал, но Юровский и не ждал от него ответа.

Девять трупов побросали на подводы, по три на каждую, и накрыли мешками. Все перекусили черным хлебом и чесночной колбасой и устроили отдых. Наконец ближе к вечеру снова тронулись в путь. Дорога представляла собой сплошные ухабы и рытвины, заполненные водой. Накануне прошли слухи, что в лесах под Екатеринбургом рыщут передовые отряды белых. Красные разослали во все стороны разведотряды. И те и другие, не церемонясь, расстреливали на месте всех встречных. Оставалось надеяться, что крестьяне окрестных деревень попрятались по домам и дело получится довести до конца без лишних свидетелей.

Меньше чем через две версты у одной подводы сломалась ось. Юровский, ехавший следом в машине, приказал остановиться.

Две другие подводы были не в лучшем состоянии.

— Оставайтесь здесь и охраняйте тела, — распорядился Юровский. — Я съезжу в город и найду машину.

Когда комендант вернулся, уже стемнело. Тела переложили в кузов грузовика и продолжили путь. У машины одна фара не работала, другая с трудом пробивала лучом черную как сажа ночь. Колеса, казалось, не пропускали на раскисшей дороге ни одной ямы. Ехали очень медленно, то и дело приходилось останавливаться, чтобы подкладывать доски в особенно скользких местах. Четырежды завязший грузовик с огромным трудом вытаскивали из грязи.

Наконец все остановились, чтобы немного передохнуть.

День восемнадцатого июля закончился, наступило девятнадцатое.

Около пяти утра грязь снова схватила колеса, на этот раз намертво, и никакие усилия не смогли преодолеть цепкую хватку земли. Кроме того, все смертельно устали.

— Машину нам отсюда не вытащить, — наконец обреченно заметил кто-то.

Юровский посмотрел на небо. До восхода оставалось совсем немного.

— Вот уже трое суток я не расстаюсь с воняющими трупами царского отродья. С меня хватит. Закопаем их прямо здесь.

— На дороге? — удивился охранник.

— Совершенно точно. Лучшего места не найти. Здесь самое настоящее непересыхающее болото. Никто ничего не заметит.

Все взяли за лопаты и вскоре вырыли братскую могилу восемь на восемь футов и шесть футов глубиной. Мертвые лица облили серной кислотой, чтобы их невозможно было опознать, и сбросили трупы в яму. Сверху их завалили ветками, известкой и досками. Пустой грузовик удалось вытащить из грязи, и он несколько раз проехал по месту захоронения. Когда все было кончено, следов не осталось.

— Мы сейчас в двенадцати верстах к северо-западу от Екатеринбурга, — сказал Юровский. — От пересечения с железной дорогой примерно семьсот шагов в сторону Верх-Исетского завода. Запомните это место. Здесь упокоится наш славный царь. На веки вечные.

На лице Торна отобразились сильные душевные переживания.

— И тела бросили там. В грязи. Где они и оставались вплоть до семьдесят девятого года. Один из участников поискового отряда, докопав до досок, якобы сказал: «Дай-то бог, чтобы мы под ними ничего не обнаружили». Однако под досками были найдены девять истлевших скелетов. Моих родных.

Торн устался в пол, застеленный ковром. За окном проехала машина. Наконец адвокат сказал:

— Я видел фотографии костей на лабораторных столах. Мне было стыдно смотреть, как останки моих родственников выставили на всеобщее обозрение, словно музейные достопримечательности.

— После чего долго спорили, где похоронить тела, — добавила Акулина.

Лорд вспомнил, что жаркие страсти кипели несколько лет. Екатеринбург настаивал, что членов царской семьи следует похоронить здесь, поскольку именно здесь они встретили смерть. Санкт-Петербург требовал, чтобы останки погребли в Петропавловском соборе, где покоятся все предыдущие цари. Но споры эти были вызваны отнюдь не уважением к памяти невинно убиенных или соображениями этикета. Екатеринбургские власти рассчитывали получить дивиденды от того, что в городе похоронен последний русский царь. Те же самые соображения двигали чиновниками Петербурга. И, как сказал Торн, все время, пока продолжалось это сражение, почти восемь лет, останки членов царской семьи лежали на стальных полках в сибирской лаборатории. Победу одержал Санкт-Петербург. Правительственная комиссия приняла решение похоронить все девять скелетов рядом с остальными Романовыми. Это было очередное фиаско Ельцина, который стремился никого не обидеть, а в результате оскорбил всех.

Лицо Торна скривилось от боли.

— Столько вещей, принадлежавших моему деду, Сталин продал, чтобы получить для страны деньги. Много лет назад мы с отцом ходили в художественный музей Виргинии, чтобы посмотреть на икону с ликом святого Пантелеймона, которую Алексею подарили монахи с пожеланиями излечиться от недуга. Икона висела в его комнате в Александровском дворце. Недавно я прочитал, что на аукционе в Нью-Йорке были проданы лыжи Алексея.

Торн покачал головой.

— Проклятые большевики ненавидели все, связанное с царем, однако без зазрения совести использовали его наследие, чтобы финансировать свои злодеяния.

— Юсупов доверил Николаю Максиму первый элемент загадки именно потому, что тот участвовал в погребении останков царской семьи? — спросил Лорд.

— Максимов был идеальной кандидатурой. Судя по всему, он сохранил доверенную ему тайну даже в могиле. Его сын и племянник тоже оказались достойными людьми, упокой, Господи, их души.

— Об этом подвиге должен узнать весь мир, — сказал Лорд.

Торн тяжело вздохнул.

— Вы думаете, Россия примет царя, родившегося и выросшего в Америке?

— Какое это имеет значение? — тихо промолвила Акулина. — Вы — Романов. Чистый, до мозга костей.

— Россия — очень сложная страна, — заметил Торн.

— Русскому народу нужны только вы, — решительно заявила она.

Торн слабо усмехнулся.

— Будем надеяться, ваша уверенность окажется заразительной.

— Вы сами все увидите, — сказала Акулина. — Русский народ примет вас. И мир тоже вас примет.

Лорд снял трубку телефона на прикроватном столике.

— Я позвоню человеку, на которого работаю. Он должен первым узнать все это. Необходимо приостановить работу Царской комиссии.

Никто не произнес ни слова, пока он набирал номер и ждал установления междугородной связи с атлантским офисом компании «Придген и Вудворт». Было почти семь вечера, но компания работала круглосуточно. Ночью в конторе дежурили секретари, технические специалисты и юристы, державшие связь с дочерними отделениями и клиентами, разбросанными по всем часовым поясам.

Коммутатор переключил вызов на ночную секретаршу Хейеса. Лорд был хорошо с ней знаком, потому что ему самому часто приходилось задерживаться на работе по вечерам.

— Мелинда, мне нужно срочно поговорить с мистером Хейесом. Как только он позвонит из России...

— Майлз, мистер Хейес сейчас как раз на другой линии. Он попросил переключить его в режим ожидания и принять ваш вызов.

— Соедините меня с ним.

— Уже нажимаю кнопки.

Через несколько секунд в трубке послышался голос Хейеса:

— Майлз, ты где?

Лорду потребовалось несколько минут, чтобы рассказать все. Молча выслушав его, Хейес спросил:

— Ты хочешь сказать, сейчас рядом с тобой сидит наследник русского престола?

— Именно так.

— Никаких сомнений в этом?

— У меня никаких. Но любые вопросы снимет анализ ДНК.

— Майлз, слушай меня, слушай внимательно. Я хочу, чтобы ты оставался там, где находишься. Никуда не уезжай из города. Скажи название гостиницы, в которой ты остановился.

Лорд сказал.

— Оставайся в гостинице. Я буду у вас завтра вечером. Вылетаю из Москвы в Нью-Йорк первым же самолетом. Тут нужно вести себя очень осторожно. Как только я прибуду на место, мы подключим государственный департамент и всех остальных, кого только потребуется. В пути я свяжусь с нужными людьми. С этого момента я все беру на себя. Это понятно?

— Я все понял.

— Надеюсь. Я страшно зол на тебя за то, что ты ждал так долго и позвонил только сейчас.

— Разговаривать по телефону небезопасно. Я даже сейчас боюсь, что нас могут прослушивать.

— Этот телефон абсолютно надежен. Даю полную гарантию.

— Тейлор, извините, что столько времени держал вас в неведении. Но у меня не было выбора. Я все объясню, когда вы прибудете сюда.

— Жду не дождусь нашей встречи. А теперь ложись спать. Завтра увидимся.

Четверг, 21 октября

9 часов 40 минут

Лорд следовал указаниям Майкла Торна. Сам адвокат сидел на заднем сиденье джипа «чероки», взятого вчера напрокат в аэропорту Эшвилла. Акулина устроилась спереди.

Лорд и Акулина провели беспокойную ночь в гостинице «Азалия», возбужденные своим открытием. Лорд несколько не сомневался, что лысеющий мужчина средних лет с мягкими серыми глазами и есть наследник русского престола. Кто еще мог знать точные ответы на все вопросы? Не говоря про золотой язычок, которого недоставало колокольчику. Майкл Торн выполнил все условия, предложенные Юсуповым для установления его личности. С тех пор наука шагнула далеко вперед, и теперь бесспорный вердикт вынесет анализ ДНК, проведения которого обязательно потребует Царская комиссия.

— Здесь поворот налево, Майлз, — сказал Торн.

Вчера вечером после двухчасовой беседы и звонка Тейлору Хейесу они перешли на «ты». За завтраком Торн спросил, не хотят ли они увидеть могилу. Вспомнив категоричный приказ Хейеса оставаться на месте, Лорд тем не менее решил, что от короткой поездки ничего плохого не будет. Поэтому они проехали несколько миль на юг от Дженезиса к очаровательной рощице золотых и медно-красных деревьев. Погода стояла солнечная и ясная. Лорд посчитал это небесным знамением, обещанием, что все будет хорошо.

Вот только будет ли?

Здесь, в американской глубинке, известной простоватыми трудолюбивыми жителями, среди горных хребтов, затянутых голубой дымкой, жил самодержец всея Руси. Провинциальный адвокат, получивший образование в Университете штата Северная Каролина, а потом окончивший юридический факультет расположенного неподалеку Университета Дьюка. Заплативший за обучение студенческим кредитом, за который приходилось расплачиваться подработками. Сумевший вырастить двоих детей.

Торн подробно рассказал о себе. Лорд и Акулина обязаны были знать о нем все. Получив диплом, Торн вернулся в Дженезис, где двадцать четыре года занимался юридической практикой. Он открыл контору и повесил на самом видном месте вывеску. Так требовал Юсупов. Знак, указывающий след. Разумеется, Юсупов не мог предположить, что появятся компьютеры, спутниковая связь и Интернет, позволяющие отыскать человека нажатием клавиши. Мир сделался таким маленьким, что в нем почти негде спрятаться. Однако Николай Максимов и отец Торна, а после него и сам Торн строго выполняли все распоряжения Юсупова, и эта дотошность принесла свои плоды.

— Машину можно оставить здесь, — сказал Торн.

Лорд затормозил перед кряжистым дубом. Легкий ветерок шевелил ветвями. Осыпаясь, листья кружились, будто в танце.

В отличие от замерзшего кладбища в Стародубе, здесь царил безукоризненный порядок. Трава пострижена, на многих надгробиях лежали свежие цветы и венки. Нигде ни мха, ни плесени, хотя среди могильных камней встречались и такие, что несли на себе печать времени. Вымощенная щебенкой дорожка рассекала обширное кладбище надвое, тропинки

вели к самым отдаленным уголкам.

— За могилами ухаживает наше местное историческое сообщество. Со своей работой оно справляется замечательно. Первые захоронения относятся к временам Гражданской войны.

Торн провел Акулину и Лорда по периметру заросшей травой лужайки. Меньше чем в пятидесяти шагах выстроились ровным рядом императорские деревья, усыпанные яркими плодами.

Лорд увидел простые каменные надгробия с высеченными наверху крестами.

АННА ТОРН

18 июня 1901 — 7 октября 1922

ПОЛ ТОРН

12 августа 1904 — 26 мая 1925

— Любопытно, что даты рождения указаны настоящие, — заметил он. — Не слишком ли это опрометчиво?

— Ни в коей мере. Здесь никто понятия не имел, кто это такие.

На обоих могильных камнях была выбита одна и та же эпитафия. «ПРЕТЕРПЕВШИИ ЖЕ ДО КОНЦА СПАСЕТСЯ».

— Последняя весточка от Юсупова? — предположил Лорд.

— Лично я считаю, эти слова очень кстати. Из рассказов я понял, что и Алексей, и Анастасия были необыкновенными людьми. Возможно, если бы они так и остались цесаревичем и великой княжной, окружение их испортило бы. Но здесь они были просто Полом и Анной.

— Какой она была? — спросила Акулина.

Губы Торна тронула улыбка.

— Годы пошли Анастасии на пользу. Подростком она была излишне полной и капризной. Но потом она похудела и, как мне рассказывали, стала красивой, какой в ее возрасте была мать. До конца дней своих Анастасия прихрамывала, тело ее было покрыто шрамами, но лицо осталось нетронутым. Отец передал мне все, что рассказывал о ней Юсупов.

Торн сел на каменную скамью. Издалека доносилось хриплое карканье ворон.

— Главной надеждой была Анастасия, хотя и существовали опасения, что гемофилия передастся от нее ребенку-мальчику. Никто всерьез не думал, что Алексей продержится достаточно долго, чтобы ему подыскали жену и у них родились дети. Просто чудо, что ту жуткую ночь в Екатеринбурге он пережил без обострения. Здесь у него было несколько приступов. Одному здешнему врачу удавалось облегчать течение болезни. Алексей полностью доверял ему, как доверял Распутину, и в конечном счете его свел в могилу обыкновенный грипп, а не плохая кровь. Тут Распутин тоже оказался прав. Он предсказал, что причиной смерти наследника станет не гемофилия. Когда Алексей умер, моему отцу был всего год. Бабушка дожила до семидесятих годов. Она была замечательным человеком.

— Она знала, кем был ее муж? — спросил Лорд.

Торн кивнул.

— Бабушка родилась в России, в благородной семье. Ее родители покинули родину после прихода к власти Ленина. Бабушке было известно все. Скрыть физический недуг Алексея было невозможно. Они прожили вместе всего три года, но, слушая рассказы бабушки, в это было трудно поверить. Она любила Алексея Николаевича.

Акулина опустилась на колени перед надгробиями. Лорд молча смотрел, как она перекрестилась и прочитала молитву. Акулина рассказала ему, что произошло в православной церкви в Сан-Франциско, и теперь он вдруг понял, что эта русская женщина более религиозна, чем признаётся сама себе. Лорда тронула эта сцена. Умиротворение нарушали лишь белки, снующие в ветвях императорских деревьев.

— Я часто прихожу сюда, — сказал Торн.

Он указал на три надгробия, развернутые в другую сторону.

— Здесь похоронены мои отец, мать и бабушка.

— А почему бабушка не похоронена рядом с мужем? — спросила Акулина.

— Она запретила. Сказала, что рядом нужно похоронить сестру и брата. Они были царских кровей, поэтому должны покоиться отдельно. Бабушка настояла на этом.

Они молча возвратились в Дженезис, и Лорд сразу направился в контору Торна. Там он обратил внимание на фотографию женщины и двух юношей, стоящую на пыльном серванте. Это были жена Торна — привлекательная, с темными волосами и теплой улыбкой — и сыновья — красивые, смуглые, с широкими славянскими скулами. В их жилах текла кровь Романовых. Четвертая часть. Они были прямыми потомками Николая II. Лорду захотелось узнать, как воспримут сыновья Торна известие о своем благородном происхождении.

Взяв сумку, ту самую, которая побывала в передраге в сан-францисском зоопарке, Лорд положил ее на деревянный стол. Вечером, ошеломленный случившимся, он забыл про яйцо Фаберже. И вот теперь он осторожно достал обломки сокровища и показал Торну два крошечных портрета Алексея и Анастасии. Торн пристально всмотрелся в лица.

— Я никогда не видел, как они выглядели, когда жили в Америке. Других фотографий не было. Бабушка рассказывала про эти снимки. Они были сделаны в часовне, недалеко отсюда.

Взгляд Лорда вернулся к фотографиям семьи Торна на серванте.

— А что насчет твоей жены?

— Я ей вчера так ничего и не рассказал. Вот придет твой босс, мы определим, что делать дальше, и тогда я с ней переговорю. Ее нет в городе. Уехала в Эшвилл, к сестре. У меня будет время все обдумать.

— Какое у нее прошлое?

— На самом деле тебя интересует, имеет ли она право стать царицей?

— Это очень важный момент. Закон о престолонаследии Павла Первого никто не отменял, и Царская комиссия намеревается по возможности соблюдать его требования.

— Маргарет православная, с каплей царской крови — сколько ее можно было найти двадцать пять лет назад в Соединенных Штатах. Мой отец лично отбирал кандидатов.

— У вас все получается как-то обезличенно, — заметила Акулина.

— Это не совсем так. Но отец сознавал всю глубину ответственности. Он прилагал все усилия, чтобы поддерживать связь с прошлым.

— Она американка? — спросил Лорд.

— Родом из Виргинии. Так что России придется принимать сразу двух американцев.

Лорд хотел выяснить еще кое-что.

— Человек, направивший нас сюда, рассказал о царских сокровищах, которые, возможно, до сих пор хранятся в банках. Тебе ничего об этом не известно?

Торн положил фотографии своих предков рядом с кучкой обломков того, что когда-то было пасхальным яйцом Фаберже.

— Мне дали ключ от банковской ячейки и объяснили, куда идти, когда настанет время. Полагаю, сейчас оно настало. Можно предположить, вся информация хранится там. Мне велели ни в коем случае ее не вскрывать до тех пор, пока не появитесь вы. Так что нашей первой остановкой станет Нью-Йорк.

— Ты уверен, что эта ячейка по-прежнему существует?

— Я каждый год вношу арендную плату.

— А за ячейку в сан-францисском банке платил тоже ты?

Торн кивнул.

— Обе ячейки автоматически оплачивались со счетов, открытых несколько десятилетий назад на вымышленные фамилии. Должен признаться, у нас были серьезные проблемы, когда изменился закон и для каждого счета потребовалось указывать номер карточки социального страхования. Но мне удалось воспользоваться фамилиями и номерами карточек своих умерших клиентов. Меня беспокоило, что я оставляю след; с другой стороны, я никогда не думал, что мне может угрожать опасность. Не думал до вчерашнего вечера.

— Майкл, должен тебя предупредить, эта угроза реальная. Но Тейлор Хейес обеспечит надлежащую защиту. Все будет в порядке. Только ему одному известно, где мы. Это я тебе гарантирую.

Выйдя из машины, Хейес поблагодарил сотрудника компании «Придген и Вудворт», встретившего его в аэропорту Атланты. Он позвонил заранее своей секретарше и попросил кого-нибудь прислать, а поскольку в его отделе работало три десятка юристов и столько же технических сотрудников, эта задача не вызвала затруднений.

Вместе с Хейесом из Калифорнии прилетели Прищуренный и Орлегов. Втроем они вышли в туманное утро. Оба русских после оформления билетов в сан-францисском аэропорту за всю дорогу не произнесли ни слова.

Дом Хейеса, помпезный особняк в стиле Тюдоров из кирпича и природного камня, располагался на трех акрах в лесу к северу от Атланты. Жены у Хейеса не было. Развелся он десять с лишним лет назад. К счастью, детей тоже не было. И теперь новой жены уже точно не будет. Он не намерен делить свое состояние с кем бы то ни было, и уж никак не с какой-нибудь алчной женщиной, которая потребует приличную долю его имущества в качестве компенсации за привилегию совместной жизни.

Хейес позвонил из машины домработнице и распорядился, чтобы та приготовила завтрак. Он собирался помыться, поесть и снова тронуться в путь. В нескольких часах езды, в горах Северной Каролины ждало важное дело. Дело, которое определит его будущее. От него зависят многие серьезные люди. И он не хотел их разочаровывать. Хрущев изъявил желание отправиться вместе с ними, но Хейес категорически отказался. Достаточно и того, что он привязан к двум русским верзилам, которым не помешали бы уроки хорошего поведения.

Хейес въехал в чугунные ворота. Сырой утренний ветер гонял опавшие листья по плиткам, которыми были вымощены дорожки. Войдя в дом, Хейес увидел, что домработница сделала все как нужно: на столе ждал завтрак из мясной нарезки, сыра и хлеба.

Пока его русские подручные набивали желудки на кухне, Хейес прошел в охотничью комнату и отпер один из шкафов с оружием, выстроившихся вдоль стены. Он выбрал два мощных карабина и три пистолета. Оба карабина были оснащены глушителями — такими пользуются при охоте в горах зимой, чтобы не вызвать сход снежной лавины. Хейес открыл затворы и заглянул в дула, проверил оптические прицелы и магазины. Все было в полном

порядке. Пистолеты, все три «глок-17Л», были снаряжены обоймами по десять патронов. Хейес купил их несколько лет назад в Австрии, куда ездил на охоту. Несомненно, Прищуренному и Орлегову еще ни разу не выпадала честь пользоваться подобным оружием.

Взяв из сейфа в противоположном углу комнаты запас патронов, Хейес вернулся на кухню. Русские все еще ели. Хейес заметил на столе пустые банки из-под пива.

— Мы выезжаем через час. Полегче со спиртным. Здесь с этим строго.

— Далеко нам до места? — с набитым ртом спросил Орлегов.

— Часа четыре на машине. Мы будем там ближе к вечеру. А теперь слушайте меня внимательно. Здесь вам не Москва. Вы будете делать все так, как скажу я. Понятно?

Русские молчали.

— Мне нужно позвонить в Москву? Чтобы вам все разъяснили по телефону?

Орлегов с трудом проглотил большой кусок сэндвича.

— Мы все поняли, адвокат. Только доставьте нас на место и скажите, что делать.

Дженезис, штат Северная Каролина
16 часов 25 минут

На Лорда произвело впечатление, как живет Майкл Торн. Его дом в живописном квартале окружали старинные особняки на участках с рощами и ухоженными лужайками. Лорд вспомнил, что это называется «стиль ранчо»: одноэтажные кирпичные строения с остроконечными крышами и печными трубами.

Они заехали к Торну, чтобы покормить собак. За домом в тени деревьев стояли конуры. Лорд сразу же узнал породу. Собаки были самого разного окраса, от рыжего до черного; кобели размерами заметно превосходили сук. Морды длинные, грудь узкая, плечи покатые. При росте примерно три фута собаки весили фунтов сто или около того — мускулистые, с длинной шелковистой шерстью.

Собаки относились к семейству гончих, отсюда и их название — борзые, то есть «быстрые». Лорд улыбнулся, мысленно отметив, какую породу выбрал Торн. Этим собак, близких родственников волков, разводила русская знать, чтобы на охоте загонять добычу на открытых местах. С середины семнадцатого века борзых разводили цари.

И этот потомок Романовых, судя по всему, не был исключением.

— Я с детства люблю борзых, — объяснил Торн, обходя псарню и наполняя миски водой из шланга. — Я много читал про них и в конце концов приобрел одну. Но борзые сродни шоколадным печеньям. На одной собаке остановиться нельзя. Так я стал их разводить.

— Очень красивые собаки, — заметила Акулина.

Борзые косили на нее карие глаза из-под черных век.

— У моей бабушки была борзая. Она нашла ее в лесу. Это была замечательная собака.

Отворив клетку, Торн насыпал в миску сухой корм. Собаки не двигались и даже не думали лаять. Они следили за движениями хозяина, но не приближались к еде. Торн поманил их пальцем.

Борзые устремились к миске.

— Отличная дрессировка, — заметил Лорд.

— Какой смысл держать животных, если они не слушаются хозяина? Борзые очень смышленные ученики.

То же самое повторилось и в других клетках. Собаки беспрекословно повиновались хозяину. Лорд присел на корточки.

— Вы их продаете?

— К следующей весне этот помет полностью разойдется, но будут новые щенки. Раз за разом я выбираю лучших из лучших. А вот с этими двумя я не расстаюсь.

Он указал на собак в вольере, ближайшем к дому. Кобель и сука, оба черные с рыжим, шерсть шелковая. Клетка у них была больше остальных, с отгороженным досками углом.

— Два лучших щенка из помета, появившегося на свет шесть лет назад, — с гордостью сказал Торн. — Алексей и Анастасия.

Лорд усмехнулся.

— Любопытные клички.

— С ними я езжу на собачьи выставки. Они мои самые настоящие друзья.

Торн отпер дверцу и подал знак. Обе собаки тотчас же радостно бросились к хозяину.

Лорд внимательно наблюдал за Торном. Тот производил впечатление человека уравновешенного, искренне смущенного ответственностью, которую налагало на него происхождение. Ничего похожего на Степана Бакланова. Вспомнив рассказы Хейеса о высокомерном самолюбии Бакланова, Лорд подумал, что тот стремится в первую очередь к титулу и не думает, как управлять страной. С Майклом Торном, похоже, все как раз наоборот.

Они вернулись в дом, и Лорд ознакомился с библиотекой Торна. Целые шкафы были заполнены трудами по российской истории. Среди книг были биографии представителей дома Романовых, многие написаны историками девятнадцатого столетия. Большинство названий Лорд знал, поскольку тоже читал эти книги.

— А у тебя неплохая библиотека, — одобрительно заметил Лорд.

— Поразительно, что можно найти в букинистических магазинах и на распродажах библиотечных излишков.

— И никто не спрашивал, чем объясняется столь странный интерес?

Торн покачал головой.

— Я давно состою членом местного исторического общества, и всем известна моя любовь к истории России.

Лорд заметил книгу, с которой был очень хорошо знаком. Феликс Юсупов. «Конец Распутина». Книга вышла в 1927 году и стала первой из многих попыток Юсупова оправдать убийство Распутина. Рядом стояли два тома мемуаров, появившихся в пятидесятые годы: «Утраченный блеск» и «В ссылке». Насколько помнил Лорд, биографы Юсупова сходились в том, что он написал их, чтобы заработать деньги.

— В своих книгах Юсупов далеко не лестно отзывается о царской семье и Распутине, — сказал Лорд. — Если не ошибаюсь, особо яростным нападкам он подвергает Александру Федоровну.

— Все это часть обмана. Юсупов знал, что Сталин внимательно следит за ним, и не хотел привлекать внимание. Поэтому до самой смерти он прятался за этой ширмой.

Лорд увидел несколько трудов, посвященных Анне Андерсон, женщине, которая выдавала себя за чудом спасшуюся Анастасию.

— Полагаю, тебя это очень развлекло.

Торн усмехнулся.

— Ее настоящее имя — Франциска Шанцковская. Родилась в Пруссии. Она переезжала с одного курорта на другой, выискивая себе кавалеров, пока не попала на глаза Юсупову. Тот сразу обратил внимание на ее внешнее сходство с Анастасией. Он научил Анну всему, что ей нужно было знать, и она оказалась способной ученицей. Мне кажется, в конце концов Анна сама поверила, что она Анастасия.

— Я много читал об этом. Все авторы отзываются о ней в самых теплых выражениях. Полагаю, она была необыкновенная женщина.

— Идеальная подмена, — согласился Торн. — Против нее я никогда ничего не имел.

На улице кто-то хлопал дверцами машины. Торн раздвинул жалюзи.

— Приехал помощник шерифа, — сказал он по-английски. — Я его знаю.

Лорд насторожился, и Торн, похоже, его понял. Он направился в прихожую.

— Оставайтесь здесь. Я узнаю, в чем дело.

— Что случилось? — спросила по-русски Акулина.

— Неприятности.

— Когда должен прибыть твой босс? — спросил Торн.

Лорд взглянул на часы.

— Да уж пора бы. На самом деле нам нужно вернуться в гостиницу.

Торн закрыл за собой дверь, но Лорд подошел к ней и чуточку приоткрыл. Раздался звонок.

— Добрый вечер, мистер Торн, — поздоровался полицейский. — Шериф попросил меня поговорить с вами. Я заехал к вам в контору, но секретарша сказала, что вы отправились домой.

— А что такого стряслось, Роско?

— Мистер Лорд, к вам вчера или сегодня не приходили мужчина по имени Майлз Лорд и русская женщина?

— Кто такой этот Майлз Лорд?

— Я бы хотел, чтобы вначале вы ответили на мой вопрос.

— Нет, у меня не было посетителей. И уж тем более русских.

— Как-то странно слышать это от вас. Ваша секретарша сказала, что вчера к вам в контору приходили чернокожий юрист по фамилии Лорд и русская женщина и вы провели вместе с ними весь сегодняшний день.

— Раз вы сами все знаете, Роско, зачем спрашивать?

— Просто выполняю свою работу. Вы не объясните, зачем солгали мне?

— Почему из-за этой парочки столько шума?

— Из Москвы пришел запрос арестовать их по подозрению в убийстве. Обоих разыскивают за убийство милиционера. Застреленного прямо на Красной площади.

— Откуда вам это известно?

— Мне все рассказали те двое, что приехали со мной. У них есть ордер на арест.

Лорд метнулся к окну, выходящему на улицу, и увидел, как из полицейской машины выходят Прищуренный и Феликс Орлегов.

— Проклятие! — прошептал он.

Подбежав к окну, Акулина тоже увидела двух убийц.

Оба русских решительно направились к дому. Их руки на мгновение скрылись за пазухами пиджаков и появились уже с пистолетами. Прогревшиеся выстрелы показались треском хлопучек. Лорд бросился к двери и распахнул ее. В кабинет из прихожей ввалилось тело помощника шерифа. Судя по всему, первый залп предназначался ему.

Прыгнув вперед, Лорд схватил Торна, втащил его в комнату и захлопнул дверь. Едва он успел запереть замок, как по толстому дереву застучали пули.

— Всем лечь! — приказал Лорд.

Все трое распластались на каменных плитках пола и поползли в сторону коридора, уходящего в глубь дома. Лорд оглянулся на полицейского. Из трех огромных ран хлестала кровь. Не было смысла тратить время на убитого.

— Пошли, — сказал Лорд, вскакивая на ноги. — Дверь их надолго не задержит.

Он побежал по коридору к солнечному свету в дальнем конце. Торн и Акулина последовали за ним. Позади послышался стук во входную дверь, затем снова раздались выстрелы. Через кухню беглецы вышли на террасу. Сзади опять прогремели выстрелы,

затрещала выломанная дверь.

Торн бросился к ближайшему вольеру и выпустил Алексея и Анастасию. На бегу он крикнул Акулине, чтобы она открыла двери остальных клеток. Торн крикнул собакам:

— Взять! Фас!

Акулина успела открыть только две клетки, из каждой выскочили по две собаки. Вместе с Алексеем и Анастасией они откликнулись на команду хозяина и устремились к дому. Едва Орлегов показался на пороге, как борзая налетела на него. Русский следователь пронзительно вскрикнул.

Следом за первой собакой в дом ворвались еще три, с оскаленными пастьями.

Раздались частые выстрелы.

— Думаю, не стоит задерживаться здесь, чтобы выяснить, чья возьмет, — заметил Лорд.

Они подбежали к воротам, за которыми стоял взятый напрокат джип, и быстро сели в машину.

Лорд вставил ключ в замок зажигания.

В доме продолжали греметь выстрелы.

— Бедные мои собаки, — пробормотал Торн.

Лорд завел двигатель и включил заднюю передачу. Выехав на улицу, он развернулся и оказался рядом с полицейской машиной, стоящей у обочины. Из дома выбежала собака.

— Подожди! — крикнул Торн.

Лорд медлил нажать педаль газа. Торн распахнул заднюю дверцу. Собака запрыгнула в машину, учащенно дыша.

— Теперь гони! — заорал Торн.

Оставляя черные следы покрышек на асфальте, джип рванул вперед.

— Неужели обязательно нужно было убивать этого полицейского? — Хейес с трудом сдерживался. — Вы что, совсем спятили?

Он ждал своих подручных у управления шерифа. С помощью сфабрикованного ордера на арест, присланного по факсу из Москвы, ему без труда удалось убедить местные власти в полномочиях Орлегова. Хрущев подготовил в Сан-Франциско документ, предписывающий ФБР и иммиграционной службе оказывать содействие российским следователям. И когда Хейес объяснил, что его фирма часто представляет интересы российских государственных ведомств на территории Соединенных Штатов, вопросов больше не осталось.

Все трое стояли на улице в вечерней прохладе, подальше от входа в управление, где суетились помощники шерифа. После того, что произошло час назад, управление превратилось в растревоженный улей. Хейес старался сохранять внешнее спокойствие и не привлекать к себе внимания, но это давалось ему с чертовски большим трудом.

— Где оружие? — шепотом спросил он.

— У нас, под пиджаками, — ответил Орлегов.

— Что вы рассказали полиции?

— Ну, мы сказали, что помощник шерифа зашел в дом, мы услышали выстрелы, прибежали и увидели его на полу. Потом мы бросились за Лордом и женщиной, но на нас напали собаки. Мы видели, как Лорд уезжает на машине, держа Торна под прицелом.

— И вам поверили?

Прищуренный усмехнулся.

— А то как же.

Хейес сомневался, что обман удастся растянуть надолго.

— Вы рассказали про собак?

— Про то, что нам пришлось их перестрелять? — Орлегов кивнул. — У нас не было выбора.

— И который из вас, умников, убил полицейского?

— Я, — сказал Орлегов.

Похоже, болван гордился своим поступком.

— А кто стрелял в собак?

Прищуренный признался, что это сделал он, поскольку Орлегов подвергся нападению.

— Уж очень они были агрессивные.

Хейес понял, что нужно заменить пистолет Орлегова, пока никому не пришло в голову отобрать у русских оружие в качестве вещественного доказательства. Однако благодаря признанию Орлегова избавиться от пистолета просто так нельзя и нельзя оставить эту проклятую шгуковину, поскольку пули, сразившие помощника шерифа, станут неопровержимым доказательством. Сунув руку под пиджак, Хейес достал «глок».

— Дай мне свой пистолет.

Он поменялся оружием с Орлеговым.

— Будем надеяться, никто не обратит внимания на полную обойму. Если спросят, скажешь, что заменил обойму, а пустую потерял в суматохе.

Из здания вышел шериф и направился к ним.

— Мы разослали ориентировку на машину. Очень помогло ваше описание — модель,

цвет.

Орлегов и Прищуренный самодовольно усмехнулись.

Шериф перевел взгляд на Хейеса.

— Почему вы не предупредили, что этот Лорд опасен?

— Мы же ясно сказали, что этот человек разыскивается по обвинению в убийстве.

— У этого полицейского остались жена и четверо детей. Если бы я хоть на минуту мог предположить, что этот долбаный юрист способен хладнокровно застрелить человека, я бы направил туда все управление, твою мать.

— Я понимаю ваши чувства...

— Впервые за все время у нас в округе убит полицейский.

Хейес пропустил это мимо ушей.

— Вы уже поставили в известность власти штата?

— Поставил, черт побери.

Хейес понял, что, если разыграть ситуацию правильно, эти люди решат за него все проблемы.

— Шериф, думаю, следователь Орлегов не будет против, если Лорда доставят сюда в мешке для трупов.

К ним подбежал еще один полицейский.

— Господин шериф, здесь миссис Торн.

Хейес и двое его подручных прошли следом за шерифом в здание. В кабинете плакала женщина средних лет. Ее утешала другая, моложе, тоже расстроенная. Прислушавшись к их разговору, Хейес быстро сообразил, что старшая — жена Торна, а младшая — его секретарша. Миссис Торн провела весь день в Эшвилле и, вернувшись в Дженезис, увидела перед своим домом столпотворение полицейских машин и коронера, забирающего труп. На полу кухни валялись тела борзых, гордости ее мужа. Только четверем собакам удалось избежать расправы — их клетки остались заперты; еще одна пропала бесследно. Мертвые собаки беспокоили помощников шерифа. «Начнем с того, зачем их вообще выпустили?» — то и дело повторялся один и тот же вопрос.

— Несомненно, чтобы остановить следователя Орлегова, — уверенно заявил Хейес. — Этот Лорд очень хитер. Он мастер выкручиваться из любых ситуаций. В конце концов, недаром за ним безуспешно гоняются по всему земному шару.

Судя по всему, полицейские сочли это объяснение разумным, и вопросы прекратились. Шериф заверил миссис Торн, что будет сделано все возможное для поисков ее супруга.

— Я должна позвонить сыновьям, — сказала та.

Хейесу это не понравилось. Если эта женщина действительно будущая русская царица, ни в коем случае нельзя допустить дальнейшего усугубления проблемы вовлечением в нее цесаревича и великого князя. Во что бы то ни стало нужно помешать Лорду передать то, что ему известно, дальше Майкла Торна. Поэтому Хейес шагнул вперед и представился.

— Миссис Торн, по-моему, лучше подождать несколько часов. Пусть эта проблема разрешится сама собой, и тогда не понадобится напрасно волновать ваших детей.

— Что вы здесь делаете? — резко спросила миссис Торн.

— Я помогаю российскому правительству в поисках сбежавшего преступника.

— Каким образом русскому преступнику удалось проникнуть в наш дом?

— Понятия не имею. Мы по чистой случайности напали на его след здесь.

— На самом деле, — вмешался шериф, — вы так и не объяснили, каким образом узнали,

что этот Лорд в нашем городе.

В его голосе прозвучало неприкрытое подозрение, но прежде, чем Хейес ответил, в кабинет ворвалась женщина-полицейский.

— Шериф, мы обнаружили этот джип! Чертова машина проехала мимо Ларри на сорок шестой автостраде, милях в тридцати к северу от города.

Проезжая мимо придорожного рынка, где местные жители предлагали автомобилистам свежие яблоки, Лорд заметил патрульную машину. Коричневый с белым седан стоял на обочине, а молодой полицейский разговаривал с водителем грузовика. В зеркало заднего обзора Лорд увидел, как полицейский поспешно запрыгнул в свою машину и рванул на шоссе.

— Кажется, у нас появился попутчик.

Акулина оглянулась. Торн тоже повернул голову, и даже собака в багажном отделении заерзала. Торн подал команду, и собака улеглась на пол.

Лорд надавил на педаль газа, но двигатель был всего шестицилиндровым, а холмистая местность отнимала слишком много мощности. И все же Лорду удалось выжать семьдесят пять миль в час на узком шоссе, окаймленном с обеих сторон насыпями, за которыми начинался лес. Впереди показалась быстро приближающаяся попутная машина. Выкрутив руль влево, Лорд проскочил мимо нее, и тотчас же из-за поворота появилась машина, ехавшая навстречу. Лорд рассчитывал, что крутой поворот не позволит полицейскому повторить его маневр, но в зеркале заднего обзора он увидел, как синяя мигалка метнулась на противоположную полосу и снова устремилась в погоню.

— У полицейской машины двигатель помощнее нашего, — сказал Лорд. — Рано или поздно он нас догонит. Не говоря уж про то, что у него есть рация.

— А почему мы от него убегаем? — спросила Акулина.

Она была права. Нет смысла удирать от полицейского. Орлегов и Прищуренный остались в сорока милях к югу, в Дженезисе. Можно остановиться и все объяснить. Поиски завершены. Соблюдать скрытность больше не нужно. Возможно, полиция поможет.

Сбросив скорость, Лорд свернул на обочину и нажал на тормоз. Через мгновение полицейская машина остановилась. Лорд открыл дверь. Помощник шерифа держал пистолет наготове, укрываясь за дверцей.

— Лечь на землю! — заорал полицейский. — Живо!

Мимо мелькали машины.

— Я сказал — на землю!

— Послушайте, мне нужно с вами поговорить...

— Если через три секунды твоя задница не будет обращена к небу, я тебя пристрелю!

Из джипа выбралась Акулина.

— Леди, на землю! — взвизгнул полицейский.

— Она вас не понимает, — начал было объяснять Лорд. — Господин полицейский, нам нужна ваша помощь...

— Где Торн?

Открылась задняя дверь, и появился адвокат.

— Мистер Торн, идите ко мне! — завопил полицейский, перекрикивая шум дорожного движения, по-прежнему целясь в Лорда.

— В чем дело? — шепотом спросил Торн.

— Ума не приложу, — ответил Лорд. — Ты его знаешь?

— Лицо незнакомое.

— Мистер Торн, пожалуйста, подойдите ко мне, — повторил полицейский.

Лорд сделал шаг вперед. Полицейский стиснул пистолет. Торн загородил Лорда собой.

— Мистер Торн, на землю! Ложитесь на землю. Этот мерзавец убил полицейского. Ложитесь на землю.

Лорду показалось, он ослышался. «Убил полицейского?»

Торн не двинулся с места. Пистолет в руке полицейского метался из стороны в сторону, но цель была надежно прикрыта.

— Ложитесь! — снова крикнул полицейский.

— Алексей, ко мне! — тихо произнес Торн.

Встрепенувшись, борзая выскочила из машины. Полицейский медленно приближался, выставив пистолет.

— Вот он, — продолжал Торн, обращаясь к собаке. — Вперед. Прыгай!

Умное животное поджало задние лапы, мгновенно распрямило их и, взмыв в воздух, налетело мускулистым телом на полицейского. Тот вскрикнул, и оба повалились на засыпанную щебенкой обочину. Пистолет дважды выстрелил. Лорд бросился вперед и ногой выбил оружие.

Собака грозно зарычала.

Вдалеке послышался вой сирен.

— Предлагаю убраться отсюда, — сказал Торн. — Тут что-то не так. Этот парень сказал, что ты убил полицейского.

Лорду не нужно было повторять дважды.

— Согласен. Уходим.

Торн приказал собаке вернуться в машину. Все сели в джип. Полицейский с трудом поднялся на четвереньки.

— С ним все будет в порядке, — успокоил Торн. — Алексей его не покусал. Я не давал такой команды.

Лорд рывком перевел рычаг переключения передач.

Хейес с Орлеговым и Прищуренным ждали в управлении шерифа. Они чуть было не присоединились к отряду полицейских, умчавшихся на север. Сигнал по радио поступил двадцать минут назад. Серый джип «чероки» был замечен на сорок шестой автостраде, направляющийся на север, к границе округа и дальше в соседний штат Теннесси. Патрульная машина начала преследование, и в последнем сообщении говорилось, что джип останавливается. Полицейский запросил помощь, но сказал, что готов разобраться в одиночку.

Оставалось только надеяться, что страсти накалятся и у кого-то указательный палец сам собой нажмет на спусковой крючок. Хейес ясно дал понять, что русским неважно, будет ли тело теплым, так что, возможно, кто-нибудь положит конец этому кошмару одним прицельным выстрелом. Однако, даже если будут убиты Лорд и эта женщина или только Лорд, придется еще разбираться с Майклом Торном. Полиция сделает все возможное, чтобы его спасти, Лорд тоже его пальцем не тронет. Если речь действительно идет о прямом потомке Николая II, как утверждал Лорд, анализ ДНК рассеет любые сомнения.

И тогда возникнут очень серьезные неприятности.

За диспетчерским пультом сидела женщина-полицейский. Из динамика над головой доносился треск статического электричества.

— Центральная, говорит «Диллсборо-один». Мы прибыли на место.

Это был голос самого шерифа. Хейес с нетерпением ждал донесения. Он подошел к Орлегову, стоявшему в углу возле двери. Прищуренный курил на улице.

— Я должен позвонить в Москву, — по-русски шепотом сказал Хейес. — Наши друзья будут в гневе.

Орлегов оставался невозмутимым.

— У нас есть свои приказы.

— Что это значит?

— Мне было сказано проследить, чтобы ни сам Лорд, ни эта женщина, ни те, с кем здесь свяжется Лорд, ни в коем случае не вернулись в Россию.

У Хейеса мелькнула мысль, не относится ли это и к нему.

— Тебе очень хотелось бы меня убить. Ведь так, Орлегов?

— Это доставило бы мне огромное удовольствие.

— Так почему же ты этого до сих пор не сделал?

Русский следователь ничего не ответил.

— Потому что я все еще нужен им.

Орлегов продолжал молчать.

— Я тебя несколько не боюсь, — сказал Хейес, приблизившись к нему вплотную. — Ты только запомни, что мне тоже известно все. И передай это своим хозяевам. У Торна два сына, носители генов Романовых. Тот, кто прислал Лорда и женщину, пришлет и других. Моя смерть приведет лишь к тому, что весь мир узнает правду быстрее, чем эту проблему можно будет решить. Так что, Орлегов, извини, что лишаю тебя такого удовольствия.

— Адвокат, не надо переоценивать свою значимость.

— А вам не надо недооценивать мою живучесть.

Не дожидаясь ответа, Хейес отошел, и в этот момент ожил громкоговоритель.

— Центральная, говорит «Диллсборо-один». Подозреваемому удалось уйти вместе с заложником. Полицейский не смог его остановить. На него напала собака подозреваемого. С ним все в порядке. Машины продолжают преследование. Но подозреваемый здорово нас опередил. Вероятно, он по-прежнему направляется на север по сорок шестой автостраде. Предупредите всех, кого только сможете.

Диспетчер подтвердила получение приказа. Еще несколько минут назад Хейес надеялся, что Лорда поймают, но теперь ему было очевидно, что это лишь еще больше усложнит дело. Он сам должен первым настигнуть Лорда. Тот, похоже, не доверяет местным властям. Эти болваны считают, что Лорд захватил заложника и бросился в бега. Лишь ему одному известно, что спасаются бегством все трое: Лорд, русская женщина и Торн.

Они наверняка понимают, что им необходимо как можно скорее покинуть автостраду.

Скорее всего, Лорд предположил, что Орлегов и Прищуренный заручились сотрудничеством шерифа, поэтому он больше не будет искать контакта с местными правоохранительными органами. Вероятно, он где-нибудь укроется, вместе с остальными, по крайней мере до тех пор, пока не обдумает сложившуюся ситуацию.

Но где?

По всей видимости, здешние места Лорду не знакомы. Но вот Майкл Торн должен их знать как свои пять пальцев. Может быть, найдется способ это выяснить.

Покинув диспетчерскую, Хейес вернулся в кабинет, где остались миссис Торн и секретарша. Жена адвоката о чем-то беседовала в коридоре с женщиной-полицейским, поэтому Хейес обратился к секретарше:

— Прошу прощения, мэм.

Та подняла взгляд.

— Я слышал, вы говорили шерифу, что Лорд со своей спутницей сегодня заходили в контору мистера Торна.

— Совершенно верно. Они приходили вчера, а сегодня пришли снова. На самом деле они провели с мистером Торном весь день.

— Вам известно, о чем они говорили?

Секретарша покачала головой.

— Они общались в кабинете мистера Торна, за закрытой дверью.

— Все это просто ужасно. Следователь Орлегов так расстроен. Сначала один из его людей был убит в Москве. И вот теперь убит полицейский.

— Лорд сказал, что он адвокат. На меня он не произвел впечатления убийцы.

— А какой убийца похож на убийцу? Лорд приехал в Москву по делам. Никто не может взять в толк, почему он застрелил милиционера. Что-то у них случилось. Наверное, то же самое произошло и здесь.

Шумно выдохнув, Хейес провел рукой по волосам, стиснул переносицу.

— У вас такие красивые места. Особенно в это время года. Как жаль, что все испортила эта трагедия.

Подойдя к кофейнику, он наполнил кружку, предложил кофе секретарше, но та покачала головой.

— Я иногда приезжаю сюда из Атланты на охоту. Снимаю домик в лесу. Всегда мечтал иметь собственный, но не могу позволить себе такую роскошь. А у мистера Торна есть охотничий домик? По-моему, здесь такие есть у каждого.

— О, у него очаровательный охотничий домик, — ответила секретарша. — Его семья владеет им уже несколько поколений.

— Это где-то недалеко? — спросил Хейес, стараясь скрыть интерес.

— В часе езды к северу отсюда. Мистеру Торну принадлежит участок земли площадью около двухсот акров со своей горой. Я как-то в шутку поинтересовалась у него, зачем ему эта гора.

— И что он ответил?

— Сказал, что любит просто сидеть и смотреть на нее. Наблюдать, как растут деревья.

В глазах секретарши появились слезы. Несомненно, она очень переживала за своего босса. Хейес отпил глоток кофе.

— А у этой горы есть название?

— Песнь ветра. Мне оно так нравится.

Хейес медленно встал.

— Что ж, не буду вам больше мешать. Вижу, вы очень огорчены случившимся.

Секретарша его поблагодарила, и он вышел на улицу. Орлегов и Прищуренный стояли за дверью, пыхтя сигаретами.

— Пошли, — сказал Хейес.

— Куда мы направляемся? — спросил Орлегов.

— Решать нашу проблему.

После столкновения с полицейским Лорд быстро покинул автостраду, свернув на проселочную дорогу. Через несколько миль он повернул на север, следуя указаниям Торна, объяснявшего, как проехать к участку земли, которым его семья владела почти сто лет.

Грунтовая дорога попетляла между холмами, пересекла каменистые русла двух горных ручьев. Охотничий домик представлял собой одноэтажное строение в колониальном стиле, сложенное из сосновых бревен, скрепленных густой штукатуркой. На крыльце стояли три плетеных кресла-качалки, в углу был натянут гамак. Кедровые доски, которыми была покрыта остроконечная крыша, выглядели совсем новыми. В дальнем конце поднималась кирпичная труба.

Торн объяснил, что именно здесь Алексей и Анастасия Романовы жили первое время, когда перебрались в Северную Каролину. Юсупов построил этот домик среди девственного леса, рядом с горой, столетие назад названной Песней ветра. Он хотел укрыть наследников русского престола в уединенном месте, подальше от тех, кто был хоть как-то связан с императорской семьей. Для этой цели идеально подошли Аппалачские горы, тем более что и климат, и обстановка напоминали родину.

И вот сейчас Лорд ощущал присутствие двух молодых людей, лишившихся семьи, оказавшихся в чужой стране. Солнце зашло, стало прохладно. Торн растопил камин дровами, сложенными в поленницу вдоль наружной стены. В домике были толстые лоскутные одеяла, лакированное дерево, стойкий аромат орешника и сосны. На кухне оказалось полно консервов, и беглецы поужинали бобами с острым соусом, запивая их кока-колой.

Укрыться в охотничьем домике предложил Торн. Если полиция считает, что его удерживают силой, никому и в голову не придет искать тут. Скорее всего, установлено наблюдение за всеми дорогами, ведущими в Теннесси, разослана ориентировка на джип «чероки» — тем больше причин свернуть с шоссе.

— Здесь на много миль вокруг нет ни души, — сказал Торн. — В двадцатые годы нельзя было придумать лучшего места, чтобы спрятаться.

Лорд мысленно отметил, что в доме ничто не указывает на то, кто на самом деле его владельцы. Но выстроил его человек, любящий природу: стены украшали картины в рамках, изображающие парящих в небе птиц и пасущихся оленей. Охотничьих трофеев не было.

— Я не охочусь, — объяснил Торн. — Разве что с фотоаппаратом.

Лорд указал на писанный маслом холст во всю стену, на котором был изображен бурый медведь.

— Это написала моя бабушка, — сказал Торн. — И остальные картины тоже. Она любила живопись. Бабушка жила здесь до конца своих дней. Вон в той спальне умер Алексей. На той же самой кровати родился мой отец.

Они расположились перед камином. Просторная комната освещалась двумя лампами. Акулина сидела на дощатом полу, закутавшись в одеяло. Лорд и Торн устроились в кожаных креслах. Собака свернулась в углу, подальше от жара открытого огня.

— У меня есть близкий друг в прокуратуре штата Северная Каролина, — сказал Торн. — Мы позвоним ему завтра. Он должен помочь. Я ему верю.

Он помолчал.

— Представляю, какво сейчас жене. Как мне хочется ей позвонить...

— Я бы не советовал, — заметил Лорд.

— Я все равно не смог бы, даже если бы захотел. Я так и не провел сюда телефон. Когда мы остаемся на ночь, я беру с собой сотовый. Электричество провели всего десять лет назад. С меня содрали кучу денег, чтобы протянуть линию. И я решил, что телефон подождет.

— Вы с женой часто приезжаете сюда? — спросила Акулина.

— Постоянно. Здесь я по-настоящему ощущаю связь с прошлым. Маргарет полностью этого не понимает, но знает, что тут я успокаиваюсь. Мое «место одиночества», как она говорит. Если бы она знала...

— Она скоро все узнает, — напомнил Лорд.

Вдруг борзая встрепенулась и глухо зарычала.

Раздался стук в дверь. Лорд вскочил. Никто не произнес ни слова.

Стук повторился.

— Майлз, это я, Тейлор. Открой.

Лорд выглянул на улицу. В темноте был виден лишь силуэт человека перед дверью.

— Мистер Хейес?

— Нет, Фредди Крюгер. Открой же, черт побери!

— Вы один?

— А с кем я могу быть?

Лорд отпер замок. На пороге стоял Тейлор Хейес, в брюках защитного цвета и плотной куртке.

— Господи, как же я рад вас видеть! — пробормотал Лорд.

— Ну а я-то тебя!

Хейес прошел в домик. Они пожали друг другу руки.

— Как вы меня нашли? — спросил Лорд, запирая дверь.

— Приехав в город, я узнал о перестрелке. Похоже, здесь двое русских...

— Это те двое, которые охотятся за мной.

— Я и сам догадался.

Лорд заметил недоуменное лицо Акулины.

— Тейлор, госпожа Петрова не слишком хорошо владеет английским. Говорите по-русски.

— Кто вы такая? — спросил Хейес у Акулины.

Та представилась.

— Рад с вами познакомиться. Насколько я понимаю, мой помощник таскает вас за собой по всему земному шару.

— Да, нам пришлось проделать долгий путь, — подтвердила Акулина.

— А вы, должно быть, и есть цель этого пути, — обратился он к Торну.

— По-видимому, да.

Представив их друг другу, Лорд сказал:

— Надеюсь, теперь мы сможем что-нибудь сделать. Тейлор, местная полиция полагает, что я убил полицейского.

— Все в этом уверены.

— Вы говорили с шерифом?

— Я решил сначала разыскать тебя.

Они беседовали почти сорок пять минут. Лорд подробно доложил обо всем. Он даже показал Хейесу разбитое пасхальное яйцо и послания на золотых пластинах. Он сообщил

про золотые слитки и объяснил, где они спрятаны, рассказал про Семена Пашенко и «священный отряд», хранивший тайну Юсупова.

— Значит, вы самый настоящий Романов? — спросил Хейес Торна.

— Вы так и не объяснили, как нас нашли, — напомнил тот.

В голосе адвоката прозвучало подозрение. Однако Хейеса, похоже, подобная резкость нисколько не смутила.

— На эту мысль меня натолкнула ваша секретарша. Она с вашей женой была в управлении шерифа. Я знал, что Майлз вас не похищал, поэтому я рассудил, что вы должны где-то спрятаться. Кому бы пришло в голову искать вас здесь? Ни один похититель не станет держать свою жертву в ее же собственном доме. Поэтому я решил проверить и приехал сюда.

— Как моя жена?

— Очень беспокоится.

— Почему вы не сказали шерифу правду? — спросил Торн.

— Видите ли, ситуация слишком деликатная. В дело замешаны международные отношения. Решается будущее России. Если вы действительно прямой потомок Николая Второго, российский престол должен принадлежать вам. Вряд ли нужно говорить, что ваше появление из небытия произведет сенсацию. У меня нет желания доверять все это шерифу округа Диллсборо, штат Северная Каролина. Прошу понять меня правильно, я ничего не имею против этих чудесных мест.

— Замечание принимается, — сказал Торн.

В голосе его все еще чувствовалась некоторая настороженность.

— И что вы предлагаете делать?

Хейес подошел к окну и выглянул за занавески.

— Хороший вопрос.

Борзая снова встрепенулась.

Хейес открыл входную дверь.

В дом вошли Феликс Орлегов и Прищуренный. Оба держали в руках карабины. Собака вскочила и зарычала.

Акулина ахнула.

— Мистер Торн, это очень красивое животное, — сказал Хейес. — Я всегда испытывал слабость к борзым. Мне бы не хотелось приказать одному из этих джентльменов пристрелить собаку. Так что, будьте добры, скажите ей выйти на улицу, хорошо?

— Вы мне сразу не понравились, — пробормотал Торн.

— Я так и понял.

Хейес кивнул на собаку, продолжавшую рычать.

— Так как, пристрелить ее?

— Алексей, уходи.

Торн подал знак, и борзая выбежала наружу.

Хейес закрыл дверь.

— Алексей. Любопытная кличка.

Лорд никак не мог оправиться от потрясения.

— Так с самого начала это были вы?

Орлегов перекрыл выход на кухню, Прищуренный — в спальню.

— Майлз, кое-кто из моих московских знакомых очень расстроился из-за тебя. Черт побери, я послал тебя рыться в архивах, чтобы узнать, есть ли проблемы у Бакланова, а ты

раскопал наследника российского престола. Что ты хочешь?

— Сукин сын, я тебе верил!

Лорд бросился на своего вероломного босса, но Орлегов остановил его, подняв карабин.

— «Доверие», Майлз, понятие относительное. Особенно в России. Однако надо отдать тебе должное. Убрать тебя оказалось очень непросто. И еще ты чертовски везучий.

Сунув руку за пазуху, Хейес достал пистолет.

— Сядь, Майлз.

— Убирайся к чертовой матери, Тейлор!

Хейес выстрелил. Пуля попала Лорду в правое плечо. Он отлетел назад в кресло. Акулина вскрикнула и бросилась к нему.

— Я велел тебе сесть, — спокойно произнес Хейес. — Я не люблю повторять дважды.

— Как ты? — со слезами в голосе спросила Акулина.

Лорд видел у нее на лице тревогу. Но ничего страшного с ним не произошло. Пуля лишь зацепила его. Правда, боль была адской.

— Все в порядке.

— Госпожа Петрова, садьте, — приказал Хейес.

— Делай, как он говорит, — попросил Лорд.

Акулина вернулась в кресло.

Хейес подошел к камину.

— Если бы я хотел тебя убить, Майлз, я бы тебя убил. К счастью для тебя, я хорошо стреляю.

Зажимая рану рукой, чтобы остановить кровотечение, Лорд посмотрел на Майкла Торна. Адвокат сидел совершенно неподвижно. Он не произнес ни слова и никак не отреагировал на выстрел.

— Да, вы настоящий русский, — сказал Хейес, обращаясь к нему. — У вас такой взгляд. Я много раз видел его в России. У русских нет сердца, ни у одного.

— Я не Степан Бакланов, — едва слышно произнес Торн.

Хейес прыснул.

— Надо думать. Полагаю, вы смогли бы править этими болванами. Для этого нужны стальные нервы. Чем отличались все великие цари. Уверен, вы понимаете, что вас нельзя выпустить отсюда живым.

— Отец предупреждал о таких людях, как вы. Предостерегал меня. А я считал, у него просто мания преследования.

— Кто бы мог подумать, что советская империя окажется такой хрупкой? — усмехнулся Хейес. — И уж тем более кто бы мог предположить, что русский народ захочет вернуть царя?

— Феликс Юсупов, — напомнил Торн.

— Очко в вашу пользу. Но теперь все это не имеет значения.

Хейес обратился к Орлегову:

— Феликс, отведите нашего дорогого наследника и эту женщину в лес и сделайте то, что у вас получается лучше всего.

Ухмыльнувшись, русский следователь шагнул вперед и схватил Акулину. Лорд попытался вскочить, но Хейес прижал к его горлу дуло пистолета.

— Сиди смирно!

Прищуренный рывком выдернул Торна из кресла и приставил к затылку дуло карабина.

Акулина начала вырываться. Орлегов обвил рукой ее шею и потянул вверх. Акулина судорожно задергала ногами в воздухе и закатила глаза, лишившись возможности дышать.

— Прекратите! — крикнул Лорд.

Хейес сильнее вдавил ему в шею пистолет.

— Тейлор, скажи, чтобы они остановились!

— А ты ей скажи, чтобы она была хорошей девочкой, — ответил Хейес.

Лорд не знал, как сказать Акулине, чтобы она спокойно пошла на смерть.

— Не надо, — наконец тихо промолвил он.

Она перестала вырываться.

— Не здесь, Феликс, — сказал Хейес.

Орлегов ослабил хватку, и Акулина бессильно опустилась на пол, стараясь отдышаться. Лорду хотелось броситься к ней, но он не мог. Орлегов схватил Акулину за волосы. Казалось, боль вернула ее к жизни.

— Встань! — по-русски приказал Орлегов.

Акулина с трудом держалась на ногах. Орлегов подтолкнул ее к входной двери. Торн вышел на улицу первым, за ним — Прищуренный.

Дверь закрылась.

— Кажется, тебе эта женщина небезразлична, — заметил Хейес, переходя на английский.

Пистолет по-прежнему был прижат к горлу Лорда.

— А тебе какое дело?

— Никакого.

Хейес убрал пистолет. Лорд упал в кресло. Боль в плече усилилась, ярость застилала глаза.

— Это ты приказал убить в Стародубе Максимовых?

— Ты не оставил нам выбора. Ненужные свидетели и все такое.

— А Бакланов — безвольная пешка?

— Россия подобна девственнице. В ней столько наслаждений, которые еще никто не пробовал. Но чтобы выжить, нужно играть по русским правилам, а они жестче, чем где бы то ни было. Мне пришлось приспособливаться. Для русских убийство — приемлемое средство достижения цели. Больше того, предпочтительное средство.

— Тейлор, что с тобой произошло?

Хейес сел, продолжая держать пистолет наготове.

— Пожалуйста, не надо сентиментальной ерунды. Я поступал так, как нужно. Никто в компании не жаловался на щедрый поток гонораров. Иногда, чтобы добиться великих целей, приходится идти на риск. И по-моему, держать в своих руках российского царя — дело стоящее. Все было устроено идеально. Кто мог предположить, что до сих пор жив прямой наследник?

Лорду захотелось броситься на своего коварного босса, но тот, похоже, почувствовал его ненависть.

— Даже не думай об этом, Майлз. Я пристрелю тебя еще до того, как ты успеешь подняться из кресла.

— Надеюсь, дело того стоит.

— По сравнению с ним юридическая практика — дерьмо собачье.

Лорд решил потянуть время.

— И как ты намереваешься обуздать все это? У Торна есть сыновья. Наследники престола. Им тоже все известно.

— Неплохой ход, — усмехнулся Хейес. — Вот только вся беда в том, что жена и дети Торна ровным счетом ничего не знают. Так что моя проблема заканчивается здесь. Слушай, ты сам во всем виноват. Если бы ты делал только то, что я тебе говорю, все было бы в порядке. Но ты вместо этого отправился сначала в Санкт-Петербург, затем в Калифорнию и ввязался в то, что тебя нисколько не касалось.

— Ты меня убьешь, Тейлор?

В его голосе не прозвучало ни тени страха. Он сам удивился.

— Нет. Но эти двое тебя убьют. Они взяли с меня слово, что без них я тебя пальцем не трону. Ты им не нравишься. А я не могу разочаровать своих подручных.

— Ты совсем не тот человек, которого я знал.

— Какого хрена ты мог меня знать? Ты лишь мой помощник. Мы с тобой не кровные братья. Проклятие, да мы даже друзьями не были. Но если хочешь знать, от меня зависят клиенты, и я их не подведу. К тому же мне нужно позаботиться о том, с какими средствами удалиться на покой.

Лорд перевел взгляд на окно.

— Беспокоишься за свою русскую кралю?

Лорд промолчал. Что он мог сказать?

— Думаю, с ней развлекается Орлегов... прямо сейчас.

Акулина шла следом за человеком, которого Лорд прозвал Прищуренным. Они углублялись в заросли. Ковер из опавшей листвы заглушал шаги, лунный свет пробивался сквозь ветви, раскрашивая темный лес молочно-белыми пятнами. Ледяной воздух обжигал Акулине кожу, джинсы и тонкий свитер не давали тепла. Торн шел первым — в спину ему упиралось дуло карабина. Орлегов с пистолетом в руке замыкал шествие.

Минут через десять они вышли на поляну. В землю были воткнуты две лопаты. Судя по всему, убийцы продумали свои действия перед тем, как Хейес постучался в охотничий домик.

— Копай, — приказал Торну Орлегов. — Как и твои предки, ты умрешь в лесу и будешь закопан в сырую землю. Может быть, еще лет через сто кто-нибудь отыщет и твои кости.

— А если я откажусь? — спокойно спросил Торн.

— Я тебя пристрелю, после чего развлекусь вот с ней.

Торн перевел взгляд на Акулину. Его дыхание оставалось ровным, в глазах не было тревоги.

— Взгляни на дело с другой стороны, — продолжал Орлегов. — Еще несколько драгоценных минут жизни. Тут дорога каждая секунда. В любом случае у тебя времени будет больше, чем у твоего прадеда. К счастью для тебя, я не большевик.

Торн стоял неподвижно, даже не думая братья за лопату. Отбросив карабин, Орлегов схватил Акулину за свитер, привлекая к себе. Та закричала, но негодяй зажал ей рот.

— Довольно, — окликнул его Торн.

Орлегов обхватил Акулину за шею, не пытаясь задушить, а просто напоминая о своем присутствии. Торн схватил лопату и начал рыть землю.

Русский следователь принялся тискать грудь Акулины.

— Ишь ты, какая упругая!

У него изо рта воняло.

Вскинув руку, Акулина вонзила пальцы ему в левый глаз. Орлегов отпрянул и с размаха дал ей пощечину. Акулина упала.

Подобрав карабин, он дослал патрон в патронник, поставил ногу Акулине на шею и всунул дуло ей в рот.

Акулина в отчаянии посмотрела на Торна.

Она ощутила вкус ржавчины и грязи. Орлегов засунул дуло глубже, и она стала задыхаться. В сердце нарастал ужас.

— Ну как, сучка, тебе нравится?

Внезапно из леса выскочила черная тень и ударила Орлегова в грудь. Он отлетел назад и выпустил карабин. Отгалкивая дуло от себя, Акулина поняла, что произошло.

Вернулась борзая.

Акулина откатилась в сторону.

— Взять! — крикнул Торн. — Убей!

Острые клыки вонзились в человеческую плоть.

Следователь завопил от боли.

Прищуренный растерялся от неожиданного появления собаки. Торн ударил его лопатой в живот. Следующий удар пришелся по черепу, и Прищуренный упал на землю. Несколько

мгновений его тело билось в судорогах, потом застыло.

Орлегов продолжал кричать. Собака с неумолимой яростью рвала его горло.

Акулина подхватила с земли карабин.

Торн бросился вперед.

— Стой!

Отпустив жертву, собака уселась на задние лапы, часто дыша. Русский покатился по земле, зажимая руками горло. Он попытался встать, но Акулина выстрелила ему в лицо.

Орлегов затих.

— Так лучше? — спокойным голосом спросил Торн.

Акулина сплюнула, прогоняя изо рта металлический привкус.

— Значительно.

Торн опустился на корточки рядом с Прищуренным и пощупал его пульс.

— Этот тоже готов.

Акулина посмотрела на собаку. Борзая спасла ей жизнь. У нее в голове мелькнули слова, которые говорили Лорд и Семен Пашенко. Что-то про предсказание какого-то якобы святого, сделанное сто лет назад. «Невинность зверей будет охранять их и указывать им дорогу, став высшим судьей успеха».

Торн погладил собаку по шелковистой шерсти.

— Хороший мальчик, Алексей. Хороший мальчик.

В ответ на ласку борзая осторожно провела по его груди когтистой лапой. Ее морда была в крови.

— Надо выручать Майлза, — сказала Акулина.

Издали послышался выстрел, и Лорд, воспользовавшись тем, что Хейес на мгновение отвернулся, схватил здоровой рукой лампу на тяжелом деревянном основании и швырнул ее в своего врага. Опомившись, Хейес выстрелил, но Лорд уже перекатился из кресла на пол.

Теперь комната освещалась только одной лампой и отсветами пламени в камине. Лорд быстро прополз по полу и бросил в Хейеса вторую лампу, перескочил через диван у камина и укрылся за ним. От усилий по правому плечу разлилась боль. Прогрели еще два выстрела: Хейес пытался достать его за диваном. Лорд на четвереньках достиг кухни и только нырнул туда, как еще одна пуля расщепила косяк. Рана в плече открылась и снова начала кровоточить. Лорд зажал рану. Он надеялся, что резкий переход от света к темноте не даст Хейесу прицелиться, — еще одного попадания он бы не выдержал. Однако он понимал, что всего через пару минут глаза врага привыкнут к полумраку.

Лорд вскочил, зашатался от пронзительной боли. Перед глазами все закружилось, но все же он постарался взять себя в руки. Лорд схватил со стола вафельное полотенце, прижал его к окровавленному плечу и выбежал на улицу. Перепачканной в крови левой рукой он захлопнул за собой дверь и подпер ее мусорным баком.

И бросился в лес.

Хейес не знал, попал ли он в Лорда. Он попробовал сосчитать, сколько сделал выстрелов. Четыре, может быть, пять. То есть в обойме оставалось еще пять или шесть патронов. Глаза Хейеса быстро привыкли к темноте. Тусклое сияние углей в камине давало немного света. Хейес услышал, как захлопнулась дверь. Держа «глок» наготове, он осторожно прошел на кухню и тут же поскользнулся на луже крови. Выход оказался

перегорожен мусорным баком. Отшвырнув пластмассовый бак ударом ноги, Хейес вышел в ночную прохладу.

— Ну хорошо, Майлз, — окликнул он. — Похоже, пришло время поохотиться на енота. Будем надеяться, тебе не повезет так, как повезло твоему деду.

Хейес заменил полупустую обойму. Теперь у него было десять патронов, чтобы довести до конца начатое дело.

Акулина и Торн бежали к охотничьему домику. Они слышали выстрелы. У Акулины был карабин Орлегова. Когда они оказались у самого домика, Торн остановился.

— Давайте обойдемся без глупой опрометчивости.

Его сдержанность произвела впечатление на Акулину. Даже в такой ситуации адвокат сохранял спокойствие, и это вселяло в нее уверенность.

Торн подкрался к закрытой входной двери. Из дома донесся мужской голос:

«Ну хорошо, Майлз. Похоже, пришло время поохотиться на енота. Будем надеяться, тебе не повезет так, как повезло твоему деду».

Акулина подошла к Торну. Собака не отставала от них.

Торн распахнул дверь. Темноту озарял лишь угасающий камин. Торн направился в спальню. Вернулся он с пистолетом в руке.

— Пошли, — сказал он.

Они прошли на кухню. Дверь наружу была распахнута. Акулина заметила, что Алексей обнюхивает половицы. Нагнувшись, она увидела цепочку темных пятен.

Все внимание собаки было приковано к ним.

Торн присел на корточки.

— Кого-то зацепило, — тихо промолвил он. — Алексей, след. Возьми!

Собака потянула носом и подняла голову, словно показывая, что готова.

— Ищи! — приказал Торн.

Борзая выскочила за дверь.

Лорд услышал слова Хейеса и вспомнил разговор, состоявшийся девять дней назад в «Метрополе».

Проклятие, кажется, с тех пор минула целая вечность.

Дед много рассказывал Лорду о временах, когда на Юге белые вымещали злость на неграх. Его двоюродного дядю схватили прямо у него дома и повесили на ближайшем дереве, заподозрив в воровстве. Ни следствия, ни обвинения, ни суда. Лорд часто думал, откуда такая ненависть. Его отец всегда заботился, чтобы ни белые, ни черные не забывали прошлое. Одни называли это популизмом. Другие — натравливанием. Сам Гровер Лорд говорил, что это «дружеское напоминание из уст представителя Всевышнего». И вот теперь Лорд бежал по горам Северной Каролины, а его преследовал человек, который был полон решимости не дать ему увидеть следующий восход солнца.

Кухонное полотенце, которым Лорд зажал рану, помогало, но по плечу непрерывно хлестали ветки, и оно отзывалось острой болью. Он понятия не имел, куда бежит. Ему вспомнились слова Торна, что до ближайшего жилья — многие мили. Он рассудил, что шансы его невелики: за ним наверняка шли Хейес, Прищуренный и Орлегов. В ушах у нег звучал выстрел, который прогремел в лесу. Ему хотелось вернуться, разыскать Акулину и Торна, но он понимал, что это бессмысленно. Скорее всего, обоих уже нет в живых. А ему сейчас лучше всего затеряться в ночи — спастись, чтобы поведать всему миру о том, что он узнал. Это его долг перед Семеном Пашенко и «священным отрядом», особенно перед теми, кто заплатил жизнью, выполняя приказ Юсупова. Как Иосиф и Василий Максимовы.

Лорд остановился. Облачка пара от дыхания таяли в воздухе. В горле пересохло, он полностью потерял ориентацию. Лицо и грудь покрывал пот. Ему хотелось сорвать свитер, но с раненым плечом об этом нечего было и думать. От слабости кружилась голова — давала знать о себе потеря крови, и разреженный горный воздух только усугублял дело.

Позади послышался треск сучьев.

Отодвинув низко нависшую ветвь, Лорд скользнул в густые заросли. Почва становилась все более твердой. Тут и там появлялись участки обнаженных скальных пород. Лорд обнаружил, что поднимается по склону. Под ногами захрустела каменистая осыпь, и этот звук далеко разнесся в ночной тишине.

Вдруг перед ним открылась широкая панорама.

Он остановился на краю обрыва. На дне погруженного во мрак ущелья журчал бурный горный ручей. Можно было повернуть влево или вправо, обратно в лес, но Лорд решил остаться на месте. Если его найдут, быть может, ему хоть как-то поможет элемент внезапности. Бежать до бесконечности нельзя. Особенно когда по следу идут трое вооруженных убийц. К тому же Лорд не хотел, чтобы его пристрелили, как затравленного зверя. Он предпочитал схватиться с врагами лицом к лицу. Поэтому он забрался на скалу, уступом нависшую над пропастью. Над головой простиралось бескрайнее звездное небо. Со своего места Лорд мог увидеть, кто поднимется на вершину.

Лорд пошарил в темноте и нашел три камня размером с детский мяч. Примерившись, он решил, что сможет бросить камни, хотя и недалеко. Он приготовился встретить преследователей.

На своем веку Хейес подстрелил немало зверей и умел идти по следу; к тому же Лорд бежал через заросли напролом, не заботясь, что оставляет за собой сломанные ветки. Изредка встречались даже отпечатки его ног, там, где каменистая земля уступала сырой почве. В ярком лунном свете распознавать путь не составляло труда. Даже без пятен крови, попадавшихся с предсказуемой регулярностью.

Вдруг след оборвался.

Хейес остановился и огляделся по сторонам. Ничего. Сломанных ветвей, указывающих дорогу, больше не было. Ощупав листву вокруг, Хейес не нашел и крови. Странно. Он приготовился выстрелить, на тот случай, если Лорд выбрал именно это место для схватки. Хейес был уверен, что этот глупец рано или поздно решит с ним сразиться.

Хейес осторожно двинулся вперед. Ничто не говорило о том, что за ним наблюдают. Он собрался повернуть в другую сторону, но тут заметил на листьях папоротника темное пятно. Хейес крадучись пошел дальше, выставив пистолет. Почва стала каменистой, вокруг мириадами бесформенных теней поднимались гранитные глыбы. Хейесу стало не по себе, но он продолжал идти.

Он искал следы — вроде пятна крови на камне, — однако в темноте пятно легко спутать с тенью. Он пошел еще медленнее, стараясь, чтобы под ногами не хрустел щебень.

Наконец Хейес остановился на краю обрыва; внизу журчала вода, вверху раскинулось огромное бархатное небо, усыпанное миллиардами звезд. Однако сейчас не время любоваться красотами природы. Хейес развернулся, чтобы снова войти в лес, но тут что-то со свистом рассекло воздух.

Торн вышел на улицу, Акулина последовала за ним. Увидев на дверном косяке окровавленный отпечаток ладони, она подумала о Лорде. Борзая скрылась в темноте, но, услышав негромкий свист хозяина, стремглав выбежала из зарослей.

— Далеко Алексей не отойдет, — шепотом объяснил Торн. — Только чтобы не терять след.

Собака села рядом с ним, и он погладил ее по голове.

— Ищи, Алексей! Вперед!

Борзая снова исчезла среди деревьев.

Торн двинулся в том же направлении.

Акулина беспокоилась за Лорда. Скорее всего, он ранен. Вероятно, Лорд решил, что ни ее, ни Торна нет в живых, поскольку шансы сбежать от двух профессиональных убийц были ничтожны. Но их спасла от неминуемой смерти борзая. Собака выказала поразительную преданность, достойную восхищения. Майкл Торн оказался незаурядной личностью. В жилах этого человека текла царская кровь. Наверное, именно этим и объяснялась его харизма. Акулина помнила рассказы бабушки о царских временах. Народ боготворил царя за его силу и волю, видел в нем воплощение Бога на земле, обращался к нему за помощью и защитой в трудные времена.

Царь олицетворял всю Россию.

Быть может, Майкл Торн понимает эту ответственность. Быть может, он чувствует связь с прошлым и не боится того, что ждет впереди.

Но Акулина боялась — не только за себя, но и за Майлза Лорда.

Торн тихо свистнул. Тотчас же появился Алексей, учащенно дыша. Опустившись на корточки, Торн посмотрел собаке в глаза.

— Ты ведь взял след?

Казалось, борзая сейчас ответит, но Алексей просто сидел на задних лапах, переводя дыхание.

— Ищи. Вперед!

Собака бросилась вперед.

Они побежали следом.

Внезапно вдалеке тишину разорвал выстрел.

Лорд пустил по дуге камень в воздух в тот самый момент, когда Хейес обернулся. Он почувствовал, как у него в плече что-то лопнуло, и тотчас же по руке разлилась невыносимая боль. Рана снова открылась.

Лорд увидел, как камень попал Хейесу в грудь, услышал выстрел. Выскочив из засады, он набросился на своего босса. Они рухнули на землю, и по правому плечу Лорда электрическим разрядом раскатилась пронизывающая боль.

Не обращая на нее внимания, он ударил Хейеса кулаком в лицо, но тот сбросил его с себя. Лорд упал навзничь. Острые камни, впившиеся в спину, добавили мучений.

В следующее мгновение Хейес уселся на него верхом.

Акулина и Торн побежали туда, откуда донесся выстрел. Почва стала твердой, вокруг появились камни. Впереди послышалось учащенное дыхание и шум борьбы.

Лес закончился.

Акулина увидела Тейлора Хейеса и Майлза Лорда, схлестнувшихся в смертельной схватке. Она остановилась рядом с Торном. Борзая тоже остановилась, наблюдая за борьбой.

— Помогите же ему! — воскликнула Акулина, обращаясь к Торну.

Но тот и не думал применять оружие.

Поразительно, но у Лорда оставались еще какие-то силы — он махнул кулаком и попал Хейесу в нижнюю челюсть. Удар на мгновение оглушил нападавшего. Лорд видел, как Хейес выронил оружие, когда получил камнем в грудь.

Лорд лягнул Хейеса коленом, откатился в сторону, нашел опору и поднялся на четвереньки. Ему надоели камни, вонзающиеся в ноющее тело. Рана в плече кровоточила. Однако Лорд не собирался сдаваться. Сукиного сына необходимо остановить, здесь и сейчас.

Лорд обвел взглядом черную землю в поисках пистолета, но так и не смог различить его очертания. Ему показалось, что он увидел в зарослях два силуэта, но времени присмотреться внимательнее не было. Скорее всего, это Орлегов и Прищуренный злорадно наблюдают за схваткой, вместо того чтобы определить победителя одним-единственным выстрелом.

Лорд снова схватился с Хейесом. Они налетели на гранитную глыбу, и Лорд почувствовал, как у противника хрустнуло ребро. Вскрикнув от боли, Хейес исхитрился вонзить большие пальцы Лорду в шею, сдавливая гортань. Задыхаясь, Лорд судорожно вырывался. Хейес ударил его коленом в пах и с силой ткнул кулаком, отбрасывая к краю обрыва.

Лорд успел приготовиться к следующей атаке, и, когда Хейес ринулся вперед, он подпрыгнул и попытался достать его ногами. Однако противник разгадал это движение и вовремя остановился.

Нога Лорда встретила лишь воздух.

Акулина увидела, как Лорд, не удержавшись после неудачного удара ногой, повалился на землю, перекатился, поднялся на четвереньки и снова бросился на врага.

Торн опустил на корточки рядом с борзой. Акулина тоже присела. Собака глухо рычала, не отрывая взгляда от неясных теней. Пару раз Алексей щелкнул челюстями, и Акулина успела разглядеть острые клыки.

— Он решает, — объяснил Торн. — Собака видит гораздо лучше нас.

— У вас же есть пистолет, — напомнила Акулина.

Торн спокойно смерил ее взглядом.

— Надо посмотреть, как пророчество сбудется до конца.

— Не говорите глупостей! Пора кончать эту схватку!

Борзая шагнула вперед.

— Стреляйте, или выстрелю я! — потребовала Акулина.

Адвокат мягко положил руку ей на плечо.

— Верьте.

В его голосе и поведении было нечто такое, что не поддавалось объяснению.

Акулина промолчала.

Торн повернулся к собаке.

— Спокойно, Алексей, спокойно.

Лорду удалось подняться на четвереньки и отползти от края обрыва. Хейес не двигался с места, судя по всему, пытаясь отдышаться.

— Ну же, Майлз, — сказал Хейес. — Нужно довести это дело до конца. Здесь нет никого, кроме нас с тобой, и другой дороги отсюда нет — только через меня.

Они принялись кружить вокруг друг друга, Лорд двигался вправо, к деревьям, а Хейес влево, в сторону обрыва.

И тут Лорд увидел пистолет. Он лежал на камнях меньше чем в шести шагах. Но и Хейес, похоже, заметил оружие. Он прыгнул к пистолету и подобрал его с земли.

Его рука стиснула рукоятку, указательный палец лег на спусковой крючок, и дуло уставилось на Лорда.

Борзая бросилась. Команды хозяина не было. Животное каким-то образом почувствовало, что наступил решающий момент, и поняло, куда нанести удар. Быть может, собака распознала запах Лорда по кровавому следу. Быть может, ею руководил дух Распутина. Как знать? Хейес увидел борзую только тогда, когда она налетела на него всем весом. Пошатнувшись, он отпрянул. Лорд метнулся вперед, сталкивая Хейеса и вцепившуюся в него собаку с обрыва. Ночную тишину разорвал пронзительный крик, быстро затихший в темноте. Два тела скрылись в ущелье. Через секунду донесся отдаленный глухой стук и жалобный визг, от которого у Лорда защемило сердце. Он не смог разглядеть дна пропасти.

Сзади послышались шаги.

Лорд стремительно обернулся, ожидая увидеть Прищуренного и Орлегова, но вместо них появилась Акулина, а следом за ней Торн.

Молодая женщина крепко обняла Лорда.

— Поосторожнее, — поморщился тот, вспоминая о простреленном плече.

Акулина ослабила объятия.

Подойдя к краю обрыва, Торн заглянул вниз.

— Сожалею насчет собаки, — сказал Лорд.

— Я любил Алексея. Но теперь все кончено. Выбор сделан.

При свете полной луны в этом суровом лице и немигающих глазах Майлз Лорд увидел будущее России.

Москва

Воскресенье, 10 апреля

11 часов дня

Успенский собор сиял в свете сотен ламп и свечей. Просторные залы храма были специально освещены для телевизионных камер, транслировавших церемонию в прямом эфире на весь земной шар. Лорд стоял на почетном месте у алтаря, Акулина держалась рядом. Над ними сверкал позолотой и драгоценными камнями четырехъярусный иконостас.

Посреди собора высились два коронационных трона. Наследник восседал на троне второго царя из династии Романовых, Алексея Михайловича. Почти девять тысяч бриллиантов украшали этот трон, не считая рубинов и жемчугов. Эта историческая реликвия, чей возраст насчитывал больше трех с половиной столетий, последние сто лет хранилась в музее. Вчера алмазный трон был доставлен в Успенский собор из Оружейной палаты.

На троне из слоновой кости сидела жена Торна, Маргарет. Этот трон привезла в Россию в 1472 году византийская принцесса Софья Палеолог, невеста Ивана Великого.^[11] Именно Иван провозгласил: «Два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать».^[12] Однако сегодня, в этот погожий апрельский день, предстояло родиться четвертому Риму. Светское и священное объединял один человек — царь.

Россией снова будут править Романовы.

У Лорда мелькнула мысль о Тейлоре Хейесе. Даже сейчас, спустя полгода после его гибели, истинные масштабы заговора оставались неизвестны. Ходили слухи, что в нем участвовал даже Адриан, патриарх Русской православной церкви. Разумеется, Адриан упорно все отрицал, а доказательств до сих пор не было. Единственным заговорщиком, чья личность не вызывала сомнений, был Максим Зубарев, человек, пытавший Лорда в Сан-Франциско. Но компетентные органы не успели допросить Зубарева — его труп с двумя пулями в черепе был найден в неглубокой могиле в Подмосковье. Были все основания предполагать, что имел место самый широкий заговор с участием организованной преступности, однако пока не нашлось ни одного свидетеля, способного представить хоть какую-нибудь информацию.

Угроза возрождению монархии со стороны этих неизвестных была вполне реальной, Лорд тревожился за Майкла Торна. Но адвокат из Северной Каролины проявил незаурядное мужество. Он очаровал русских людей своей открытостью. И даже его американское происхождение восприняли как положительный фактор. Мировые лидеры выразили удовлетворение, что ядерную сверхдержаву предстояло возглавить человеку, имеющему трезвый взгляд на мир. Торн ясно дал понять, что он — Романов. В его жилах текла русская кровь, и он собирался восстановить контроль над страной, которой его семья правила на протяжении трехсот лет.

Торн объявил, что ему будет помогать кабинет министров. Назвав своим советником Семена Пашенко, он поручил главе «священного отряда» сформировать правительство. Кроме того, в ближайшее время должна быть избрана Государственная дума, которой

предстояло следить, чтобы монархия не была абсолютной. На первом месте должен стоять закон. Обновленная Россия входила в новое тысячелетие. Не могло быть и речи об изоляции от остального мира.

И вот сейчас этот человек сидел на алмазном троне, рядом — его жена, и оба, похоже, в полной мере сознавали ответственность, которая возлагалась на их плечи.

На церемонию коронации приехали английская королева, президент Соединенных Штатов, главы всех крупнейших государств.

Долго спорили о том, под каким именем должен короноваться новый царь, Михаил II или Михаил III. Брат Николая II Михаил вроде как правил один день, прежде чем отрекся от престола в свою очередь. Однако все споры разрешила Царская комиссия — она постановила, что Николай имел право отречься только от своего имени, но не от имени своего сына Алексея. Следовательно, после его отречения новым царем должен был стать его сын, а не брат. То есть право на русский престол сохранили только прямые потомки Николая. Майклу Торну, ближайшему наследнику по мужской линии, предстояло стать царем Михаилом II.

На следующий день после гибели Тейлора Хейеса друг Торна из Генеральной прокуратуры штата Северная Каролина вызвал в Дженезис представителя государственного департамента. Тот связался с послом России в Соединенных Штатах, и посол сразу же обратился в Царскую комиссию и доложил, что случилось за семь тысяч миль от Москвы. Второй тур голосования был отложен, чтобы дать возможность наследнику предстать перед комиссией, что и произошло три дня спустя, с большой торжественностью, при пристальном внимании всего мира.

Анализ ДНК однозначно подтвердил, что Майкл Торн — прямой потомок Николая II и Александры Федоровны. Его генетическая структура полностью совпадала со структурой Николая и даже содержала те мутации, которые были обнаружены в 1994 году при идентификации останков царя. Вероятность ошибки составила меньше тысячной доли процента.

И снова Распутин оказался прав. «Господь укажет способ быть уверенным в своей правоте».

Распутин был прав и в другой части предсказания. «Двенадцать человек должны будут умереть, прежде чем возрождение полностью завершится». Сначала четверо в Москве, включая Артемия Белого, затем милиционер на Красной площади и соратник Пашенко из «священного отряда», потом Иосиф и Василий Максимовы, помощник шерифа из Дженезиса и, наконец, Феликс Орлегов, Прищуренный и Тейлор Хейес. Цепочка из двенадцати трупов, протянувшаяся из России в Соединенные Штаты.

Но к этому списку нужно добавить еще одну жертву.

Алексея, шестилетнюю борзую.

Торн похоронил собаку на кладбище в нескольких шагах от тетки, убежденный, что она заслужила право навеки упокоиться вместе с Романовыми.

Пока Лорд предавался воспоминаниям, Майкл Торн поднялся с трона. Все остальные в соборе уже стояли. На Торне была парчовая мантия, которую возложили ему на плечи два часа назад в самом начале церемонии коронации. Расправив складки, Торн опустил на колени.

К нему приблизился патриарх Адриан.

В наступившей тишине Торн прочитал молитву.

Адриан помазал ему лоб святым елеем и принял присягу. В этом древнем здании, которое Романовы построили, долгое время оберегали и в конечном счете потеряли, новый представитель Романовых принял власть, украденную с насилием и кровью.

Патриарх медленно возложил на голову Торну золотую корону. После короткой молитвы новый царь встал и подошел к жене. Маргарет, в белой парчовой мантии, поднялась с трона и преклонила колени перед мужем. Торн снял корону, подержал ее на голове жены, снова надел на себя. Он подвел жену к трону, усадил ее и сел рядом.

К новому царю двинулись вереницей высокопоставленные российские сановники, присягая на верность: генералы, министры, два сына Торна и представители семейства Романовых, в том числе и Степан Бакланов.

Несостоявшийся царь избежал скандала, категорически отрицая свою причастность к заговору и предложив сомневающимся доказать обратное. Он заявил о полном неведении и повторил, что в случае избрания был бы справедливым правителем. Лорд посчитал этот ход очень ловким. Ну кто сможет обвинить Бакланова в предательстве? Разве что его собратья-заговорщики, а никто всерьез не верил, что они когда-нибудь подадут голос. Русские оценили искренность Бакланова, и он остался популярен в народе. Лорд не сомневался, что Бакланов был глубоко замешан в заговоре. Об этом прямо сказал Максим Зубарев. «Он по своей воле готов стать марионеткой». Лорд предложил открыто обвинить Бакланова, но Торн отверг эту мысль. И без того распрей было слишком много. Пусть это останется на совести бывшего претендента на престол. И Лорд согласился. Однако он до сих пор гадал, правильным ли было это решение.

Лорд оглянулся на Акулину. Та наблюдала за происходящим влажными глазами. Лорд ласково прикоснулся к ее руке. Молодая женщина выглядела ослепительно в перламутрово-голубом платье, отделанном золотом. Это платье достал для нее Торн, и Акулина была признательна ему за такую предусмотрительность.

Лорд и Акулина встретились взглядами. Она ответила на его прикосновение легким рукопожатием. В глазах женщины, которую он, похоже, полюбил, Лорд увидел привязанность и восхищение. Пока оба не знали, что будет дальше. Лорд вернулся в Россию, потому что Торн хотел, чтобы они с Акулиной были рядом. Лорду даже предложили стать личным советником. Хоть и американец, он был отмечен печатью прошлого. Он был Вороном. Тем самым, кто помог воскресить кровь Романовых. И поэтому его присутствие на этой церемонии, священной для каждого русского, было полностью оправданным.

Но Лорд до сих пор не решил, останется ли он в России. В компании «Придген и Вудворт» его ждало повышение. Должность главы международного отдела. Вместо Тейлора Хейеса. Это был бы скачок через головы других, но Лорд заслужил такую честь, его имя известно всему миру. Лорд много думал об этом, но его останавливала Акулина. Ему не хотелось расставаться с ней, а она жаждала работать вместе с Торном.

Церемония завершилась, и новый царь с супругой вышли из собора, облаченные, как Николай II и Александра Федоровна в 1896 году, в парчовые мантии, расшитые двуглавыми орлами Романовых.

Лорд и Акулина последовали за ними.

В лучах яркого солнца сияли позолоченные купола четырех соседних соборов. Стоящий у крыльца лимузин ждал царя и царицу, но Торн отказался. Сняв мантию, он повел свою жену по брусчатой мостовой к северо-западной стене Кремля. Лорд и Акулина сопровождали их, и Лорд обратил внимание на восторженное возбуждение, которым

светилось лицо Торна. И сам он, вдыхая чистый воздух, чувствовал прилив сил и радовался возрождению древнего государства. Кремлю предстояло снова стать резиденцией царя — «оплотом страны», как выразился Торн.

У основания северо-западной стены была возведена деревянная лестница высотой шестьдесят футов, ведущая на самый верх. Царь и царица медленно поднимались по ней, Лорд и Акулина двигались следом. Внизу раскинулась Красная площадь. Место, где когда-то стояли мавзолей Ленина и трибуны для почетных гостей, теперь было вымощено брусчаткой. Снести мавзолей приказал Торн. Величественные серебристые ели остались, но могил советских лидеров больше не было. Останки Свердлова, Брежнева, Калинина и других выкопали и перезахоронили. Всех, кроме Юрия Гагарина. Первый человек, побывавший в космосе, заслужил это почетное место. За ним последуют и другие достойные люди, прославившие свою родину.

Торн и его жена прошли на платформу у самых зубцов, поднявшую их над стеной. Разгладив складки на костюме, Торн обернулся.

— Отец много рассказывал об этом моменте. О том, что я буду чувствовать. Надеюсь, я достоин этой чести.

— Достойн, — заверил его Лорд.

Шагнув к Торну, Акулина заключила его в крепкие объятия. Тот ответил ей тем же.

— Спасибо, дорогая. В старину тебя немедленно казнили бы. Вот так вот прилюдно трогать помазанника Божьего!

С улыбкой он повернулся к жене.

— Ты готова?

Маргарет кивнула, но от Лорда не укрылась тревога в ее глазах. И кто мог ее обвинить? Сейчас должно быть исправлено зло, совершенное десятилетия назад. Предстояло примирение с прошлым. И Лорд тоже решил помириться со своей совестью. Вернувшись домой, он обязательно навестит могилу отца. Пришла пора проститься с Гровером Лордом. Акулина была права, когда сказала, что он унаследовал от отца больше, чем сознавал сам. Именно Гровер Лорд сделал его таким, каким он стал. Не своим примером, а ошибками. И все же мать горячо любила этого человека и будет любить его до конца жизни. Быть может, пришло время перестать его ненавидеть.

Торн с женой поднялись по трем ступеням на деревянную платформу.

Лорд и Акулина подошли к зубцам.

Под Кремлевской стеной покуда хватало глаз простиралось людское море. По оценкам журналистов, собралось больше двух миллионов. Люди стекались в Москву нескончаемым потоком несколько дней. Во времена Николая II коронацию отмечали бы помпезными празднествами и балами. Но Торн ничего этого не хотел. Разоренная страна не могла позволить себе подобную роскошь. Поэтому он приказал возвести эту платформу, на которой ему предстояло появиться ровно в полдень. Лорд отметил пунктуальность нового царя, поднявшегося на последнюю ступень точно с первым перезвоном курантов на Спасской башне.

Из громкоговорителей, установленных по всей Красной площади, разнесся голос, произносящий слова, которые, несомненно, отзывались по всей стране. Общее воодушевление заразило и Лорда. Его глубоко тронул клич, столетиями объединявший русских людей. Три простых слова, снова и снова звучавшие из динамиков. Незаметно для себя самого Лорд тоже начал беззвучно шептать эти слова, и его глаза увлажнились.

Да здравствует царь!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

ЗАМЕЧАНИЯ АВТОРА

Замысел этого романа возник у меня во время экскурсии по Московскому Кремлю. Я хотел, чтобы все сведения, упоминаемые в книге, полностью соответствовали действительности, как это было с моим первым романом «Проклятие Янтарной комнаты». Тема Николая II и его семьи очень волнующая. Во многих отношениях правда об их трагической судьбе значительно ярче любого вымысла. Начиная с 1991 года, когда останки членов семьи были извлечены из безымянной могилы, не утихают споры о том, чьи именно тела так и не были обнаружены. Вначале один российский специалист, исследовав кости черепа и сопоставляя их с фотографиями, пришел к заключению, что в могиле не было останков Марии и Алексея. Затем американский эксперт изучил образцы зубов и челюстей и пришел к выводу, что не хватает тел Алексея и Анастасии. Я остановил свой выбор на Анастасии просто потому, что с ее судьбой связано много легенд и домыслов.

Еще несколько моментов.

В России действительно существует монархическое движение, как это описано в главе 21, однако никакого «священного отряда» в настоящее время нет. Это всецело моя фантазия. Русские увлечены понятием «национальной идеи» (глава 9), идеологии, призванной сплотить весь народ. Концепция, упоминаемая в данной книге, предложена мной. Она очень проста: Бог, царь и Отечество. Кроме того, у русских есть страсть ко всякого рода комиссиям. Коллективное принятие решений по важным вопросам — широко распространенная практика. Поэтому я посчитал естественным, что нового царя должны были избирать именно так.

Исторические экскурсии (главы 5, 26, 27, 43 и 44), в которых описано, что происходило во время расправы над Романовыми, в том числе и странный способ захоронения трупов, основаны на фактах. Я постарался воссоздать все эти события в точности так, как о них рассказывали их участники. Однако эта задача усложнялась многочисленными противоречиями в воспоминаниях. Разумеется, спасение и бегство Алексея и Анастасии полностью сочинены мною.

Письмо Александры Федоровны (глава 6) является вымышленным, но некоторые фразы дословно взяты из ее переписки с Николаем. Отношения между царем и его супругой действительно были основаны на любви и страсти.

Свидетельство вымышленного охранника «дома особого назначения» в Екатеринбурге, приведенное в главе 13, составлено на основе реальных документов.

Предсказания Распутина переданы достоверно, за исключением дополнения о «возрождении Романовых», добавленного мною. Но следует заметить, что до сих пор остается спорным, действительно ли эти пророчества были высказаны Распутиным при жизни, или же после его гибели их сфабриковала его дочь. Распутин умел справляться с приступами гемофилии у цесаревича — события, описанные в прологе, основаны на свидетельствах очевидцев.

Все сведения о Феликсе Юсупове соответствуют истине, за исключением его участия в спасении Алексея и Анастасии. Увы, в отличие от моего Юсупова, показавшего себя человеком достойным и честным, настоящий Юсупов так и не осознал того, какой роковой ошибкой явилось убийство Распутина, навлекшее страшные беды на царскую семью.

Яков Юровский, зловецкий большевик, убивший Николая II, изображен точно; во многих

местах использованы его подлинные слова.

Все, что сказано о работе Карла Фаберже, соответствует действительности, кроме копии пасхального яйца «Ландыши». Трудно было устоять перед соблазном добавить этот момент. Замечательный шедевр ювелирного искусства показался мне самым подходящим тайником для фотографий спасшихся наследников престола.

Императорское дерево (павловния войлочная), подробно описанное в главах 40 и 42, широко распространено в западной части штата Северная Каролина. Его связь с российской императорской семьей также соответствует истине. И очаровательный Голубой хребет стал второй родиной для многих русских изгнанников, поскольку (как это верно замечает Акулина в главе 42) во многих отношениях этот регион похож на отдельные районы Сибири.

Борзые (русские гончие), играющие такую важную роль в книге (главы 46, 47, 49 и 50), — порода умных, подвижных собак, высоко ценимых русскими дворянами.

Необходимо четко отметить, что Николая II ни в коей мере нельзя считать милостивым и справедливым правителем. Критические замечания, которые высказывает о нем Майлз Лорд в главе 23, соответствуют действительности. Но в то же время судьба семьи Романовых в высшей степени трагична. Все случаи расправы с членами дома Романовых, описанные в книге, имели место на самом деле. Большевики действительно постарались целенаправленно истребить всю эту генетическую линию. И Сталин на самом деле панически боялся Романовых и засекретил все архивы, имеющие к ним отношение (главы 22, 23 и 30). Так что, выдумав возрождение Романовых, я постарался хоть как-то придать счастливый конец их трагической судьбе. Однако, к сожалению, истинная судьба Николая II, его супруги и трех дочерей совсем не романтична. Как это подробно описано в главе 44, после того как в 1991 году останки членов царской семьи были извлечены из могилы, они больше семи лет оставались на полке в лаборатории, пока два города, Екатеринбург и Санкт-Петербург, спорили по поводу того, где они должны покоиться. В конце концов очередная комиссия, которыми так печально славится Россия, остановила выбор на Петербурге, и Романовы с царскими почестями были похоронены рядом со своими предками.

Они были похоронены вместе. Что, вероятно, и к лучшему, поскольку все историки сходятся в том, что при жизни они были тесной, любящей семьей.

Так пусть же таковой они останутся и после смерти.

notes

Университет Эмори — частное высшее учебное заведение в пригороде Атланты, один из лучших университетов штата Джорджия. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных, прим. перев.).

Кольридж С. Т. Могила рыцаря. Перевод А. Дерябина. (Прим. ред.).

Уокер Джеймс Джон — американский политик-демократ, в конце двадцатых — начале тридцатых годов был мэром Нью-Йорка, пользовался большой популярностью, но затем вынужден был уйти в отставку по обвинению в коррупции. Таммани-холл — в конце XIX — начале XX веков штаб-квартира Демократической партии, по сути дела, политический клуб, в котором боссы партии закулисно вершили ее дела.

Сэвил-роу — улица в Лондоне, где находятся ателье дорогих мужских портных.

Хоффа Джеймс Риддл — американский профсоюзный деятель, обвинялся в связях с преступным миром. В 1975 году бесследно исчез и считается убитым.

Бернетт Кэрол — американская комедийная актриса, прославилась ролями в легкомысленных телесериалах.

«Книга у залива», «скала-труба», «кедровая гора» (англ.).

Genesis — Бытие (англ.).

Thorn — шип (англ.).

«Ротери-клуб» — местное отделение «Ротери интернешнл», общественной организации, объединяющей влиятельных представителей деловых кругов. Организация ставит своей целью укрепление международного мира, сотрудничества и взаимопонимания между странами, пропаганду высоких морально-этических норм в предпринимательской деятельности.

Вероятно, автор имеет в виду трон Ивана IV Грозного, изготовленный в XVI веке западными мастерами.

В действительности эти слова в споре с католиками и униатами произнес старец Филофей, советник царя.